

ВЕДЬМАК

АНДЖЕЙ САПКОВСКИЙ



ДОРОГА БЕЗ
ВОЗВРАТА

Легендарные фантастические сериалы

Анджей Сапковский

Дорога без возврата (сборник)

«АСТ»

1988-2001

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44

Сапковский А.

Дорога без возврата (сборник) / А. Сапковский — «АСТ»,
1988-2001 — (Легендарные фантастические сериалы)

ISBN 978-5-17-092378-6

Сборник малой прозы от Анджея Сапковского! «Дорога без возврата», «Что-то кончается, что-то начинается» – маленькие шедевры, снова переносящие нас в мир Геральта и Цири, Лютика и Йеннифер. А еще «Бестиарий» – описание всех диковинных и опасных тварей, с которыми Геральт встречался в своих странствиях, и других страшилищ, с которыми ему встретиться не довелось. А еще остроумные «Музыканты» и «Золотой полдень», которые по-новому рассказывают знакомые с детства истории Алисы из Страны чудес и бременских музыкантов. А еще «Вареник, или Нет золота в Серых Горах» – блестящее, полное сарказма послание собратьям по писательскому цеху, не в меру увлекающимся переносом западных фэнтезийных штампов на славянскую почву.

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-17-092378-6

© Сапковский А., 1988-2001
© АСТ, 1988-2001

Содержание

Дорога без возврата[1]	9
Что-то кончается, что-то начинается[2]	31
Музыканты[4]	48
Золотой полдень[5]	69
Maladie[46]	88
Бестиарий	113
Бестиарий Сапковского	113
Амфиптерий (Amfipterus)	115
Амфисбена (Amfisbena)	116
Аспид (Aspis)	117
Ассида	118
Берникловое дерево	119
Богун упас (Bohun upas)	120
Боканон	121
Бочан или бочек	122
Василиск	123
Водные существа	124
Гадюка (Vipera)	125
Гаргулец (Рыгач)	126
Гарпия (Harpia)	127
Гидра (Hidra)	128
Гиена (Hyena)	129
Гиппогриф (Hippogryf)	130
Гиппокамп (Hippocampus)	131
Гиппоцерв (Hippocervus)	132
Гриф или иног	133
Дипса (Dipsa)	134
Змеи	135
Идрус	136
Иног	137
Каладрий	138
Камелопард (Camelopardus)	139
Катоблепос	140
Кокатрикс, или Куролиск	141
Котище	142
Кот морской	143
Крокодил (Cacodrillus)	144
Лев (Leo)	145
Левкрокота (Leucrocota)	146
ЛИС	147
Мантикора	148
Моноцер (Monocerus)	149
Муравьи	150
Мурена (Murena)	151
Мыши	152
Онокентавр (Onocentaurus)	153

Перинден	154
Перитон	155
Саламандра	156
Скорпион (Scorpios)	157
Сциталус (Scytalus)	158
Угорь	159
Феникс (Phoenix)	160
Щука (щупак, щубель)	161
Эхена (Echena[64])	162
Яконий (Jaconius)	163
Якул (Jaculus)	164
Янтарная рыба	165
А теперь еще один словарь, или Создания света, мрака, полумрака и тьмы	166
А	166
Анку (Ankou)	166
Б	167
Баба-яга	167
Банник	167
Баньши (Bean Sidhe, а вернее Beansi)	168
Брауни (Brownie)	168
Бродяжки (Urchini – англ.)	169
Бруколак (Brucolakas)	169
Брукса (Bruksa)	170
В	170
Вампир	170
Виверн (Wyvern)	171
Водники пресных вод	172
Волколак	173
Г	174
Гаруда	174
Гном	174
Гоблин (Goblin)	175
Голем	175
Гремлин (Gremlin)	176
Гуль (Ghul)	177
Д	177
Даоин ши (Daoine Sidhe)	177
Джинн	178
Дикий гон, Дикая Охота	178
Доппельгангер (Doppelgänger)	179
Дракон	180
Драу (Drow)	181
Дыбук (Dybuk)	182
Е	182
Единорог (Unicornus)	182
З	184
Зверь рыкающий	184
Змей горыныч	184

	Зомби (Zombie)	185
И		186
	Инкубы и суккубы (Incubus и Succubus)	186
К		187
	Кикимора	187
	Кильмулис (Kilmulis)	187
	Клабатер (Klabautermann)	187
	Кларихун (Klurikaun)	188
	Коблинау (Coblynau)	188
	Корриган (Korrigan, правильное C'horrigan)	188
	Кошмары (Zmory – польск. – mary, mury, moraw)	189
	Кошей бессмертный	189
	Кракен	190
	Краснолюд (карлик, гномик)	190
	Кэльпи (Kelpie)	191
Л		191
	Ламия (Lamia)	191
	Левиафан (Leviathan)	192
	Лемур – См. ламия.	192
	Лепрехун (Leprechaun)	193
	Леший, или Лесовик	193
	Лианан ши (Leanan Sidhe)	193
	Линдвурм (Lindwurm), или Линдорм	194
	Лламигин-и-дор (Llamhigyn y Dwr)	194
М		195
	Марид – См. джинн.	195
О		195
	Огр (Ogr)	195
	Орк (Ork)	195
П		196
	Пикси (или писки)	196
	Подменыш (changeling, Wechselbalg)	196
	Полтергейст (Poltergeist)	197
	Пэк (puck)	197
Р		197
	Ревенант (Revenant)	197
	Робин Гудфеллоу (Robin Goodfellow)	198
	Рок (рук или, в соответствии с новыми переводами «Сказок тысячи и одной ночи» – Рух (или рухх))	199
	Русалка	199
	Рэдкэп (Redcap)	200
С		201
	Свитезянки	201
	Сирены	202
	Стрыга (Stryga)	203
	Сфинкс (Sphynx)	204
Т		204
	Татцельвурм (Tatzelwurm)	204
	Тилвит тег (Tylwith Teg)	204

	Тролли	205
Ф		205
	Феи (Fairies)	205
	Фейре (Faerie)	206
Х		206
	Хоббит (Hobbit)	206
Ч		207
	Чернобог	207
Ш		207
	Шелки (selkies или silkies)	207
Э		208
	Эльфы	208
	Кенсингтонский парк[110]	209
	Пособие для начинающих авторов фэнтези[116]	211
	Вареник, или Нет золота в серых горах[118]	215
	Комментарии	

Анджей Сапковский

Дорога без возврата (сборник)

Andrzej Sapkowski

DROGA, Z KTOREJ SIE NIE WRACA

Печатается с разрешения автора и его литературных агентов, Nowa Publishers (Польша) и Агентства Александра Корженевского (Россия).

© Andrzej Sapkowski, 1988, 1990, 1992, 1993, 1994, 1995, 2001

© Перевод. Е. П. Вайсброт, наследники, 2015

© Перевод. Г. Г. Мурадян, Е. А. Барзова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

Дорога без возврата¹

1

Сидевшая на плече у Висенны птица что-то проскрипела, взмахнула пестрыми крыльями и, шумно взлетев, порхнула в заросли. Висенна придержала коня, прислушалась, потом осторожно двинулась вдоль лесной дорожки.

Мужчина сидел, привалившись спиной к столбу, вкопанному на развилке, и, казалось, спал. Однако, подъехав ближе, Висенна увидела, что глаза у него открыты. К тому же он был ранен. Сделанная наспех повязка на левом плече и предплечье пропиталась еще не успевшей почернеть кровью.

– Привет, парень, – проговорил раненый, выплевывая длинный стебелек. – Далеко ли путь держишь, позволь спросить?

Висенне не понравилось, что ее назвали «парнем», и она, откинув с головы капюшон, ответила:

– Спросить-то можно, да откуда вдруг такое любопытство?

– Простите, госпожа, – прищурился мужчина. – На вас мужская одежда. А что до любопытства, так оно оттуда, что развилка-то это не простой. Случилось тут со мной... любопытное приключение...

– Вижу, – прервала Висенна, глядя на полускрытое папоротниками, неестественно скрючившееся тело шагах в десяти от столба.

Мужчина проследил за ее взглядом. Потом их глаза встретились. Висенна, как бы откидывая волосы со лба, коснулась диадемы, прикрытой перевязкой из змеиной шкурки.

– Угу, – спокойно сказал раненый. – Покойник. Острые у вас глаза. Небось считаете меня разбойником, верно?

– Неверно, – сказала Висенна, не отнимая руки от диадемы.

– А... – вздохнул мужчина. – Ну да... Но...

– Твоя рана кровоточит.

– У большинства ран такое странное свойство – кровоточить, – усмехнулся раненый. У него были красивые зубы.

– Если перебинтовать одной рукой, кровоточить будет долго.

– Неужто хотите благодетельствовать меня своей помощью?

Висенна прыгнула с коня, прочертив каблуком мягкую землю.

– Меня зовут Висенна, – сказала она. – Я не привыкла благодетельствовать. Кроме того, не терплю, когда ко мне обращаются во множественном числе. Встать можешь?

– Могу. А надо?

– Нет.

– Висенна, – сказал мужчина, слегка приподнявшись, чтобы позволить ей развернуть повязку. – Красивое имя. Тебе кто-нибудь уже говорил, Висенна, что у тебя прекрасные волосы? Такой цвет называется медным, верно?

– Нет. Рыжим.

– Ага. Когда закончишь, подарю букет люпинов, вон тех, что растут во рву. А пока перевязываешь, расскажу, чтобы убить время, что со мной приключилось. Я, видишь ли, при-

¹ Droga Bez Powrotu. Перевод с польского Е. П. Вайсброта.

шел той же дорогой, что и ты. Гляжу – на развилке столб. Вот этот самый. На столбе доска. Эй, больно.

– У большинства ран такое странное свойство – болеть. – Висенна оторвала последний слой полотна, даже не стараясь делать это мягко.

– Верно, забыл. О чем это я... Ах да. Подхожу, смотрю – на доске надпись. Каракули какие-то. Я когда-то знал лучника, который ухитрялся, прости, написать на снегу буковки покрасивше. Читаю... А это что такое, мазель? Что за камушек? А, черт побери... Такого мне видеть не доводилось.

Висенна медленно провела вдоль раны гематитом. Кровотечение тут же прекратилось. Прикрыв глаза, она схватила плечо мужчины обеими руками, крепко прижала края раны. Отняла руки – ткань срослась, осталось утолщение и пурпурная полоска.

Мужчина молчал, внимательно глядя на нее. Потом осторожно помассировал плечо, потер шрам, покрутил головой. Натянул окровавленный кусок рубашки и куртку, встал, поднял с земли меч на поясе, скрепленном застежкой в виде драконьей головы, кошель и фляжку.

– Да, повезло, что называется, – сказал он, не сводя с Висенны глаз. – Целительница в самой гуще леса, на слиянии Ины и Яруги, где скорее встретишь вурдалака или, что того хуже, пьяного в дымину лесоруба. Как насчет платы за лечение? У меня, понимаешь, временные трудности с наличными. Букета из люпинов хватит?

Висенна пропустила замечание мимо ушей. Подошла ближе к столбу, подняла голову – доска была прибита на высоте глаз мужчины.

– «Ты, который пришел с запада, – прочла она громко. – Налево пойдешь – вернешься. Направо пойдешь – вернешься. Прямо пойдешь – не вернешься». Глупости какие-то.

– То же самое подумал и я, – согласился мужчина, отряхивая с колен хвою. – Я знаю эти места. Прямо, то есть на восток, – дорога к перевалу Клатат, на купеческий тракт. И почему бы оттуда нельзя вернуться? Такие, что ль, шикарные девочки, только и ждущие, чтобы мужа заарканить? Или самогон дешевый? А может, освободилось место ипата?

– Отклоняешься от темы, Корин.

Мужчина раскрыл рот:

– Откуда ты знаешь, что меня зовут Корин?

– Сам только что сказал. Продолжай.

– Да? – Мужчина подозрительно глянул на нее. – Серьезно? Ну, возможно... Так на чем я остановился? Ага. Читаю, стало быть, и удивляюсь, какой баран придумал такую надпись. Вдруг слышу, кто-то бормочет и ворчит у меня за спиной. Оглядываюсь – бабулька, седенькая, горбатенькая. Ясное дело – с клюкой, а как же. Я ее этак вежливенько спрашиваю, что, мол, с ней? Она бормочет: «Отошпала я, лыцарь благородный, с зари росинки маковой на зубок не брала». Проверяю, и верно, у бабки только один зубок остался. Растрогался я жуть как, ну, вынимаю из кошелька хлеба краюшку, половинку вяленого леща, которого получил у рыбаков на Яруге, и даю, значит, старушенции. Она садится, мусолит рыбку, покряхтывает, косточки выплевывает. А я продолжаю рассматривать этот чудной дорожный указатель. Вдруг бабка и говорит: «Добрый ты, лыцареныш, пособил мне, награда тебя не минует». Хотел я ей сказать, куда она может засунуть свою награду, а бабка снова: «Подойди, сынок, я тебе кой-чего на ушко шепну, важную тайну открою, как многих добрых людей от несчастья упасти, славы добиться и богатство обрести».

Висенна вздохнула, присела рядом с раненым. Нравился он ей, высокий, светловолосый, с продолговатым лицом и выдающимся вперед подбородком. Не несло от него, как обычно от мужиков, с которыми она встречалась. Она тут же отогнала назойливую мысль о том, что уж слишком долго мотается в одиночку по лесам да трактам. Мужчина продолжал:

– Ну, думаю, классический случай. Если у бабки нет склероза, а все шарики-бобики на местах, то, может, и будет с того прок для бедного солдатики. Наклоняюсь, подставляю ухо,

словно дурак какой. И если б не моя реакция, получил бы прямо в кадык. Я отскочил, кровь бьет из плеча, как из дворцового фонтана, а бабка лезет с ножом, воет, слюной брызжет. Я все еще не соображал, что дело-то серьезное. Пошел на нее вплотную, чтобы лишить преимущества, и тут чую, никакая это не старуха. Груды твердые как камень...

Корин глянул на Висенну, чтобы проверить, не покраснела ли она. Висенна слушала с выражением вежливой заинтересованности на лице.

– Да... Ну, думаю, повалю ее, нож отниму, да куда там! Она сильная, как рысь. Чую, не удержать мне ее руки с ножом. Что делать? Оттолкнул я ее, хватъ меч... она напоролась сама.

Висенна сидела молча, положив руку на лоб, и задумчиво потирала змеиную перевязку.

– Слушай, Висенна! Я говорю как было. Знаю, что женщина, и чую себя неловко, но провалиться мне, если это была нормальная женщина. Как только она упала, тут же изменилась. Помолодела.

– Иллюзия.

– Что-что?

– Ничего. – Висенна встала, подошла к труп, лежащему в папоротниках.

– Только погляди. – Корин встал рядом. – Баба – что твой статуя в дворцовом фонтане. А была сгорбленная и сморщенная, ровно зад столетней коровы. Чтоб меня...

– Корин, – прервала Висенна. – У тебя нервы крепкие?

– Э? А при чем тут нервы? Ну, вполне, если тебя это интересует. Не жалуюсь.

Висенна сняла перевязку со лба. Драгоценный камень в диадеме полыхнул молочно-белым пламенем. Висенна встала над трупом, протянула руку, закрыла глаза, прошептала что-то непонятное. Потом резко крикнула:

– Grealghane!

Папоротники зашевелились. Корин отскочил, выхватил меч и замер в оборонительной позиции. Труп задрожал.

– Grealghane! Говори!

– Ааааааа! – вырвался из папоротников нарастающий хриплый рев.

Труп выгнулся дугой, чуть ли не взлетел, касаясь земли пятками и макушкой. Рев утих, стал прерывистым, перешел в горловое бормотанье, стоны и вопли, постепенно набиравшие силу, но совершенно непонятные. Корин почувствовал, как по спине потекла холодная струйка пота, щекочущая, словно ползущая гусеница. Сжав кулаки, чтобы сдержать дрожь в предплечьях, он всей силой воли боролся с непреодолимым желанием сбежать в глубь леса.

– Огг... ннн... ннгррр... – пробормотал труп, раздирая землю ногтями и пуская кровавые пузыри, лопающиеся на губах. – Нарррр... еееггг...

– Говори!

Из протянутых рук Висенны сочился мутноватый поток света, в котором кружилась и клубилась пыль. Из папоротников взметнулись сухие листики и травинки. Труп захлебнулся, захлюпал и вдруг заговорил, совершенно четко:

– ...развилке, в шести верстах от Ключа к югу... Не больше... По... Посылал. Кругу. Парня. Веее... гтг... лел. Велел.

– Кто? – крикнула Висенна. – Кто велел? Говори!

– Пфф... ррр... генал. Все записи, письма, амулеты. Коль... ца...

– Говори!

– ...еревале. Костец. Фре... наль. Забрать письма. Перг... гаменты. Он придет с мааааа! Ээээээ! Ннныыыы!!!

Голос задрожал, бормотание утонуло в диком вое. Корин не выдержал, бросил меч, зажмурился и, зажав уши руками, стоял так, пока не почувствовал прикосновение к плечу. Вздрогнул всем телом.

– Конеч, – сказала Висенна, отирая пот со лба. – Я тебя спрашивала, как у тебя с нервами.

– Ну и денек! – с трудом проговорил Корин. Поднял с земли меч, сунул в ножны, стараясь не глядеть на уже неподвижное тело. – Висенна?

– Слушаю.

– Пошли отсюда. Подальше от этого места.

2

Они ехали вдвоем на коне Висенны по просеке, заросшей и изрытой выбоинами и колдобинами. Девушка впереди, в седле, Корин, без седла, сзади, обхватив ее за талию. Висенна уже давно привыкла не смущаясь принимать выпадавшие ей время от времени мелкие радости, даримые судьбой, поэтому с удовольствием упиралась спиной в грудь мужчины. Оба молчали.

– Висенна, – почти через час первым решился Корин.

– Слушаю.

– Ты не только целительница. Ты из Круга?

– Да.

– Судя по тому... представлению – магистр?

– Да.

Корин отпустил ее талию и ухватился за заднюю луку седла. Висенна гневно прищурилась. Конечно, он этого видеть не мог.

– Висенна.

– Слушаю.

– Ты что-нибудь поняла из того, что она... оно... говорило?

– Немного.

Снова помолчали. Пестрокрылая птица, порхающая над ними в кронах, громко застрекотала.

– Висенна?

– Корин, будь любезен...

– А?

– Перестань болтать. Мне надо подумать.

Просека вела прямо вниз, в долину, в русло неглубокого ручья, лениво бегущего среди камней и черных стволов в пронизывающем все запахе мяты и крапивы. Конь скользил по камням, покрытым слоем ила и глины. Корин, чтобы не упасть, снова ухватился за талию Висенны, отгоняя при этом назойливую мысль о том, что слишком уж долго он мотается в одиночку по лесам и трактам.

3

Селение было типичной деревней об одной улице, тянувшейся по склону горы вдоль тракта, – соломенной, деревянной и грязной, присевшей за кривыми заборчиками. Когда они подъехали, собаки подняли лаеж. Конь Висенны спокойно шел по середине улицы-дороги, не обращая внимания на выходивших из себя дворняг, вытягивающих истекающие пеной морды к его ногам.

Сначала не было видно никого. Потом из-за заборов, с тропинок, ведущих на гумна, появились обитатели – босые и угрюмые, вооруженные вилами, жердями и цепями. Кто-то наклонился, поднял камень.

Висенна придержала коня. Подняла руку – Корин увидел маленький золотой серповидный ножичек.

– Я – целительница, – проговорила девушка четко и звучно, хоть совсем негромко.

Кметы опустили оружие, зашептались, переглянулись. Их становилось все больше. Несколько ближайших стянули шапки.

– Как называется ваше село?

– Ключ, – долетело из толпы после минутной тишины.

– Кто над вами старший?

– Топин, милсдарыня. Вон та хата.

Прежде чем они двинулись, через строй кметов пробилась женщина с грудничком на руке.

– Госпожа... – робко прошептала она, прикасаясь к ноге Висенны. – Дочка... Вся прямо таки пылает...

Висенна соскочила с седла, коснулась головки ребенка, прикрыла глаза.

– Завтра выздоровеет. Не укутывай так тепло.

– Благодарствую, милостивая государыня... Стократ...

Топин, солтыс, был уже на дворе и в этот момент размышлял, что делать с вилами, которые держал наготове. Наконец сбросил ими со ступеней куриный помет.

– Прощения просим, – сказал он, отставляя вилы к стене хаты. – Госпожа и вы, уважаемый. Время такое неверное... Прошу входить. Приглашаю перекусить.

Вошли.

Солтысиха, таская за собой двух вцепившихся в юбку белокурых девчушек, подала яичницу, хлеб, простоквашу и скрылась в другой комнате. Висенна в отличие от Корины ела мало, сидела задумчивая и тихая. Топин вращал глазами, то и дело чесался и не переставая болтал:

– Время, грю, неверное. Неверное, грю. Беда нам, уважаемые. Мы овец на шерсть разводим, на продажу, сталбыть, шерсть-то, а ныне купцов нету, приходится изводить стада, рунных овец бьем, чтоб было чего в горшок бросить. Ране-то купцы за ясписом да по камень зеленый ходили в Амелль за перевал, тама, значит, копи лежат. Тама яспис-то добывали. А как шли купцы-то, значить, и шерсть брали, платили, разное добро оставляли. Нету, грю, ноне купцов. Дажить соли нету, что приколем, в три дни съесть надеть, чтоб не попортилося.

– Обходят вас караваны? Почему? – Висенна то и дело задумчиво трогала перевязку на лбу.

– Ага, обходят, – буркнул Топин. – Закрыта дорога на Амелль-то, на перевале уселся проклятуший костец, живой души не пропустит. Ну, дык как же туды купцам-то идтить? На смерть?

Корин замер с ложкой в воздухе.

– Костец? Что за штука – костец?

– А я знаю? Говорят, костец, людоедец. На перевале, грю, вроде бы сидит.

– И не пропускает караваны?

Топин посмотрел на стены.

– Токмо некоторые. Говорят, своих. Своих, мол, пропускает.

Висенна наморщила лоб:

– То есть как – своих?

– Ну, своих, значить, – проворчал Топин и побледнел. – Людишкам из Амелли ишшо хуже, чем нам. Нас-то хоша лес малость кормит. А тамошние на голом камне сидят и токмо то и имеют, что им костецы за яспис продают. По-разбойничьи за каждое добро платить велят, а чего им, из Амелли-то, делать? Яспис жрать не станешь?

– Что за «костецы»? Люди?

– И люди, и враны, и еще ктой-то. Разбойники это, госпожа. Они в Амелль возят то, что у нас забирают. По селам, бывалотко, грабили, девок портили, а кто противится, убивали, разоряли людишек. Разбойники. Одно слово – костецы.

– Сколько их? – спросил Корин.

– Кто считал, милсдарь? Села-то мы охраняем, кучкой держимся. А толку? Ночью налетят, подожгут. Уж лучше дать, чего хотят. Потому как говорят...

Топин побледнел еще больше, задрожал всем телом.

– Что говорят, Топин?

– Говорят, мол, костец, ежели его разозлить, слезет с перевалу-то и пойдет на нас, в долины.

Висенна резко поднялась. Лицо у нее изменилось. Корины проняла дрожь.

– Топин, – сказала чародейка. – Где тут ближайшая кузница? Конь мой подкову на тракте потерял.

– Дале за селом, под лесом. Тамотка и кузня есть, и конюшня.

– Хорошо. А теперь иди спрашивай, где кто больной или раненый.

– Благодарности вам, добродейка, благодарности.

– Висенна, – проговорил Корин, как только за Топином закрылась дверь. – У твоего коня все подковы в порядке.

Друидка повернулась, молча глянула на него.

– Яспис – это, конечно, яшма, а зеленый камень – жадеит, которым славятся амелльские копи, – продолжил Корин. – Но в Амелль можно попасть только через Камлат, перевал. Дорогой, с которой нет возврата. Что там болтала покойница на развилке? Почему хотела меня укокошить?

Висенна не ответила.

– Молчишь? Не беда. И так все потихонечку проясняется. Бабулечка с развилки ждала кого-то, кто остановится перед дурной надписью, запрещающей дальнейший путь на восток. Это было первое испытание – умеет ли путник читать. Потом бабка еще раз удостоверилась – ну, кто же, как не добрый самаритянин из друидского Круга, поможет в наши времена голодной старушке? Любой другой, даю голову на отсечение, еще и посошок отнимет. Хитрющая бабенция продолжает «проверку», начинает болтать о несчастных людях, нуждающихся в помощи. Путник, вместо того чтобы попотчевать ее пинком и непотребным словом, как сделал бы обычный, серый житель здешних мест, напряженно слушает. Да, думает бабка, это он. Друид, который намерен расправиться с бандой, терроризирующей округу. А поскольку она, несомненно, послана этой самой бандой, то хватается за нож. Ха! Висенна! Ну не умен ли я?

Висенна не ответила. Она стояла, повернув голову к окну. Видела – полупрозрачные пленки из рыбьих пузырей не были для нее помехой – пестрокрылую птицу, сидящую на вишневом кусте.

– Висенна?

– Слушаю, Корин.

– Что такое «костец»?

– Корин, – глянув на него, резко сказала Висенна, – зачем ты лезешь не в свои дела?

– Послушай. – Корин несколько не обиделся. – Я уже и так влез в твои, как ты говоришь, дела. Так уж получилось, что меня хотели зарезать вместо тебя.

– Случайно.

– Я думал, чародеи верят не в случайности, а только в магическое притяжение, сочетание событий, стечение обстоятельств и всякое такое прочее. Погляди, Висенна, что творится: мы едем на одном коне. Давай, смеха ради, продолжим это. Предлагаю тебе помощь в том деле, о цели которого догадываюсь. Отказ буду считать признаком зазнайства. Мне говорили, что вы, в Круге, сильно недооцениваете простых смертных.

– Вранье.

– Все чудесно складывается. – Корин ухмыльнулся. – Посему не будем терять времени. Едем в кузню.

4

Микула крепче ухватил прут клещами и пошебуршил им в углях.

– Дуй, Чоп! – приказал он.

Подмастерье повис на рычаге мехов. Его пухлая физиономия блестела от пота. Хоть двери и были широко распахнуты, в кузнице стояла невыносимая жара. Микула перенес прут на наковальню, несколькими сильными ударами молота расплющил конец.

Колесник Радим, сидевший на неошкуренном стволе березы, тоже потел. Расстегнул сермягу и вытащил из штанов рубаху.

– Хорошо вам говорить, Микула, – сказал он. – Для вас драка в новость. Каждый знает, что вы не всю жизнь в кузне ковали. Говорят, ране-то лбы плющили, не железо.

– Стало быть, радоваться должны, что у вас такой в селе есть, – бросил кузнец. – Повторяю: не стану я больше им в пояс кланяться. И вкалывать на них. Не пойдете со мной – пойду один, либо с такими, у которых кровь, а не бурда домашняя в жилах течет. В лесу затаимся, станем их по одному брать – кого поймаем? Ну, сколько их там? Тридцать? А может, и того нет. А сел по нашей стороне перевала сколько? Наддай, Чоп!

– Я уж и так наддаю!

– Сильней!

Молот звенел по наковальне, – ритмично, чуть ли не мелодично. Чоп жал на рычаг. Радим высморкался в пальцы, вытер руку о голенище.

– Хорошо вам говорить, – снова начал он. – А из Ключа-то сколько пойдет?

Кузнец опустил молот. Помолчал.

– То-то и оно, – сказал колесник. – Никто не пойдет.

– Ключ – село малое. Вы хотели порасспрашивать в Пороге и Качане.

– Спрашивал. Я ж вам говорил, как там, мол, что нам враны да оборотцы, этих мы на вилы взраз подыдем, а ежели кость на нас двинет? В лес бежать? А избы, а имущество? На плечи не подынешь. А супротив костеца – не наша сила. Сами знаете.

– Откуда мне знать? Видал его кто?! – крикнул кузнец. – Может, вовсе и нет никакого костеца? Только страху в задницу хотят вогнать нам, кметам. Видал его кто?

– Не болтай, Микула. – Радим наклонил голову. – Сами знаете, с купцами в охране не слабаки какие ходят, а железом увешанные, те еще резники. А вернулся кто с перевала-то? Ни один! Нет, Микула. Надо ждать, говорю вам. Даст комес из Майены помочь, тогда другое дело.

Микула отложил молот, снова сунул прут в угли. Угрюмо сказал:

– Не придет войско из Майены. Снова они подрались меж собой. Майена с Разваном.

– За что?

– А разве поймешь, чего ради благородные друг другу морды бьют? По-моему, со скуки, дерьмо прелое! – взорвался кузнец. – Вы видали когда комеса? За что мы ему, гадюке, подати платим?

Он вырвал прут из жара, так что аж искры посыпались, крутанул в воздухе. Чоп отскочил. Микула схватил молот, саданул раз, другой, третий.

– Когда комес парня моего прогнал, я его в Круг тамошний послал, помощи просить. К друидам.

– К чародеям? – недоверчиво спросил колесник.

– К ним. Но парень еще не вернулся.

Радим покрутил головой, встал, подтянул штаны.

– Не знаю, Микула, не знаю. Не моего это ума. Но все равно одно на одно выходит. Делать надобно. Как кончите, тут же поеду. Пора мне...

Перед кузницей на дворе заржала лошадь.

Кузнец замер, подняв молот над наковальней. Колесник лязгнул зубами, побледнел. Микула почувствовал, что и у него дрожат руки, невольно вытер их о кожаный фартук. Не помогло. Он сглотнул и двинулся к выходу, в котором четко вырисовывались силуэты конных. Радим и Чоп последовали за ним, совсем рядышком, чуть сзади. Выходя, кузнец прислонил прут к столбу у дверей.

Он видел шестерых, все на конях, в стеганках, усеянных металлическими пластинами, в кольчугах, кожаных шлемах со стальными наносниками, выходящими прямыми линиями металла между огромными рубиновыми глазами, занимающими половину лица. Они сидели на конях неподвижно, как-то небрежно. Микула, перебегая взглядом от одного к другому, видел их оружие – короткие копья с широкими остриями. Мечи со странно выкованными гардами. Бердыши. Зазубренные гизармы.

Напротив входа в кузницу стояли двое. Высокий вран на сивом коне, под зеленой попоной со знаком солнца на шлеме. И второй...

– Мамочки, – шепнул Чоп за спиной у кузнеца и всхлипнул.

Второй конник был человеком в темно-зеленом вранском плаще, но из-под клювообразного шлема на них смотрели бледные, голубые – не красные – глаза. В этих глазах таилось столько беспощадной, холодной жестокости, что Микулу пронял жуткий страх, ледяным холодом проникающий во внутренности, вызывающий тошноту, стекающий по спине к ягодицам. По-прежнему стояла тишина. Кузнец слышал, как звенят мухи, кружащие над навозной кучей за забором.

Человек в шлеме с клювом заговорил первым:

– Кто из вас кузнец?

Вопрос не имел смысла, кожаный фартук и внешность Микулы выдавали его с головой. Кузнец молчал. Уловил глазами короткий жест, который бледноглазый сделал одному из вранов. Вран наклонился в седле и наотмашь махнул гизармой, которую держал посередине древка. Микула сжался, невольно вбирая голову в плечи. Однако удар был предназначен не ему. Оружие угодило Чопу в шею и врезалось укосом, глубоко, рассадив ключицу и позвонки. Паренек рухнул спиной на стену кузницы, наткнулся на столб у двери и свалился на землю у самого порога.

– Я спросил, – напомнил человек в клювообразном шлеме, не спуская с Микулы глаз. Рукой в перчатке он касался топора, висящего при седле. Два врана, стоявшие дальше остальных, высекли огонь, запалили смолистые лучины, начали раздавать их остальным. Спокойно, не спеша, шагом объезжали кузницу, тыкали факелами в соломенную кровлю.

Радим не выдержал. Прикрыл лицо руками, зашелся криком и кинулся вперед, между конями. Когда поравнялся с высоким враном, тот с размаху всадил ему копье в живот. Колесник взвыл, упал, дважды поджал и распрямил ноги. И замер.

– Ну так что, Микула, или как тебя, – сказал белоглазый. – Ты остался один. И зачем тебе было нужно? Людей будоражить, за помощью куда-то посылать? Ты думал, мы не узнаем? Дурень. В деревнях есть и такие, которые доносят, лишь бы понравиться.

Кровля кузницы трещала, стреляла грязным желтым дымом, наконец вспыхнула, рыкнула пламенем, сыпанула искрами, пахнула мощным дыханием жара.

– Твоего лакея мы взяли, он тут же сказал, куда ты его посылал. Того, что должен вернуться из Майены, мы тоже ждем, – продолжал человек в клювастом шлеме. – Да, Микула. Ты сунул свой паршивый нос куда не следовало. За это у тебя сейчас будут небольшие неприятности. Я думаю, тебя стоило бы насадить на кол. Как считаешь, тут поблизости найдется подходящий колышек? Или нет, еще лучше – мы подвесим тебя за ноги на воротах хлева и сделаем шкуру, как с угря.

– Ладно, довольно болтать, – сказал высокий вор с солнцем на шлеме и бросил факел в раскрытые двери кузницы. – Сейчас сюда сбежится вся деревня. Кончай с ним по-быстрому, забираем лошадей из конюшни и уходим. И откуда только в вас, людях, такая страсть к истязаниям, мучительству? Вдобавок – ненужному? Давай кончай с ним.

Бледноглазый не взглянул на врана. Наклонился в седле, напер конем на кузнеца.

– Влезай. – В его бледных глазах теплилась радость убийцы. – Внутри. Некогда мне очень-то чикаться с тобой. Так хоть поджарить могу.

Микула отступил на шаг. Чувствовал спиной жар пылающей кузницы, гул падающих потолочных балок. Еще один шаг. Он споткнулся о тело Чопы и о железный прут, который парень свалил, падая.

Прут!

Микула наклонился, мгновенно схватил тяжелую железяку и, не выпрямляясь, снизу, изо всей силы, которую высвободила в нем ненависть, двинул прут прямо в грудь бледноглазому. Расплющенное в виде долота острие пробило кольчугу.

Кузнец не стал ждать, пока человек свалится. Кинулся наискосок через двор. Позади – крик, топот. Он подбежал к деревянному сараю, вцепился пальцами в ручицу, прислоненную к стене, тут же, не глядя, с полуоборота ударил. Удар пришелся по морде сивой лошади в зеленой попоне. Животное поднялось на дыбы, скинуло в пыль врана с солнцем на шлеме. Микула уклонился, короткое копьё врезалось в стену сарая, закачалось. Второй вор, выхватывая меч, натянул поводья, чтобы избежать свистящего конца ручицы. Трое следующих наступали, вереща и размахивая оружием. Микула крикнул, закружил тяжелой ручицей мельницу. Опять угодил в коня. Конь заржал и заплясал на задних ногах. Вор не удержался в седле.

Через забор, со стороны леса, вытянувшись в прыжке, перелетел конь, столкнулся с сивым в зеленой попоне. Сивый шарахнулся в сторону, рванул узду, перевернул высокого врана, пытавшегося вскочить на него. Микула, не веря собственным глазам, увидел, что новый ездок раздваивается – на уродца в капюшоне, склонившегося к конской шее, и на сидящего сзади светловолосого мужчину с мечом.

Длинный острый клинок описал два полукруга, две молнии. Двух вранов смело с седел, они рухнули на землю, подняв тучи пыли. Третий, которого загнали к самому сараю, повернулся к странной паре и получил тычок под челюсть, над стальным нагрудником. Острие меча блеснуло, на мгновение выглянув с тыльной стороны шеи. Светловолосый соскользнул с коня и пробежал двор, оттесняя высокого врана от его коня. Вор вытащил меч.

Пятый вор кружил посредине двора, пытаясь сдержать пляшущего коня, косящегося на пылающую кузницу. Подняв бердыш, всадник оглядывался, колебался, наконец рявкнул, ударил коня шпорами и кинулся на уродца, вцепившегося в конскую гриву. Микула увидел, как малыш откидывает капюшон, срывает со лба перевязку, и понял свою ошибку. Девушка тряхнула рыжей гривой и крикнула что-то непонятное, протянув руку в сторону нападающего врана. Из ее пальцев вырвалась тонкая, блестящая как ртуть струйка света. Вор вылетел из седла, перевернулся в воздухе и повалился на песок. Его одежда дымилась. Конь, колотя по земле всеми четырьмя копытами, ржал, тряс головой.

Высокий вор с солнцем на шлеме, сторбившись, медленно пятился от светловолосого к горячей кузнице, протянув обе руки – в правой меч – вперед.

Светловолосый подскочил, они сошлись раз, другой. Меч врана полетел в сторону, а сам он головой вперед повис на пронзившем его клинке. Светловолосый отступил, дернул, вырвал меч. Вор упал на колени, наклонился, зарылся лицом в землю.

Наездник, выбитый из седла молнией рыжеволосой девушки, поднялся на четвереньки, шаря вокруг в поисках оружия. Микула немного пришел в себя от изумления, сделал два шага, поднял ручицу и опустил ее на шею врага. Хрустнула кость.

– Напрасно, – услышал он рядом.

Девушка в мужской одежде была веснушчата и зеленоглаза. На ее лбу блестело странное украшение.

– Напрасно, – повторила она.

– Госпожа, – заикаясь, выговорил кузнец, держа свою палицу, как гвардеец алебарду. – Кузница... Спалили. Парня убили, зарезали. И Радима. Зарезали, бандиты. Госпожа...

Светловолосый перевернул ногой тело высокого врана, взглянул на него, потом подошел к Микуле, убирая меч.

– Ну, Висенна, – сказал он. – Теперь-то уж я влип не на шутку. Одно только меня беспокоит, тех ли мы порубили, кого надо.

– Ты – кузнец Микула? – спросила Висенна, поднимая голову.

– Я. А вы – из друидского Круга, милостивые государи? Из Майены?

Висенна не ответила. Она глядела на опушку леса, на бегущих к ним людей.

– Это свои, – сказал кузнец. – Из Ключа.

5

– Я уложил троих, – гремел чернобородый командир группы из Порога, потрясая насаженной торчком косой. – Троих, Микула! За девками на поля приперлись, там мы их и... Один едва ушел, коня поймал, сукин сын!

Ополченцы, столпившиеся на поляне в кругу костров, кропящих чернь ночного неба точечками искр, шумели, гудели, размахивали оружием. Микула поднял руку, призывая к тишине, чтобы выслушать очередные сообщения.

– Вчерась к нам прискакали четверо, – сказал старый, худой как жердь солтыс Качана. – За мной. Ктой-то, видать, донес, что я с вами сговорился. Успел я забраться на чердак в овине, лестницу сташил, схватил вилы, идите, кричу, курвины дети, ну, кто первый, кричу. Принялись они овин палить, уж конец бы мне пришел, да людишки не сдержались, пошли на них купой. Те – на коней и в драку. наших двое полегло, но одного ихнего я с седла смел.

– Он жив? – спросил Микула. – Я посылал к вам, чтобы кого-нибудь живьем взять.

– Э, – махнул рукой тощий. – Не успели. Бабы схватили кипятку, подлетели первыми...

– Я всегда говорил, что в Качане горячие бабы, – буркнул кузнец, скребя затылок. – А того, который доносил?

– Нашел, – кратко ответил тощий, не вдаваясь в подробности.

– Лады. А теперь слушайте, люди. Где они сидят, мы уже знаем. Под горой, в пещерах неподалеку от чабанных шалашей. Там разбойники засели, и там мы их достанем. Сена, хвоста возьмем на возы, выкурим их как барсуков. Дорогу стволами завалим, не уйдут. Так мы с тем вона рыцарем, коего Корином кличут, обмозговали. Да и мне, сами знаете, драться не впервой. С воеводой Грозимом на вранов хаживал в часе войны, прежде чем в Ключе осесть.

Из толпы снова донеслись воинственные выкрики, но быстро утихли, заглушенные словами, сначала произнесенными тихо, неуверенно. Потом все громче. Наконец опустилась тишина.

Из-за спины Микулы выдвинулась Висенна, встала рядом с кузнецом. Она не доставала ему даже до плеча. Толпа зашумела. Микула снова поднял руки.

– Такой час пришел, – воскликнул он, – незачем дальше в тайне держать, что послал я за подмогой к друидам из Круга, когда комес из Майены отказал нам в помощи. Не в новость мне, что многие из вас криво на это смотрят.

Толпа понемногу утихла, но все еще ворчала, волновалась.

– Это мазель Висенна, – медленно произнес Микула, – из майенского Круга. На помощь к нам поспешила по первому зову. Те, что из Ключа, ее уже знают, она там людей лечила,

исцеляла силой своею. Да, парни, госпожа сама-то из себя маленькая, но сила у нее могучая. Не для нашего понятия сила эта, и страшная нам, но ведь на помощь нам послужит!

Висенна не произнесла ни слова, не сделала ни одного жеста в сторону собравшихся, но скрытая мощь этой маленькой веснушчатой чародейки была невероятна. Корин с изумлением почувствовал, что его переполняет удивительный энтузиазм, что страх перед тем неведомым, которое скрывается на перевале, опасение перед неизвестным исчезает, рассеивается, перестает существовать, становится несущественным, и так будет до тех пор, пока блесит светящийся камень на лбу у Висенны.

– Как видите, – продолжал Микула, – и против этого костеца найдется способ. Не одни пойдём, не безоружные. Но для начала нам тех разбойников надобно выбить!

– Микула прав! – крикнул бородач из Порога. – Что нам чары не чары! На перевал, парни! Прикончим костеца!

Толпа рявкнула в один голос, огни костров заиграли пламенем на остриях поднятых кос, пик, секир и вил.

Корин пробился сквозь толпу, отступил к опушке, отыскал котелок, подвешенный над костерком, миску и ложку. Выскреб со дна котелка остатки подгоревшей каши со шкварками. Сел, поставил миску на колени, ел медленно, выплевывая шкурки ячменя. Спустя немного почувствовал рядом чье-то присутствие.

– Садись, Висенна, – сказал он с набитым ртом.

Продолжая есть, глядел на ее профиль, наполовину прикрытый водопадом волос, красных как кровь при свете костра. Висенна молчала, глядя на пламя.

– Эй, Висенна, чего это мы сидим словно две совы? – Корин отставил миску. – Я так не могу, мне сразу становится мутно и холодно. Куда они упрятали свой самогон? Только что тут стоял кувшин, черт его дери. Темно, как в...

Друидка повернулась к нему. Ее глаза светились странным зеленоватым огнем. Корин умолк.

– Да. Точно, – сказал он, немного помолчав, и откашлялся. – Я – бандит. Наемный убийца. Грабитель. Вмешался, потому что люблю драки, мне все едино, с кем драться. Я знаю цену япису, жадеиту и другим камням, которые еще попадаются в копиях Амелли. Хочу их получить. Мне все равно, сколько людей завтра погибнет. Что ты еще хочешь знать? Я сам скажу, незачем пользоваться своей безделушкой, спрячь ее под змеиную шкурку. Я не намерен ничего скрывать. Ты права, я не гожусь ни для тебя, ни для твоей благородной миссии. Это все. Спокойной ночи. Я пошел спать.

Наперекор словам он не встал. Только схватил палку и несколько раз ткнул ею в тлеющие головни.

– Корин, – тихо сказала Висенна.

– Ну?

– Не уходи.

Корин опустил голову. Из березового полена в костре вырвались голубоватые фонтанчики пламени. Он взглянул на нее, но не смог выдержать взгляда необыкновенных блестящих глаз. Снова отвернулся к огню.

– Не требуй от меня слишком многого, – сказала Висенна, закутываясь в плащ. – Так уж получается, что все неестественное пробуждает страх. И отвращение.

– Висенна...

– Не прерывай. Да, Корин, люди нуждаются в нашей помощи, благодарят за нее, иногда вполне искренне, но брезгают нами, боятся нас, не смотрят нам в глаза, сплевывают через плечо. Более умные – как, например, ты – менее искренни. Ты не исключение, Корин. От многих я уже слышала, они, мол, недостаточно достойны того, чтобы сидеть со мной за одним костром. А случается, что именно нам нужна помощь этих... нормальных. Или их общество.

Корин молчал.

– Я знаю, – продолжала Висенна, – что тебе было бы легче, будь у меня седая борода и нос крючком. Тогда отвращение ко мне не вызывало бы такого кавардака в твоей голове. Да, Корин, отвращение. Безделушка, которую я ношу на лбу, – это халцедон, ему я в немалой степени обязана своими магическими способностями. Ты прав, при помощи халцедона мне удастся читать наиболее четкие мысли. Твои – даже чересчур четкие. Не требуй, чтобы мне было по этой причине приятно. Я чародейка, ведьма, но кроме того – женщина. Я пришла сюда потому... потому что хотела тебя.

– Висенна...

– Нет, теперь уже не хочу.

Они сидели молча. Пестрокрылая птица в глубине леса, в темноте, на ветке дерева чувствовала страх. В лесу были совы.

– Что касается отвращения, – наконец проговорил Корин, – тут ты малость перебрала. Однако признаю, ты вызываешь во мне что-то вроде... беспокойства. Нельзя было позволять мне видеть то... на развилке. Тот труп, понимаешь?

– Корин, – спокойно сказала чародейка. – Когда ты у кузни всадил врану меч в горло, меня чуть было не вырвало на гриву коня. Я с трудом удержалась в седле. Но оставим наши способности в покое. Кончим беседу. Она ведет в никуда.

– Кончим, Висенна.

Чародейка плотнее закуталась в плащ. Корин подбросил в костер несколько сучьев.

– Корин?

– Да?

– Хочу, чтобы тебе было не безразлично, сколько людей погибнет завтра. Людей и... тех, других. Я рассчитываю на твою помощь.

– Я помогу.

– Это еще не все. Надо что-то делать с перевалом. Я должна открыть дорогу через Клатат.

Корин указал горящим концом прутика на другие костры и лежащих вокруг них людей, спящих либо тихо переговаривающихся.

– С нашей изумительной армией, – сказал он, – все должно пройти нормально.

– Наша изумительная армия разбежится по домам, как только я перестану отуманивать их чарами, – грустно улыбнулась Висенна. – А я не стану их отуманивать. Не хочу, чтобы кто-нибудь из них погиб в борьбе не за свое дело. А костец – не их дело. Это дело касается исключительно Круга. Я должна пойти на перевал одна.

– Нет. Одна ты не пойдешь, – сказал Корин. – Пойдем вместе. Я, Висенна, с малых лет знал, когда уже пора бежать, а когда еще рановато. Знание это я совершенствовал все годы на практике и поэтому теперь считаю себя бесстрашным. Я не собираюсь подвергать сомнению мнение о себе. Тебе не надо одурманивать меня чарами. Сначала посмотрим, как этот костец выглядит. Кстати, как думаешь, что оно такое, этот костец?

Висенна наклонила голову.

– Боюсь, это смерть.

6

Они не позволили застать себя врасплох в пещерах. Ждали в седлах, неподвижные, напряженные, уставившиеся на выходящих из леса вооруженных кметов. Ветер, развевающий плащи, делал их похожими на изголодавшихся хищных птиц с встопорщенными перьями, страшных, вызывающих одновременно и уважение, и страх.

– Восемнадцать, – подсчитал Корин, поднявшись на стременах. – Все на конях. Шесть лошадей запасных. Одна телега. Микула!

Кузнец быстро перестроил свой отряд. Пикинеры и копейщики опустились на колени на опушке, уперев основания древков в землю. Лучники выбрали позиции за деревьями. Остальные отступили в гущу леса.

Один из наездников направился к ним. Подъехал близко, остановил коня, поднял над головой руку, что-то крикнул.

– Подвох, – буркнул Микула, – знаю их, сукиных сынов.

– Посмотрим, – сказал Корин, спрыгивая с седла. – Пошли.

Они медленно подошли к коннику. Вдвоем. Спустя минуту Корин заметил, что Висенна идет следом.

Наездник был оборотцем.

– Буду краток, – крикнул он, не слезая с коня. Его маленькие блестящие глазки посверкивали, наполовину скрытые в шерсти, покрывающей лицо. – Я сейчас командую группой, которую вы там видите. Девять оборотцев, пятеро людей, три врана, один эльф. Остальные погибли. Между нами возникли трения. Наш бывший командир, помыслы которого привели нас сюда, лежит в пещере связанный. Делайте с ним что хотите. Мы уходим.

– И вправду речь была короткой, – фыркнул Микула. – Вы, значит, хотите уйти, а мы хотим выпустить вам кишки. Что скажете?

Оборотец сверкнул острыми зубками, выпрямился в седле на всю высоту своего небольшого тельца.

– Ты думаешь, я предлагаю разойтись мирным путем из-за того, что испугался вас, вашей банды засранцев в соломенных лаптях? Извольте, ежели есть охота, мы проедем по вашим животам. Это наше ремесло, парень. Я знаю, чем мы рискуем. Даже если часть из нас падет, остальные пройдут. Такова жизнь.

– Телега не пройдет, – процедил Корин. – Такова жизнь.

– Это уж ваша забота.

– Что на телеге?

Оборотец сплюнул через правое плечо.

– Двадцатая часть того, что осталось в пещере. И чтобы все было ясно – если прикажете оставить телегу, согласия не дадим. Уж коли выходить из этого цирка без профита, то по крайней мере не без борьбы. Ну как? Если биться, так предпочитаю сейчас, утром, пока солнышко не начнет припекать.

– Смелый ты парень, – сказал Микула.

– В моей родне все такие.

– Отпустим вас, если сложите оружие.

Оборотец снова сплюнул, для разнообразия – через левое плечо.

– Ничего не выйдет, – буркнул он.

– Вон где у тебя болит-то, – засмеялся Корин. – Без оружия вы – мусор.

– А ты что такое без оружия? – спросил карлик спокойно. – Королевич? Я ж вижу, что ты за тип. Думаешь, я слепой?

– Собираетесь завтра вернуться с оружием? – медленно спросил Микула. – Хоть за частью того, что, как ты сказал, осталось в пещере. За еще большим профитом?

– Была такая мыслишка, – ощерился оборотец. – Но после нашей краткой беседы мы решили отказаться.

– И очень правильно сделали, – вдруг сказала Висенна, выходя из-за спины Корина и встав перед конным. – Очень правильно сделали, что отказались, Кехль.

Корину почудилось, что ветер неожиданно усилился, завыл меж камнями и травами, ударил холодом. Висенна продолжала каким-то чужим металлическим голосом:

– Тот из вас, кто захочет вернуться, умрет. Я это вижу и предрекаю. Уходите немедленно. Немедленно. Сейчас же. Тот, кто попыбует вернуться, умрет.

Оборотец наклонился, взглянул на чародейку. Он был немолод – шерсть почти пепельная, испещренная седыми прядками.

– Ты? Так я и думал. Я рад, что... Впрочем, не все ли равно. Я сказал, что мы не намерены сюда возвращаться. Мы присоединились к Фрегеналю ради заработка... Это кончилось. Сейчас у нас на шее Круг и целые деревни, а Фрегеналь начал бредить о власти над миром. Хватит с нас и его, и страховидла с перевала.

Он натянул поводья, повернул коня.

– Зачем я это говорю? Мы уходим. Бывайте здоровы.

Никто ему не ответил. Оборотец задержался, глянул на опушку леса, потом посмотрел на неподвижную шеренгу своих конников. Снова наклонился в седле и, заглянув в глаза Висенне, сказал:

– Я был против покушения на тебя. Теперь вижу, что верно поступал. Если скажу, что кость – смерть, ты все равно пойдешь на перевал?

– Верно.

Кехль выпрямился, прикрикнул на коня, помчался к своим. Спустя минуту конники, выстроившись в колонну и окружив телегу, двинулись к дороге. Микула уже был рядом со своими. Что-то говорил, успокаивал бородача из Порога и других жаждущих крови и мести. Корин и Висенна молча наблюдали за проходящим мимо них отрядом. Конники ехали медленно, глядя прямо перед собой, демонстрируя спокойствие и холодное презрение. Лишь Кехль, проезжая, слегка приподнял руку в прощальном жесте, со странной гримасой посмотрев на Висенну. Потом резко прищипорил коня, помчался в голову колонны и скрылся меж деревьев.

7

Первый труп лежал у самого входа в пещеры. Задавленный, втиснутый между мешками с овсом и кучей хвороста. Коридор разветвлялся, сразу за разветвлением лежали еще двое – у одного голова была разможжена ударом палицы либо обуха, второй был покрыт коркой застывшей крови из многочисленных ран. Все трое – люди.

Висенна сняла перевязку со лба. Диадема горела ярче факела, освещая мрачное чрево пещеры. Коридор вел в большую по размерам пещеру. Корин тихонько свистнул сквозь зубы.

У стен стояли сундуки, мешки и бочки, вздымались груды конской упряжи, тюки шерсти, оружие, инструменты. Несколько сундуков были разбиты и пусты. Другие – полны. Проходя, Корин видел матово-зеленые кучки яшмы, темные обломки жадеита, агата. Опапы, хризопразы и другие камни, которых не знал. На каменной почве, кое-где поблескивающей разбросанными точечками золотых, серебряных монет, лежали неряшливо брошенные связки мехов – бобровых, рысьих, лисьих, росомахьих.

Висенна, не задерживаясь ни на минуту, направилась в расположенную дальше пещеру, гораздо меньшую, мрачную. Корин последовал за ней, тоскливо оглядываясь на сундуки.

– Я здесь, – проговорила темная, неясная фигура, лежащая на куче тряпья и шкур, покрывающих землю.

Подожли. Связанный человек был невысок, лыс и толст. Огромный синяк покрывал половину лица.

Висенна тронула диадему, халцедон на мгновение разгорелся ярким светом.

– Это ни к чему, – сказал связанный. – Я тебя знаю. Только имя забыл. Знаю, что у тебя на лбу. Это ни к чему, говорю. Они напали на меня во сне, забрали перстень, уничтожили жезл. Я бессилен.

– А ты изменился, Фрегеналь, – сказала Висенна.

– Вспомнил: Висенна, – буркнул толстяк. – Ну конечно, Висенна. Не ожидал, что они пришлют тебя. Думал, будет мужчина, поэтому послал Маниссу. С мужчиной моя Манисса управлялась бы запросто.

– Ан не управлялась, – похвалился Корин, оглядываясь. – Хотя надо признать, покойница старалась как могла.

– Жаль.

Висенна осмотрела пещеру, уверенно направилась в угол, носком сапога перевернула камень, из ямки под ним извлекла глиняный горшочек, завязанный промасленной кожей. Разрезала ремешок своим золотым серпиком, вынула сверток пергамента. Фрегеналь злобно глядел на нее.

– Надо же, – сказал он дрожащим от ярости голосом. – Какой талант, поздравляю. Умеем отыскивать спрятанные вещи. Что еще умеем? Ворожить по бараньим кишкам? Лечить вздутие живота у телок?

Висенна просматривала лист за листом, не обращая на него внимания.

– Интересно, – проговорила она немного погодя. – Одиннадцать лет назад, когда тебя изгнали из Круга, пропали страницы из Запретных Книг. Хорошо, что нашлись, к тому же обогащенные комментариями. Ишь ты, решился использовать Двойной Крест Альзура, ну-ну. Не думаю, чтобы ты забыл, как кончил Альзур. Несколько созданных им творений еще вроде бы болтаются по свету, в том числе и последнее, вий, который изуродовал его и разрушил половину Марибора, прежде чем сбежать в зареченский лес.

Она сложила несколько листов вчетверо, спрятала в карман буфастого рукава кафтана и развернула следующие.

– Ага, – наморщила она лоб. – Формула Древокорня, немного измененная. А это Треугольник в Треугольнике, способ вызвать серию мутаций и колоссальный прирост массы тела. А что же послужило исходным существом, Фрегеналь? Что это? Похоже на обычного паурака? Чего-то тут недостает, а, Фрегеналь? Надеюсь, ты понимаешь, о чем я?

– Рад, что ты заметила, – поморщился волшебник. – Обычный паурак, говоришь? Когда этот обычный паурак сойдет с перевала, мир онемееет от ужаса. На мгновение. А потом захлебнется криком.

– Ладно, ладно. Где недостающие заклинания?

– Нигде. Я не хотел, чтобы они попали не в те руки. Тем более в ваши. Мне известно, что Круг мечтает о власти, которую можно заполучить, зная эти заклинания. Но ничего не выйдет. Вам никогда не удастся создать что-нибудь, хотя бы наполовину столь же ужасное, как мой костец.

– Похоже, тебя били по темечку, Фрегеналь, – сказала Висенна спокойно. – И, видно, поэтому ты все еще не можешь размышлять, как положено. Кто тут говорит о создании? Твое чудовище надо уничтожить. Самым простым способом, перевернув созидающее заклинание, то есть с помощью Эффекта Зеркала. Конечно, созидающее заклинание было настроено на твой жезл, значит, надо будет перенастроить его на мой халцедон.

– Больно уж много всяких «надо будет», – буркнул толстяк. – Придется тебе здесь сидеть до Судного дня, заумная девчонка. Почему ты вдруг решила, что я выдам тебе созидающее заклинание? Смешно! Ты не вытянешь из меня ничего, ни из живого, ни из мертвого. У меня блокада. Не пялся так. Не то твой камушек лоб тебе прожжет. А ну, давай развяжи меня, занемел я весь.

– Хочешь, дам тебе пару пинков? – усмехнулся Корин. – Ускоряет кровообращение. Похоже, ты не понимаешь своего положения, дуб лысый. Сейчас сюда явятся кметы, которым здорово докучала твоя банда. Я слышал, они намерены разорвать тебя на куски четверкой лошадей. Ты когда-нибудь видел, как это делается? Сначала отрываются руки...

Фрегеналь напружинился, вытаращил глаза и попробовал плюнуть Корину на сапог, но из положения, в котором он лежал, сделать это было трудно – он лишь облизывал себе бороду.

– Вот, – фыркнул он, – вот как я испугался ваших угроз! Ничего вы мне не сделаете! Что ты себе вообразил, бродяга? Влез в самую гущу дел, которые тебе не под силу! Спроси ее, зачем она сюда явилась? Висенна, объясни ему. Похоже, он принимает тебя за благородную спасительницу угнетенных, борца за благополучие бедняков! А тут все дело в деньгах, кретин! В бо-о-ольших деньгах!

Висенна молчала. Фрегеналь напрягся, скрипнул путами и с трудом повернулся на бок, согнув ноги в коленях.

– Скажешь, не правда, – воскликнул он, – что Круг прислал тебя, чтобы ты прочистила золотую трубу, из которой перестало течь? Ведь Круг черпает доходы с добычи яшмы и жадеита и собирает дань с купцов и караванов взамен охранных амулетов, которые, как оказалось, не действуют на моего костеца!

Висенна молчала. Она не глядела на связанного. Глядела только на Корина.

– Так! – воскликнул чародей. – Ты даже не отрицаешь! Значит, об этом уже известно всем. Раньше знали только старшины, а таких соплячек, как ты, уверяли, будто Круг создан исключительно ради борьбы со Злом. Меня это не удивляет. Мир меняется, люди понемногу начинают понимать, что без волшебства и волшебников обойтись можно. Не успеете оглянуться, как станете безработными, вынужденными жить тем, что наворовали до сих пор. Ничто вас не интересует, только выгода. Потому-то вы немедленно развяжете меня. И не убьете, и не осудите на смерть, ибо это потребовало бы от Круга новых расходов. А этого Круг вам не простит, дело ясное.

– Совсем не ясное, – холодно сказала Висенна, скрестив руки на груди, – Видишь ли, Фрегеналь, такие соплячки, как я, не обращают особого внимания на преходящие блага. Какое мне дело, потеряет Круг или найдет, а то и вовсе перестанет существовать. Я всегда могу выжить хотя бы лечением вздутий у телят либо импотенции у таких грибов, как ты. Но не это важно. Важно то, что жить хочешь ты, Фрегеналь, и именно поэтому мелешь вздор. Жить хочет каждый. Поэтому сейчас, на этом вот месте, ты выдашь мне созидающее заклинание. Потом поможешь найти своего паурачьего костеца и уничтожить его. А если нет... Ну что ж, пойду в лес, подышу свежим воздухом. Потом смогу сказать в Кругу, что не уберегла тебя от разъяренных кметов.

– Ты всегда была циником. – Чародей скрежетнул зубами. – Даже тогда, в Майене. Особенно при контактах с мужчинами. Было тебе четырнадцать лет, а уже кругом говорили о твоих...

– Прекрати, Фрегеналь, – прервала друидка. – Твои речи не производят на меня никакого впечатления. На него тоже. Он мне не любовник. Скажи, что ты согласен. И кончим игру. Ведь ты же отвернулся.

– Конечно, – прошипел он. – Идиотом меня считаешь? Жить хочет каждый.

8

Фрегеналь остановился, тыльной стороной ладони вытер вспотевший лоб.

– Вон за той скалой начинается ущелье. На старых картах его называли Дур-тан-Орит, Мышиный Яр. Это ворота Кламата. Здесь придется оставить лошадей. Верхом к нему незаметно не подойдешь.

– Микула, – сказала Висенна, слезая. – Подождите здесь до вечера, не больше. Если не вернусь, на перевал не ходите ни в коем случае. Возвращайтесь домой. Ты понял, Микула?

Кузнец кивнул. С ним было только четверо деревенских. Самых смелых. Остальная часть группы растаяла по дороге словно майский снег.

– Я понял, милсдарыня, – буркнул кузнец, таращась на Фрегеналь. – И все ж дивно мне, что этому окаянцу вы верите. Мне думается, кметы были правы. Башку ему свернуть надо было. Гляньте только, госпожа, на евовные свинячьи зенки, на евовную предательскую морду.

Висенна не ответила. Прикрыла глаза рукой, глядела на горы, на устье ущелья.

– Веди, Фрегеналь, – скомандовал Корин, затягивая ремень.

Тронулись.

Через полчаса увидели первую телегу. Перевернутую, разбитую. За ней вторую, со сломанным колесом. Конские скелеты. Скелет человека. Второй. Третий. Четвертый. Куча полуманных, раздробленных костей.

– Сукин ты сын, – тихо сказал Корин, глядя на череп, сквозь глазницы которого уже пробилась крапива. – Купцы, говоришь? Не знаю, что меня удерживает...

– Мы договорились... – быстро прервал Фрегеналь. – Договорились. Я сказал все, Висенна. Я вам помогаю. Веду. Мы договорились!

Корин сплюнул. Висенна взглянула на него, бледная, потом повернулась к чародею.

– Договорились. Ты поможешь нам его отыскать и уничтожить, потом иди, куда хочешь. Твоя смерть не вернет к жизни тех, что тут лежат.

– Уничтожить... уничтожить... Висенна, я предупреждал тебя и повторяю еще раз: погрузи его в летаргию, парализуй, ты знаешь заклинания. Но не уничтожай. Ему цены нет. Ты всегда сможешь...

– Перестань, Фрегеналь. Об этом мы уже говорили. Веди.

Пошли дальше, осторожно обходя скелеты.

– Висенна, – немного погодя шепнул Фрегеналь. – Ты понимаешь, что делаешь? Это не шутки. Сама знаешь, с Эффектом Зеркала всякое бывает. Если инверсия не работает – вам конец. Я видел, на что он способен.

Висенна остановилась.

– Не крути. За кого ты меня принимаешь? Инверсия работает, если...

– Если ты нас не обманул, – вставил Корин глухим от ярости голосом. – А если обманул... так, говоришь, видел, на что способен твой ублюдок? А знаешь, на что способен я? Я знаю такой удар, после которого остается одно ухо, одна щека и половина челюсти. Пережить это можно, но нельзя потом, например, играть на флейте.

– Висенна, утихомирь своего убийцу, – побледнев, с трудом проговорил Фрегеналь. – Объясни ты ему, что я просто не мог тебя обмануть, ты почувствовала бы...

– Не болтай лишнего, Фрегеналь. Веди.

Дальше снова валялись телеги. И опять скелеты: перемешанные, переплетенные, белеющие в траве ребра, торчащие меж камней берцовые кости, кошмарно ухмыляющиеся черепа. Корин молчал, стискивая рукоять меча вспотевшей рукой.

– Осторожно, – шепнул Фрегеналь. – Мы уже близко. Идите тихо.

– На каком расстоянии он реагирует? Фрегеналь, я тебя спрашиваю.

– Я дам знак.

Они пошли дальше, поглядывая на крутые склоны ущелья, покрытые уродливыми обрубками кустов, изборожденные полосами трещин и осыпей.

– Висенна, ты его уже чувствуешь?

– Я дам знак. Жаль, не могу тебе помочь. Без жезла и перстня я ничего не могу сделать. Я бессилен. Разве что...

– Разве что...

– Вот что!!!

С прыткостью, которой трудно было от него ожидать, толстяк схватил острый обломок, ударил Висенну в затылок. Друидка упала, не издав ни звука, лицом вниз. Корин замахнулся мгновенно выхваченным мечом, но чародей был невероятно ловок. Упал на четвереньки, подкатился Корину под ноги и тем же обломком саданул его по колену. Корин взвыл, упал, боль на мгновение лишила его дыхания, а потом волна тошноты хлынула из внутренностей к горлу. Фрегеналь вскочил, словно кошка, намереваясь ударить снова.

Пестрокрылая птица камнем упала сверху, чиркнув по лицу волшебника. Фрегеналь отскочил, взмахнул руками, упустил свое оружие. Корин, опершись на локоть, махнул мечом, но меч прошел мимо голени толстяка, а тот развернулся и помчался обратно, в сторону Мышьего Яра, вопя и хохоча. Корин пытался встать и догнать его, но боль затянула ему глаза туманом. Он упал, осыпая волшебника градом отвратительных ругательств.

Фрегеналь с безопасного расстояния обернулся и остановился.

– Ты, недоделанная ведьма! – зарычал он. – Ты, рыжая паскуда! Фрегеналь вздумала перехитрить? Милостиво даровать мне жизнь? Думала, я буду спокойно наблюдать, как ты его убиваешь?

Корин, не переставая ругаться, массировал колено, успокаивая пульсирующую боль. Висенна лежала неподвижно.

– Идет! – рявкнул Фрегеналь. – Глядите! Любуйтесь, потому что уже через минуту мой костец выдавит вам глаза из черепов! Он уже идет!

Корин оглянулась. Из-за каменного навала, в каких-нибудь ста шагах от них, выглянули узловатые суставы согнутых паучьих ног. Спустя секунду через кучу камней с грохотом перевалялась по меньшей мере четырехсаженная туша, плоская, как тарелка, землисто-ржавая, шершавая, покрытая игольчатыми выступами. Какая-то смесь паука и рака. Четыре пары ног размеренно переступали, волоча тарелкообразный корпус через щебенку. Пятая, головная пара конечностей, непропорционально длинных, была вооружена мощными рачьими клешнями, покрытыми рядами острых игл и роговых выступов.

«Сон, – пронеслось в голове Корина. – Кошмар! Проснуться! Проснуться! Крикнуть и проснуться. Крикнуть! Крикнуть!»

Забыв о боли в колене, он подскочил к Висенне, дернул. Волосы друидки были залиты кровью, стекающей по шее.

– Висенна... – выдавил он парализованным от страха горлом. – Висенна...

Фрегеналь разразился сумасшедшим хохотом, отразившимся эхом от стен ущелья. Смех заглушил шаги подбежавшего с топором в руке Микулы. Фрегеналь увидел кузнеца, когда было уже слишком поздно. Топор угодил ему в крестец, немного повыше бедер, и вошел по самый обух. Чародей с воплем боли рухнул на землю, пытаясь выбить оружие из рук кузнеца. Голова Фрегеналья покатилась по склону и замерла, уткнувшись лбом в один из черепов, лежавших под колесами разбитой телеги.

Корин хромал, спотыкался о камни, волоча Висенну, обессиленную и обмякшую. Микула подскочил к ним, схватил девушку, легко перекинул через плечо и побежал. Корин, хоть и освободился от груза, не поспевал за кузнецом. Глянул назад, костец двигался за ними, скрипя суставами, вытянутые клещи прочесывали редкую траву, стучали по камням.

– Микула! – отчаянно крикнул Корин.

Кузнец оглянулся, опустил Висенну на землю, подбежал к Корину, поддержал его. Они побежали рядом. Костец ускорил движение, поднимая усыпанные иглами лапы.

– Ничего не выйдет, – сопел Микула, оглядываясь. – Нам не уйти...

Подбежали к Висенне.

– Истечет кровью, – охнул Микула.

И тут Корин вспомнил. Сорвал с пояса Висенны ее кошель, вытряхнул содержимое, не обращая внимания на другие предметы, схватил ржавый, покрытый руническими знаками

минерал, развел рыжие, слипшиеся от крови волосы, прижал гематит к ране. Кровь мгновенно остановилась.

– Корин! – крикнул Микула.

Костец был близко. Расставил лапы, зубастые клещи раскрылись. Микула видел вращающиеся на столбиках глаза чудовища и скрежещущие под ними полусерповидные челюсти. Двигаясь, костец ритмично шипел: тсс, тсс, тсс...

– Корин!

Корин не ответил, что-то шептал, не отрывая гематита от раны. Микула подскочил, схватил его за плечо, оттащил от Висенны, подхватил друидку на руки. Они побежали. Костец, не переставая шипеть, поднял лапы, заскреб по камням хитиновым брюхом и резво пополз за ними следом. Микула понял, что шансов у них нет.

Со стороны Мышьего Яра галопом мчался наездник в кожаной куртке, в шлеме с бармицей из железных колец и поднятым над головой широким мечом. На косматой морде горели маленькие глазки, блестели острые зубы.

С боевым кличем Кехль ринулся на костеца. Однако не успел он напасть на чудовище, как жуткие клещи защелкнулись, схватили коня игольчатыми клещами. Оборотец вылетел из седла, покатился по земле.

Костец без видимого усилия поднял коня клещами и насадил на острый шип, торчащий в передней части туловища. Серповидные челюсти сомкнулись, кровь животного хлынула на камни, из разорванного брюха вывалились на землю исходящие паром внутренности.

Микула подбежал, поднял с земли оборотца, но тот отпихнул его, схватил меч, завопил так, что заглушил предсмертный визг коня, и прыгнул на костеца. С обезьяньей ловкостью проскользнул под костлявым локтем чудовища и рубанул изо всей силы, прямо по сидящему на столбике глазу. Костец зашипел, отпустил коня, раскинул лапы на стороны, захватил Кехля острыми шипами, поднял с земли, откинул в сторону, на щебень. Кехль упал на камни, выпустив меч. Костец проделал полуоборот, протянул клещи и ухватил его. Маленькое тельце повисло в воздухе.

Микула яростно рывкнул, двумя прыжками подлетел к чудовищу, размахнулся и рубанул топором по хитиновому панцирю. Корин, бросив Висенну, не раздумывая, подскочил с другой стороны, меч, который он держал обеими руками, с размаху вонзился в щель между панцирем и лапой. Нажимая грудью на рукоять, Корин воткнул острие по самую корду. Микула ахнул и ударил еще раз, панцирь треснул, вырвалась зеленая вонючая жидкость. Костец зашипел, отпустил оборотца, поднял клещи. Корин уперся ногами в землю, ухватился за рукоять меча. Попытался вытянуть. Не получилось.

– Микула! – крикнул он. – Назад!

Оба кинулись бежать, по-умному, в разные стороны. Костец растерялся, скребанул животом по камню и двинулся прямо на Висенну, которая, свесив голову меж рук, пыталась подняться на четвереньки. Над ней, быстро-быстро работая крылышками, повисла в воздухе пестрокрылая птица и кричала, кричала, кричала...

Костец был близко.

Микула и Корин прыгнули одновременно, преграждая дорогу чудовищу.

– Висенна!

– Госпожа!

Костец, не останавливаясь, растопырил лапищи.

– В сторону! – крикнула Висенна, встав на колени и поднимая руки. – Корин! В сторону!

Оба отскочили, прижались к стене ущелья.

– Nenena firefdth kerelanth! – страшно крикнула чародейка, выбрасывая руки в сторону костеца. Микула увидел, как что-то неуловимое двигается от нее к чудовищу. Трава стлалась по земле, а мелкие камни раскатывались по сторонам, словно разбрасываемые тяжестью огром-

ного шара, набравшего скорость. Из руки Висенны вырвалась ослепительно яркая зигзагообразная струя света, ударила в костец, рассыпалась по панцирю сеткой огненных язычков. Воздух разорвал оглушительный гул. Костец лопнул, извергая фонтан зеленой крови, обломков хитина, ног, внутренностей, все это взлетело на воздух, градом сыпнуло вокруг, задуднило о скалы, шелестом прошло по зарослям. Микула присел, обеими руками заслонив голову.

Было тихо. На том месте, где только что стояло чудовище, чернела и дымила круглая воронка, забрызганная зеленой жидкостью, устланная отвратительными, трудноузнаваемыми мелкими осколками.

Корин, отирая с лица зеленые пятна, помог Висенне подняться с земли. Висенна дрожала.

Микула наклонился над Кехлем. Глаза у оборотца были раскрыты. Толстая куртка из конской кожи превратилась в лохмотья, под которыми проглядывало то, что осталось от руки и плеча. Кузнец хотел что-то сказать, но не смог. Поддерживая Висенну, подошел Корин. Оборотец повернул к ним голову. Корин взглянул на его плечо и с трудом сглотнул слюну.

– Это ты, королевич? – тихо, но спокойно и отчетливо сказал Кехль. – Ты был прав... Без оружия я – мусор. А без руки? Наверно – дерьмо, а?

Спокойствие оборотца поразило Корина больше, чем вид переломанных костей, выпирающих из кошмарных ран. То, что карлик все еще был жив, казалось невероятным.

– Висенна, – шепнул Корин, умоляюще глядя на чародейку.

– Я не смогу, Корин, – ломким голосом сказала Висенна. – Этот организм, это тело... Все законы, которые им управляют, совершенно отличны от человеческих... Микула... Не прикасайся к нему...

– Ты вернулся, – шепнул Микула. – Почему?

– Потому что законы, которые нами управляют, совершенно отличны от человеческих, – сказал Кехль с гордостью в голосе, хоть уже и с явным трудом. Струйка крови вытекла у него из рта, пачкая пепельный мех. Он отвернулся, взглянул в глаза Висенне. – Ну, рыжая ведьма! Исполняется твое пророчество... Помоги мне!

– Нет! – крикнула Висенна.

– Да, – сказал Кехль. – Так надо. Пора.

– Висенна, – изумленно выдохнул Корин. – Надеюсь, ты не собираешься...

– Отойдите! – крикнула друидка, сдерживая рыдания. – Отойдите оба!

Микула, глядя в сторону, потянул Корина за руку. Корин не сопротивлялся. Он еще увидел, как Висенна опускается перед оборотцем на колени, нежно гладит его по мохнатому лбу, касается висков. По телу Кехля прошла волна судороги, он дернулся и замер.

Висенна плакала.

9

Пестрокрылая птица, сидевшая на плече у Висенны, наклонила плоскую головку, установила на чародейку круглым неподвижным глазом. Конь шлепал по выбоистому тракту, небо было кобальтово-синим и чистым.

– Тюююик тююит, – проговорила пестрокрылая птица.

– Возможно, – согласилась Висенна. – Но не в этом дело. Ты меня не поняла. Впрочем, я не в претензии. Обидно, что обо всем я узнала сначала от Фрегенала, а не от тебя, это верно. Но я ведь знаю тебя не первый день, знаю, что ты не болтлива. Думаю, если б я спросила напрямую, ты бы ответила.

– Трк, тююик?

– Конечно. Уже давно. Но сама знаешь, как у нас: сплошные тайны, все тайное, секретное. Впрочем, дело лишь в размере. Я тоже не отказываюсь принять плату за лечение, если кто-

то мне ее сует, а я знаю, что дать он может. Знаю, что за определенные услуги Круг требует высокой платы. И правильно делает. Все дорожает, а жить надо. Не в этом дело.

– Тююиит... – Птица переступила с лапки на лапку. – Корриин.

– А ты догадлива, – горько усмехнулась Висенна, наклонив голову к птице и позволив ей легко коснуться клювом своей щеки. – Именно это меня и огорчает. Я видела, как он посматривал на меня. Мало того что она ведьма, вероятно, думал он, так еще и лицемерная комбинаторша, алчная и расчетливая.

– Тювиит трк трк трк тююиит?

Висенна повернула голову.

– Ну, не так-то уж и плохо, – буркнула она, прищуриваясь. – Ты ж понимаешь, я не девочка, мне не так просто вскружить голову. Хотя, честно говоря... Долговато я мотаюсь в одиночку по... Но это уже не твоя забота. Береги свой клюв.

Птица молчала, топорща перышки. Лес был все ближе, виднелась дорога, уходящая в гущу. Под покров крон.

– Слушай, – спустя минуту проговорила Висенна. – Как, по-твоему, все может выглядеть в будущем? Действительно ли возможно, что люди перестанут в нас нуждаться? Ну хотя бы в самом простом, в исцелении. Некоторый прогресс намечается. Возьмем, к примеру, траволечение, но разве можно себе представить, что кто-то справится с крупозным воспалением легких? С послеродовой лихорадкой? Со столбняком?

– Твиик твиит.

– Тоже мне ответ. Теоретически возможно и то, что наш конь через минуту включится в разговор. И скажет что-нибудь умное. А что скажешь о раке? Думаешь, они оправятся и победят рак без магии?

– Тррк!

– Я тоже так думаю.

Они въехали в лес, пахнувший прохладой и влагой. Пересекли неглубокий ручей. Висенна поднялась на холм, потом спустилась вниз в вереск, доходящий до стремян, тут снова отыскала дорогу, песчанистую, заросшую. Она знала ее, ехала по ней всего три дня назад. Только в противоположную сторону.

– Что-то мне кажется, – заговорила она снова, – следовало бы все же кое-что у нас изменить. Костенеем мы, слишком крепко и некритично уцепились за традиции. Как только вернусь...

– Твиит, – прервала пестрокрылая птица.

– Что?

– Твиит.

– Что ты хочешь этим сказать? Почему нет?

– Тррррк.

– Какая надпись? На каком еще столбе?

Птица, взмахнув крылышками, сорвалась с ее плеча, отлетела, скрылась в листве.

На развилке дорог, опершись спиной о столб, сидел Корин и с наглой улыбочкой смотрел на нее. Висенна соскочила с коня, подошла ближе. Она чувствовала, что тоже улыбается, против воли, больше того, она подозревала, что улыбка эта выглядит не очень-то умно.

– Висенна! – воскликнул Корин. – Ну, признайся, ты, случаем, не одурманиваешь меня своими чарами? Понимаешь, я страшно рад нашей встрече, прямо-таки противоестественно рад! Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить. Не иначе как чары.

– Ты меня ждал.

– Ты чертовски проницательна. Видишь ли, я проснулся ранехонько, гляжу, ты уехала. Как мило с ее стороны, подумал я, что она не стала меня будить ради такой ерунды, как краткое прощание, без которого, естественно, можно запросто обойтись. В конце концов, кто в тепе-

решные времена прощается либо здороваются? Все это не более чем предрассудки и чудачества. Верно ведь? Ну, повернулся я на другой бок и снова уснул. Только после завтрака вспомнил, что мне ведь надо было сказать тебе кое-что важное. Поэтому сел я на отвоеванного коня и поехал напрямую.

– И что же ты намерен был мне сказать? Важное? – спросила Висенна, подходя ближе и задирая голову, чтобы глянуть в голубые глаза, которые прошлой ночью видела во сне.

Корин широко улыбнулся, показав ровные белые зубы.

– Дело деликатного свойства, – сказал он. – Так, в двух словах не изложишь. Потребуются детальные пояснения. Не знаю, успею ли до вечера.

– Ну, хотя бы начни.

– Это-то, собственно, самое сложное. Не знаю как.

– У господина Корины не хватает слов, – все еще улыбаясь, покрутила головой Висенна. – Неслыханное дело! Ну, тогда давай сначала.

– Недурная мысль. – Корин сделал вид, что решил быть серьезным. – Видишь ли, Висенна, прошло уже довольно много времени с тех пор, как я мотаюсь в одиночестве...

– По лесам и дорогам, – dokonчила чародейка, закидывая ему руки на шею.

Пестрокрылая птица, сидевшая высоко на ветке дерева, раскрыла крылышки, взмахнула ими, подняла головку и сказала:

– Трррк твиит твиит.

Висенна оторвала губы от губ Корины, взглянула на птицу, подмигнула:

– Ты была права. Это действительно дорога, с которой нет возврата. Лети, скажи им...

Она замолчала, потом махнула рукой:

– Впрочем, нет, ничего им не говори...

Что-то кончается, что-то начинается²

Всем молодоженам, но особенно двум из них.

**Эта легенда, автором которой является Андреа Равикс,
пылится где-то на полках в библиотеке Нимуэ...**

I

Солнце протиснуло свои огненные щупальца сквозь щели в ставнях, пронизало комнату косыми, клубящимися от кружащейся пыли лучами, разлило яркие пятна по полу и покрывающим его медвежьим шкурам, слепящими розблесками заиграло на застежках пояса Йеннифэр. Пояс Йеннифэр лежал на высоком башмаке со шнуровкой. Высокий башмак со шнуровкой покоился на белой кофточке с кружевами, а белая кофточка с кружевами лежала на черной юбке. Один черный чулок свисал с поручня кресла, вырезанного в виде головы химеры. Второго чулка и второго башмака – со шнуровкой – нигде не было видно. Геральт вздохнул. Йеннифэр обожала раздеваться быстро и размашисто. Приходила пора привыкать к этому. Другого выхода не было.

Он встал, отворил ставни, выглянул в окно. Гладкую, как зеркальное стекло, поверхность озера затягивал туман, листва прибрежных берез и ольх искрилась росой, далекие луга покрывала низкая, плотная мгла, висящая словно вуаль над самыми верхушками трав.

Йеннифэр пошевелилась под периной, что-то пробормотала. Геральт вздохнул.

– Роскошный день, Йен.

– Э-э-э? Что?

– Роскошный день. Невероятно роскошный день.

Он был удивлен: вместо того чтобы ругнуться и накрыть голову подушкой, чародейка уселась, свесив ноги, прошла по волосам пятерней и принялась искать на постели ночнушку. Геральт знал, что ночнушка находится за спинкой кровати, там, куда Йеннифэр закинула ее вчера ночью. Но не проронил ни слова. Йеннифэр не терпела подобных замечаний.

Чародейка негромко выругалась, отбросила ногой перину, подняла руку и щелкнула пальцами. Ночнушка выпорхнула из-за спинки, размахивая оборками словно кающийся дух, всплыла прямо в ожидающую ее руку.

Геральт вздохнул.

Йеннифэр встала, подошла к нему, обняла и куснула в плечо.

Геральт вздохнул.

Перечень того, к чему приходилось привыкать, был, казалось, неисчерпаем.

– Ты хотел что-то сказать? – прищурилась чародейка.

– Нет.

– Ну и славно. Знаешь что? День действительно роскошный. Прекрасная работа.

– Работа? То есть?

Прежде чем Йеннифэр успела ответить, они услышали внизу высокий протяжный крик и свист. По берегу озера, расплескивая воду, галопом мчалась Цири на вороной кобыле. Кобыла была чистых кровей и невероятно роскошна. Геральт знал, что когда-то она принад-

² Coś Sił Kończy, Coś Sił Zaczyna. Перевод с польского Е. П. Вайсброта.

лежала некоему полуэльфу, который составил себе представление о беловолосой ведьмочке исключительно на основании ее внешности и здорово ошибся. Цири назвала отвоеванную кобылу Кэльпи. Так островитяне со Скеллиге именовали грозного и зловредного морского духа, порой принимавшего облик лошади. Имя идеально подходило для кобылы. Не так давно некий хоббит, задумавший было Кэльпи скрасть, убедился в этом весьма болезненно. Хоббита звали Сэнди Фрогмортон, но после того случая к нему прилипла кличка «Кочан цветной капусты», или – короче – просто «Кочерыжка».

– Когда-нибудь она свернет себе шею, – проворчала Йеннифэр, глядя на наклонившуюся и поднявшуюся в стремени Цири, которая во весь опор мчалась в ореоле водяных брызг. – Когда-нибудь эта помешанная, твоя дочурочка, сломает себе шею.

Геральт обернулся и, не говоря ни слова, заглянул прямо в фиолетовые глаза чародейки.

– Ну, хорошо, хорошо, – улыбнулась Йеннифэр, не опуская глаза. – Прости. *Наша* помешанная дочурочка.

Она снова обняла его, крепко прижалась, снова поцеловала и снова куснула. Геральт коснулся губами ее волос и осторожно спустил ночнушку с плеч чародейки.

А потом они снова оказались в кровати, на раскиданной постели, еще теплой и пахнущей сном. И принялись взаимно искать друг друга и искали долго и очень терпеливо, а уверенность в том, что они, конечно же, найдут наверняка, наполняла их радостью и счастьем, и радость и счастье были во всем, что они делали. И хотя они так сильно отличались, они, как всегда, понимали, что эти отличия связывают намертво так же, как сработанный топором врубка связывает стропила с коньком, затес, который позволяет построить дом. И все было так же, как в первый раз, когда Геральта восхитили ее ошеломляющая нагота и бурное желание, а ее восхитили его деликатность и нежность. И так же, как в первый раз, она хотела ему об этом сказать, но он прервал ее поцелуем и ласками и отнял у ее слов всякий смысл. А позже, когда об этом хотел сказать ей он, у него перехватило дыхание, а потом счастье и блаженство обрушились на них с силой свалившегося с неба камня, и вместо ненужных слов был беззвучный крик, и мир перестал для них существовать, ибо что-то кончилось, и что-то началось, и что-то продолжалось, и была тишина, тишина и покой.

И восторг. Восхищение.

Мир понемногу приходил в себя, и снова была постель, пахнущая сном, и залитая солнцем комната, и день. День...

– Йен?

– М-м-м?

– Когда ты сказала, что день роскошный, то добавила: «Прекрасная работа». Это должно было, что ли, означать...

– Должно было, – подтвердила она, потянулась и ухватилась вытянутыми руками за углы подушки, а ее грудь при этом напряглась так, что это отозвалось в ведьмаке дрожью в нижней части спины. – Видишь ли, Геральт, такую погоду сделали мы. Вчера вечером. Я, Нэннеке, Трисс и Доррегарай. Нельзя же было рисковать, такой день просто обязан был быть роскошным...

Она осеклась, ткнула его коленом в бедро.

– Ведь сегодня же самый важный день в твоей жизни, глупышка.

II

Розрог, замок, возведенный на мысе посреди озера, нуждался в изрядном ремонте как снаружи, так и внутри, причем не со вчерашнего дня. Говоря осторожно, Розрог был развалиной, бесформенным нагромождением камней, густо поросшим плющом, вьюнком и традесканцией. Развалиной, окруженной озерами, болотами и трясынами, кишмя кишевшими

лягушками, ужами и черепахами. Он был развалиной уже в то время, когда его подарили королю Хервигу. Замок Розрог и окружающая его местность были чем-то вроде пожизненного приданого, прощального презента Хервигу, двенадцать лет назад отписанного племяннику Бреннаном, с тех пор именовавшимся по сему случаю Бреннаном Добрым.

Геральт познакомился с экс-королем через Лютика, поскольку трубадур навещал Розрог частенько, пользуясь тем, что Хервиг был человеком милейшим и привечавшим гостей хозяином. О Хервиге и его, с позволения сказать, «замке» вспомнил именно Лютик, когда все позиции из разработанного ведьмаком перечня Йеннифэр отвергла как неподходящие. О диво, с Розрогом чародейка согласилась немедленно и не крутя при этом носом.

Так и получилось, что свадьба Геральта и Йеннифэр должна была состояться в замке Розрог.

III

Вначале предполагалось, что свадьба будет скромной и неформальной, но со временем стало ясно, что такое по множеству причин невозможно. Тогда потребовался человек с организаторскими талантами. Йеннифэр, естественно, отказалась. Ей, видите ли, не пристало организовывать собственную свадьбу. Геральт и Цири, не говоря уж о Лютике, никакими способностями такого рода не отличались. Поэтому дело доверили Нэннеке, жрице и первосвященнице богини Мелитэле из Элландера. Нэннеке прибыла немедленно, прихватив с собой двух жриц, Иоло и Эурнэйд.

И дело сдвинулось с мертвой точки.

IV

– Нет, Геральт. – Нэннеке надулась и топнула ногой. – Я не беру на себя никакой ответственности ни за церемонию, ни за пиршество. Ваша развалюха, которую какой-то идиот окрестил замком, не годится никуда и ни на что. Кухня разрушена, бальная зала сойдет разве что под конюшню, а часовня... Так это вообще никакая не часовня. Ты можешь мне сказать, какого бога почитает столь любезный твоему сердцу хромоножка Хервиг?

– Насколько мне известно, никакого. Он утверждает, что религия есть мандрагора для народа.

– Так я и знала, – проговорила жрица, не скрывая презрения. – В часовне нет ни одной статуэтки, там вообще нет ничего, если не считать мышиных... какашек. К тому же здесь на сто с гаком стае вокруг ни души. Геральт, почему вы не хотите сыграть свадьбу в Венгерберге, в цивилизованном месте?

– Ты же знаешь, Йеннифэр – квартеронка, а в твоих «цивилизованных местах» на смешанные браки смотрят косо.

– О Великая Мелитэле! Что значит четвертая часть эльфийской крови? Да почти в каждом из нас есть примесь крови Старшего Народа! Идиотский предрассудок, и ничего больше!

– Не я его придумал.

V

Список гостей – не очень длинный – нареченные составляли вместе, а приглашениями должен был заняться Лютик. Вскоре оказалось, что трубадур список потерял, причем еще до того, как успел прочесть. Устыдившись, он не признался в содеянном и пошел другим путем: пригласил кого только мог. Конечно, Лютик знал Геральта и Йеннифэр достаточно хорошо,

чтобы не упустить никого существенного, однако бард не был бы собою, если б не обогатил перечень поразительным количеством гостей совершенно случайных.

Итак, явился старый Весемир из Каэр-Морхена, воспитатель Геральта, на пару с ведьмаком Эскелем, с которым Геральт дружил с малых лет.

Прибыл друид Мышовур в обществе загорелой блондинки по имени Фрея, которая была выше него на голову и моложе лет на сто. Им сопутствовал ярл Крах ан Крайт со Скеллиге в сопровождении сыновей Рагнара и Локи. Когда Рагнар садился на лошадь, его ноги почти касались земли, а Локи напоминал филигранного эльфа. Ничего странного в этом не было: Рагнар и Локи были братьями сводными, сыновьями разных наложниц ярла.

Явился войт Кальдемейн из Блавикена с дочкой Анникой, весьма привлекательной, но чудовищно робкой девицей.

Прибыл красноряд Ярпен Зигрин, как ни странно, один, без команды бородатых бандитов, которых он именовал «ребята». По дороге к Ярпену присоединился эльф Хиреадан, особа хоть и не очень ясного, но, несомненно, высокого положения среди Старшего Народа, эскортируемый несколькими никому не известными молчаливыми эльфами.

Прибыла также неумолчная орава низушков, из которых Геральт знал только Даинти Бивервельта, фермера из Почечуева Лога, и – понаслышке – его ворчливую супругу Гардению. Был в группе низушков один низушек, который низушком не был, – известный предприниматель и купец Тельико Луннгревинк Леторт из Новиграда, полиморфный доплер, скрывавшийся под внешностью низушка и псевдонимом Дуду.

Явился барон Фрейксенет из Брокилона с женой, красавицей дриадой Браэнн, и пятью дочками: Моренн, Цириллой, Моной, Эитнэ и Ньюной. Моренн выглядела лет на пятнадцать, а Ньюна на пять. Все огненно-рыжие, хотя у Фрейксенета волосы были черные, а у Браэнн медово-золотые. Браэнн была уже не на первом месяце беременности. Фрейксенет серьезно утверждал, что на сей-то раз, несомненно, будет сын, а ватага его рыжих дриад переглядывалась и хохотала, Браэнн же, чуточку улыбаясь, добавляла, что «сына» будут звать Мелисса.

Прибыл однорукий Ярре, юный жрец и хроникер из Элландера, воспитанник Нэннеке. В принципе Ярре прибыл из-за Цири, которой здорово симпатизировал, если не сказать больше. Цири же, казалось, совершенно не обращала внимания на однорукого калеку и его неуклюжие ухаживания, что повергало в отчаяние Нэннеке, симпатизирующую Ярре.

Перечень неожиданных гостей открывал князь Агловаль из Бремервоорда, прибытие которого граничило с чудом, ибо князь и Геральт искренне не переваривали друг друга. Еще удивительнее было то, что Агловаль явился с супругой, сиреной Ш'ееназ. Ш'ееназ некогда ради князя пожертвовала своим рыбьим хвостом в пользу двух невероятно красивых ног, но известна была в основном тем, что никогда не удалялась от морского побережья, потому что суша вызывала у нее страх.

Мало кто ожидал прибытия других коронованных особ, да никто их и не приглашал. Несмотря на это, монархи прислали поздравительные адреса, подарки, послов – либо все вместе взятое. При этом короли скорее всего сговорились, поскольку послы ехали группой и по дороге успели подружиться. Рыцарь Ив представлял короля Этайна, окружной голова Суливой – короля Вензлава, сир Матольм – короля Сигизмунда, а сир Деверо – королеву Адду, бывшую упыриху.

Поездка, похоже, была веселой, ибо у Ива оказалась рассечена губа, Суливой держал руку на перевязи, Матольм прихрамывал, а Деверо так мучился с похмелья, что едва держался в седле.

Никто не приглашал золотого дракона Виллентретенмерта, ибо никто не знал, во-первых, как его приглашать, и, во-вторых, где искать. К всеобщему удивлению, дракон явился, разумеется, инкогнито, под видом и телом рыцаря Борха и гербом «Три Галки». Там, где находился

Лютик, ни о каком инкогнито, само собой, не могло быть и речи, однако мало кто всерьез верил, когда поэт указывал на курчавого рыцаря и утверждал, что это дракон.

Никто также не приглашал и не ожидал колоритной братии, именовавшей себя «друзьями и сподвижниками» Лютика. В основном это были поэты, музыканты и трубадуры, а как приложение к ним – акробат, профессиональный игрок в кости, дрессировщица крокодилов и четыре живописные девочки, из которых три очень смахивали на распутниц, а четвертая, которая на распутницу не смахивала, таковой была несомненно. Группу дополняли два пророка (из них один – лже), один резчик по мрамору, один светловолосый и вечно пьяный медиум женского пола и один рябой гном, утверждавший, что его зовут Шуттенбах.

На магическом корабле-амфибии, напоминавшем помесь лебедя с огромной подушкой, прибыли чародеи. Их было в четыре раза меньше, чем приглашали, и в два раза больше, нежели реально ожидали, поскольку «однополчане» Йеннифэр, как несла молва, не одобряли ее связь с мужчиной «вне клана», к тому же ведьмаком. Часть магиков просто проигнорировала приглашение, часть отговорила недостатком времени и необходимостью присутствовать на ежегодном всемирном симпозиуме чародеев, так что на борту «Гусака на воздушной подушке», как называл корабль далекий от лирики Крах ан Крайт, или «Лебедушки», как его же называл далекий от техники Лютик, прибыли только Доррегарай из Воле и Радклифф из Оксенфурта.

И была Трисс Меригольд с волосами цвета октябрьского каштана.

VI

– Ты пригласил Трисс Меригольд?

– Нет, – покрутил головой ведьмак, весьма довольный тем, что мутация кровеносных сосудов не позволяет ему покраснеть. – Не я. Подозреваю Лютика, хотя все они утверждают, что о свадьбе узнали из магических кристаллов.

– Я не желаю видеть Трисс на *моей* свадьбе!

– Почему? Это же твоя подруга.

– Не делай из меня идиотки, ведьмак! Все знают, что ты с ней спал.

– Неправда!

Йеннифэр опасно прищурила фиолетовые глаза:

– Правда!

– Неправда!

– Правда!

– Ну хорошо, – отвернулся он, – правда. И что с того?

Чародейка немного помолчала, поигрывая обсидиановой звездой, прищипленной к черной бархотке на шее...

– Ничего, – сказала она наконец. – Но я хотела, чтобы ты признался. Никогда не пытайся лгать мне, Геральт. Никогда.

VII

От стены шел запах мокрых камней и кислых сорняков, солнце освещало бурую воду защитного рва, проявляло теплую зелень покрывавшей дно тины и яркую желтизну плавающих по поверхности кувшинок.

Замок понемногу оживал. В западном крыле кто-то хлопнул ставней и рассмеялся. Кто-то слабым голосом домогался капустного рассола. Один из гостивших в Розроге коллег Лютика, невидимый, брлся, напевая:

Кабы мне бы да женицца,

Вот бы я бы был бы рад!
Я бы, значить, стал бы брицца
Каждый день пять раз подряд!

Скрипнула дверь, во двор вышел Лютик, потягиваясь и разглаживая физиономию.

– Как дела, жених? – проговорил он томным голосом. – Если намерен смыться, то сейчас самое время.

– Ранняя ты пташка, Лютик.

– Я вообще не ложился, – промямлил поэт, присаживаясь рядом с ведьмаком на каменную скамеечку и откидываясь на заросшую традесканцией стену. – О боги, это была тяжкая ночь. Но ничего не поделаешь – не каждый день женятся твои друзья. Надо было как-то это отметить.

– Свадебное пиршество – сегодня, – напомнил Геральт. – Выдержишь?

– Обижаешь, ведьмак!

Солнце грело, птицы верещали в кустах. От озера доносились пiski и плески. Моренн, Цирилла, Эитнэ, Мона и Ньюна, рыжие дриады, дочери Фрейксенета, купались, как обычно, голышом в обществе Трисс Меригольд и Фреи, подружки Мышовура. Наверху, на полуразрушенных зубцах крепостной стены, вырывали друг у друга из рук подозрную трубу королевские послы: рыцарь Ив, Суливой, Матольм и Деверо.

– Хорошо хоть отмечали-то, Лютик?

– Лучше не спрашивай.

– Скандал?

– И не один.

Первый скандал, поведал поэт, возник на расовой почве. Тельико Луннгревинк Леторт в разгар веселья неожиданно заявил, что ему осточертело, как он выразился, «носить шкуру низушка». Указав пальцем на находившихся в тот момент в зале дриад, эльфов, хоббитов, сирену Ш'ееназ, краснолюдов и гнома, который утверждал, что он Персиваль Шуттенбах, доплер почел за дискриминацию тот факт, что все они могут быть собою, и только он, Тельико, вынужден наряжаться в чужие перья. И тут же принял – на минутку – свой естественный облик. Увидев это, Гардения Бибервельт грохнулась в обморок, князь Агловаль опасно подавился судакон, а с Анникой, дочкой войта Кальдемейна, случилась истерика. Ситуацию спас дракон Виллентретенмерт, который все еще выглядел рыцарем Борхом Три Галки, спокойно пояснивший доплеру, что полиморфизм, то бишь сменноформенность, есть свойство, кое обязывает. Обязывает оно, в частности, принимать формы, которые большая часть общества одобряет и считает обычными, и что все это не что иное, как нормальная вежливость по отношению к хозяевам. Доплер обвинил Виллентретенмерта в расизме, шовинизме и отсутствии элементарных понятий о предмете дискуссии. Задетый за живое Виллентретенмерт на минутку – следуя примеру доплера – принял присущую ему внешность дракона, переломав при этом часть мебели и вызвав всеобщую панику. Когда гости успокоились, разгорелся острый спор, в котором люди и нелюди осыпали друг друга примерами отсутствия терпимости и расовых предубеждений. Достаточно неожиданным моментом в дискуссии оказался голос веснушчатой Мэрле, распутницы, которая на распутницу не походила. Мэрле заявила, что весь этот спор глуп, беспредметен и не имеет отношения к истинным профессионалам, которые знать не желают, что такое предубеждения, и что она лично готова немедленно доказать сказанное за соответствующее вознаграждение, вот хотя бы с драконом Виллентретенмертом в его естественном виде. В наступившей тишине послышался голос медиума женского пола, заявившего, что он может доказать то же самое задаром. Виллентретенмерт быстренько сменил тему, и компания принялась обсуждать более безопасные проблемы, а именно экономию, политику, охоту, рыболовство и азарт.

Остальные скандалы имели скорее дружеский характер. Мышовур, Радклифф и Доррегарай поспорили о том, кто из них силой воли заставит одновременно левитировать больше предметов. Выиграл Доррегарай, удерживавший в воздухе два стула, поднос с фруктами, супницу с супом, глобус, кошку, двух собак и Ньюну, младшую дочку Фрейксенета и Браэнн.

Потом Цирилл и Мона, две средние дочери Фрейксенета, подрались, и их пришлось выдворять из зала. Затем сцепились Рагнар и рыцарь Матольм, причем поводом к ссоре оказалась Моренн, старшая дочь Фрейксенета. Занервничавший Фрейксенет велел Браэнн запелить в комнатах всех своих рыжих барышень, а сам присоединился к состязанию под девизом «кто кого перепьет», который организовала Фрея, подруга Мышовура. Вскоре оказалось, что у Фреи невообразимая, граничащая с абсолютной, сопротивляемость алкоголю. Большинство поэтов и бардов, друзей Лютика, вскоре оказались под столом. Фрейксенет, Крах ан Крайт и войт Кальдемейн храбро боролись, но вынуждены были сдаться. Чародей Радклифф твердо держался до того момента, пока не выяснилось, что он шельмовал – у него обнаружили рог единорога. Как только оружие шельмовства отобрали, Радклифф утратил даже минимальные шансы перепить Фрею. Вскоре занятый островитянкой угол стола совершенно опустел – какое-то время с ней еще пил никому не известный бледный мужчина в старомодном камзоле. Спустя несколько минут бледный мужчина встал, покачнулся, отвесил галантный поклон и удалился, пройдя сквозь стену, как сквозь туман. Осмотр украшающих зал древних портретов позволил установить, что бледный мужчина – Виллем по прозвищу Добрый, один из бывших владельцев Розрога, получивший смертельный удар стилетом во время дружеской попойки несколько сотен лет тому назад.

Стародавний замчище скрывал в себе многочисленные тайны и пользовался в прошлом достаточно дурной славой, так что не обошлось без дальнейших событий сверхъестественного характера. Около полуночи в раскрытое окно влетел вампир, но краснотел Ярпен Зигрин изгнал кровопийцу,дохнув на него смесью водки и чеснока. Все время что-то подвывало, стонало и гремело цепями, но никто не обращал на эти звуки внимания, считая, что это изгаляются Лютик и его немногие еще трезвые соратники. Однако это, по-видимому, были все же духи, ибо на ступенях обнаружилось множество эктоплазмы – некоторые из гостей поскользнулись и набили себе шишки и синяки.

Пределы приличия преступил взъерошенный и огненноокий призрак, ущипнувший из укрытия за ягодицу сирену Ш'ееназ. Скандал удалось замять с трудом, потому что Ш'ееназ думала, что виновником был Лютик. Призрак, воспользовавшись всеобщим замешательством, бегал по залу и щипал кого ни попадя, но Нэннеке углядела его и изгнала при помощи экзорцизмов.

Нескольким гостям явилась Белая Дама, которую, если верить легенде, некогда живьем замуровали в подземельях Розрога. Однако нашлись скептики, утверждавшие, что никакая это не Белая Дама, а медиум женского пола, слонявшийся по галереям в поисках чего-нибудь спиртного.

Потом началось всеобщее исчезновение. Первыми исчезли рыцарь Ив и дрессировщица крокодилов. Затем сгинули Рагнар и Эурнэйд, жрица Мелитэле. Вслед за ними исчезла Гардения Бибервельт, но оказалось, что она просто пошла спать. Неожиданно выяснилось, что недостаёт однорукого Ярре и Иоли, второй жрицы Мелитэле. Цири, которая утверждала, что Ярре ей совершенно безразличен, проявила некоторую обеспокоенность, но тут было установлено, что Ярре вышел по нужде и свалился в неглубокий ров, где и уснул, а Иолю обнаружили под лестницей с эльфом Хиреаданом.

Замечены были также Трисс Меригольд с ведьмаком Эскем из Каэр-Морхена, пробиравшиеся в парковую беседку, а под утро кто-то сообщил, что из беседки выходит допллер Тельико. Все терялись в догадках: чью форму принял допллер – Трисс или Эскеля? Кто-то даже рискнул предположить, что в замке могут быть два допллера. Хотели узнать на сей счет

мнение дракона Виллентретенмерта как специалиста по полиморфизму, но оказалось, что дракон исчез, а вместе с ним и распутница Мэрле.

Куда-то подевались вторая распутница и один из пророков. Неисчезнувший пророк утверждал, что он – не лже, но доказать сказанного не сумел.

Пропал след также выдающего себя за Шуттенбаха гнома, и его не отыскивали до сих пор.

– Жаль, – закончил бард, широко зевая. – Жаль, тебя при этом не было, Геральт. Отмечали, что надо!

– Ага, жаль, – буркнул ведьмак. – Но знаешь... Я не мог, потому что Йеннифэр... Сам понимаешь...

– Конечно, понимаю, – изрек Лютик. – Потому и не женюсь.

VIII

Из замковой кухни доносились звон котлов, веселый смех и песенки. Насытить всю ораву гостей оказалось делом нелегким, так как у короля Хервига никакой прислуги не было. Присутствие чародеев проблемы также не снимало, поскольку в результате консенсуса было решено питаться естественным путем и отказаться от кулинарных волшебств. Все кончилось тем, что Нэннеке загоняла на работу кого только могла. Вначале это было нелегко: те, кого жрица ухватила, в кухонных делах, как она выразилась, «не секли», а те, которые «секли», сбежали. Однако Нэннеке отыскала неожиданную подмогу в лице Гардении Бибервельт и хоббинок из ее свиты. Понятливыми и прекрасными кухарками оказались, о диво, все четыре распутницы из группы Лютика.

Со снабжением хлопот было поменьше, Фрейксенет и князь Агловаль организовали охоту и поставили к столу достаточно много крупной дичи. Браэнн и ее дочери за два часа забили кухню дикой птицей. Даже самая младшая из дриад, Ньюна, на удивление ловко управлялась с луком. Король Хервиг, обожавший рыбачество, на заре выплывал на озеро и привозил щук, судаков и огромных окуней. Обычно его сопровождал Локи, младший сын Краха ан Крайта. Локи знал толк в рыбачестве и лодках, а кроме того, бывал достижим на рассвете, поскольку, как и Хервиг, не пил.

Даинти Бибервельт, низушек, и его родственники не без помощи доплера Тельико, занимались украшательством залы и комнат. Подметать и мыть полы загнали обоих пророков, дрессировщицу крокодилов, резчика по мрамору и непросыхающего медиума женского пола.

Присмотр за подвалом и напитками вначале поручили Лютику и его коллегам-поэтам, но это оказалось страшной ошибкой. Поэтому бардов изгнали, а ключи передали Фрее, подружке Мышовура. Лютик и поэты целыми днями просиживали у дверей в подвальчик и пытались всколыхнуть Фрею любовными балладами, к которым, однако, у островитянки оказался столь же устойчивый иммунитет и сопротивляемость, как и к алкоголю.

Геральт, вырванный из дремы звоном копыт по камням двора, поднял голову. Из-за прильнувших к стене кустов появилась блестящая от воды Кэльпи с Цири в седле. На Цири был ее любимый черный костюм, а за спиной – меч, славный гвихир, добытый в пустынных катакомбах Кората.

Несколько секунд ведьмак и девушка молча глядели друг на друга, потом Цири тронула кобылу пяткой, подъехала ближе. Кэльпи наклонила голову, пытаясь дотянуться до ведьмака зубами, но Цири сдержала ее, резко натянув поводья.

– Значит, сегодня, – проговорила ведьмачка, не слезая с лошади. – Сегодня, Геральт.

– Сегодня, – подтвердил он, откинувшись к стене.

– Я рада, – неуверенно сказала она. – Думаю... Нет, уверена, что вы будете счастливы, и рада этому...

– Слезь, Цири. Поговорим.

Девушка покачала головой, отбросила волосы назад, за ухо. На мгновение мелькнул большой, некрасивый шрам на щеке – память о тех страшных днях. Цири отрастила волосы до плеч и зачесывала их так, чтобы скрыть шрам, но порой забывала об этом.

– Уезжаю, Геральт, – сказала она. – Сразу после торжеств.

– Слезь, Цири.

Ведьмачка спрыгнула с седла, присела рядом. Геральт обнял ее. Цири прижалась к его плечу головой.

– Уезжаю.

Он молчал. Слова так и просились на язык, но не было среди тех слов ни одного, которое он мог бы считать подходящим. Нужным. И он молчал.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – медленно сказала Цири. – Ты думаешь, что я убегаю. Ты прав.

Он молчал. Он знал.

– Наконец-то, после стольких лет, вы вместе, Йен и ты... Вы заслужили счастье и покой. Дом. Но меня это пугает. Поэтому я... убегаю.

Он молчал. Он думал о том, сколько раз убегал сам.

– Отправляюсь сразу после торжеств, – повторила Цири. – Хочу снова видеть звезды над большаком, хочу насвистывать среди ночи баллады Лютика и жажду борьбы и пляски с мечом, жажду риска, жажду наслаждения, которое дает победа. И жажду одиночества. Ты меня понимаешь?

– Конечно, понимаю, Цири. Ты – моя дочь, ты – ведьмачка. Ты поступишь так, как должна поступить. Но одно я обязан тебе сказать. Одно. Ты не убежишь, хоть все время будешь убегать.

– Знаю. – Она прижалась крепче. – Я все еще надеюсь, что когда-нибудь... Если я подожду, если наберусь терпения, то и для меня когда-нибудь настанет такой прекрасный день... Такой прекрасный день... Хотя...

– Что, Цири?

– Я никогда не была красивой. А с этим шрамом...

– Цири, – не дал он ей досказать. – Ты самая прекрасная девушка в мире. Конечно, после Йен.

– Ох, Геральт...

– Если не веришь, спроси Лютика.

– Ох, Геральт.

– Куда?..

– На юг, – прервала она, отворачиваясь. – Страна еще дымит там после войны, идет восстановление, люди бьются за выживание. Им необходимы защита и охрана. Я пригожусь. И еще есть пустыня Корат... есть еще Нильфгаард. Там у меня свои счета. Там еще надо кое-что подравнять, гвихиру и мне...

Она замолчала, лицо стало жестким, зеленые глаза сузились, губы искривила злая гримаса. «Помню, – подумал Геральт. – Помню». Да. Это было тогда, на скользких от крови ступенях замка Рыс-Рун, когда они дрались плечом к плечу, он и она. Волк и Кошка, две машины для убийства, нечеловечески быстрые и нечеловечески жестокие, доведенные до крайности, разъяренные, прижатые к стене. Да, тогда нильфгаардцы, смятые ужасом, отступили, преследуемые сверком и свистом их клинков, а они медленно пошли вниз, вниз по ступеням замка Рыс-Рун, скользким от крови. Пошли, поддерживая друг друга, связанные, а перед ними двигалась смерть, смерть, воплотившаяся в два блестящих лезвия мечей. Холодный, спокойный Волк и сумасшедшая Кошка. Просверк мечей, крик, кровь, смерть... Да, это было тогда... Тогда.

Цири снова откинула волосы, и, скрытая раньше пепельными прядями, блеснула серебряной белизной широкая полоска у виска.

Тогда у нее поседели волосы.

– Там у меня свои счеты, – прошипела она. – За Мистле. За мою Мистле. Я отомстила за нее, но одной смерти за Мистле мало...

«Бонарт, – подумал Геральт. – Она убила его, ненавидя. Ох, Цири, Цири. Ты стоишь над пропастью, доченька. За твою Мистле мало и тысячи смертей. Берегись ненависти, Цири, она пожирает как рак».

– Береги себя, – шепнул он.

– Предпочитаю, чтобы береглись другие, – зловеще усмехнулась она. – Это гораздо важнее... По большому счету.

«Я уже никогда не увижу ее, – подумал он. – Если она уедет, я ее уже никогда не увижу».

– Увидишь, – сказала она и улыбнулась, и была это улыбка чародейки, а не ведьмачки. – Увидишь, Геральт.

Она вдруг вскочила, высокая и худощавая, как мальчишка, но ловкая, как танцовка. Одним прыжком влетела в седло.

– Йаааа, Кэльпи!!!

Из-под копыт кобылы брызнули искры, выбитые подковами.

Из-за угла стены высунулся Лютик с перевешенной через плечо лютней и двумя огромными кубками пива в руках.

– Получи и напейся, – сказал он, присаживаясь рядом. – Это поможет.

– Не знаю. Йеннифэр пообещала, что если от меня будет нести...

– Пожует петрушки. Пей, подкаблучник.

Долгое время они сидели молча, медленно прихлебывая из кубков. Наконец Лютик вздохнул:

– Цири уезжает, верно?

– Да.

– Я так и знал. Слушай, Геральт...

– Помолчи, Лютик.

– Ну, ну.

Они молчали снова. Из кухни тянуло ароматом жареной дичи, крепко приправленной можжевельником.

– Что-то кончается, – с трудом проговорил Геральт. – Что-то кончается, Лютик.

– Нет, – возразил поэт. – Что-то начинается.

IX

Послеобеденное время прошло под знаком всеобщего плача. Началось с эликсира красоты. Эликсир, а точнее – мазь, именуемая «феенглянцем», а на Старшей Речи – «гламарией», и изготавливаемая из мандрагоры, если ею умело пользоваться, удивительно подправляла красоту. По просьбе гостей в замке дам Трисс Меригольд приготовила достаточное количество гламарии, и дамы приступили к косметическим священнодействиям. Из-за закрытых дверей комнат доносились всхлипывания Цириллы, Моны, Эитнэ и Ньюни, которым гламарией пользоваться запретили – такой чести удостоилась лишь самая старшая дриада, Моренн. Громче всех ревела Ньюни.

Этажом выше всхлипывала Лили, дочка Даинти Бибервельта, так как оказалось, что гламария, как и большинство чар, вообще не действует на хоббитов и низушек. В саду, в кустах терновника, лил горькие слезы медиум женского пола, не знавший, что гламария приводит к мгновенному опьянению и сопутствующим оному явлениям, в частности, глубокой мелан-

холии. В западном крыле замка плакала Анника, дочка войта Кальдемейна, которая, не зная, что гламарию надлежит втирать под глаза, съела свою часть, и у нее открылся понос. Цири получила свою порцию гламарины и натерла ею Кэльпи. Кэльпи залоснилась еще крепче.

Немного поплакали также жрицы Иоля и Эурнэйд, так как Йеннифэр категорически отказалась надевать сшитое ими белое платье. Не помогло вмешательство Нэннеке. Йеннифэр сквернословила, кидалась разными предметами и заклинаниями, повторяя, что в белом она выглядит как затюканная шлюха. Нервничающая Нэннеке тоже принялась кричать, обвиняя чародейку в том, что та-де ведет себя хуже, чем три затюканные шлюхи, вместе взятые. В ответ Йеннифэр пустила в дело шаровую молнию и раздолбала крышу на угловой башне, что, впрочем, имело свою хорошую сторону – грохот был столь ужасен, что от неожиданного шока у дочери Кальдемейна прошел понос. К счастью, не начался запор.

Снова видели Трисс Меригольд с ведьмаком Эскем из Каэр-Морхена, которые, нежно обнявшись, втихоря прошмыгнули в парковую беседку. На сей раз никто не сомневался в том, что это были они сами, поскольку доплер Тельико в это время пил пиво в обществе Лютика, Даинти Бивервельта и дракона Виллентретенмерта.

Несмотря на активные поиски, не удалось отыскать гнома, откликавшегося на имя Шуттенбах.

X

– Йен...

Она выглядела изумительно. Черные, искрящиеся, схваченные золотой диадемой волосы ниспадали блестящими волнами на плечи и высокий воротничок длинного парчового белого платья с черно-полосатыми буфастыми рукавами, стянутого в талии невероятным количеством драпировок и лиловых ленточек.

– Цветы, не забудь о цветах, – сказала Трисс Меригольд, вся в глубоко-голубом, вручая невесте букет белых роз. – Ох, Йен, как я рада...

– Трисс, милая, – неожиданно всхлинула Йеннифэр, и чародейки осторожно обнялись и чмокнули воздух друг у друга около ушей и бриллиантовых сережек.

– Ну, хватит нежностей, – сказала Нэннеке, разглаживая на себе складки снежно-белого одеяния жрицы. – Идем в часовню. Иоля, Эурнэйд, поддержите ей шлейф, иначе она свалится с лестницы.

Йеннифэр подошла к Геральту и рукой в белой перчатке подправила ему воротник черного, обшитого серебряными галунами кафтана. Ведьмак подал ей руку крендельком.

– Геральт, – шепнула она ему рядом с ухом, – я все еще не могу поверить...

– Йен, – ответил он тоже шепотом. – Я люблю тебя.

– Знаю.

XI

– Где, черт побери, Хервиг?

– Понятия не имею, – сказал Лютик, надраивая рукавом застёжки модной курточки верескового цвета. – А Цири?

– Не знаю, – поморщилась Йеннифэр и потянула носом. – Ну и воняет же от тебя петрушкой. Слушай, Лютик, ты что, решил стать вегетарианцем?

Гости сходились, понемногу заполняя просторную часовню. Агловаль, весь в церемониально-черном, вел бело-салатную Ш'ееназ, рядом с ними двигалась группа низушек и низушков в коричневом, бежевом и охряном, Ярпен Зигрин и дракон Виллентретенмерт, оба переливающиеся золотом, Фрейксенет и Доррегарай в фиолетовом, королевские послы

в геральдических цветах, эльфы и дриады в зеленом и знакомые Лютика кто в чем попало, мерцающие всеми цветами радуги.

– Кто-нибудь видел Локи? – спросил Мышовур.

– Локи? – Эскель подошел, глянул на них из-за фазаньих перьев, украшающих берет. – Локи был с Хервигом на рыбалке. Я видел их в лодке на озере. Цири поехала туда, чтобы сказать, что мы начинаем.

– Давно?

– Давно.

– Чтоб их зараза взяла, сраных рыбаков, – выругался Крах ан Крайт. – Когда у них рыба клюет, они забывают о Божьем свете. Рагнар, стоняй за ними.

– Погоди, – сказала Браэнн, стряхивая одуванчик с глубокого выреза декольте. – Тут нужен кто-то побыстрее. Мона, Нюна! Roenn'ess aen laske, va!

– Я же говорила, – фыркнула Нэннеке, – что на Хервига рассчитывать нельзя. Безответственный дурак, как и все атеисты. Кому взбрело в голову именно ему поручить роль церемониймейстера?

– Он король, – неуверенно сказал Геральт, – хоть и бывший, но король...

– Сто лет, сто лет! – неожиданно завел один из пророков, но дрессировщица крокодилов убила его шлепком по шее. В группке низушков закипело, кто-то выругался, кто-то отхватил тумака, Гардения Бибервельт взвизгнула, потому что доплер Тельико наступил ей на платье. Медиум женского пола принялся совершенно без причины всхлипывать.

– Еще минута, – прошипела Йеннифэр сквозь мило улыбающиеся губы, сминая букет, – еще минута – и меня хватит кондрашка. Да начинайте же, наконец. И кончайте же, наконец, поскорее.

– Не вертись, Йен, – проворчала Трисс. – Шлейф оторвешь.

– Где гном Шуттенбах? – крикнул кто-то из поэтов.

– Понятия не имеем! – хором ответили четыре распутницы.

– Так поищите же его кто-нибудь, черт побери, – крикнул Лютик. – Он обещал нарвать цветов! И как же теперь? Ни Шуттенбаха, ни цветов! И как мы выглядим, я вас спрашиваю?

У входа в часовню возникло движение, и внутрь вбежали обе высланные к озеру дриады, тонко крича, а следом за ними влетел Локи, весь в воде и тине, с кровоточащей раной на лбу.

– Локи! – крикнул Крах ан Крайт. – Что с тобой?

– Мааааа! – разревелась Нюна.

– Que'ss aen? – Браэнн подскочила к дочерям, трясаясь и от волнения переходя на диалект брокилонских дриад. – Que'ss aen? Que suess'ss feal, caer me?

– Он перевернул нашу лодку, – выдохнул Локи. – У самого берега. Страшное чудовище! Я ударил его веслом, но он перегрыз! Перегрыз весло!

– Кто? Что?

– Геральт! – крикнула Браэнн. – Геральт, Мона говорит, что это цинерия!

– Жиритва! – рявкнул ведьмак. – Эскель, тащи сюда мой меч!

– Моя палочка! – крикнул Доррегарай. – Радклифф! Где моя волшебная палочка?

– Цири! – закричал Локи, стирая кровь со лба. – Цири с ним бьется, с чудовищем этим!

– Дьявольщина! Цири против жиритвы не устоит! Эскель, лошадь!

– Погодите! – Йеннифэр сорвала диадему с волос и бросила на пол. – Мы телепортируем вас! Так будет скорее! Доррегарай, Трисс, Радклифф! Давайте руки...

Все умолкли, а потом громко закричали. В дверях часовни стоял король Хервиг, мокрый с головы до ног, но целый. Рядом с ним стоял молоденький парнишка в блестящих доспехах странной конструкции и с непокрытой головой. А следом за ним вошла Цири. Вся испачканная грязью, растрепанная, с гвехиром в руке. Поперек ее щеки, от виска до подбородка, шла глу-

бокая, отвратительная рана, сильно кровоточащая сквозь прижатый к лицу оторванный рукав рубашки.

– Цири!!!

– Я убила ее, – невнятно проговорила ведьмачка. – Я разделала ей башку.

Она покачнулась. Геральт, Эскель и Лютик подхватили ее, подняли. Цири не выпустила меч.

– Опять, – простонал поэт. – Опять она получила прямо по мордашке... Что за чертовы неудачи преследуют эту девочку...

Йеннифэр громко застонала, подбежала к Цири, оттолкнула Ярре, который со своей одной рукой только мешался. Не обращая внимания на то, что смешанная с тиной и водой кровь пачкает и портит ей платье, чародейка приложила ведьмачке пальцы к лицу и выкрикнула заклинание. Геральту почудилось, что весь замок задрожал, а солнце на секунду пригасло.

Йеннифэр отняла руку от лица Цири, и часовню заполнил вздох изумления – безобразная рана превратилась в тонюсенькую красную черточку, помеченную несколькими маленькими капельками крови. Цири повисла в держащих ее руках.

– Bravo, – проговорил Доррегарай. – Рука мастера.

– Мое восхищение, Йен, – глухо проговорила Трисс, а Нэннеке расплакалась.

Йеннифэр улыбнулась, закатила глаза и потеряла сознание. Геральт успел подхватить ее прежде, чем она опустилась на пол, обмякая как шелковая ленточка.

ХП

– Спокойнее, Геральт, – сказала Нэннеке. – Без нервов. Это сейчас пройдет. Она перетрудилась, вот и все. К тому же эмоции... Она очень любит Цири, ты же знаешь.

– Знаю. – Геральт поднял голову, поглядел на стоящего в дверях комнаты паренька в блестящих доспехах. – Послушай, сынок, возвращайся в часовню. Тут ты не нужен. Кстати, так, между нами, кто ты такой?

– Я... Я Галахад, – прошептал рыцарек. – Могу ли я... Дозволено ли мне спросить, как чувствует себя прекрасная и мужественная девушка?

– Которая? – улыбнулся ведьмак. – Есть две прекрасные, мужественные и женственные девушки. Кстати, одна из них девушка по чистой случайности. Которая тебя интересует?

– Та, что моложе, – сказал юноша, заметно покраснев. – Та, которая не колеблясь кинулась спасти Короля-Рыбака.

– Кого?

– Он имеет в виду Хервига, – вставила Нэннеке. – Жиритва напала на лодку, из которой Хервиг и Локи ловили рыбу. Цири бросилась на жиритву, а этот юноша, который случайно оказался рядом, поспешил ей на помощь.

– Ты помог Цири. – Ведьмак посмотрел на рыцарьку внимательней и доброжелательней. – Как, говоришь, тебя зовут? Я запомню.

– Галахад. А это – Авалон, замок Короля-Рыбака?

Дверь распахнулась, там стояла Йеннифэр, немного бледноватая, поддерживаемая Трисс Меригольд.

– Йен!

– Мы идем в часовню, – известила тихим голосом чародейка. – Гости заждались.

– Йен... может, отложим?

– Я стану твоей женой, даже если меня черти в ад поволокут! И стану немедленно!

– А Цири?

– Что Цири, – выглянула из-за спины Йеннифэр ведьмачка, втирая гламарию в относительно здоровую щеку. – Все в порядке, Геральт. Ерундовая царапина, я даже не почувствовала.

Галахад, скрипя и позвякивая доспехами, опустился, точнее – повалился на одно колено.
– Прекрасная дама...

Огромные глаза Цири сделались еще огромнее.

– Послушай, Цири, – сказал ведьмак. – Это рыцарь... хм... Галахад. Вы уже знакомы. Он помог тебе, когда ты дралась с жиритвой.

Цири залилась румянцем. Гламария начинала действовать, поэтому румянец был и вправду прекрасен, а шрама почти не было видно.

– Госпожа, – прошептал Галахад, – окажи мне честь. Позволь, о прекрасная, мне у стоп твоих...

– Насколько я знаю жизнь, он желает стать твоим рыцарем, Цири, – сказала Трисс Меригольд.

Ведьмачка заложила руки за спину и изящно сделала реверанс, все еще ничего не говоря.

– Гости ждут, – прервала Йеннифэр. – Галахад, ты, вижу, не только храбрый, но и галантный юноша. Ты дрался плечом к плечу с моей дочерью...

– Йен, – шепнул Геральт.

– С нашей дочерью, – поправилась Йеннифэр, – поэтому подашь ей руку во время церемонии. Цири, бегом переодевайся в платье. Геральт, причешись и заправь рубашку в брюки, она у тебя вылезла. Я хочу всех вас видеть в часовне через десять минут.

ХIII

Свадьба прошла роскошно. Дамы и девушки сообща поплакали. Церемонией руководил Хервиг, хоть и бывший, но как-никак король. Весемир из Каэр-Морхена и Нэннеке сыграли роль посаженных родителей, а Трисс Меригольд и ведьмак Эскель – дружек. Галахад вел Цири, а Цири пылала не хуже пиона.

Все те, у кого были мечи, образовали шпалеру, коллеги Лютика бренчали на лютнях и гуслях и распевали песенку, специально сложенную на этот случай, причем исполнять рефрен им помогали рыжие дочери Фрейксенета и сирена Ш'ееназ, широко известная не только шикарными ногами, но и прекрасным голосом.

Лютик произнес речь, пожелал новобрачным счастья, успехов в личной жизни, но прежде всего – удачной первой ночи, за что получил от Йеннифэр пинок по щиколотке...

Потом все устремились в тронную залу и осадили стол. Геральт и Йеннифэр, связанные по рукам шелковым шарфом, уселись на верхнем конце и улыбались оттуда, отвечая на тосты и пожелания.

Гости, в большинстве своем успевшие уже нагуляться и наобщаться прошлой ночью, вели себя сдержанно и благовоспитанно, и в течение поразительно долгого времени никто не надрался. Неожиданным исключением оказался однорукый Ярре, который быстро перебрал и не мог выносить вида Цири, горящей румянцем под умильными взглядами Галахада. Никто не исчезал, если не считать Ньюны, которую, однако, вскорости отыскали под столом, спящую на собаке.

Призракам замка Розрог прошедшая ночь тоже, видимо, далась с трудом, потому что они не проявляли признаков жизни. Исключением оказался обвешанный обрывками савана скелет, случайно выглянувший из пола за спинами Агловаля, Фрейксенета и Мышовура. Однако князь, барон и друид были заняты спором о политике и призрака не заметили. Скелет, обойденный вниманием, прошелся вдоль стола и защелкал зубами над самым ухом Трисс Меригольд. Чародейка, нежно прильнувшая к плечу Эскеля из Каэр-Морхена, изящно подняла белую рученьку и щелкнула пальцами. Костями занялись собаки.

– Да сопутствует вам великая Мелитэле, дорогие! – Нэннеке поцеловала Йеннифэр и чокнулась с Геральтом. – Безобразно много времени понадобилось вам на это, но наконец-то вы

вместе. Ужасно рада, и, надеюсь, Цири не возьмет с вас примера, а если отыщет себе кого-нибудь подходящего, не станет так долго тянуть.

– Похоже, – Геральт головой указал на Галахада, не отрывавшего глаз от ведьмачки, – она уже кого-то подыскала.

– Ты об этом чуде? – удивилась Нэннеке. – О нет. Тут ничего не получится. Ты как следуешь рассмотрел его? Нет? Ну так посмотри, что он вытворяет. Вроде бы миндальничает с Цири, а сам все время ощупывает кубки и фужеры на столе. Согласись, это не совсем нормальное поведение для влюбленного. Меня удивляет девочка, она смотрит на него, как на картинку. Ярре – другое дело. Парень разумный, выдержанный...

– Твой разумный и выдержанный Ярре только что свалился под стол, – холодно прервала Йеннифэр. – И довольно об этом, Нэннеке. Цири идет к нам.

Пепельноволосая ведьмачка села на освобожденное Хервигом место и крепко прижалась к чародейке.

– Я уезжаю, – сказала она тихо.

– Знаю, доченька.

– Галахад... Галахад едет со мной. Не знаю зачем. Но ведь не могу же я ему запретить, правда?

– Правда. Геральт, – чародейка подняла на мужа глаза, горящие теплым фиолетом, – пройдишь вдоль стола, поболтай с гостями. Можешь выпить. Один фужер. Небольшой. А мне хотелось бы поговорить с моей... э... нашей дочерью. Как женщина с женщиной.

Ведмак вздохнул.

За столом становилось все веселей. Компания Лютика распевала песенки, причем такие, что у Анники, дочери войта Кальдемейна, кровь прилиwała к щекам. Крепко подвыпивший дракон Виллентретенмерт обнимал еще крепче подвыпившего допллера Тельико Луннгревинка Леторта и убеждал его в том, что превращаться в князя Агловаля в целях подмены онго в ложе сирены Ш'ееназ было бы дружеской бестактностью.

Рыжие дочери Фрейксенета из кожи лезли вон, пытаясь понравиться королевским послам, а королевские послы всячески пытались нравиться дриадам, что в итоге приводило к всеобщему хаосу. Ярпен Зигрин, сопя вздернутым носом, вдалбливал Хиреадану, что, будучи ребенком, хотел быть эльфом. Мышовур долдонил, что правительство не удержится, а Агловаль – что совсем даже наоборот. При этом никто не знал, о каком правительстве идет речь. Хервиг повествовал Гардении Бибервельт об огромном карпе, которого вытянул на леску из одного-единственного конского волоса. Низушка сонно кивала головой, время от времени требуя от мужа, чтобы тот перестал хлестать водку.

По галереям бегали пророки и дрессировщица крокодилов, тщетно пытавшиеся отыскать гнома Шуттенбаха. Фрея, которой явно опротивели слабаки мужчины, активно пила с медиумом женского пола, причем обе очень серьезно и с чувством собственного достоинства молчали.

Геральт обходил стол, чокался, подставлял плечи под одобрительные похлопывания и щеки под поздравительные поцелуи. Наконец подошел к тому месту, где к покинутому Цири Галахаду подсел Лютик. Галахад, уставившись на кубок поэта, говорил, а поэт шурился и делал вид, якобы сказанное его чрезвычайно интересует. Геральт остановился за ними.

– Тогда я сел в ту лодку, – говорил Галахад, – и отплыл в туман, хотя, честно говоря, сэр Лютик, сердце замирало у меня от ужаса. И признаюсь вам, я усомнился. И подумал, что вот он пришел, мой конец, сгину как пить дать в этом тумане непроглядном... И тут взошло солнце, вода запылала, как... как золото... И явился град очам моим... Авалон. Ведь это ж Авалон, правда?

– Нет, – возразил Лютик, – неправда. Это Schwemmland, что переводится как «болото, трясына»³. Пей, Галахадик.

– А замок? Это же замок Монсальват?

– Ни в коем разе. Это Розрог. Никогда я не слышал, сынок, о замке Монсальват. А уж если я о чем-то не слышал, значит, ничего такого не существует и не существовало. За здоровье молодых, сынок!

– За здоровье, сэр Лютик. Но все-таки этот король... Не Король ли он Рыбак?

– Хервиг? Точно, рыбачить любит. Раньше любил охотиться, но после того, как его охроматили в бою под Ортом, он не может ездить верхом. Только не называй его Королем-Рыбаком, Галахад. Во-первых, это звучит весьма глупо, а во-вторых, он может обидеться.

Галахад долго молчал, вертя пальцами наполовину пустой фужер. Наконец тяжело вздохнул, осмотрелся.

– Вы были правы. Это всего лишь легенда. Сказка. Фантазия. Короче говоря – ложь. Вместо Авалона обычное Болото. И никаких надежд...

– Ну-ну. – Поэт тыркнул его локтем в бок. – Не унывай, сынок. С чего бы вдруг такое уныние в голосе? И ты, и я на свадьбе, веселись, пей, пой. Ты молодой, перед тобой вся жизнь.

– Жизнь, – задумчиво повторил рыцарек. – Как это выходит, сэр Лютик: что-то начинается или что-то кончается, а?

Лютик быстро и внимательно взглянул на него. Потом ответил:

– Не знаю. А уж если я этого не знаю, то не знает никто. Вывод: ничто никогда не кончается и не начинается.

– Не понимаю.

– И не надо.

Галахад снова подумал, наморщив лоб.

– А Грааль? Как с Граалем?

– А что такое Грааль?

– Что-то такое, что все время ищут. – Галахад поднял на поэта мечтательные глаза. – Что-то самое важное. Очень важное. Без чего жизнь теряет смысл. Такое, без чего она неполна, недокончена, несовершенна.

Поэт выпятил губы и глянул на юного рыцаря своим знаменитым взглядом, тем самым, в котором надменность была смешана с веселой доброжелательностью.

– Весь вечер ты сидел рядом с твоим Граалем, парень, – сказал он.

XIV

Около полуночи, когда гостям уже начало вполне хватать своего собственного общества, а Геральт и Йеннифэр, освобожденные от церемониала, могли наконец спокойно взглянуть друг другу в глаза, дверь с грохотом отворилась и в залу ворвался разбойник Виссинг, широко известный под прозвищем Гоп-Стоп. Росту Гоп-Стоп был около семи футов, борода свисала до пояса, а нос формой и цветом не уступал редиске. На одном плече разбойник держал свою прославленную дубинку, на другом – огромный мешок.

Геральт и Йеннифэр знали Гоп-Стопа еще по стародавним временам. Однако ни он, ни она и не думали его приглашать. Это, несомненно, была идея Лютика.

– Привет, Виссинг, – улыбнулась чародейка. – Очень мило с твоей стороны вспомнить о нас. Угощайся.

Разбойник изысканно поклонился, опираясь на Соломку, то бишь Дубинку.

³ Лютик, конечно, напутал. Schwemmland (нем.) вовсе не «болото», а «наносная земля, наносный грунт». – Примеч. пер.

– Многие лета радости и кучу детишек, – громко возвестил он. – Этого желаю вам, дорогие мои! Сто лет в счастье, да что я говорю, двести, двести, курва, лет! Двести! Ах как же я рад, Геральт, и вы, милсдарыня Йеннифэр. Я всегда верил, что вы окрутитесь, хоша вы завсегда цапались и кусались, как, к примеру, псы дворовые. Ах, курва, да что я болтаю-то!

– Привет, привет, Виссинг, – сказал ведьмак, наливая вина в самый большой кубок, какой только оказался поблизости. – Выпей за наше здоровье. Откуда явился? Говорили, ты сидишь в узилище?

– Вышел. – Гоп-Стоп одним духом выпил, глубоко вздохнул. – Вышел под этот, как так его, курва, залог. А это, дорогие, мой подарочек вам. Получайте.

– Что такое? – проворчал Геральт, глядя на огромный мешок, в котором что-то шевелилось.

– По дороге словил, – сказал Гоп-Стоп. – Надыбал это на клумбе, где стоит голая баба, из камня высеченная, ну, та, которую голуби обделали...

– Так в мешке-то что?

– А этакой, как бы сказать, дьявол. Я прихватил его для вас в подарок. У вас тут зверинец есть? Нету? Ну, так и сделайте из эво чучелу и повесьте в прихожей, вот уж будут ваши гости дивиться. Хитрая скотинка, доложу я вам, этот дьявол. Утверждает, что его Шуттенбахом кличут.

Музыканты⁴

Долы

Там, где практически кончался город, за трамвайной петлей, за подземными железнодорожными путями и пестрыми квадратами огородных наделов, протянулось холмистое ухаби-стое поле, замусоренное, изрытое, ощеренное клыками колючей проволоки, заросшее чертополохом, пыреем, полевицей, осотом и одуванчиком.

Полоса ничейной земли, фронтальная зона между каменной стеной новостроек и дальним, темно-зеленым лесом, казавшимся синим сквозь дымку смога.

Люди называли это место Долами. Но это было не настоящее название.

Эта окраина всегда была пустынна, даже непоседливые детишки лишь изредка забегали сюда, по примеру родителей предпочитая для игр места, скрытые в безопасных железобетонных каньонах. Только временами, да и то у самого края, устраивались тут пьянчужки, их ата-вистически тянуло к зелени. Больше на Долы не забредал никто.

Не считая кошек.

Кошек было полно по всей округе, но Долы были их царством, неоспоримым доменом и убежищем. Оседлые псы, регулярно облаивавшие кошек по приказу своих хозяев, останавливались на границе пустыря и тут же удирали, поскуливая и поджимая хвосты. Они покорно принимали жестокие побои за трусость – Долы были для них страшнее боли.

Людям тоже на Долах было как-то не по себе. Днем. Ибо ночью на Долы не забредал никто.

Не считая кошек.

Таящиеся и осторожные днем, ночью кошки кружили по Долам мягким крадущимся шагом, совершали необходимую коррекцию численности местных крыс и мышей, будили жителей приграничных домов пронзительным мявом, возвещавшим любовь или кровавую драку. Ночью кошки чувствовали себя на Долах безопасно. Днем – нет.

Местные жители не любили кошек. Учитывая, что тех созданий, которых они любили и которых держали в своих каменных гнездах, у них было в обычае время от времени зверски истязать, определение «не любили» в отношении кошек обретало соответствующее мрачное звучание. Случалось, кошки размышляли, в чем кроется причина этого состояния. Взгляды разнились – большинство кошек полагало, что виной всему те мелкие, на первый взгляд незначительные мелочи, те, что медленно, но верно приканчивали людей и вели их к помешательству – острые смертоносные иголки асбеста – их люди носили в своих легких, – убийственная радиация, исходящая от бетонных стен их, губительный кислый воздух, неизменно висящий над городом. Что ж удивительного, говорили кошки, если кто-то, балансирующий на краю гибели, отравленный, разъедаемый ядами и болезнями, ненавидит витальность, ловкость и силу? Если кто-то, издерганный, не знающий покоя, яростью и бешенством реагирует на теплый, пушистый, мурлычущий покой других? Нет, не было в этом ничего, чему следовало удивляться.

Следовало держаться настороже, убегать со всех ног, во всю прыть, едва заведя двуногий силуэт – большой или маленький. Следовало остерегаться пинка, палки, камня, собачьих клыков, автомобильных колес. Следовало вовремя распознать жестокость, скрытую за цеди-мым сквозь сжатые зубы «кис-кис». И только.

⁴ Muzykanci. Перевод с польского Е. А. Барзовой и гг. Мурадян.

Были, однако, среди кошек и такие, кто полагал, что причина ненависти – в чем-то другом. Что лежит она в Давних Временах.

Давние Времена. Кошки знали о Давних Временах. Образы Давних Времен являлись на Доле ночами.

Ибо Доле не были обычным местом. Ясными лунными ночами кошкам виделись образы, доступные только их кошачьему зрению. Туманные, мерцающие образы. Хороводы длинноволосых девушек вокруг странных сооружений из камня, безумные завывания и подскоки близ изувеченных тел, свисающих с деревянных опор, ряды людей в капюшонах с факелами в руках, пылающие дома с башнями, увенчанными крестами, и такие же кресты, только перевернутые, воткнутые в черную, пульсирующую землю. Костры, колья и виселицы. И черный человек, выкрикивающий слова. Слова, которые были – кошки знали – истинным именем места, называемого Долами.

Locus terribilis.

В такие ночи кошкам бывало страшно. Кошки чувствовали, как дрожит Завеса. Тогда они припадали к земле, впивались в нее когтями, открывали безгласно усаые пасти. Ждали.

И тогда раздавалась музыка. Музыка, заглушающая непокой, утишающая страх, несущая блаженство, возвещающая безопасность.

Ибо, кроме кошек, на Долах жили Музыканты.

Вееал

День начался как и все другие дни – холодный рассвет разогрелся и разленился теплым осенним предполуднем, озарился в зените сполохами бабьего лета, разъяснился, потускнел и начал умирать.

Это случилось совсем неожиданно, внезапно, без предупреждения. Вееал разодрал воздух, вихрем пронесся по сорной траве, умножился эхом, отразившимся от каменных стен многоквартирных домов. Ужас вздыбил полосатую и пеструю шерсть, прижал уши, оскалил клыки.

Вееал!

Мучение и смерть!

Убийство!

Вееал!

Завеса! Завеса лопнула!

Музыка.

Успокоение.

Сирены машин нахлынули на огороды только потом. Только потом появились обезумевшие, снующие люди в белых и голубых одеждах. Кошки смотрели из укрытия, спокойные, равнодушные. Это уже их не касалось.

Люди бегали, кричали, ругались. Люди уносили изуродованные тела убитых, и сквозь белые простыни сочилась кровь. Люди в голубых одеждах отталкивали от проволочного ограждения других, тех, что подбегали со стороны жилого квартала. Кошки смотрели.

Один из людей в голубых одеждах выскочил на открытое пространство. Его вырвало. Кто-то закричал, закричал страшно. Яростно захлопали дверцы машин, потом снова взвыли сирены.

Кошки тихо мурлыкали. Кошки слушали музыку. Все это их уже не касалось.

Бородавчатый

Захваченный в сети тонов, соединяющих и склеивающих разорванную Завесу тончайшей пряжей музыки, Бородавчатый отступал, разбрызгивая вокруг себя капельки крови, стекающей

с когтей и клыков. Отступал, исчезал, пойманный клейким вязущим веществом; в последний раз, уже из-за Завесы,дохнул он на Музыкантов ненавистью, злобой и угрозой.

Завеса срослась, затянулся последний след разрыва.

Музыканты

Музыканты сидели у покореженной, черной от копоти печки, врытой в землю.

– Удалось, – сказал Керстен. – На этот раз удалось.

– Да, – подтвердил Итка. – Но в следующий раз... Не знаю.

– Будет следующий раз, – прошептал Пасибурдук, – Итка? Будет следующий раз?

– Вне всяких сомнений, – проговорил Итка. – Ты их не знаешь? Не догадываешься, о чем они сейчас думают?

– Нет, – сказал Пасибурдук. – Не догадываюсь.

– А я догадываюсь, – проворчал Керстен. – Еще как догадываюсь, потому что знаю их. Они думают о мщении. Поэтому мы должны ее отыскать.

– Должны, – сказал Итка. – Должны ее наконец отыскать. Только она может их удержать. У нее есть с ними контакт. А когда она уже будет с нами, мы отсюда уйдем. В Бремен. К другим. Так, как велит Закон. Мы должны идти в Бремен.

Голубая комната

Голубая комната жила собственной жизнью. Дышала запахом озона и разогретого пластика, металла, эфира. Пульсировала кровью электричества, жужжащего в изолированных проводах, в маслянисто лоснящихся выключателях, клавишах и штепселях. Мигала стеклянным мерцанием экранов, множеством злых, красных детекторных глазков. Похвалялась величию хрома и никеля, важностью черного, достоинством белого. Жила.

Покоряла. Господствовала.

Деббе шевельнулась в путях ремней, распластавших ее на покрытом простыней и клееной столе. Ей не было больно – иглы, вбитые в череп, и зубастые бляшки, пристегнутые к ушам, уже не причиняли боли, только давил плетеный венец проводов – все это уродовало, позорно стесняло, но уже не причиняло страданий. Тусклым, остановившимся взором Деббе смотрела на герань, стоящую на подоконнике. Герань была в этой комнате единственной вещью, живущей собственной, независимой жизнью.

Не считая Изы.

Иза, склонившаяся над столом, писала быстро, мелким бисерным почерком покрывая страницы тетради, время от времени постукивая пальцами по клавиатуре компьютера. Деббе вслушивалась в биение Комнаты.

– Ну, маленькая, – сказала Иза, поворачиваясь. – Начинаем. Спокойно.

Щелкнул выключатель, загудели моторы, завибрировали огромные катушки, стрельнули глазами кроваво-красные огоньки. Через круглые, в клеточку, окна экранов побежали вприпрыжку светящиеся мыши. Самописцы задрожали, раскачиваясь, как тонкие паучьи лапки, и поползли по бумажным лентам зубчатые линии.

Деббе

Иза грызла ручку, всматриваясь в ряды цифр, пугающе ровно выскакивающих на экране монитора, в графики, в прямоугольные диаграммы. Бормотала себе под нос, долго писала в тетради. Курила. Просматривала распечатки. Наконец щелкнул выключатель.

видела герань. Ощущала сухость в носу, холодящий жар, спускающийся от лба к глазам. Онемение, онемение во всем теле.

Иза просматривала распечатки. Некоторые комкала и швыряла в переполненную корзину, другие, помеченные быстрым росчерком, подкалывала и складывала в ровную стопку.

Комната жила.

– Еще раз, – сказала Иза. – Еще раз, маленькая.

Деббе

Голубой экран выколдовывал прямые и ломаные линии, аккуратными слоями громоздил колонки циферек. Самописец, плавно и спокойно колыхаясь, чертил на бумажной ленте фантастический горизонт.

Это мы. Ты должна

она удивилась, услышав этот голос. Никогда прежде она не слышала этого голоса, голоса громче, чем голос Комнаты, громче, чем пекущий жар, булькающий в ее мозгу. Иглы, которыми щетинилась ее голова, завибрировали.

Музыка! Музыка! Музыка!

Красная линия на экране подскочила вверх, самописец дернулся и нарисовал в прерванной линии три или четыре мощные зазубрины.

должна с нами в Бремен.

– Что такое, холера, – прошептала Иза, вперясь в экран. Забыв о тлеющей в пепельнице сигарете, закурила другую. Она втыкала выключатели один за другим, пытаясь совладать с обезумевшими экранами.

– Ничего не понимаю. Что происходит, маленькая?

Наконец она сделала то, что следовало. Выключила ток.

– Нееет, – протяжно сказала Деббе. – Не хочу, светловолосая. Не хочууууу!

Иза встала, погладила ее по голове и по хребту. Все линии на экране поползли вверх, а самописец дико заметался. Иза этого не видела.

– Бедная киска, – сказала она, глядя шелковистую шерстку Деббе. – Бедная киска. Если бы ты только знала, как мне тебя жалко. Но ты послужишь науке, кисонька. послужишь познанию.

За плечами Изы курсор компьютера засеменил вправо, выписав ровными маленькими угловатыми буквами «Incorrect statement», и погас. Совсем.

Самописец остановился на бумажной ленте. Светящаяся мышка на круглом, в клеточку, экране пискнула последний раз и замерла.

Иза, ощутив внезапную слабость, от которой потемнело в глазах, тяжело опустилась на белый трехногий столик.

Музыка, подумала она, откуда эта...

Деббе мурлыкала проникновенно, свободно и легко, плавно и естественно подлаживаясь к гармонии набегающих отовсюду тонов. Она открывала в них себя, свое место, свое предназначение. Она чувствовала, что без нее эта музыка – неполная, увечная. Голоса, сопровождавшие аккорды, подтверждали это. *Это ты, говорили они, это ты. Поверь в себя. Это именно ты. Поверь.*

Деббе верила.

Мы, говорили голоса, это ты. Слушай нас. Слушай нашу музыку. Твою музыку. Слышишь?

Деббе слышала.

Мы ждем тебя, говорили голоса. Мы покажем тебе путь к нам. А когда ты уже будешь с нами, мы отправимся все вместе в Бремен. К другим Музыкантам. Но сначала ты должна дать им шанс. Только ты можешь это сделать. Можешь дать им шанс. Послушай. Мы расскажем тебе, что сделать, чтобы их удержать. Слушай.

Деббе слушала.

Ты сделаешь это?

Да, сказала Деббе. Сделаю.

Музыка ответила каскадом звуков.

Иза безжизненным взглядом смотрела на герань.

Смотри на меня, светловолосая, сказала Деббе. Черная буква «М» на челе кошки, знак избранницы, метка Паука-преследователя, засияла и засверкала металлическим павлиньим блеском.

Смотри мне в глаза.

Нейман

– Двое, – сказала санитарка. – Их двое. Сидят в ординаторской. Рецка сварила им кофе. Но они сказали, что им срочно.

– Что могло понадобиться от меня милиции? – Иза затушила недокуренную сигарету в жестяной шаткой тарелке коридорной пепельницы. – Они не говорили?

– Ничего не говорили. – Санитарка наморщила пухлое личико. – Вы же знаете, пани доктор. Они никогда ничего не говорят.

– Откуда мне знать?

– Идите, пани. Они говорят, что им срочно.

– Иду.

Их действительно было двое. Интересный блондин, косая сажень в плечах, в фирмовой куртке, и брюнетик в темном свитере.

При виде входящей Изы оба встали. Она удивилась – жест был не повседневный даже для обычных мужчин и уж совсем неправдоподобный для милиционеров. Полицейских, мысленно поправила она себя и тут же устыдилась – устыдилась стереотипа, которому неосознанно поддалась.

– Пани доктор Пшеменца, – констатировал блондин.

– Да.

– Изабелла Пшеменца?

– Да. Садитесь, пожалуйста. Слушаю вас.

– А не, – усмехнулся блондин. – Это я слушаю.

– Я не совсем понимаю вас, пан...

– Комиссар. Это эквивалент прежнего поручика.

– Я имела в виду фамилию, не чин.

– Нейман. Анджей Нейман. А это – стажер Здыб. Прошу прощения, пани доктор. Я считал представление излишним, поскольку вы ведь со мной знакомы. Вы звонили мне по телефону. Называли мою фамилию. И чин, как вы остроумно выразились.

– Я? – еще больше удивилась Иза. – Я звонила вам по телефону? Прошу прощения, я с самого начала предполагала, что это какая-то ошибка. А теперь я уверена, что так и есть. Я никогда не звонила в милицию. Никогда. Вы меня с кем-то перепутали.

– Пани Иза, – внушительно сказал Нейман. – Очень прошу вас не усложнять мне задачу. Я занимаюсь делом об убийстве, совершенном на огородных участках имени Розы Люксембург, ныне – генерала Андерса. Вы, вероятно, слышали: трое несовершеннолетних, зарезанных при помощи серпа, косы, багра или же подобного орудия. Вы слышали? Это недалеко отсюда, в предместье.

– Слышала. Но какое это имеет отношение ко мне?

– Вы не знаете? Вы занимаетесь одной из жертв этого происшествия. Косвенной жертвой, так мы это называем. Эльжбета Грубер, девяти лет. Эта девочка, которая видела весь ход происшествия, весь процесс преступления. Она лежит в этой больнице. Я слышал, что вы ею занимаетесь.

– А, та девочка в коме... Нет, панове, это не моя пациентка. Доктор Абрамик...

– Доктор Абрамик, с которым я уже беседовал, утверждает, что вы очень интересуетесь этим случаем. Эта Грубер – она ваша родственница?

– Еще раз повторяю... Никакая она мне не родственница, я не знаю ее. Не знала даже ее фамилии...

– Пани Иза. Хватит. Толек, позволь.

Брюнетик потянулся к дипломату и вытащил маленький плоский магнитофон «Нэшнл панасоник».

– У нас, – сказал Нейман, – записываются разговоры. Ваш разговор со мной оказался записан. К сожалению, не с начала...

Против воли комиссар покраснел. Начало разговора не записалось по самым прозаическим причинам – в магнитофоне в тот момент стояла кассета с «But Seriously» Фила Колинза, переписанная с компакт-диска. Брюнетик нажал на клавишу.

– ...перебивай, Нейман, – проговорил голос Изы. – Какое тебе дело до того, кто говорит? Важнее, что говорит. А говорит вот что: нельзя тебе делать то, что задумал. Понимаешь? Нельзя. Чего ты хочешь добиться? Хочешь узнать, кто убил мальчишек на огородных участках? Могу тебе сказать, если хочешь.

– Да, – сказал голос комиссара. – Хочу. Прошу вас сказать мне, кто это сделал.

– Это сделал тот, кто прошел сквозь Завесу. Когда пронесся Вееал, Завеса лопнула, и он прошел. Когда Завеса лопается, те, что находятся поблизости, гибнут.

– Не понимаю.

– И не должен, – резко сказал голос Изы. – Вовсе и не должен понимать. Тебе следует просто принять к сведению, что я знаю, что ты намерен учинить. И еще я знаю, что этого делать нельзя. И просто делюсь с тобой этим знанием. Если ты меня не слушаешь, последствия будут ужасными.

– Минуточку, – отозвался голос Неймана. – Вы собирались мне сказать, кто...

– Уже сказала, – перебил голос Изы.

– Повторите, пожалуйста.

– А зачем тебе это? Думаешь, ты можешь что-то сделать тому, из-за Завесы? Глубоко заблуждаешься. Он вне твоей досягаемости. Но ты... Ты – в его досягаемости. Берегись.

– Вы мне угрожаете. – Это было утверждение, не вопрос.

– Да, – сказал бесстрастный голос Изы. – Угрожаю. Но это не я тебе угрожаю. Не я. Я не сумею объяснить тебе многих вещей, многих фактов, не смогу найти правильные слова. Но одно я могу... могу тебя остеречь. Не слишком ли много было уже жертв? Эти мальчишки, Эльжбета Грубер. Не делай того, что планируешь, Нейман. Не делай.

– Послушайте, пожалуйста...

– Довольно. Запомни. Нельзя тебе.

Хлопнула трубка.

– Вы мне, возможно, не поверите... – начала Иза.

– Разве мы уже не на ты? – перебил Нейман. – Жаль. Это было мило и непосредственно. Чему не поверю? Что это были не вы? Действительно, трудно было бы поверить. А теперь, пожалуйста, я слушаю. Что я планирую? Почему мне нельзя это делать?

– Не знаю. Это не я... Это был не мой голос.

– Кем вам приходится маленькая Грубер?

– Не знаю... Никем... Я...

– Кто убил детишек на огородах? – Нейман говорил тихо, не повышая голоса, но желваки на его скулах подергивались выразительно и ритмично. – Кто это был? Почему он вне моей досягаемости? Потому что он ненормальный, правда? Если я его схвачу, он отправится не в каталажку, а в больницу, такую, как эта? А может, как раз в эту? А может, он уже тут был? Что? Пани доктор?

– Не знаю! – Иза вскинула руки в невольном жесте. – Не знаю, говорю вам! Это не я звонила! Не я!

Нейман и стажер Здыб молчали.

– Я знаю, о чем вы думаете, – спокойно сказала Иза.

– Сомневаюсь.

– Вы думаете... Что, как в том анекдоте... что мы тем отличаемся от пациентов, что уходим на ночь домой...

– Браво, – сказал Нейман без улыбки. – А теперь я слушаю.

– Я... ничего не знаю. Я не звонила...

– Пани доктор, – проговорил Нейман спокойно и ласково, словно обращаясь к ребенку. – Я знаю, что магнитофонная запись – слабое доказательство. Что вы можете все отрицать. Вы можете, как это сейчас принято, обвинить нас даже в манипуляции и фабрикация доказательств, в чем вам угодно. Но если вы и правда уходите на ночь домой заслуженно, а не только благодаря чьей-то ошибке в диагнозе, то вы представляете, какие будут последствия, когда дело раскроется. А дело раскроется прекрасно. Должно раскрыться, потому что так сложилось, что у убитых мальчишек высокопоставленные родители, и никакая сила не остановит следствие, только наоборот. Вы знаете, что тогда случится.

– Не понимаю, о чем вы.

– Это я вам расскажу. Вы думаете, что если маньяк с огородов приходится вам родственником или кем-то близким, то вы не будете нести уголовную ответственность за его сокрытие. Возможно. Но, кроме уголовной ответственности, есть еще другая ответственность. Если окажется, что вы прикрывали маньяка-убийцу, то ни в этой больнице, ни в какой другой больнице этого направления во всем мире вам уже не работать. Спасти вас может только здравый смысл. Жду, когда пани его проявит.

– Пан... Повторяю, что я не знаю, в чем тут дело, – опустила голову Иза. – Это был не мой голос, слышите? Похожий, но не мой. Это был не мой стиль речи. Я так не говорю. Можете спросить кого вам угодно.

– Спрашивал, – сказал Нейман. – Множество людей вас узнали. Кроме того, я знаю, с какого аппарата звонили. Подумайте серьезно, пани Иза. Пожалуйста, перестаньте руководствоваться эмоциями. Мы имеем дело с убийством, со зверским убийством, убийством людей. Людей, понимаете? Вы понимаете, что этого нельзя оправдать ничем, и уж тем более заботой о благе животных. Это преступление – типичное проявление реакции параноика, маньяка. Отомстил за кота, убил детишек, которые его мучили. А завтра он прикончит кого-нибудь, кто бьет собаку. Послезавтра порешит вас, когда вы раздавите жужелицу на тротуаре.

– О чем вы говорите?

– Я утверждаю, что вы прекрасно знаете, о чем я говорю. Потому что вам известно, кто это сделал и почему он это сделал. Потому что вы его лечили или же будете лечить и знаете, в чем состоит, я извиняюсь, задвиг вашего пациента. Это кто-то, прошу прощения, задвинутый на пункте хорошего отношения к животным.

– Пан Нейман, – сказала Иза, ее трясло, она уже не могла справиться с дрожью в руках и тяжестью в груди. – Сами вы задвинутый. Прошу прощения. Арестуйте меня. Или оставьте меня в покое.

Нейман встал. Стажер Здыб встал тоже.

– Жаль, – сказал комиссар. – Жаль, пани Иза. Если вы все же решитесь, прошу мне позвонить.

– Не на что мне решаться, – сказала Иза. – И я не знаю вашего номера.

– Ах так. – Нейман покачал головой, глядя ей в глаза. – Понял. Жаль. До свидания, пани Иза.

Хенцлевский

– Пан Хенцлевский, – сказал комиссар полиции Нейман. – Мне казалось, что я имею дело с серьезным человеком...

– Эй! – Адвокат предупреждающе вскинул руки. – Не забывайте. Мы не в комиссариате. Что вы имеете в виду, чума вас заберит?

– Видите ли, – сказал стажер Здыб, не скрывая злости. – Столько было анекдотов о милиционерах и так мало об адвокатах. А выходит, что зря.

– Еще слово, и я выставлю вас обоих за дверь, – спокойно сказал Хенцлевский. – Это что за разговорчики? Что вы себе позволяете, господа милицейские?

– Полицейские, будьте добры.

– Гореполцейские. Убийца моего сына ходит себе на свободе, а вы тут приходите молоть всякий вздор. Ну, короче, ближе к телу. Мое время – деньги, господа.

– Слишком много вы говорите, – сказал Нейман. – Как заведетесь, так остановиться не можете. С нами говорите, а что еще печальнее – и с другими. И из-за этого рыпнулось все дело, господин адвокат.

– Что рыпнулось? Яснее, пожалуйста.

– Фамилия Пшесменца вам что-нибудь говорит? Доктор Пшесменца, из психушки.

– Нет у меня знакомых психов. Это кто такая?

– А та самая, кто знает обо всем, что мы запланировали. Не от нас. Выходит, что знает она об этом от вас. А если это так, значит, не она одна.

– Вздор, bullshit, – выпрямился Хенцлевский. – О плане знают только я и вы двое. Я не говорил об этом никому. Это вы все ныли и охали, что не можете ничего сделать без ведома начальства. И, стало быть, вы поставили в известность начальство, а начальство скорее всего поставило в известность полгорода, в том числе и доктора Пшесменцку, или как ее там. Quod erat demonstrandum, или что и требовалось доказать. Увы, господа. И вы ошиблись, пан Здыб. В анекдотах о милиции – довольно много правды.

– Не говорили мы никому ни о чем, – покраснел стажер. – Никому, слышите? Ни жене, ни начальству. Никому.

– Ладно, ладно. Чудес не бывает. Разве что... Эта врачиха из психушки, как вы говорите, могла вас просто подловить. Блефовать. Что она вам говорила? Когда? При каких обстоятельствах?

– Послушайте сами. Дай магнитофон, Анджей.

Они сидели, куря сигарету за сигаретой. Нейман наблюдал, как в доме напротив лысый тип с помощью нескольких дружков устанавливает на балконе огромную тарелку, с виду – вылитая спутниковая антенна. С соседнего балкона, на котором стояла ярко раскрашенная лошадка на полозьях, переползла к сборщикам пестрая морская свинка. Лысый, не выпуская тарелки, пнул ее ногой. Свинка свалилась с балкона. Нейман не встал посмотреть, что с ней случилось. Это был восьмой этаж.

– Та-ак, – сказал адвокат, прослушав запись до конца. – У нее что, не все дома, у этой врачихи? Знаете этот анекдот...

– Знаем, – сказал стажер Здыб.

– Завеса. Какая завеса? И этот... веал, или как его там... Невнятица какая-то. Эта докторша... Пшесмычка?

– Пшесменца.

– Вы ее знаете? Проверяли?

– Проверяли. Молодая, без большой клинической практики, мало контактов с пациентами. Занимается какими-то исследованиями. Чем-то очень сложным, холера, это связано с волнами мозга, нейронами, не помню.

– Безумная пани доктор Франкенштейн, – скривился адвокат. – Знаете что? Я бы все это не брал в голову.

– А я наоборот, – сказал Нейман. – Скажу больше, уже взял. Пан Хенцлевский, у нас еще не все закончилось, чистка продолжается. Кто-то, может, холерно заинтересован меня подсидеть. Слегка подперченная врачаха – такое же орудие провокации, как любое другое, не хуже, не лучше. Я должен это проработать.

– Вы эгоцентрик, пан Анджей, – заметил Хенцлевский. – Ваша персона в этом деле, извините, имеет мало значения.

– Будь оно так, – усмехнулся комиссар, – я бы несколько не убивался. Но и вы, дорогой пан Хенцлевский, пожалуй, заблуждаетесь. После звонка пани доктора голову даю на отсечение, что вашего сына убил буйнопомешанный. Никакая это была не месть. Не важно, кого и для чего вы защищали во время военного положения и скольким секретарям вставили перо в зад. Вы не Пясецкий. Извините.

– Вывод? – Адвокат слегка покраснел.

– Просто как пареный веник. Если это сумасшедший, то с точки зрения закона он человек больной. Больной, понимаете, пан адвокат?

– Когда я слышу такие вещи, – вспыхнул Хенцлевский, – то у меня зубы скрежещут! Больной, сукин сын! Он моего Мачека... Больной!

– Я-то вас понимаю. У меня тоже скрежещут. Но нам ничего не удастся сделать, и это однозначно сказала та врачаха. Предположим, что она блефовала, что ничего не знает о нашем плане. Но она могла догадываться, когда меня предостерегала. Она однозначно меня предостерегала.

– Вы отыскиали в ее невнятице предостережение? И какое?

– Не притворяйтесь. Она меня предостерегала, чтобы я не пробовал взять этого психа как мороженое мясо. Я могу его арестовать, воспользовавшись нежными уговорами, надеть на него смирительную рубашу и передать специалистам. На лечение.

– Вы перепуганы, пан Анджей, и поэтому все неправильно понимаете. – Адвокат переплел пальцы. – Я тоже слушал эту запись. И в ней имеет кардинальное значение нечто совсем другое. Послушайте меня. Давайте поиграем. Я буду вами, а вы – вашим полковником или там инспектором полиции, как это сейчас называется, если я не ошибаюсь. Докладываю, пан инспектор полиции. Я проанализировал странный разговор с пани доктор Икс. Меня удивило, что она многократно употребляла слова, из которых следовало, что подозреваемый буйный помешанный очень опасен. Это настолько глубоко засело в моем подсознании, что, когда дело дошло до встречи лицом к лицу, у меня нервы сдали. Видя, что он на меня нападает с опасным орудием, я воспользовался служебным оружием, не переходя границ самообороны. Как? Хорошо получилось, пан инспектор? Хорошая интерпретация?

– Засуньте эту интерпретацию себе в задницу, – спокойно проговорил Нейман. – Так, разумеется, сказал бы мне мой инспектор. Господин адвокат, вы хорошо знаете, что означает необходимая самооборона в случае вооруженного полицейского, который к тому же знает, что имеет дело с человеком не вполне вменяемым. Это вам не Америка. Я не намерен идти под суд.

Адвокат задумался и больше минуты молчал.

– Ну ладно, – сказал он наконец. – Возможно, пан Нейман, вы действительно правы. Итак, что будем делать?

– Расторгнем соглашение.

– Ну, тут вы несколько далеко зашли, вам не кажется? Я понимаю, ни стрельба, ни какие-либо другие серьезные действия не входят в сценарий. Но псих может оказать сопротивление. Сбежать. Может споткнуться и здорово расшибиться. Я о таких случаях слышал, слышался от моих клиентов. А *propos*, знаете ли вы, сколько моих клиентов проживает в Варшаве?

– И что с того?

– А очень много с того. Мое предложение вот какое: соглашение остается в силе. Предлагаю выгодные условия. За предоставление мне возможности личного участия в акции, за удовольствие коснуться рукой и ногой убийцы моего сына я гарантирую вам поддержку очень высокопоставленных лиц на случай дальнейших чисток в полиции, связанных с какими-либо непредвиденными осложнениями в нашем плане. Мои друзья из Варшавы, если понадобится, успокоят и пани Пшемечку от чокнутых, не бойтесь. Ну а до того, как договорились, будет конкретное финансовое вознаграждение для вас двоих.

– Троих, – сказал стажер Здыб.

– Как это, к дьяволу? – занервничал Хенцлевский. – Троих? Трое – это великое множество людей, имя им легион, блин. Зачем вам третий?

– Для достоверности рапорта. У нас так всегда делается. Бригада каменщиков Идеи, пан адвокат, ваши, техника – наша. Мы в этом разбираемся.

– Он хоть надежный, этот третий?

– На сто процентов, или *hundred per cent*.

– Тогда пусть будет, – скривился адвокат. – Ну? Пан Нейман, надеюсь, вы удовлетворены?

– Не до конца, – сказал комиссар. – Толек? Тебе не кажется...

– Должно пройти хорошо, – проговорил стажер. – Одно только меня слегка беспокоит. Не слишком ли мы уверены, что это психически больной? Это может быть такой зеленый, *гринпис*, понимаете? Защитник животных. Увидел, что детишки кота мучают, и ударило его. Я читал о похожем случае, в «Пшекруе», по-моему. Они там ослепили собаку или кошку, уже не помню. Когда я об этом читал, то чувствовал, что в статье этот тип высаживает свое негодование, жалость, жажду мести. А другой мог бы высадиться иначе. Взял бы нож, топор, штукетину и отомстил бы за своего пса.

– Это то же самое выходит, – сказал Хенцлевский. – Кто так реагирует, тот явно тронутый. *Quod erat demonstrandum*.

– Это совсем не то же самое выходит, – подхватил мысль Нейман. – Задвиг на пункте животных может не квалифицироваться у психиатров. С их точки зрения этот тип будет полностью нормален, и его выслушают, когда он расскажет, как именно мы его сцапали и что мы ему тогда сделали.

– Я за свою карьеру повидал многих, кто рассказывал, что с ними происходило в милиции, – сообщил адвокат. – Но не припомню ни одного, кому бы официально поверили. А если даже и расскажет, как именно его схватили, то что? Вы полагаете, что кто-нибудь проникнется судьбой глупой кошки?

– Может, и нет, – сказал Здыб. – А что будет, если эту кошку услышит тот, кто тут вообще ни при чем? И прибежит поглядеть, что происходит?

– Ты шутишь, Толек, – взмахнул руками Нейман. – Того, кто тут ни при чем, это как раз не заинтересует. Кому может быть дело до кошки?

– А *propos*, о кошке, – сказал Хенцлевский. – Надо какую-нибудь организовать.

– С этим не должно быть хлопот, – заявил Нейман. – Кошек полно. У детей моей соседки, к примеру, есть кот. Должен сгодиться.

Иза

Иза лежала спокойно, словно боялась малейшим движением вспугнуть тот отдаляющийся, неуловимый сигнал обманчивого и лживого неслучившегося оргазма. Прильнувший к ней мужчина дышал ровно, мерно, потихоньку погружаясь в дрему. Гудела сигнализация, далеко и тихо.

– Хеню, – окликнула она.

Мужчина вздрогнул, вырванный из полусна, приблизил лицо к ее обнаженной груди.

– Что, Изуня?

– Что-то со мной неладное, Хеню.

– Опять? – испугался мужчина. – Вот черт, ты должна как-то подрегулировать этот твой цикл, Иза.

– Это другое.

Мужчина выждал с минуту. Иза не продолжала.

– Что еще? – спросил он наконец.

– Хеню... Симптомом чего являются провалы в памяти?

– Почему ты спрашиваешь? С тобой такое случается?

– Последнее время – часто. Достаточно давно. После – галлюцинации. Голоса. Обман чувств.

Мужчина бросил быстрый взгляд на часы.

– Хеню.

– Слышал, – пробормотал он несколько нетерпеливо. – И что? Ты специалист. Какой твой диагноз? *Anaemia cerebri*? Начальные признаки шизофрении? Поражение лобных долей? Другое какое дерьмо? Иза, каждый психиатр обнаруживает у себя разного рода подобные симптомы, это просто профессиональная болезнь. Должен ли я говорить тебе, как мало мы знаем о мозге, о протекающих в нем процессах? По-моему, ты просто-напросто переработала. Ты не должна проводить столько времени со своими кошками, рядом с этой аппаратурой. Знаешь ведь, насколько все это вредно: высокие частоты, поля, излучение мониторов. Брось ты это все на какое-то время, возьми отпуск. Отдохни.

Иза приподнялась на локте. Мужчина, лежа на спине, ласкал ей грудь заученным автоматическим движением. Она не любила, когда он так делает.

– Хеню.

– А?

– Я бы хотела, чтобы ты меня обследовал. На энцефалографе или с помощью изотопов.

– Можно, почему нет? Только...

– Прошу тебя.

– Ладно.

Они помолчали.

– Хеню.

– Да?

– Эльжбета Грубер. Ты ее лечишь. Что с ней на самом деле?

– Тебя это интересует? Верно, слышал. Довольно странный случай, Иза. Привезли ее в шоке, с типичными признаками кровоизлияния. Почти сразу она впала в состояние комы, и с тех пор нет ни улучшений, ни каких-либо изменений. Мы склоняемся к мнению, что на шок у нее наложился воспалительный процесс.

– *Encephalitis lethargica*?

– Ага. А почему ты спрашиваешь?

Иза отвернулась. В окно, вместе с очередным отчаянным воем сигнализации, ворвался собачий визг, нарастающий, прерывистый.

– Ноги бы такому пообрывал, – проворчал мужчина, глянув в сторону окна. – Проблемы у него на работе или дома, а высаживается на животном, быдло!

– Вееал разорвал Завесу, – спокойно проговорила Иза.

– Что?

– Вееал. Голос истязуемого зверя. Голос отчаяния, безысходности, страха, боли, превосходящей все.

– Иза?

– Крик, который не есть крик. – Иза заговорила громче: – Вееал. Вееал разорвал Завесу. Так сказала... Эля Грубер. Она это видела.

– Довольно... – простонал мужчина. – Иза! Она не могла... Девочка без сознания! О чем ты говоришь?

– Она говорила со мной. Говорила и велела мне что-то делать.

– Иза, ты действительно должна взять отпуск. – Мужчина посмотрел на нее, вздохнул. – Но прежде зайди ко мне, я тебя обследую. Это все проклятый стресс, паршивая работа, все из-за нее. Нельзя так себя выматывать, Иза.

– Хеню. – Иза села на постели. – Ты что, не понимаешь, о чем я? Эля Грубер говорила со мной. Я ее слышала. Она видела...

– Знаю, что она видела. Это, по всей вероятности, и послужило причиной шока и кровоизлияния. Она была свидетельницей убийства на огородных участках.

– Нет.

– Как – нет?

– Убийство было позже. Убийства она уже не видела. Видела... доску, что лежала на голове кота, закопанного по шею в землю. Ноги, топчущие по той доске. Глаза... Два шарика...

– Господи Иисусе! Иза! Откуда ты это... От кого?

– Мне рас... сказали.

– Кто?

– Музы... канты.

– Кто?

Иза опустила голову на подтянутые к груди колени и затряслась в плаче.

Мужчина молчал. Он думал о том, как беспомощны женщины, как сильно управляют ими их бабские эмоции, мешая работать, мешая наслаждаться жизнью. О том, какое огромное несчастье – эта феминизация целых предприятий, абсолютно неподходящих для женщин. С Изой, думал он, и правда творится неладное. Он беспокоился. С минуту. А через минуту верх взяло более важное беспокойство – что сказать жене, когда он вернется от Изы домой. В этом месяце он израсходовал уже все подходящие объяснения.

Подумал, что непременно должен обследовать Изу, снять энцефалограмму, провести анализы. Он мог бы сделать это уже во вторник, но обещал другу, что во вторник съездит к нему на участок, поможет травить кротов. Вот черт, подумал он, забыл сегодня прихватить из больницы стрихнин.

– Возьми отпуск, Иза, – сказал он.

Голубая комната

– Марылька! – позвала Иза, глядя на пустой, покрытый белой простыней и клеенкой стол, на разбросанные провода, иглы, детекторы, кожаные ремни и прищепки.

– Марылька!

- Я здесь, пани доктор.
- Где моя кошка?
- Кошка? – удивилась лаборантка.
- Кошка, – повторила Иза. – Та полосатая. Та, с которой я последнее время работала.

Что с ней случилось?

– Как это? Ведь вы же сами...

– Что я?

– Вы мне велели ее принести... А, тут стоит клетка. Потом вы велели мне принести молока. Я и принесла, вы эту кошку накормили...

– Я?

– Да, пани доктор, вы. А потом вы отворили окно. Не помните? Кошка вскочила на подоконник. Я даже сказала тогда, что она у вас убежит. И кошка убежала. А вы...

– Что я? – Иза слышала музыку. Она потеряла ладонью лицо.

– Вы засмеялись...

Я должна, подумала Иза, должна идти к Эле Грубер.

Почему? Зачем?

Я должна идти к Эле Грубер.

Почему?

Эля Грубер зовет меня.

Деббе

Деббе бежала, то быстро-быстро перебирая лапками, то вытягиваясь в плавном прыжке. Она знала, куда бежать. Далекая музыка, отдаленный зов тихой мелодии безошибочно указывали ей путь.

Она добежала до края кустов, за которыми поверхностью отравленной реки блестел асфальт. По нему, грохоча и шипя как дракон, проехал, трясясь, большой неповоротливый автобус.

Я должна с ней проститься, подумала Деббе. Пока не ушла, я должна еще с ней проститься. И остеречь. Последний раз. Интересно, где может быть Бремен?

Она отскочила.

Приближающийся автомобиль ослепил ее фарами. На мгновение она заметила красные толстые губы человека, прибавляющего газу и резко выворачивающего руль. Автомобиль дернулся в ее сторону, она почувствовала, как машину сотрясает бешенством, решимостью, жаждой убийства. Увернулась в последнюю минуту, и ветер пригладил ей шерстку.

Она побежала вдоль живой изгороди, маленькая, полосатая тень.

Locus terribilis

Кошки были повсюду вокруг – неподвижные, с поднятыми головами, смотрели, прислушивались. Поворачивали головы за проходящей Деббе, приветствовали ее мяуканьем, почтительным прищуром глаз. Ни одна не шелохнулась, не подошла. Знак паука-преследователя на челе кошки пылал во мраке ведьмовским светом.

Она чувствовала, что это место – странное, небезопасное. Улавливала подушечками лап пульсацию земли, слышала нереальные шепчущие голоса. Минуту спустя, за завесой сквозь задрожавшую мглу, увидела... огонь и кресты, перевернутые, воткнутые...

Деббе замурлыкала в такт мелодии. Образы исчезли.

Вдалеке заметила что-то черное – остатки печки, врытой в землю, словно обугленный остов танка на поле битвы. Около печки, темные на фоне неба, три небольших силуэта. Подошла ближе.

Черный пес с кривой, согнутой лапой.

Серая крыса с длинной усатой мордочкой.

Маленький рыжеватый хомяк.

Музыканты.

Желтая комната

– ...убежал разбойник, что было сил в ногах, – монотонно читала бабушка, – и рассказал атаману. То, что мы жилище свое потеряли, это еще не самое страшное, сказал. В доме сидит страшная ведьма, которая набросилась на меня и расцарапала мне лицо когтями. За дверью затаился человек, вооруженный ножом. Во дворе устроило себе логово черное чудище, оно меня ударило палкой. А на кровле сидел судья и кричал: «Давайте его сюда, мерзавца!»

Мальчик засмеялся серебряным голосом. Венердина, лежавшая на кровати, свернулась в клубок, дернула ухом.

– И что дальше? Читай, бабушка!

– И это конец сказки. Разбойники убежали и никогда больше не возвращались, а пес, кот, осел и петух остались в лесной избушке и жили долго и счастливо.

– И не пошли туда... ну, туда, куда собирались?

– В Бремен? Нет. Видно, нет. Остались в избушке и там себе жили.

– А-а-а... – Мальчик задумался, грызя палец. – Жаль. Ведь они правда должны были туда пойти. Это пес придумал, когда его выгнали, потому что уже старый был. Очень это плохо. Я никогда не позволю выгнать нашу Мурку, хоть бы и будет ужасно старенькая.

Венердина подняла головку и глянула на малыша желтым, загадочным взглядом.

– Спи, Мариуш. Поздно уже.

– Да, – проговорил сонный мальчонка. – Даже когда будет совсем старая. У нас и так нет мышей. А они должны были уйти в этот Бремен. Они все были... Не забирай Мурку, бабушка. Пускай спит со мной.

– Нельзя спать с кошкой...

– А мне хочется.

Эля Грубер

Иза потрясла головой, пробуждаясь, провела рукой по простыне. За окном было темно. Она сидела на кровати, и прикосновение поразило ее чуждостью, грубой однозначной уверенностью, что...

Не должна быть здесь.

– Ты слышишь меня? – сказала девочка, лежащая на кровати.

Иза кивнула, подтверждая то, что было невозможно. Глаза у девочки были пустые, стеклянные, по ее подбородку змейкой стекала сверкающая струйка слюны.

– Слышишь? – повторила девочка, слегка шепелявя, неловко шевеля перекошенными губами, слипшимися от беловатого налета.

– Да, – сказала Иза.

– Это хорошо. Я хотела с тобой попрощаться.

– Да, – прошептала Иза. – Но это ведь...

– Невозможно? Это ты хотела сказать? Не страшно. Не повезло нам, сильно нам не повезло, светловолосая. Я хочу с тобой попрощаться. Может, тебя это удивит, но... люблю

била я прикосновение твоей ладони. Выслушай меня внимательно. Если сегодня ночью раздается вееал, Завеса лопнет. Не знаю, удастся ли нам удержать... тех. Потому ты должна бежать отсюда. Что ты должна сделать? Повтори.

– Не знаю, – простонала Иза.

– Бежать должна! – выкрикнула Эля Грубер, мотая головой по подушке. – Бежать как можно дальше от Завесы! Не старайся ничего понять – верь тому, что видишь! Кажется тебе, что бредишь, что это сон, кошмар, а это будет реальность! Понимаешь?

– Нет... Не понимаю. Я... сошла с ума, да?

Девочка молчала, всматриваясь в потолок маленькими, как булавочные головки, зрачками.

– Да, – сказала она. – Все сошли с ума и уже давно. Еще одно безумие, маленькое зернышко на вершине огромной горы безумий. Этот последний вееал, которого не должно быть. Кто знает, может, это случится сегодня? Ты слушаешь меня?

– Слушаю, – сказала Иза совершенно спокойно. – Но я – психиатр. Я абсолютно точно знаю, что ты не можешь со мной говорить. Ты находишься в больнице, в состоянии комы. Это не ты. Голос, который я слышу, имитирует мой больной мозг. Это галлюцинация.

– Галлюцинация, – повторила девочка, усмехаясь.

Это судорога лицевых мышц, ну конечно, типичная судорога вследствие кровоизлияния, подумала Иза, в этом нет ничего сверхъестественного. Ничего сверхъестественного, подумала она, чувствуя, как щетинятся волосы на затылке.

– Галлюцинация, говоришь, – протянула Эля Грубер. – Или то, чего в действительности не существует. Ложный образ. Так?

– Так.

– Это можно слышать. Это можно видеть. Но этого не существует, так?

– Так.

– Какие же мы с тобой разные, ты и я. Казалось бы, мой мозг развит менее твоего, но я, например, знаю – то, что я вижу и что слышу, есть. Существует. Если бы не существовало, как можно бы это увидеть? А если существует и имеет когти, клыки, жало, то надо от этого убегать, ибо оно может изувечить, сокрушить, расцарапать. Именно поэтому ты должна бежать, светловолосая. Сквозь прорвавшуюся Завесу пройдут галлюцинации. Это хорошее определение для того, что не имеет собственного облика, но взыскует его в мозгу того, кто на это смотрит. Насколько этот мозг выдерживает такое испытание. А мало какой выдерживает. Последний раз говорю: прощай, светловолосая.

Голова Эли Грубер безвольно упала набок, вперив в Изу мертвое стеклянное око.

Кот

– Пора уже. Сейчас, – прошептал Хенцлевский.

Нейман покосился на часы. Было девять двадцать три. Когда он взглянул, последняя цифра заплясала, как скелет в мультфильме, становясь четверкой. По путям, за огородами, в глубоком, поросшем рябиной котловане гремел и гудел поезд.

– Чего мы ждем, холера? – занервничал адвокат.

Нейман вытащил из пластикового мешка толстый тук, замотанный множеством полотенец и джутовой веревкой. Из свертка высовывался бело-черный кошачий лоб, с другой стороны – хвост и задние лапки.

Нейман извлек из кармана куртки пассатижи, замотанные оранжевой изоляцией.

Дальше, за беседками, Здыб, притаившийся рядом с Вендой, тяжело булькающим заложенным носом, содрогнулся от вопля, который донесся до него со стороны огородов.

– Господи! – высморкнулся Венда. – Как это ему должно быть больно...

Ощеривши белые зубы, прижавши уши, припали к земле кошки на Долах.
Музыканты, все четверо, были готовы.

Здыб

Гул поезда стих, эхом прокатившись еще по бетонным стенам блоков. И тогда чудовищный вопль со стороны огородов повторился, разорвался как граната, взлетел неправдоподобно высоко, нарастающий, рвущийся, страшный.

– Матерь Божия! – вскричал Венда. – Толек! Это не кот!

Здыб дернулся, расстегивая куртку, выхватил пистолет из кобуры. Рык – это был уже рык, не вопль, оборвался, лопнул, вибрируя, как кромсаемая ножницами стальная проволока. Здыб побежал. Перескочил живую изгородь, продрался сквозь кусты крыжовника. В этот момент ночь пропорол второй крик, еще чудовищнее первого, короткий, обрывистый.

– Анджееееей! – проревел стажер.

Рванув через помидорные грядки, он налетел на полную бочку воды, оттолкнулся, как от стенки, споткнулся, упал, вскочил, поскользнулся, снова упал, инстинктивно выставив вперед руку, вдавил дуло Р-83 в мокрую землю. Позади себя слышал проклятия Венды, который наткнулся на упругую преграду провололочной сетки.

– Анджееееей!

Снова споткнулся. Разглядел, обо что. И тогда начал кричать.

У Неймана не было головы.

Что-то ударило его в грудь. Здыб, упав на колени, задыхаясь, кричал, кричал до боли, такой же точно крик бился в его ушах. Резко дернувшись, оттолкнул от себя руку в окровавленном поплиновом рукаве, из которого торчала скользкая, гладкая, белая в окружающем мраке кость.

На газоне, на четком фоне редкой гряды подсолнухов, что-то сидело. Что-то, что было огромным. Огромным, как грузовик. Темно-синее небо, подкрашенное далеким неонem, слегка рассветилось за плечами сидящего на траве великана – словно это огромное нечто прорвалось сквозь небо и ночь, оставив за собой светящийся разрыв.

Очередной поезд, ворвавшийся на железнодорожный переезд, хлестнул заросли сверкающим бичом света. Здыб открыл рот и захрипел.

Сидящее на корточках на газоне горбатое чудовище с огромным, покрытым наростами брюхом, оскалившись, подняло тело Хенцлевского в корявых лапах. Фары поезда взбурлили огороды тысячью движущихся теней. Здыб хрипел.

Чудовище разинуло пасть и с хрустом, одним щелчком отгрызло Хенцлевскому голову, далеко, с размахом, отшвырнуло тело. Здыб услышал, как тело ухнуло о конструкции из гофрированной жести. Моча теплой волной стекала по его бедру. Он уже ничего не видел, но знал, чуял, что чудовище, мерно переставляя короткие лапы с огромными ступнями, идет к нему.

Здыб хрипел. Ему очень хотелось что-нибудь сделать. Хоть что-то.

Но он не мог.

Капли

Музыка, склеивающая Завесу, разрывалась, лопалась, распадалась на эластичные лоскуты. Трещина увеличивалась, с той стороны ползла клубящаяся смрадная мгла, огромные, лохматые тучи, туман, насыщенный тяжестью, как плевок сырости, мешающейся с кислотным городским смогом. На крыши, на асфальт, на оконные стекла, на автомобили падали первые редкие капли.

Падали капли желтые, шипящие при соприкосновении с металлом, протискивающиеся в щели и трещины, где палили изоляцию кабеля и грызли медь проводов.

Падали капли бурые, большие и вязкие, и там, где они падали, блекла трава, листья сворачивались в трубочки, чернели стебли и ветки.

Падали капли чернильно-черные, и там, где они падали, испарялся и плавился бетон, раскалялся кирпич, а штукатурка оплывала по стенам, как слезы.

И падали капли прозрачные, которые вовсе не были каплями.

Рената

У Ренаты Воды была безобидная причуда, чудаковатый обычай – неизменно, укладываясь в постель, она проверяла, опущена ли крышка унитаза и заперта ли дверь в ванную. Унитаз, открытый в таинственный и враждебный лабиринт каналов и труб, был угрозой – он не мог оставаться открытым, не защищенным – ведь «нечто» могло из него выйти и застигнуть спящую Ренату врасплох.

В тот вечер Рената, как обычно, опустила крышку. Проснувшись от беспокойства, обливаясь холодным потом, трепеща в полусне, как рыба на леске, она попыталась вспомнить, закрыла ли дверь. Дверь в ванную.

Закрыла, подумала она, засыпая. Конечно же, закрыла.

Она ошиблась. Впрочем, это не имело никакого значения.

Крышка унитаза медленно поднялась.

Барбара

Барбара Мазанек панически боялась любых насекомых и червяков, но истинный, вызывающий прилив адреналина страх и пробирающее все тело дрожью отвращение пробуждали в ней ухвертки – плоско-округлые, юркие, бронзовые страшилища, вооруженные похожими на щипцы клешнями на конце брюшка. Барбара глубоко верила, что эта быстро бегающая, пролезающая в каждую щель гнусность только и ждет случая, чтобы вползти ей в ухо и изнутри выжрать весь мозг. Проводя каникулы в палатке, она каждую ночь старательно засовывала в уши затычки из ваты.

В ту ночь, проснувшись от беспокойства, она невольно прижала левое ухо к подушке, а правое прикрыла плечом.

Это не имело никакого значения.

Сквозь неплотно закрытые двери балкона грязной маслянистой волной начали просачиваться и растекаться по комнате миллиарды юрких насекомых. Глазки их светились красным, а клешни на кончиках брюшек были остры, как бритвы.

Музыканты

– Конец, – сказал Керстен. Деббе молчала, сидя неподвижно, с широко раскрытыми глазами, легонько подергивая черным кончиком хвоста.

– Конец, – повторил пес. – Итка, мы не можем ничего сделать. Ничего. Слышите? Пасибурдук, перестань, это не имеет смысла.

Хомяк перестал играть, застыл, поднял кверху черные слепые пуговицы. Такой уж он и есть, подумал Керстен, не изменишь. Все ему приходится повторять два раза. Что ж, это всего лишь хомяк.

Деббе молчала. Керстен лег, опустил морду на лапы.

– Не удалось, и нечего дальше пытаться, – сказал он. – Завеса лопнула окончательно, и на этот раз нам ее не залатать. Они прошли. Те. Оттуда. Понятно, Завеса вскорости срвется сама, но я не должен вам говорить...

– Не должен. – Итка оскалил зубы. – Не должен, Керстен.

– Кое-какие шансы еще у этого города есть. Пока Бородавчатый не перешел на эту сторону, у города есть еще шансы.

– А другие города? – отозвался неожиданно Пасибурдук.

Керстен не ответил.

– А мы? – спросил крыс. – Остаемся?

– Зачем?

Итка сел, опустив заостренную мордочку.

– Итак... Согласно плану?

– Ты видишь другие решения?

Издалека, со стороны селения, донесся до них звук. Волна звука. Керстен ошетинился, а Пасибурдук съезился в рыжий шарик.

– Ты прав, Керстен, – сказал Итка. – Это конец. Уходим в Бремен. Там ждут другие.

Крыс обратился в сторону Деббе, по-прежнему сидящей недвижимо, как пушистая полосатая статуэтка.

– Деббе... Что с тобой? Не слышишь? Конец!

– Оставь ее, Итка, – заворчал Керстен.

– У тебя такой вид, – шикнул крыс на кошку, – будто тебе их жаль. Что, Деббе? Жаль их?

– Что ты можешь знать, Итка, – мяукнула тихо, неприязненно кошка. – Жаль? Может, и так, жаль мне их. Жаль мне прикосновения их рук. Жаль мне шелеста их дыхания, когда спят. Жаль мне тепла их колен. Жаль мне нашей музыки, которая едва лишь познана, а уже утрачена. Ибо эта музыка никому не нужна, и никогда никого уже мы ею не спасем. Потому что каждую минуту, каждую секунду в тысячах мест этой планеты разносится вееал, и будет он разноситься все чаще. До самого конца. Вас тоже мне жаль. Тебя, Итка, и Керстена, и Пасибурдука. Жаль мне вас, проигравших, вынужденных бежать. И себя тоже мне жаль, ибо ведь все равно пойду я с вами, пойду как одна из вас. Хотя это не имеет никакого смысла.

– Ты ошибаешься, Деббе, – спокойно проговорил Керстен. – Мы не бежим. На этот раз нам не повезло. Но в Бремене... в Бремене ждут другие. С незапамятных времен Музыканты уходят в Бремен. А когда будет нас больше, сильнее будет и наша музыка, и когда-нибудь мы замкнем Завесу окончательно и навсегда, сделаем из нее непроходимую стену. Потому ты и ошибаешься, полагая, что наша музыка не нужна. И что ты ее потеряла. Это неправда. И ты это знаешь.

– Чувства берут в тебе верх над разумом, Деббе, – добавил Итка. – Что с того, что этот город малость обезлюдет? В конце концов, они этот заслужили. А ты... думаешь о спасении единиц. Отдельных людей, тех, которых любишь? Это нерационально. Думай о биологическом виде. Единицы не имеют значения.

Кошка внезапно встала, потянулась, смерила крыса зеленым злым взглядом, в котором через секунду заиграла и заблестела кровная ненависть биологического вида. Итка даже не дрогнул. Он смотрел, как она отходит в сторону, между чертополохом и балдахинами трав, надменная, гордая и непобедимая. До конца.

– Сентиментальная идиотка, – буркнул он, когда был уверен, что кошка его уже не услышит.

– Оставь ее, – проворчал Керстен. – Ты не можешь ее понять.

– Могу, – оскалил зубы крыс. – Только не хочу. Объяснять почему тоже не хочу. Гораздо важнее, что она с нами. Она хороший Музыкант. Керстен, может, нам лучше наконец тоже пойти?

– Пойти? – усмехнулся пес. – Зачем нам идти, если можем поехать?

Дитер Випфер

Дитер Випфер протер глаза тыльной стороной ладони, силясь унять дрожь, тошноту и головокружение. Вытер вспотевшие руки о штаны, ухватился за руль, тронулся с места, когда загорелся зеленый свет. Он не знал, где он. Совершенно очевидно, это не была дорога на Швецко, где он должен был находиться.

Улицы были пусты, безлюдны, как в плохом сне. Дитер Випфер прикрыл глаза, крепко зажмурился, снова открыл. Что я тут делаю, думал он, проезжая мимо конечной остановки трамваев, где я? Что я тут делаю? Что со мной происходит, *verfluchte Scheisse, ich muss krank sein*. Я болен. Чем-то отравился. Надо остановиться. Нельзя мне ехать в таком состоянии. Остановиться. То, что лежало на обочине, это не мог быть труп. Я должен остановиться!

Дитер Випфер не остановился. Он миновал конечную остановку трамваев и огородные наделы, ехал дальше по грунтовой дороге, краем ужасного пустыря, прямо в дикий лунный пейзаж. Ехал, хотя не хотел ехать. Не знал, что с ним происходит. Не мог знать.

Из-за истончившейся, дрожащей завесы Дитер Випфер видел заостренные, стройные башни костела, пылающие озерами огня. Видел деревянные опоры и свисающие с них искаленные тела.

Das ist unmöglich!

Видел маленького черного человека, размахивающего распятием, кричащего...

Das ist unmöglich! Ich traume!

Locus terribilis!

Огромный грузовик ехал легко, сокрушая колесами шлак, выдавливая в полосах глины зубастые следы протекторов. На голубом боку мощного прицепа виднелась надпись, сделанная большими мертвенно-белыми буквами:

KUHN TEXTILTRANSPORTE GmbH

А пониже было название города:

BREMEN

Желтая комната

Мальчик спал беспокойно, ворочался. Венердина насторожила уши, напрягла слух.

То нечто, что медленно ползло по стене, не имело устойчивой формы – это было черное пятно, сгусток темноты, пульсирующий, раздувающийся, шарящий во мраке длинными щупальцами. Шерсть на загривке Венердины встопорщилась, как щетка.

Чудовище, уже на подоконнике приоткрытого окна, раздулось, начало затвердевать, поднимаясь на кривых конечностях. Ощетинилось колючками, задрало вверх жалящий хвост.

Кошка сменила позу. Потянулась легко, вытянула обе лапки, выставила когти. Всматриваясь в чудовище широко открытыми глазами, прижала уши, оскалила мордочку, обнажая клыки.

Чудовище заколебалось.

Только попробуй, сказала Венердина. Попробуй только. Пришел убивать спящих, попробуй показаться той, что бодрствует. Любишь приносить боль и смерть? Я тоже. Ну, выходи, если осмелишься!

Чудовище не шелохнулось.

Прочь, бросила кошка с презрением.

Затаившийся на подоконнике сгусток мрака, черный как небытие, сжался, схлопнулся. И исчез.

Мальчик застонал во сне, перевернулся на другой бок. Он дышал ровно. Венердина любила слушать, как он дышит.

Иза

Эля Грубер умерла. Глаза ее были открыты, но Иза была уверена, что она умерла. Она не слишком хорошо знала, что делать. В этот момент отворилась дверь. Вошла санитарка. – Боюсь, что... – начала Иза и оборвала себя.

Пухлое лицо санитарки, еще не так давно симпатично наивное, изменилось. Теперь это было лицо идиотки, кретински улыбающейся маньячки.

Санитарка, не замечая Изы, подошла к постели Эли Грубер, бессмысленным, автоматическим движением поправила подушку. Со столика, стоящего рядом, взяла стакан. Выглянула в окно, сжала стакан в кулаке. С ладони потекла струйка крови. Санитарка не обратила на это внимания, лицо даже не дрогнуло. Засучив левый рукав, осколком она рассекла себе внутреннюю сторону предплечья, резким, внезапным движением – от локтевого сгиба до самой ладони – раз, потом второй. Кровь брызнула на белый фартук, на глянцевую поверхность столика, на постель, стремительно полилась на линолеум. Санитарка затряслась от сдерживаемого смеха, подняла руку, любуясь пульсирующими волнами хлещущей крови.

– На помооооошь! – вскричала Иза, преодолевая сдавивший ей горло ужас. – Люди! На помощь! Помогите же, кто-нибудь!

– ...дiiiiiiii! – вторил ей истерический крик из коридора. – Людiiiiiiii!

К этому крику присоединились другие – громкие, противоестественные. Иза сообразила, что на них наложился вой сирены кареты «скорой помощи». У санитарки подогнулись ноги, девушка тяжело осела на линолеум, склонила голову, зарыдала.

Иза, пятясь, не в силах отвести взгляда от санитарки, нащупала за плечами дверную ручку, выскочила в коридор.

У батареи, опершись лбом о стену, стоял на коленях молодой врач, ей незнакомый, и рукавом утирал стекающие по лицу слезы. Он поглядел на Изу отсутствующим, испуганным взглядом.

– Это война, извольте видеть, – пробормотал он. – Это, наверное, бомбы с психотропным газом. Наверное, применение бактериологического оружия. Все посходили с ума... Все... Это война! Надо спуститься в убежище!

Иза в недоумении попятилась. Рядом, из отделения, послышался звон и отголоски драки. Что-то тяжелое бухнуло в закрытые двери.

– Где тут убежище? – закричал врач у батареи. – Я не хочу умирать.

– Мииииицияааа! – выл кто-то этажом выше. – Иисусееее! Спаситеееее!

Двери отворились, опиравшееся на них тело, забрызганное красным, выдвинулось в коридор. Огромный полуголый небритый мужчина, вооруженный железным прут, медленно, осторожно переступил через труп. Врач у батареи заорал, вжавшись лицом в чугунное рифление. Полуголый зашелся безумным смехом и занес прут.

Иза повернулась и бросилась по коридору, подгоняемая воплями и тупыми отголосками ударов.

Она выскочила из больницы, у самого выхода поскользнулась на жухлых листьях, с трудом удержала равновесие. Перед больницей стояла наготове «скорая», мигавшая правой фарой. Боковые дверцы были открыты, водитель лежал на сиденьях, его рука, фиолетовая в свете мигалки, безвольно свесилась наружу. Из глубины больницы доносились сумасшедший вой, крик, звон разбиваемых окон и стеклянной посуды.

На улице промелькнула машина с разбитым бампером, со сгорбленной, погнутой крышкой капота. Над городом, со стороны огородных наделов, медленно поднималось зарево, облако дыма, поднимались звуки, издали напоминающие жужжание майского жука.

Иза взглянула на небо, которое успело уже обрести цвет пурпура, пронизанного тонкими золотыми нитями. Капли упали ей на лицо. Она отерла капли и побежала.

В доме по правой стороне улицы с грохотом вылетело оконное стекло, а за ним – ребенок. Трижды перевернувшись в полете, он шлепнулся на бетон. Иза бежала. Капли – а может, слезы? – стекали по ее щекам.

Около ее «фиата» лежал мужчина в полосатой пижаме, полуопираясь о стену у ворот. Он тяжело дышал, хрипя при каждом выдохе, и ноздри орошали его кровавыми лопающимися пузырями.

Она не могла найти в сумочке ключи. Дрожащими руками вытрясла на тротуар все, что было внутри. Подняла только ключики и кошелек.

Что-то заскрежетало совсем рядом с ней, и она вздрогнула, выронив ключи. Чугунная крышка канализационного люка подскочила, упала на тротуар, и из канализации с глухим чмоканьем забила ключом кровь, смешанная с нечистотами, широко разливаясь по асфальту, вливаясь ей в туфли омерзительным теплом. Иза вскрикнула, попятилась от автомобиля, споткнувшись о тело мужчины в пижаме, лопатками почувствовала стену. В черной лоснящейся бездне канализации что-то зашевелилось, плещась и булькая.

Из-за угла, воя, выбежал человек, за ним – второй, оба в сумасшедшем темпе миновали Изу, побежали дальше. Иза замерла, подняв голову. Ветер, теплый ветер, который задул внезапно, швырнул в нее ужасающим смрадом.

Из-за угла...

Иза знала это ощущение. Помнила его с детства – сон, который снился ей столько раз, что она пробуждалась с криком. Сон, в котором, парализованная, безвольная, она смотрела на двери, запертые изнутри на засов, зная, что еще мгновение – и, несмотря на засов, эти двери все равно откроются. Откроются, а за ними окажется что-то, от чего не убежать. Что-то, что не оставляет надежды.

Сама того не сознавая, она закричала тонким, непрерывным, фальцетным визгом истязаемого животного. Внезапно она превратилась в зверька, тут, на этой темной, залитой кровью и дерьмом улице, среди асфальта, бетона, стекла, машин и электричества, среди тысяч творений цивилизации, из которых ни одно не имело в ту секунду ни малейшего значения. Внезапно она стала бобром, удавливаемым упругой проволокой силков, лисой, чью лапу крушат стальные челюсти капкана, котиком, которого добивают драгой по голове, косулей, подстреленной из обреза, катающейся в конвульсиях отравленной крысой. Она была всеми, кого заставляли испытывать страх, и боль, и уверенность, что через миг они станут ничем, ибо ничто – суть холодные, залитые кровью, смрадные останки.

То нечто, что за углом улицы скрежетало и скребло когтями, сопровождая свои шаги тяжелым, хриплым дыханием, вышло и устало на нее золотисто-красными, горящими огромными глазами.

Крик затих в горле Изы придушенным хрипом. Ее сознание, разум, память и воля взорвались и лопнули, как раздавленная на мостовой электрическая лампочка.

Бородавчатый прошел сквозь разорванную Завесу.

Золотой полдень⁵

*Июльский полдень золотой
Сияет так светло...*

Льюис Кэрролл, «Алиса в Стране Чудес»⁶

Полдень обещал быть просто изумительным, как и большинство тех прелестных полдней, которые существуют исключительно для того, чтобы проводить их в долгом-предолгом и сладком *far niente*⁷, пока окончательно не утомишься роскошным ничегонеделанием. Конечно, столь благодного расположения духа и тела невозможно достичь просто так, за здорово живешь, без подготовки и без плана, а запросто развалившись где попало. Нет, дорогие мои. Это требует предварительной активности как интеллектуального, так и физического характера. Безделье, как говорится, надобно заслужить.

Поэтому, чтобы не терять ни одной из скрупулезно подсчитанных минут, из которых, как правило, и складываются эти роскошные часы, я приступил к делу, а именно: отправился в лес и вступил в него, проигнорировав установленную на опушке предостерегающую табличку «ОСТОРОЖНО: БАРМАГЛОТ». Без губительной в таких случаях поспешности я отыскал соответствующее канонам искусства дерево и влез на оное. Затем отобрал подходящую ветвь, руководствуясь при выборе теорией о *revolutionibus orbium cœlestium*⁸. Что, чересчур умно? Тогда скажу проще: я выбрал ветвь, на которой в течение всей второй половины дня солнце будет пригревать мне шкурку.

Солнышко пригревало, кора дерева благоухала, птички и насекомые распевали на разные голоса свои извечные песни. Я улегся на ветке, изящно свесил хвост, положил подбородок на лапы и уже собрался было погрузиться в вышеупомянутую благодную дрему, уже готов был продемонстрировать всему миру свое безбрежное к нему безразличие, как вдруг высоко в небе заметил темную точку.

Точка быстро приближалась. Я приподнял голову. В нормальных условиях я, возможно, и не снизошел бы до того, чтобы обращать внимание на приближающиеся темные точки, поскольку в нормальных условиях такие точки чаще всего оказываются птицами. Но в Стране, в которой я временно пребывал, условия нормальными не были. Летящая по небу темная точка при ближайшем рассмотрении могла оказаться, например, роялем.

Однако статистика уже неведомо в который раз оправдала свой титул царицы наук. Правда, приближающаяся точка не была птицей в классическом понимании этого слова, однако и до рояля ей было далеко. Я вздохнул, поскольку предпочел бы рояль. Рояль, если только он не летит по небу вместе с вращающимся стульчиком и сидящим на нем Моцартом, есть явление преходящее и не раздражающее ушей. Радэчки же – а это был именно Радэчки – умел быть явлением многошумным, утомительным и несносным. Скажу не без ехидства: это в принципе было все, что Радэчки умел.

– А нет ли у котов аппетита на летучих мышей? – проскрипел он, накручивая круги над моей головой и моей веткой. – Так нет ли у котов аппетита на летучих мышей, спрашиваю?

– Выметайся, Радэчки.

⁵ *Złote popołudnie*. Перевод с польского Е. П. Вайсброта.

⁶ Перевод Д. Г. Орловской.

⁷ безделье (*um.*).

⁸ «*De revolutionibus orbium...*» – название труда Коперника.

– Ах какой ты вульгарный, Честер, хааа-хааа! Do cats eat bats?⁹ Так нет ли у котов аппетита на летучих мышей? И нет ли, случайно, у летучих мышей аппетита на котов?

– Ты явно хочешь мне что-то сказать. Давай выкладывай и удаляйся!

Радэцки уцепился коготками за ветку повыше моей, повис головой вниз и свернул перепончатые крылышки, приняв тем самым более приятную для моих глаз внешность мыши из антиподов.

– А я что-то знаю! – тонко пискнул он.

– Наконец-то! Природа безгранична в милости своей.

– Гость! – запищала мышь, изгибаясь словно акробат. – Гость посетил Страну. Наста-а-ал весё-ё-ёлый деень! У нас гость, Честер! Настоящий гость!

– Ты видел собственными глазами?

– Нет... – Он смутился, пошевелил огромными ушами и смешно покрутил блестящей пуговкой носа. – Не видел. Но мне об этом сказал Джонни Катерпиллер.

Несколько секунд меня не покидало желание как следует и не выбирая выражений отчитать его за то, что он нарушил мою сиесту, распространяя непроверенные слухи, однако я удержался. Во-первых, у Джонни «Блю» Катерпиллера было множество изъянов, но склонность к безответственному трепу и фантазированию не входила в их число. Во-вторых, хотя гости в Стране и были явлением достаточно редким, как правило, будоражащим, однако же случались весьма регулярно. Вы не поверите, но однажды к нам даже попал инка, вконец одуревший от листьев коки или какой-то другой доколумбовой пакости. Вот с ним была потеха! Он метался по округе, приставал ко всем, что-то излагал на никому не понятном языке, кричал, плевался, брызгал слюной, угрожал всем обсидиановым ножом. Но вскоре отбыл, причем навсегда, как и все. Отбыл эффектно, жестоко и кроваво. Им занялась королева Мэб и ее свита, обожавшая именовать себя Владыками Сердец. Мы называем их просто Червями. Les Coeurs¹⁰.

– Я полетел, – неожиданно известил Радэцки, прервав мои размышления. – Лечу сообщить другим. О госте, стало быть. Ну, привет, Честер.

Я растянулся на ветке, не удостоив его ответом. Он его не заслужил. В конце концов, ведь котом был я, а он всего-навсего мышью, хоть и летучей, тщетно пытающейся выглядеть миниатюрным графом Дракулой.

Что может быть хуже, чем идиот в лесу?

Тот из вас, который крикнул, мол, ничто, был не прав. Есть кое-что похуже, чем идиот в лесу.

Это кое-что – идиотка в лесу.

Идиотку в лесу – внимание, внимание! – можно узнать по следующим приметам: во-первых, ее слышно на расстоянии полумили, во-вторых, каждые три-четыре шага она неуклюже подпрыгивает, напевает, разговаривает сама с собой, в-третьих, валяющиеся на тропинке шишки пытается пнуть ногой, но не попадает ни по одной.

И наконец, заметив вас, возлежащего на ветке дерева, восклицает «Ох!» и начинает на вас нахально пялиться.

– Ох! – сказала идиотка, задирая голову и нахально пялясь на меня. – Привет, котик!

Я улыбнулся, а идиотка, хоть и без того болезненно бледная, побледнела еще больше и заложила ручки за спину. Чтобы скрыть их дрожь.

– Добрый день, сэр котик, – пробормотала она, после чего сделала книксен. Не скажу, чтобы очень уж грациозно.

⁹ Едят ли кошки мышек? (англ.)

¹⁰ Сердца (фр.), то есть Черви (по форме символов на червонных картах).

– Bonjour, ma fille¹¹, – ответил я, не переставая улыбаться. Мой французский, как вы догадываетесь, имел целью сбить идиотку с панталыку. Я еще не решил, как с ней поступить, но не мог отказать себе в удовольствии позабавиться. А сконфуженная идиотка – штука весьма забавная.

– Ou est chatte?¹² – неожиданно пропищала идиотка.

Как вы, несомненно, догадались, это не была беседа. Просто первая фраза из учебника французского языка. Тем не менее – реакция любопытная.

Я поудобнее расположился на ветке. Медленно, чтобы не пугать идиотки. Я уже упоминал, что еще не решил, как поступать дальше. Конечно, я не боялся поссориться с Les Coeurs, узурпировавшими исключительное право уничтожать гостей и резко реагирующими, если кто-то осмеливается лишить их этого права. Я, будучи котом, естественно, чихал на их исключительные права. Я чихал, кстати сказать, вообще на все права. Поэтому у меня уже случались небольшие конфликты с Les Coeurs и их королевой, рыжеволосой Мэб. Я не боялся таких конфликтов. Даже провоцировал их всякий раз, как только у меня было к тому желание. Однако сейчас я как-то особого желания не ощущал. Но свое положение на ветке поправил. В случае чего я предпочитал завершить дело одним прыжком, ибо гоняться за идиоткой по лесу у меня не было ни малейшего желания.

– Я никогда в жизни, – сказала девочка чуть дрожащим голосом, – не видела улыбающегося кота. Такого, как ты.

Я пошевелил ухом, дав ей понять, что ничего нового она мне не сказала.

– У меня есть кошка, – сообщила она. – Мою кошку зовут Дина. А как зовут тебя?

– Ты здесь гость, дорогая девочка. Так что вначале представиться должна ты.

– О, прошу прощения. – Она сделала книксен и опустила глаза. А жаль, поскольку глаза у нее темные и для человека очень красивые. – Действительно, это было невежливо. Первой должна была представиться я. – Меня зовут Алиса. Алиса Лидделл. Я оказалась здесь, потому что вошла в кроличью нору. Вслед за белым кроликом с розовыми глазами. На нем была жилетка. А в жилетном кармашке – часы.

«Инка, – подумал я. – Говорит понятно, не плюется, у нее нет обсидианового ножа. Но все равно – инка».

– Покуривали травку, мисс? – спросил я вежливо. – Глотали барбитуратики? А может, набрались амфитаминчиков? Ma foi¹³, рановато же теперь детишки начинают.

– Не поняла ни словечка, – покрутила она головой. – Не поняла ни слова, котик, из того, что ты сказал. Ни словечка. Ни словечечка!

Она говорила странно, а одета была – только теперь я обратил внимание – еще страннее. Расклешенное платьице, фартучек, воротничок с закругленными уголками, короткие рукавички с оборочками, чулочки... Да, черт побери, чулочки. И туфельки на ремешках. Fin de siecle¹⁴, чтоб мне провалиться. Значит, наркотики и алкоголь скорее всего следовало исключить. Если, конечно, ее наряд не был костюмом. Она не могла попасть в Страну прямо с представления в школьном театре, где играла Маленькую Мисс Мафет¹⁵, сидящую на песке рядом с пауком. Или прямо с вечеринки, которой юная труппа отмечала успех спектакля, горстями поглощая порошок. Именно это, после некоторого раздумья решил я, было наиболее вероятно.

¹¹ Здравствуй, девочка (фр.).

¹² Где моя кошка? (фр.)

¹³ Ей-богу! (фр.)

¹⁴ Конец столетия (фр.).

¹⁵ Маленькая Мисс Мафет. Строчка из популярного детского стишка о девочке Мафет, которая сидела на холмике и ела сыр, а тут пришел паук, уселся рядом и ужасно напугал ее.

– Тогда что же мы принимали? – спросил я. – Какое вещество позволило нам достичь особого состояния сознания? Какой препарат перенес нас в Страну Чудес? А может, мы просто неумеренно пили теплый gin and tonic?¹⁶

– Я? – покраснела она. – Я ничего не пила... То есть только один малюсенький глоточек... Ну, может, два... Или три... Но ведь на бутылочке была бумажка с надписью «Выпей меня». Это никак не могло мне повредить.

– Ну, буквально я прямо-таки слышу Дженис Джоплин¹⁷.

– Простите?

– Не важно.

– Ты хотел сказать, как тебя зовут.

– Честер. К твоим услугам.

– Честер находится в графстве Чешир, – гордо сообщила она. – Я недавно учила в школе. Значит, ты Чеширский Кот? А как ты собираешься мне услужить? Сделаешь что-нибудь приятное?

– Просто не сделаю тебе ничего неприятного, – улыбнулся я, показывая зубы и окончательно решив все-таки отправить ее в распоряжение Мэб и Les Coeurs. – Считаю это услугой. И не рассчитывай на большее. До свидания.

– Хм-м-м... – замялась она. – Хорошо, сейчас я уйду... Но сначала... Скажи, что ты делаешь на дереве?

– Лежу в графстве Чешир. До свидания.

– Но я... Я не знаю, как отсюда выйти.

– Я просто хочу, чтобы ты удалилась, – пояснил я. – Потому что если ты намерена выйти совсем, то это напрасный труд, Алиса Лидделл. Отсюда выйти невозможно.

– Не поняла?

– Отсюда невозможно выйти, дурашка. Надо было смотреть на обратной стороне бумажки. Той, что была на бутылочке.

– А вот и неправда, – задиристо заявила она. – Я погуляю здесь, а потом вернусь домой. Я должна. Я хожу в школу и не могу пропускать уроки. Кроме того, мама по мне соскучится. И Дина. Дина – моя кошка. Я тебе говорила? До свидания, Чеширский Кот. А не будешь ли ты настолько любезен, чтобы сказать, куда ведет эта тропинка? Куда я попаду, если пойду по ней? Там кто-нибудь живет?

– Там, – указал я легким движением головы, – живет Арчибальд Хейджо, для друзей просто Арчи, он еще больше чокнутый, чем мартовский заяц. Поэтому мы и зовем его Мартовский Заяц. А вон там живет Бертран Рассел Хатта, такой же чокнутый, как любой болванщик. Именно поэтому мы так и говорим: Болванщик. Оба, как ты уже, вероятно, догадалась – не в своем уме.

– Но у меня нет желания встречаться с безумными или сумасшедшими.

– Все мы здесь не в своем уме. Я не в своем уме. Ты не в своем уме.

– Ты говоришь сплошными загадками... – начала она, и глаза у нее вдруг сделались круглыми. – Эй-эй... Что с тобой? Чеширский Кот? Не исчезай! Не исчезай, пожалуйста.

– Дорогое дитя, – мягко сказал я. – Это не я исчезаю, это твой мозг перестает функционировать, теряет способность даже к горячечному бреду. Прекращает работать. Другими словами...

Я не закончил. Как-то не мог решиться закончить, дать ей понять, что она умирает.

¹⁶ джин с тоником (англ.).

¹⁷ Известная американская певица (1943–1970) стиля «Rhythm and Blues». Умерла, приняв большую дозу наркотиков.

– Я снова вижу тебя! – торжествующе воскликнула она. – Ты снова здесь. Не делай так больше. Не исчезай так неожиданно. Это ужасно. От этого кружится голова. До свидания, Чеширский Кот.

– Прощай, Алиса Лидделл.

Забегу вперед. В тот день я уже больше не бездельничал. Выбитый из сна и вырванный из благодатной дремы, я не в состоянии был восстановить предыдущий настрой. Что делать, этот мир летит в тартарары. Никакого уважения и никакого почтения уже не проявляют к спящим либо просто отдыхающим котам. Где те времена, когда пророк Магомет, намереваясь встать и отправиться в мечеть и в то же время не желая будить прикорнувшего в рукаве его одеяния кота, отрезал рукав ножом? Никто из вас, ставлю что угодно, не решился бы на столь благородный поступок. Поэтому, полагаю, никому из вас не удастся стать пророком, бегайте вы хоть целый год из Мекки в Медину и обратно. Ну что ж, как Магомет коту, так и кот Магомету.

Раздумывал я не больше чем час. Потом – сам себе удивляюсь – слез с дерева и не очень спеша направился по узкой тропинке в сторону обиталища Арчибалда Хейджо, именуемого, как я уже сказал, Мартовским Зайцем. Конечно, я мог, если б хотел, попасть к Зайцу за несколько секунд, но счел это чрезмерной любезностью, которая могла заставить Зайца подумать, будто мне что-то от него нужно. Может, немножко и было нужно, но проявлять это я не собирался.

Красные черепицы домика Зайца вскоре выстроились в охру и желтизну осенней листвы окружающих деревьев. А до моих ушей донеслась музыка. Кто-то – либо что-то – тихонько играл и напевал «Greensleeves»¹⁸. Мелодию, прекрасно сочетающуюся с временем и местом.

Во дворике перед домиком стоял накрытый чистой скатертью стол. На столе расположились блюдечки, чашечки, чайник и бутылка виски Chivas Regal. За столом сидел хозяин, Мартовский Заяц, и его гости: Болванщик, бывающий здесь почти постоянно, и Пьер Дормаус, бывающий здесь – как и вообще где-нибудь – невероятно редко. Во главе же стола сидела темноглазая Алиса Лидделл, с детской непосредственностью развалившаяся в плетеном ивовом кресле и обеими руками державшая чашку. Казалось, ее совершенно не волновал тот факт, что за five o'clock whisky and tea¹⁹ присутствуют заяц с неряшливо торчащими усами, коротышка в идиотском цилиндре, жестком воротничке и бабочке в горошек, а также толстенький суслик, который, впрочем, был вовсе и не суслик, амышь-соня, дремлющий с головой на столе.

Арчи, Мартовский Заяц, увидел меня первым.

– Гляньте-ка, кто идет, – воскликнул он, а тембр его голоса недвусмысленно указывал на то, что чай в этой компании пила только Алиса. – Кто идет-то? Уж не обманывают ли меня мои глаза? Да ведь это, я процитирую Книгу Притчей Соломоновых, благороднейшее из животных с движениями изумительными и шагами благородными.

– Где-то тайно отворили седьмую печать, – подхватил Болванщик, отхлебнув из фарфоровой чашечки что-то, что явно не было чаем. – Вы только гляньте, вот кот бледный, и ад следует за ним.

– Истинно говорю вам, – заметил я без высокопарности, подходя ближе, – вы прямо-таки кимвалы звенящие.

– Садись, Честер, – сказал Мартовский Заяц. – И налей себе. Как видишь, у нас гость. Гость как раз забавляет нас повествованием о приключениях, кои встретили его с момента прибытия в нашу Страну. Уверен, ты тоже послушаешь охотно. Позволь тебя представить.

¹⁸ Зеленые рукава», песня, популярная в Средние века. Увы, любимая моя./Обижен горько я тобой./Так долго я любил тебя./Так восхищался я тобой. Перевод Григория Кружкова.

¹⁹ Английский традиционный «чай в пять часов» плюс «виски».

– Мы уже знакомы.

– Ну конечно, – сказала Алиса, радушно улыбаясь. – Знакомы. Именно он указал мне дорогу к вашему прелестному домику. Это Чеширский Кот.

– Что ты там наплел ребенку, Честер? – пошевелил усами Арчи. – Снова похвалялся красноречием, дабы доказать свое превосходство над другими существами? А, кот?

– У меня есть кошка, – ни к селу ни к городу сказала Алиса. – Мою кошку зовут Дина.

– Ты уже говорила.

– А этот кот, – Алиса бестактно указала на меня пальцем, – иногда исчезает, к тому же так, что остается только висящая в воздухе улыбка. Бр-р-р, кошмар.

– Ну, не говорил я? – Арчи приподнял голову и поставил торчком уши, украшенные приставшими к ним травинками и колосками пшеницы. – Похвалялся! Как всегда!

– Не судите, – проговорил Пьер Дормаус совершенно трезво, не отрывая головы от ска-терти, – дабы судимы не были.

– Замолкни, мышь! – махнул лапой Мартовский Заяц. – Спи и не вставай.

– А ты продолжай, продолжай, дитя мое, – поторопил Болванщик. – Мы с удовольствием послушаем рассказ о твоих приключениях, а время торопит.

– И еще как, – буркнул я, глядя ему в глаза. Арчи пренебрежительно прыснул.

– Сегодня среда, – сказал он. – Мэб и Les Coeurs играют в свой идиотский крокет. Спорю, они еще ничего не знают о нашей гостье.

– Ты недооцениваешь Радэчки.

– Повторяю, у нас есть время. Посему используем его. Такие забавы не каждый день выпадают.

– И что же вы, если можно спросить, находите тут забавного?

– Сейчас увидишь. Ну, дорогая Алиса, рассказывай. Мы обращаемся в слух.

Алиса Лидделл обвела нас любопытным взглядом темных глаз, словно ожидая, что мы и верно во что-нибудь обратимся.

– Так на чем же я остановилась? – задумалась она, не дождавшись метаморфозы. – Ага, вспомнила. На пирожках, тех, на которых была надпись «Съешь меня», очень красиво выложенная коринками на желтом креме. Ах какие же это были вкусные пирожки! Ну прямо-таки волшебный у них был вкус! И они в самом деле были волшебными. Стоило мне съесть кусочек, и я начала расти.

Я, сами понимаете, испугалась... И быстренько откусила от другого пирожка, тоже очень вкусного. И тут же начала уменьшаться. Вот такие это были чары, ха! Я могла становиться то большой, то маленькой, могла съеживаться, могла растягиваться. Как хотела. Понимаете?

– Понимаем, – сказал Болванщик и потер руки. – Ну-с, Арчи, твоя очередь. Мы слушаем.

– Все яснее ясного, – надменно оповестил Мартовский Заяц. – У бреда просматривается явный эротический подтекст. Поедание пирожков есть выражение типично детских оральных грез, базирующихся на пока еще дремлющем сексуализме. Лизать и причмокивать не размышляя – это типичное поведение периода полового созревания, хотя, следует признать, миру известны такие индивидуумы, которые из этого возраста не вышли до самой старости. Что же до вызванного якобы съедением пирожка сокращения и растяжения – то, думаю, я не буду первооткрывателем если напомним миф о Прокрусте и прокрустовом ложе. Речь идет о подсознательном желании приспособиться, принять участие в мистерии инициации и присовокуплению к миру взрослых. Имеется здесь также и сексуальная база. Девочка желает...

– Так вот в чем суть вашей забавы, – не спросил, а отметил я. – В психоанализе, цель которого понять, каким чудом она здесь оказалась. Сложность, однако, состоит в том, что у тебя, Арчи, все зиждется на сексуальности. Впрочем, это типично для зайцев, кроликов, ласок, куниц, нутрий и прочих грызунов, у которых только одно на уме. Однако повторяю свой вопрос: что в этом забавного?

– Как в каждой забаве, – сказал Болванщик, – забавным является забивание скуки.

– А тот факт, что кого-то это не забавляет, ни в коей мере не доказывает, что этот кто-то есть существо высшее, – буркнул Арчи. – Не ухмыляйся, Честер, никого ты здесь не оболестишь своей ухмылкой. Когда ты наконец поймешь, что, умничай ты сколько душе угодно, никто из присутствующих не отдаст тебе божеских почестей. Мы не в Бубастисе²⁰, а в Стране...

– Стране Волшебства? – вставила Алиса, оглядывая на нас.

– Чудес, – поправил Болванщик. – Страна Волшебства – это Faerie. А здесь Wonderland. Страна Чудес.

– Семантика, – пробормотал над скатертью Дормаус. Никто не обратил на него внимания.

– Продолжай, Алиса, – поторопил Болванщик. – Что было дальше, после пирожков?

– Я, – заговорила девочка, поигрывая ручкой чашки, – очень хотела отыскать того белого кролика в жилетке, ну, того, у которого были еще перчатки и часы на цепочке. Я подумала, что если его отыщу, то, может быть, попаду и к той норе, в которую свалилась... И смогу по ней вернуться домой.

Мы молчали. Этот фрагмент не требовал пояснений. Среди нас не было никого, кто не знал бы, что такое и что символизирует черная нора, падение, долгое бесконечное падение. Не было среди нас такого, кто не знал бы, что во всей Стране нет никого, кто хотя бы издали мог напоминать белого кролика в жилетке, с часами и перчатками.

– Я шла, – тихо продолжала Алиса Лидделл, – по цветущей лужайке и вдруг поскользнулась, потому что лужайка была мокрой от росы и очень скользкой. Я упала. Сама не знаю как, но вдруг шлепнулась в море. Так я думала, потому что вода была соленой. Но это вовсе не было море. Понимаете? Это была огромная лужа слез. Потому что раньше-то я плакала, очень сильно плакала... Так как испугалась и думала, что уже никогда не найду ни того кролика, ни той норы. Все это разъяснила мне одна мышка, которая плавала в той же луже, потому что, как и я, тоже случайно попала в нее. Мы вытащили друг дружку из этой лужи, то есть немножко мышка вытащила меня, а немножко я вытащила мышку. Она, бедненькая, вся была мокрая, и у нее был длинный хвостик...

Алиса замолчала, а Арчи глянул на меня с превосходством.

– Независимо от того, что думают об этом всякие там коты, – проговорил он, выставляя на всеобщее обозрение два желтых зуба, – хвост мыши есть фаллический символ. Этим объясняется, кстати сказать, панический ужас, охватывающий при виде мыши некоторых женщин.

– Нет, вы и впрямь спятили, – убежденно сказала Алиса. Никто не обратил на нее внимания.

– А соленое море, – съехидничал я, – возникшее из девичьих слез, это, разумеется, доводящая до рыданий страсть по пенису? А, Арчи?

– Именно так! Об этом пишут Фрейд и Беттельгейм. В данном случае особенно уместно привести Беттельгейма, поскольку он занимается детской психикой.

– Мы не станем, – поморщился Болванщик, наливая виски в чашки, – приводить сюда Беттельгейма. Да и Фрейд тоже пусть себе *requisat in pace*²¹. Этой бутылки нам только-только хватит на четверых, *comme il faut*²², никто нам тут больше не нужен. Рассказывай, Алиса.

– Позже... – задумалась Алиса Лидделл. – Позже я случайно натолкнулась на лакея. Но когда присмотрелась получше, оказалось, что это не лакей, а большая лягушка, выраженная в лакейскую ливрею.

²⁰ Бубастис в Древнем Египте – центр культа богини Бастет, или Баст, – доисторической богини плодородия, изображаемой в виде кошки либо женщины с головой кошки.

²¹ почиет в мире (англ.).

²² Здесь: вполне достаточно (фр.).

– Ага! – обрадовался Мартовский Заяц. – Вот и лягушка! Земноводное влажное и склизкое, кое, будучи раздражено, раздувается, растет, увеличивается в размерах! Так чего это символ, как вам кажется? Пениса же! Вот чего!

– Ну конечно, – кивнул я. – А чего же еще-то? У тебя все ассоциируется с пенисом и задницей, Арчи.

– Вы чокнутые, – сказала Алиса. – И вульгарные.

– Конечно, – подтвердил Дормаус, поднимая голову и сонно глядя на нас. – Каждому известно. Ох, а она все еще здесь? За ней еще не пришли?

Болванщик, явно обеспокоенный, оглянулся на лес, из глубин которого долетали какие-то потрескивания и хруст. Я, будучи котом, слышал эти звуки уже давно, еще прежде чем они приблизились. Это не были Les Sœurs, это была ватага блуждающих, разыскивающих в траве чего бы поесть.

– Да, да, Арчи. – Я и не думал успокаивать Зайца, который тоже слышал хруст и испуганно наставил уши. – Тебе надобно поспешить с психоанализом, иначе Мэб докончит его за тебя.

– Так, может, ты докончишь? – пошевелил усами Мартовский Заяц. – Ты как существо высшего порядка знаешь назубок механизмы происходящих в психике процессов. Несомненно, знаешь, как получилось, что умирающая дочка декана колледжа Крайст-Черч, вместо того чтобы отойти в мире, не пробуждаясь от тяжелого сна, блуждает по Стране?

– Крайст-Черч? – Я сдержал удивление. – Оксфорд? Который год?

– Тысяча восемьсот шестьдесят второй, – буркнул Арчи. – Ночь с седьмого на восьмое июля. Это важно?

– Не важно. Подытожь свой вывод. Ведь он у тебя уже готов?

– Конечно.

– Сгораю от любопытства.

Болванщик налил. Арчи отхлебнул, еще раз глянул на меня гордо, откашлялся, потер лапы.

– Здесь мы имеем дело, – начал он торжественно и высокомерно, – с типичным казусом конфликта ид, эго и суперэго. Как известно уважаемым коллегам, в человеческой психике ид связан с тем, что опасно, инстинктивно, грозно и непонятно, что увязано с невозможностью сдерживать тенденцию к бездумному удовлетворению стремления к приятному. Упомянутое бездумное подчинение инстинктивному данная особа пытается – как мы только что наблюдали – бездумно оправдать воображаемыми инструкциями типа «выпей меня» или «съешь меня», что – разумеется, ложно, – должно бы изображать подчинение ид контролю рационального эго. Эго же данной особы есть привитый ей викторианский принцип реальности, действительности, необходимости подчиняться наказам и запретам. Реальность есть суровое домашнее воспитание, суровая, хоть внешне цветистая реальность «Young Misses Magazine»²³, единственного чтива этого ребенка.

– Неправда! – крикнула Алиса Лидделл. – Я еще читала «Робинзона Крузо». И сэра Вальтера Скотта.

– Назло всем этим, – Заяц не обратил внимание на ее выкрик, – безрезультатно пробует возвыситься неразвитое суперэго вышеназванной и – *sit licentia verbo*²⁴ – наличествующей здесь особы. Меж тем суперэго, даже зародышевое, является решающим в вопросе способности к фантазированию. Поэтому-то оно пытается перевести происходящие процессы в картины

²³ «Журнал для девочек» (англ.).

²⁴ да позволено будет сказать (лат.).

и образы. *Vivera cesse, imaginare necesses est*²⁵, если уважаемые коллеги позволят мне воспользоваться парафразой...

– Уважаемые коллеги, – сказал я, – скорее позволят себе сделать замечание, что вывод, хоть в принципе теоретически правильный, ничего не объясняет, а посему представляет собою классический случай академической болтологии.

– Не обижайся, Арчи, – неожиданно поддержал меня Болванщик. – Но Честер прав. Мы по-прежнему не знаем, каким образом Алиса оказалась здесь.

– Потому как тупые вы оба! – замахал лапами Заяц. – Я же говорю: ее занесла сюда переполненная эротизмом фантазия! Ее страхи! Возбужденные каким-то наркотиком скрытые метания...

Он осекся, уставившись на что-то у меня за спиной. Теперь и я услышал шум перьев. Услышал бы раньше, если б не его болтовня.

На столе, точнехонько между бутылкой с виски и чайником, опустился Эдгар. Эдгар – ворон здешних мест. Эдгар много летает и мало болтает. Поэтому в Стране он всем служит в основном в качестве курьера. На этот раз было так же, Эдгар держал в клюве большой конверт, украшенный разделенными короной инициалами «MR»²⁶.

– Чертова банда, – шепнул Болванщик. – Чертова банда показушников.

– Это мне? – удивилась Алиса. Эдгар кивнул головой, клювом и конвертом.

Алиса взяла было конверт, но Арчи бесцеремонно вырвал его у нее из рук и сломал печать.

– Ее королевское величество Мэб и т. д. и т. п., – прочитал он, – приглашает тебя принять участие в партии крокета, которая будет иметь место быть...

Он взглянул на нас.

– ...сегодня... – Он пошевелил усами. – Итак, они узнали. Чертов нетопырь разболтал, и они узнали.

– Чудесно! – Алиса Лидделл захлопала в ладоши. – Партия в крокет! С королевой! Можно идти? Было бы невежливо опоздать.

Болванщик громко кашлянул. Арчи повертел письмо в лапах. Дормайс захрапел. Эдгар молчал, распушив черные перья.

– Задержите ее здесь, сколько удастся, – неожиданно решил я и встал. – Я скоро вернусь.

– Не дури, Честер, – буркнул Арчи. – Ты ничего не сделаешь, даже если доберешься до места, в чем я весьма сомневаюсь. Мэб о ней знает и не позволит ей уйти. Ты ее не спасешь. Возможности, прямо сказать, нулевые.

– А может, поспорим?

Ветер времени и пространства все еще шумел у меня в ушах и ерошил шерсть, а земля, на которой я стоял, ни за что на свете не желала перестать трястись. Однако равновесие и жестокая реальность быстро и эффективно вытеснили *horror vacui*²⁷, сопровождавшую меня несколько последних минут. Тошнота, правда, неохотно, но отступала, глаза понемногу привыкали к Евклидовой геометрии.

Я осмотрелся.

Сад, в который я попал, был истинно английским, то есть заросшим и запущенным сверх всякой возможности. Откуда-то слева отдавало болотцем и то и дело слышалось короткое кряканье, из чего я сделал вывод, что есть здесь и прудик. В глубине сада поблескивал огнями увитый плющом фасад небольшого двухэтажного дома.

²⁵ Жить не обязательно, фантазировать необходимо (лат.).

²⁶ Мэб Королева.

²⁷ жуткая пустота (англ.).

В принципе я был уверен в своем, то есть в том, что попал в соответствующее место в соответствующее время. Но предпочитал удостовериться.

– Есть тут кто-нибудь, черт побери? – нетерпеливо спросил я.

Ждать пришлось недолго. Из тьмы возник рыжий в полоску тип. На хозяина сада он не походил, хотя усиленно старался походить. Глупцом он не был. Совершенно явно ему еще в котеночном возрасте привили немного манер и *savoi-vivre*²⁸. Увидев меня, он вежливо поздоровался, присел и охватил лапы хвостом. Да, хотел бы я увидеть кого-либо из вас, людей, так же спокойно реагирующих на появление существа из вашей мифологии. И демонологии.

– С кем имею удовольствие? – спросил я кратко и бесцеремонно.

– Рассет Фиц-Рурк Третий, ваша милость.

– Это, – движением уха я показал, что имею в виду, – разумеется, Англия.

– Разумеется.

– Оксфорд?

– Действительно.

Стало быть, я попал. Утка, которую я слышал, вероятно, плавала не в пруду, а по Темзе либо Червеллу. А башня, которую видел во время посадки, была Carfax Tower²⁹. Проблема, однако, в том, что Carfax Tower выглядела точно так же во время моего предыдущего визита в Оксфорд, а было это в 1645 году, незадолго до битвы под Нэсби³⁰. Тогда, помнится, я советовал королю Карлу бросить все к чертовой матери и бежать во Францию.

– Кто в данный момент правит Британией?

– В Англии – Мерлин из Гластонбери. В Шотландии...

– Я не о котах спрашиваю, глупец.

– Простите, ваша милость. Королева Виктория.

Повезло. Хотя, с другой стороны, баба правила шестьдесят четыре года, с 1837-го по 1901-й, так что не исключено было, что я малость перескочил либо недоскочил. Конечно, можно было напрямую спросить рыжика о дате, но это не для меня, сами понимаете. Готов признать, что я не всеведущ. Но престиж, как говорится, *über alles*³¹.

– Кому принадлежит дом?

– Венере Уайтблэк... – начал он, но тут же поправился: – То есть человеческий хозяин дома – декан Генри Джордж Лидделл.

– Дети есть? Я спрашиваю не о Венере Уайтблэк, а о декане Лидделле.

– Три дочери.

– Которую зовут Алиса?

– Среднюю.

Я украдкой перевел дыхание. Рыжик тоже. Он был уверен, что я не расспрашиваю, а экзаменую.

– Весьма обязан, сэр Рассет. Удачной охоты.

– Благодарю, ваша милость.

Он не ответил пожеланием удачной охоты. Знал легенды. Знал, какого рода охоту может означать мое появление в его мире.

Я проходил сквозь ограды, сквозь стены, оклеенные кричащими обоями в цветочек, сквозь штукатурку, сквозь мебель. Я проходил сквозь голоса, шепоты, вздохи и стенания.

²⁸ благовоспитанности (*фр.*).

²⁹ Башня Карфакс – башня в Оксфорде на перекрестье четырех крупных дорог.

³⁰ Нэсби – городок, неподалеку от которого в битве 14 июля 1645 г. Кромвель разбил войска роялистов.

³¹ превыше всего (*нем.*).

Я прошел через освещенную living room³², в которой декан и деканша Лидделлы беседовали с худощавым сутуловатым брюнетом с буйной шевелюрой. Я отыскал лестницу, миновал две детские спальни, дышавшие молодым, здоровым сном. А около третьей спальни наткнулся на Стражницу.

– Я пришел с миром, – быстро сказал я, отступая перед предостерегающим шипением, клыками, когтями и яростью. – С миром!

Лежащая на пороге Венера Уайтблэк прижала уши, наградила меня очередной волной ненависти и тут же приняла классическую боевую позу.

– Осторожней, киска!

– Apace!³³ – прошипела она, не меняя стойки. – Прочь! Ни один демон не переступит порога, на котором я лежу!

– Даже такой, – нетерпеливо бросил я, – который назовет тебя Диной?

Она вздрогнула.

– Уйди с дороги, – повторил я, – Дина, кошка Алисы Лидделл.

– Ваша милость? – неуверенно взглянула она на меня. – Здесь?

– Я хочу войти. Сдвинься с порога. Нет-нет, не уходи. Войди вместе со мной.

В комнатке, в соответствии с обычаями эпохи, стояло столько мебели, сколько удалось втиснуть. Стены и здесь были оклеены обоями с чудовищным цветочным мотивом. Над комодиком висела не очень удачная графика, изображающая, если верить подписи, некую мистрис Уэст в роли Дездемоны. А на кровати лежала Алиса Лидделл без сознания, в поту и бледная как призрак. Она бредила так сильно, что в воздухе над ней я чуть ли не видел глазами воображения красные черепицы домика Зайца и слышал «Greensleeves».

– Они катались на лодке по Темзе, она, ее сестры и сэр Чарлз Лютвидж Доджсон. – Венера Уайтблэк упредила мой вопрос. – Алиса упала в воду, озябла, и у нее поднялась температура. Приходил врач, прописал разные лекарства, давали ей и из домашней аптечки. По невнимательности между лекарствами оказалась бутылочка лауданума³⁴. И она ее выпила. С тех пор и лежит в таком вот состоянии.

Я задумался.

– А безответственный Чарлз, это тот мужчина с шевелюрой пианиста, что беседует с деканом Лидделлом? Проходя через гостиную, я воспринял излучаемые им мысли. Чувство вины.

– Да, это именно он. Друг дома. Преподаватель математики, но в остальном вполне приличный тип. И я не назвала бы его безответственным. Он не виноват в том, что произошло в лодке. Случай, от которого никто не застрахован.

– Он часто бывает рядом с Алисой?

– Часто. Она его любит. Он ее любит. Когда смотрит на нее, мурлычет. Придумывает и рассказывает малышке всяческие необыкновенные истории. Она это обожает.

– Ага, – пошевелил я ухом. – Необыкновенные истории. Фантазии. И лауданум. Ну, так мы на месте. Теперь понятно, откуда они растут. Впрочем, хватит об этом. Подумаем о девочке. Я желаю, чтобы она выздоровела. Да поскорее.

Кошка прищурила зеленые глаза и оцетирила усы, что у нас, котов, означает безбрежное изумление. Однако она быстро взяла себя в лапы. И смолчала. Она знала, что спрашивать о причинах моего желания было бы крупной бестактностью. Знала также, что я не ответил бы на такой вопрос. Ни один кот не отвечает на такие вопросы. Мы всегда делаем что хотим и не привыкли объясняться.

– Я желаю, – настойчиво повторил я, – чтобы болезнь покинула мисс Алису Лидделл.

³² гостиная (англ.).

³³ Прочь! Вон! Изыди! (греч.)

³⁴ настойка опия.

Венера присела, поморгала, пошевелила ухом.

– Это ваше право, князь, – мягко сказала она. – Я... я могу только поблагодарить... за честь. Я люблю этого ребенка.

– Это не была честь. Так что не благодари, а берись за работу.

– Я? – Она чуть не подскочила от изумления. – Я должна ее лечить? Но это же обыкновенным кошкам запрещено! Я думала, что ваша милость соблаговолите сами... К тому же я не сумела бы...

– Во-первых, в мире нет обыкновенных кошек. Во-вторых, я могу нарушать любые запреты. Настоящим – нарушаю. Берись за дело.

– Но... – Венера не спускала с меня глаз, в которых вдруг появился испуг. – Но ведь... Если я вымурлыкаю из нее болезнь, тогда я...

– Да, – сказал я пренебрежительно. – Ты умрешь вместо нее.

«Ты, кажется, любишь эту девочку, – подумал я. – Так докажи свою любовь. Может быть, ты считала, что достаточно лежать у нее на коленях, мурлыкать и позволять себя гладить? Укрепляя тем самым всеобщее мнение, что кошки – лживые создания, что они привязываются не к людям, а исключительно к месту?»

Конечно, говорить такие банальности Венере Уайтблэк было ниже моего достоинства. И совершенно излишне. За мной стояло могущество авторитета. Единственного авторитета, который принимает кот. Венера тихо мякнула, запрыгнула Алисе на грудь, принялась сильно перебирать лапками. Я слышал тихое потрескивание коготков, цепляющихся за дамасковую ткань одеяла. Отыскав нужное место, кошка улеглась и начала громко мурлыкать. Несмотря на явное отсутствие опыта, она делала это идеально. Я прямо-таки чувствовал, как с каждым мурлыком она вытягивает из больной то, что следовало вытянуть.

Разумеется, я ей не мешал. Следил за тем, чтобы не мешал никто другой. Оказалось, правильно делал.

Дверь тихо раскрылась, и в комнату вошел бледный брюнет, Чарлз Лютвидж или Лютвидж Чарлз, я запомнил. Вошел, опустив голову, полный раскаяния и переполненный жалостью и виной. Тут же увидел лежащую на груди у Алисы Венеру Уайтблэк и сразу же решил, что есть на ком отыграться.

– Эй, ккк... кошка, – заикаясь, начал он. – Брысь! Слезай с кровати ннн... немедленно!

Он сделал два шага, глянул на кресло, на котором лежал я. И увидел меня – а может, не столько меня, сколько мою улыбку, висящую в воздухе. Не знаю, каким чудом, но увидел. И побледнел. Тряхнул головой. Протер глаза. Облизнул губы. А потом протянул ко мне руку.

– А-ну, тронь, – сказал я как можно слаще. – Только тронь меня, грубиян, и всю оставшуюся жизнь ты будешь вытирать нос протезом.

– Кккто ты тааакккой, – заикаясь, начал он. – Кккттто?

– Имя мне – легион, – равнодушно ответил я. – Для друзей я – Бредотиус, *princeps potestatis aeris*³⁵. Я – один из тех, которые кружат, присматриваясь, *quaerens quem devored*³⁶. На ваше счастье, охотимся мы в основном на мышей. Но на вашем месте я б не стал делать из этого поспешных и слишком далеко идущих выводов.

– Это н-н-н. – Он заикнулся, на этот раз так сильно, что у него чуть было глаза не вылезли из орбит. – Это нннее...

– Возможно, возможно, – заверил я, по-прежнему улыбаясь белозубо и острокрыло. – Стой там, где стоишь, сведи активность до минимума, и я одарю тебя здоровьем. *Parole*

³⁵ князь Властелин воздуха – определение Сатаны.

³⁶ ищущий, чего бы съесть (*лат.*).

d'honneur³⁷. Ты понял, что я сказал, двуногий? Единственное, чем тебе разрешается шевелить, – это веки и глазные яблоки. Позволяю также продолжать осторожно вдыхать и выдыхать.

– Ннннооо...

– Болтать не позволяю. Замри и молчи, словно от этого зависит твоя жизнь. А она, кстати говоря, зависит.

Он понял. Стоял, потел в тишине, глядел на меня и интенсивно мыслил. Мысли у него были жутко путанные. Не ожидал я таких мыслей у преподавателя математики. В это время Венера Уайтблэк делала свое, а воздух аж вибрировал от магии ее мурлыканья. Алиса пошевелилась, застонала. Кошка успокоила ее, положив легко лапку на лицо. Чарлз Лютвидж Доджсон – я вспомнил, как его зовут, – вздрогнул, увидев это.

– Спокойно, – сказал я сверх ожидания мягко. – Здесь лечат. Это терапия. Наберись терпения.

Он несколько секунд присматривался ко мне.

– Ты мм... ммоя собственная фантазия, – проворчал он наконец. – Бессмысленно с ттт... тобой разговаривать.

– Ну прямо-таки мои слова.

– Это, – он легким движением руки указал на кровать, – и это... ттт... терапия? Кошачья терапия?

– Угадал.

– «Though this be madness, – проговорил он, о чудо, не заикнувшись, – yet there is method in't»³⁸.

– И это тоже прямо-таки мои слова!

Мы ждали. Наконец Венера Уайтблэк перестала мурлыкать, легла на бок, зевнула и несколько раз прошлась по шкурке розовым язычком.

– Пожалуй, конец, – неуверенно проговорила она. – Я вытянула все. Яд, болезнь и жар. Было еще что-то в костном мозге, не знаю что. Но для верности я и это тоже вытянула.

– Браво.

– Ваша милость?

– Слушаю.

– Я все еще жива.

– Не думаешь же ты, – высокомерно улыбнулся я, – что я позволю тебе умереть?

Кошка зажмурилась в немой благодарности. Чарлз Лютвидж Доджсон, уже долгое время беспокойно следивший за нашими действиями, неожиданно громко кашлянул.

– Говори, – благосклонно разрешил я, подняв на него глаза. – Только не заикайся, пожалуйста.

– Не знаю, что за ритуал здесь осуществляется, – начал он тихо, – но есть вещи на земле и небе...

– Переходи к этим вещам.

– Алиса все еще без сознания.

Ха! Он был прав. Походило на то, что операция удалась. Но только лекарям. *Medice, cura te ipsum*³⁹, подумал я. Я не торопился говорить, чувствуя на себе вопросительный взгляд кошки и беспокойный взгляд преподавателя математики. Я просчитывал различные возможности. Одной из них была: пожать плечами и удалиться. Но я уже слишком крепко ввязался в эту историю и теперь отступать не мог. Бутылка, на которую я поспорил с Зайцем, конечно, одно дело, но престиж...

³⁷ Слово чести (*фр.*).

³⁸ «Если это и безумство, то по-своему последовательное». Шекспир. Гамлет. Акт II, сцена II. Перевод Б. Пастернака.

³⁹ Врач, исцелился сам (*лат.*).

Я усиленно размышлял. Мне помешали.

Чарлз Лютвидж вдруг подпрыгнул, а Венера Уайтблэк напряжилась и резко подняла голову. На выкрутасах викторианских обоев заплясала быстрая, юркая тень.

– Хааа-хааа! – запищала тень, кружась вокруг жирандоля. – А нет ли у котов аппетита на летучих мышей?

Венера прижала уши, зашипела, выгнула спину, яростно фыркнула. Радэцки предусмотрительно повис на абажуре.

– Честер! – закричал он с высоты, расправив одно крыло. – Арчи велел передать, чтобы ты поспешил!

Дело скверно! Les Coeurs забрали девочку! Поспеш, Честер!

Я выругался очень грубо, но по-египетски, так что никто не понял. Кинул взгляд на Алису. Она дышала спокойно, на ее лице появилось что-то вроде румянца. Но, черт побери, она так и не приходила в себя!

– Она все еще видит сон, – открыл Америку Чарлз Лютвидж Доджсон. – И боюсь, это не ее сон.

– Я тоже боюсь, – глянул я ему в глаза. – Но сейчас не время теоретизировать. Необходимо вырвать ее из горячки прежде, чем дело примет необратимый характер. Радэцки! Где сейчас девочка?

– На лужайке Страны Чудес! – проскрипел Радэцки. – На крокетном поле. С Мэб и Les Coeurs!

– Летим!

– Летите! – Венера Уайтблэк выпустила когти. – А я буду здесь ее сторожить.

– Минутку. – Чарлз Лютвидж потер лоб. – Я не все понимаю... Не знаю, куда и зачем вы собираетесь лететь, но... Пожалуй, без меня вы не обойдетесь... Именно я должен придумать окончание этой истории. А чтобы это сделать... *Vu Jove!*⁴⁰ Я должен пойти с вами.

– Да ты шутишь, – фыркнул я. – Сам не знаешь, что говоришь.

– Знаю! Это моя собственная фантазия.

– Уже нет.

На обратном пути *hogrog vasui* был еще паршивее. Потому что я спешил. Бывает, при таких перемещениях спешка оказывается губительной. Небольшая ошибка в расчетах – и ты попадешь во Флоренцию в 1348 году во время эпидемии Черной Смерти. Или в Париж, в ночь с 23 на 24 августа 1572 года⁴¹.

Но мне повезло. Я попал туда, куда следовало.

Болванщик не ошибался и не преувеличивал, назвав всю эту паскудную червоную банду показушниками. Они все делали с эффектом и ради эффекта. Всегда. Так было и на сей раз.

Расположившийся между акациями газон неудачно прикидывался крокетным полем. Эффекта ради на нем установили полукруглые воротца, которые на крокетном жаргоне именовались *arches*. Les Coeurs в количестве около десяти держали в руках реквизит: молотки, или *mallets*, а на травке валялось что-то, долженствовавшее изображать шары, но выглядевшее прямо-таки свернувшимися в клубок ежами. Тон в шайке задавала, разумеется, огненно-волосая Мэб, выраженная в карминовый атлас и крикливую бижутерию. Повышенным голосом и властными жестами она указывала Les Coeurs места, которые те должны занять. При этом одну руку она держала на плече Алисы Лидделл. Девочка поглядывала на королеву и подго-

⁴⁰ Клянусь Юпитером! (*лат.*)

⁴¹ Варфоломеевская ночь.

товку к игре с живым интересом и пылающими щеками. Совершенно определенно она не понимала, что готовится не игра, а экзекуция. Причем не простая, а показушно-эффектная.

Мое неожиданное появление вызвало – как обычно – легкое замешательство и шумок среди Les Cœurs, которое, однако, Мэб быстро пресекла.

– Сожалею, Честер, – сказала она холодно, сминая унизанными перстнями пальцами оборки на плече Алисы. – Весьма сожалею, но у нас уже полный комплект игроков. Между прочим, именно поэтому тебе и не выслали приглашения.

– Не беда, – зевнул я, демонстрируя резцы, клыки, преоляры и моляры, в общей сложности всю кучу дентина и зубной эмали, – не беда, ваше величество, я в любом случае вынужден был бы отклонить приглашение. Я не охотник до крокета, предпочитаю другие игры и забавы. Что же касается комплекта игроков, то, думаю, есть у вас и запасные?

– А тебе какое дело до того, – прищурилась Мэб, – что у нас есть, а чего нету?

– Я, видите ли, вынужден забрать у вас мисс Лидделл. Надеюсь, тем самым не испорчу вам забавы?

– Ага. – Мэб, слабо имитируя улыбку, ответила мне демонстрацией части набора зубов. – Ага. Понимаю. Но поясни ты мне, почему наши извечные споры касательно гегемонии должны состоять во взаимном изъятии игрушек? Мы что, дети? Разве нельзя, предварительно условившись о времени и месте, решить то, что решить следует? Ты можешь мне это объяснить, Честер?

– Мэб, – ответил я. – Если у тебя возникло желание дискутировать, то назови время и место. Заблаговременно, конечно. Сегодня я не в настроении учинять диспуты. К тому же игроки томятся. Поэтому я забираю мисс Лидделл и исчезаю. Не буду навязываться.

– Какого хрена, – Мэб, когда нервничала, всегда начинала говорить на каком-то чудовищном арго, – и на кой фиг тебе этот ребенок, чертов кот? Почему он тебе так сильно нужен? А может, дело вовсе не в ребенке? А? Ну-ка, ответь мне?

– Во-первых, я не терплю вопроса «почему».

А во-вторых, у меня нет желания дискутировать. Это относится также к ответу на твой вопрос. Иди сюда, Алиса.

– И не думай пошевелиться, пигалица. – Мэб стиснула пальцами плечо Алисы, и лицо девочки сморщилось и побледнело от боли. По выражению ее темных глаз я сделал вывод, что она, пожалуй, начала понимать, в какие игры здесь играют.

– Ваше величество, – я осмотрелся и увидел, что Les Cœurs начинают понемногу окружать меня, – соблаговолите снять прелестную ручку с плеча этого ребенка. Незамедлительно. Соизвольте, ваше величество, также проинструктировать своих холуев, чтобы они отошли на предусмотренное протоколом расстояние.

– Серьезно? – Мэб продемонстрировала оставшуюся часть зубного набора. – А ежели не соизволю, то что, можно спросить?

– Спросить можно. Тогда, рыжая шельма, я тоже поведу себя не протокольно. Повыпускаю внутренности у всей вашей... закаканной банды.

На этом и закончился треп. Les Cœurs просто-напросто накинудись на меня, не ожидая, пока прозвучит приказ Мэб, а ее унизанная перстнями рука закончит властный жест. Кинулись на меня все, сколько их было. Кучей.

Но я был к этому готов. Полетели клочья с их украшенных карточными символами курточек. Полетели клочья с них самих. И с меня тоже, но в значительно меньшем количестве. Я перевалился на спину. Это несколько снизило мою маневренность, но зато теперь я мог кроить из них лапшу и задними лапами тоже... Усилия понемногу начали давать результат – несколько Les Cœurs, крепко помеченных моими когтями и клыками, кинулись в постыдное бегство, отмахнувшись от воплей Мэб, которая незатейливыми словами приказывала им, что именно и из какого места им должно у меня вырвать.

– Да кто вообще с вами считается? – неожиданно разоралась Алиса, внося в суматоху совершенно новые нотки. – Вы – колода карт! Всего-то-навсего колода карт!

– Да-а-а??? – взвыла Мэб, бурно тормоша ее. – Да что ты говоришь?!

Один из ее команды, кудрявый паренек со знаком треф на груди, обеими руками ухватил меня за хвост. Терпеть не могу такой фамильярности, поэтому незамедлительно оторвал ему голову. Но другие уже сидели на мне и работали кулаками, каблуками и крокетными молотками, при этом усиленно дыша. Злые они были как хрен с перцем. Но и я тоже был зол. Через минуту вокруг меня стало несколько просторней, и я мог перейти от войны позиционной к маневренной. Травка уже была здорово червонной и чертовски скользкой.

Алиса изо всей силы пнула Мэб в голень. Ее королевское величество изысканно матюгнулась и с размаху ударила девочку по лицу. Та упала, свалившись на одного из Les Coeurs, который в этот момент как раз пытался встать. Прежде чем он скинул с себя Алису, я выцарапал ему один глаз. А у того, который пытался помешать мне, выцарапал два. Двое оставшихся дали дёру, и я смог встать.

– Ну, милая Queen of Hearts⁴²? Может быть, достаточно на сегодня? – выговорил я, слизывая кровь с носа и усов. – Может, закончим в другой раз, предварительно условившись о месте и времени?

Мэб наградила меня таким «букетиком», в котором определение «полосатый курвин сын» было самым мягким, хоть и наиболее часто повторявшимся. Она совершенно явно не намерена была откладывать конфликт на другой раз. Несколько Les Coeurs уже остыли от первоначального шока и готовились к новому нападению. А я был очень утомлен, и у меня, вне всяких сомнений, было сломано ребро. Я заслонил собою Алису.

Мэб триумфально взвизгнула. Кусты акаций неожиданно расступились, словно воды Красного моря. И оттуда, распаленный ором и галдежом Les Coeurs, трусцой выбежал Брандашмыг, точнее, солидно подросший экземпляр Брандашмыга. Злопастного Брандашмыга.

– Шляпу прикажу из тебя сшить, Честер, – рявкнула Мэб, указывая Бармаглоту, на кого тому следует кинуться. – Если от тебя останется достаточно меха на шляпу!

Я – кот. У меня девять жизней. Однако не знаю, говорил ли я вам, что восемь я уже использовал?

– Беги, Алиса! – прошипел я. – Беги!

Но Алиса Лидделл даже не пошевелилась, парализованная страхом. Я не очень удивился.

Брандашмыг рванул когтями траву, словно собирался выкопать станцию метрополитена или туннель под Монбланом. Вздрыгнул черно-рыжую шерсть, из-за чего сделался почти в два раза больше, хотя и без того был достаточно велик. Мускулы у него под шкурой налились и заиграли Девятую Симфонию, глазищи загорелись адским пламенем. Пасть он раскрыл так, что я невольно возгордился. И бросился на меня.

Я яростно защищался. Выдал из себя все, что мог. Но он был крупнее и чертовски силен. Прежде чем я наконец сумел скинуть его с себя и отбросить, он крепенько поработал надо мной.

Я едва держался на лапах. Кровь заливала глаза и застывала на боках, а острый конец одного из сломанных ребер усиленно пытался найти что-то в моем правом легком. Алиса кричала так, что в ушах звенело. А Брандашмыг с размаху вытер яйца о траву, пошевелил остатками ушей, глянул на меня из-под разорванных век и поверх кровоточащего носоклюва. Снова раззявил пасть и тут же совершенно неожиданно захлопнул ее. Вместо того чтобы опять кинуться на меня и добить, он словно зачарованный стал вдруг тихим. Не хуже бычьей задницы.

⁴² Королева Сердец (англ.).

Я инстинктивно обернулся, и, говорю вам, последний раз я видел нечто подобное в «Рождении нации» Гриффита⁴³. Из-за деревьев ко мне шла помощь. Но это не была US Cavalry⁴⁴ или ку-клукс-клан. А был это мой знакомый, некто Чарлз Лютвидж Доджсон. Выглядел он, поверьте, не хуже святого Георгия на картине Карпаччо, а вооружен был мечом ворпальным, рассыпающим ослепительные мигблистальные зайчики.

Хливые шорьки (пырялись по наве) и хрюкотали зелюки (как мюмзики в мове).

Вы не поверите, но Брандашмыг сбежал первым. Следом за его поджатым хвостом кинулись в бегство те из Les Cœurs, которые еще владели ногами. А последней покинула поле боя королева Мэб, орошая слезами атласное платье. Я же все видел как сквозь наполненный свекольным отваром аквариум. А минутой позже...

Поклянитесь, что не станете смеяться.

Минутой позже я увидел белого кролика с розовыми глазами, глядящего на циферблат часов, которые он вынул из жилетного кармана. А потом я свалился в черную бездонную нору.

Падение длилось долго.

Я – кот. Я всегда падаю на четыре лапы. Даже если этого и не помню.

– Ах, – неожиданно сказал Чарлз Лютвидж Доджсон, опершись локтем об ивовую корзинку с пирожками. – Знакомо ли тебе, Чеширский Кот, роскошное ощущение сонливости, сопутствующее пробуждению в летнее утро, когда воздух наполнен пением птиц, живительный ветерок веет в раскрытое окно, а ты, лежа с полуприкрытыми глазами, видишь, словно все еще во сне, лениво покачивающиеся зеленые веточки, поверхность воды, покрытую золотой рябью? Ах, поверь мне, Котик, это блаженство, граничащее с глубокой тоской, блаженство, наполняющее глаза слезами, словно прекрасная картина или стихотворение.

Вы не поверите. Он не заикнулся ни разу.

Пикник развивался своим чередом. Алиса Лидделл и ее сестры шумно играли на берегу Темзы, поочередно входя на причаленную лодку и поочередно соскакивая с нее. Если при этом одной из них случалось шлепнуться в мелководе у берега, она заразительно пищала и высоко поднимала платице. Тогда сидящий рядом со мной Чарлз Лютвидж Доджсон слегка оживал и слегка румянился.

– Так долго я любил тебя... – замурлыкал я в усы, приходя к выводу, что в словах Мартовского Зайца было много правды.

– Не понял?

– «Зеленые рукава». Но не будем об этом. Знаешь что, дорогой Чарлз? Опиши-ка все это. Сказка, как видно на прилагаемой иллюстрации, постепенно здорово разрослась и полна весьма курьезных фигур. Самое время это описать. Тем более что начало-то уже положено.

Он молчал. И не отрывал глаз от радостно пищавшей Алисы Лидделл, поднимавшей подол платица так, что можно было увидеть трусики.

– Полжизни нас разделяют, – вдруг сказал он тихо. – Дитя с безоблачным челом и удивленным взглядом. Пусть изменилось все кругом и мы с тобой не рядом... Тебя я вижу лишь во сне, не слышен смех твой милый, ты выросла и обо мне, наверное, забыла.

– Я б рекомендовал лучше писать прозой, – не выдержал я. – Поэзия плохо идет на рынке.

– Да-да, конечно, – согласился он. – Я думаю, она уже не вспомнит обо мне в годы грядущей юности.

Я взглянул на него и слегка поморщился, а он сказал:

– Ты не мог бы... хм-м-м... побольше материализоваться? Твоя усмешка, висящая в пустоте, нервирует, знаешь ли.

⁴³ Фильм Дэйва Уорка Гриффита, созданный в 1915 году.

⁴⁴ Конница США.

– Сегодня, дорогой Чарлз, я не могу ни в чем тебе отказать. Я слишком многим тебе обязан.

– Не надо об этом, – смущенно сказал он, отводя глаза. – Любой на моем месте... Не мог же я допустить, чтобы ее... и тебя... убила моя собственная фантазия.

– Благодарю, что не допустил. Ну а так, между нами, откуда, о гордость кавалерии и пехоты, ты взял меч суропадный и зайчиков миглотарных?

– Откуда взял... что?

– Пустяки, Чарльз. Мы отклонились от темы.

– Книжка, описывающая все это? – Он снова задумался. – Не знаю. Поверь, не знаю, смогу ли...

– Ты б смог. У твоей фантазии сила, способная ребра крушить.

– Хм-м-м. – Он сделал такое движение, словно собирался меня погладить, но вовремя раздумал. – Хм-м-м, как знать? Может, ей... понравилась бы такая книжка? Кроме того, колледж платит скудно, парочка фунтов на стороне не помешала бы... Конечно, издавать пришлось бы под псевдонимом. Мое положение преподавателя...

– Тебе необходим приличный *nom de plume*⁴⁵, Чарлз, – зевнул я. – И не только из-за колледжских властей. Твоя родовая фамилия не годится на обложку. Она звучит так, словно кто-то, умирающий от пневмоторакса легких, диктует завешание.

– Невероятно. – Он изобразил возмущение. – Может, у тебя есть какое-нибудь предложение? Что-нибудь такое, что звучит лучше?

– Есть. Уильям Блэйк.

– Смеешься.

– Тогда Эмилия Бронте.

На этот раз он умолк и долго не говорил ни слова. Девочки Лидделл отыскиали на берегу ракушки беззубок. Радостным восклицаниям не было конца.

– Ты спишь, Чеширский Кот?

– Стараюсь уснуть.

– Ну, спи, спи, ночной тигр. Не стану мешать.

– Я лежу на рукаве твоего сюртука. Что будет, если ты захочешь подняться?

– Отрежу рукав, – улыбнулся он.

Мы долго молчали, глядя на Темзу, на которой плавали утки и чомги.

– Литература... – неожиданно проговорил Чарлз Лютвидж, у которого был такой вид, словно его неожиданно разбудили ранним утром. – Литература – искусство мертвое. Грядет век двадцатый, а он будет веком изображения.

– Ты имеешь в виду забаву, придуманную Луи Жаком Манде Дагером?

– Да, – подтвердил он. – Именно фотографику я имею в виду. Литература – фантазия, а стало быть, ложь. Писатель обманывает читателя, влача его по бездорожьям собственного воображения. Обманывает двусмысленностью и многосмысленностью.

– Фотографика, значит, не двусмысленна? Даже такая, которая изображает двенадцатилетнюю девочку в достаточно двусмысленном, далеко идущем дезабилье? Лежащую на шезлонге в достаточно двусмысленной позе?

Он покраснел.

– Стыдиться нечего, – снова пошевелил я хвостом. – Все мы обожаем прекрасное. Меня тоже, дорогой Чарлз Лютвидж, привлекают юные кошечки. Если б я увлекался фотографией, как ты, я б тоже не стал искать других моделей. А на правила хорошего тона плюнь!

⁴⁵ псевдоним (фр.).

– Я никогда никому не ппп... показывал этих фотографий. – Он неожиданно опять начал заикаться. – И никогда не ппп... покажу. Хотя следует тебе знать, был такой ммм... момент, когда я возлагал на фотографику определенные надежды... Финансового характера.

Я усмехнулся. Могу поспорить, что он не понял моей улыбки. Не знал, о чем я подумал... Не знал, что я видел, когда летел вниз по черной шахте кроличьей норы. А видел я и знал, в частности, что через сто тридцать лет, в июле 1966 года, четыре его фотографии, изображающие девочек одиннадцати-тринадцати лет в романтическом и возбуждающем воображение викторианском белье и двусмысленных, но эротически убедительных позах, пойдут с молотка в Сотби и будут проданы за сорок восемь тысяч пятьсот фунтов стерлингов. Недурная сумма за четыре клочка обработанной колотипической техникой бумаги.

Но говорить об этом было бессмысленно.

Я услышал шум крыльев. На ближней вербе уселся Эдгар. И призывно закаркал. Напрасно. Я и сам знал, что уже пора.

– Пора кончать пикник, – встал я. – Прощай, Чарлз.

Он не удивился.

– Ты можешь идти? Твои раны...

– Я – кот.

– Совсем было запомнил. Ты же Чеширский Кот. Когда-нибудь еще встретимся? Как думаешь?

Я не ответил.

– Встретимся когда-нибудь? – повторил он.

– Никогда, – ответил за меня Эдгар.

Вот в принципе, дорогие мои, и конец. Так что надо закругляться.

Когда я вернулся в Страну, полдень золотился вовсю: ведь время у нас течет несколько по-иному, нежели у вас. Однако к Зайцу и Болванщику я не пошел, чтобы распить вместе выигранную на спор бутылку и похвастаться очередным – после упрямого Шекспира – успехом в направлении судеб мировой литературы. Не пошел и к Мэб, чтобы попробовать уладить конфликт при помощи банальной, но напшигованной комплиментами беседы. А пошел я в лес, чтобы полежать на ветке, зализать раны и отогреть на солнце шубку.

Табличку с надписью «ОСТОРОЖНО: БАРМАГЛОТ» кто-то сломал и закинул в кусты. Скорее всего сделал это сам Бармаглот, который поступает так довольно часто, ибо обожает застигать посетителей врасплох, а табличка с предостережением сводит на нет эффект неожиданности.

Но ветка была там, где я ее и оставил. Я забрался на нее. Изящно свесил хвост. Улегся, предварительно проверив, не крутится ли где-нибудь поблизости Радэцки.

Пригревало солнышко. В глущобе туктумов весело перепыривались хливкие шорьки, хлопотали пелицапли, мюмзики и зелюки смумело выблучивали что-то на дальней гажайке, но что именно, я не разглядел. Слишком велико было расстояние.

Стоял золотой полдень.

Было прекрасно и чуточку меланхолично. Как всегда у нас.

Впрочем, вы прочитаете об этом сами. В оригинале. Либо в одном из переводов.

Ведь их так много.

Maladie⁴⁶

*Вижу зеркальный туннель, переливчатый,
жуткий,
Сквозь подземелие снов моих как бы пробитый,
Где никогда не ступала на гулкие плиты
Чья-то нога... Где ни весен, ни зим... Промежутки.*

*Вижу зеркальную небыль, исход или – что же? –
Где вместо солнца, как будто дозорные, свечи –
К тайне причастны. Где нету конца, ибо Нечто
Проистекает само из себя, множит множа.*

Болеслав Лесьмян

Бретань, сколько я себя помню, ассоциируется у меня с изморосью и шумом волн, набегających на рваный каменистый пляж. Цвета той Бретани, которую я помню, – серый и белый. Ну и конечно, аквамарин, а как же иначе-то.

Я плотнее укутался плащом, тронул коня шпорами и послал его к дюнам. Мельчайшие капли – слишком мелкие, чтобы впитываться, – плотно оседали на ткани плаща, на гриве коня, туманным паром убивали блеск металлических частей упряжи и экипировки. Горизонт выплывал тяжелые серо-белые клубы туч, накатывающих на сушу.

Я поднялся на покрытый пучками жесткой серой травы холм. И тут увидел ее, темную на фоне неба, неподвижную, застывшую статую.

Подъехал ближе. Конь тяжело ступал по песку, затянутому лишь тонкой пленкой влаги, тут же лопавшейся под копытами.

Она сидела на сивой лошади, по-дамски, окутанная темно-серой ниспадающей на спину лошади накидкой. Капюшон был откинут назад, светлые влажные волосы кудрявились, слипшись на лбу. Неподвижная, она глядела на меня спокойными, казалось, задумчивыми глазами. Они источали спокойствие. Ее лошадь тряхнула головой. Звякнула упряжь.

– Бог в помощь, рыцарь, – проговорила всадница, опережая меня. Голос был спокойный, сдержанный.

– И тебе, госпожа.

У нее было милое овальное лицо, красивые полные губы, над правой бровью то ли родимое пятнышко, то ли маленький шрамик в виде опрокинутого полумесяца. Я осмотрелся. Вокруг были только дюны. Никаких признаков сопровождающей ее свиты, слуг или повозки. Она была одна.

Как и я.

Она последовала глазами за моим взглядом, улыбнулась и сказала, как бы подтверждая: – Я одна. Ждала тебя, рыцарь.

Так. Она ждала меня. Интересно. Я, например, понятия не имел, кто она такая. И не думал застать здесь никого, кто мог бы меня ожидать. Во всяком случае, так мне казалось.

– Ну что ж, – сказала она. Ее лицо дышало покоем и холодом. – Трогаемся, рыцарь. Я – Бранвен из Корнуолла.

Нет, она не из Корнуолла. И – не бретонка.

⁴⁶ Maladie. Перевод с польского Е. П. Вайсброта.

Есть причины, из-за которых мне порой случается не помнить того, что происходило даже в недалеком прошлом. Бывают у меня черные провалы в памяти. Бывает и наоборот: временами помнится такое, чего – я почти уверен в этом – никогда не было. Станные дела порой творятся с моей головой. Иногда я ошибаюсь. Но ирландский акцент, акцент обитателей Тары и Темаирских гор, я не перепутал бы ни с каким иным. Никогда.

Я мог ей это сказать. Но не сказал.

Я наклонил голову, рукой в перчатке коснулся кольчуги на груди. Представляться не стал. Имел на то право. Перевернутый щит у моего колена был явным знаком того, что я желаю сохранить incognito. Рыцарский обычай уже приобретал характер повсеместно признаваемой нормы. Нельзя сказать, чтобы эти нормы были очень уж разумны, если учесть, что рыцарский обычай становился все более дурашливым и невероятно причудливым.

– Трогаемся, – повторила она, направив лошадь вниз, в седловинку между холмиками дюн с торчащей словно щетина травой. Я последовал за ней, догнал, мы поехали рядом, бок о бок. Иногда я даже немного опережал ее – со стороны могло показаться, что веду именно я. Мне это было без разницы. Направление в принципе было правильным.

Ведь море было позади. За нами.

Мы не разговаривали. Бранвен, которой хотелось, чтобы ее считали корнуоллкой, несколько раз поворачивалась и поглядывала на меня. Казалось, хотела что-то спросить. Но не спрашивала. Я был ей благодарен. Вряд ли я на многое смог бы ответить. Я тоже молчал и размышлял – если так можно назвать процесс тяжелого труда, имеющего целью как-то упорядочить в мозгу картины и факты.

Чувствовал я себя отвратно, по-настоящему отвратно.

Из задумчивости меня вырвал приглушенный вскрик Бранвен и вид зубатого острия перед самой грудью. Я поднял голову. Острие принадлежало рогатине, которую держал дылда в фетровом шутовском колпаке и рваной кольчуге, второй, с паскудной угрюмой мордой, держал лошадь Бранвен за узду у самого мундштука. Третий, стоявший в нескольких шагах позади них, целился в меня из самострела. Будь я, черт побери, папой римским, я б под страхом отлучения запретил изготавливать самострелы.

– Спокойно, рыцарь, – сказал самострельщик, целясь прямо мне в грудь. – Я тя не убью. Ежели не придется. Но ежели ты тронешь меч, то придется.

– Нам нужна жратва, теплая одежка и малость грошей, – сообщил угрюмый. – Ваша кровь нам ни к чему.

– Мы не дикари какие, – проговорил мужчина в смешном колпаке. – Мы честные профессиональные разбойники. У нас свои принципы.

– Наверно, отбираете у богатых, отдаете бедным? – спросил я.

Тот, что в смешном колпаке, широко усмехнулся, аж показались десны. У него были черные блестящие волосы и смуглое лицо южанина, заросшее многодневной щетиной.

– Так-то уж далеко наша порядочность не заходит, – сказал он. – Мы отбираем у всех подряд. Но поскольку сами-то мы бедные, то выходит одно на одно. Граф Оргил разогнал дружину, отпустил нас. До часу до времени, пока мы не пристанем к кому другому, жить-то надо. Как считаешь?

– И чего ты ему толкуешь, Бек де Корбен? – встрял угрюмый. – Чего, говорю, толкуешь? Он же насмехается над нами, оскорбить хочет.

– Я выше этого, – заносчиво бросил Бек де Корбен. – Пропускаю помимо ушей. Ну, рыцарь, не трать времени. Отвязывай выюки и кидай сюды, на дорогу. А рядышком пушай прилягет твой мешочек. И плащ. Заметь, мы не требуем ни коня, ни доспехов. Знаем границу-то.

– К сожалению, – проговорил угрюмый, омерзительно щурясь, – вынуждены одолжить у тебя и дамочку. На некоторое время.

– Ах да, совсем было запамятовал. – Бек де Корбен опять ощерился. – И впрямь нужна нам эта невеста. Сам понимаешь, рыцарь, безлюдье, одиночество... Уж и забыл, как голая баба выглядит.

– А я вот не могу забыть, – сказал самострельщик. – Каждую ночь, как только глаза прикрою, так и вижу.

Вероятно, я, сам того не ведая, улыбнулся, потому что Бек де Корбен резким движением сунул мне рогатину к лицу, а самострельщик быстро поднес оружие к щеке.

– Нет, – вдруг сказала Бранвен. – Нет, не надо.

Я взглянул на нее. Она постепенно бледнела, начиная с подбородка к губам. Но голос был по-прежнему спокойный, холодный, сдержанный.

– Не надо. Не хочу, чтобы ты погиб из-за меня, рыцарь. Да еще мне и синяков наставят, и одежду испоганят. В конце концов, что тут особенного... Не так уж много они и требуют.

Я удивился не больше, чем разбойники. Можно было догадаться раньше. То, что я принимал за холод, сдержанность, непоколебимое спокойствие, было попросту отрешенностью. Мне такое было знакомо.

– Брось им свои тюки, – продолжала Бранвен, еще сильнее бледнея. – И поезжай. Пожалуйста. В нескольких стае отсюда, на развилке, стоит крест. Дождешься там. Думаю, долго это не протянется.

– Не каждый день встречаешь таких рассудительных дамочек, – сказал Бек де Корбен, опуская рогатину.

– Не смотри на меня так, – шепнула Бранвен. Несомненно, что-то наверняка было в моем лице, а ведь мне казалось, что я неплохо владею собой.

Я отвел руку назад, прикидываясь, будто развязываю ремень выюков, незаметно вынул правую ногу из стремени. Хватанул коня шпорой и двинул Бека де Корбена в морду так, что он отлетел назад, балансируя рогатиной, словно плясун на канате. Вытягивая меч, я наклонил голову, и нацеленная в мое горло стрела звякнула по чаше шлема и соскользнула. Я ударил угрюмого сверху хорошим классическим синистром, а прыжок коня позволил легче вырвать клинок из его черепа. Все вовсе не так уж и трудно, если знаешь, как это делается.

Если б Бек де Корбен хотел, он вполне мог удрать в дюны. Но он не хотел. Он думал, что, прежде чем я успею завернуть коня, он сможет всадить мне рогатину в спину. Он ошибался.

Я с размаху хлобыстнул его по рукам, вцепившимся в древко, и еще раз – по животу. Хотел-то я ниже, но не получилось. Идеальных людей не бывает.

Самострельщик тоже оказался не из трусливых: вместо того чтобы убежать, он снова натянул тетиву и попробовал прицелиться. Сдержав коня, я ухватил меч посередине клинка и метнул. Нормально! Он упал, да так удачно, что не пришлось спешиваться, чтобы подобрать оружие.

Бранвен, склонив голову к конской гриве, плакала, давилась слезами. Я не проронил ни слова, не пошевелился. Понятия не имею, что надо делать, когда женщина плачет. Один бард, с которым я познакомился в Динасе, в Гвинедде, утверждал, что в этом случае правильное всего – тоже расплакаться. Не знаю, то ли он шутил, то ли говорил серьезно.

Я старательно протер клинок. У меня под седлом всегда есть тряпица, чтобы протирать меч в подобных случаях. Пока протираешь клинок, руки успокаиваются.

Бек де Корбен хрипел, стонал и всячески старался умереть. Можно было слезть с коня и добить его, но я чувствовал себя не лучшим образом. Да и ему не очень-то сочувствовал. Жизнь – жестокая штука. Мне, сколько я себя помню, тоже никто не сочувствовал. Во всяком случае, так мне казалось.

Я снял шлем, кольчужный наголовник и шапочку. Совершенно мокрую. Черт побери, я вспотел как мышь в родильной горячке. Чувствовал себя отвратно. Веки словно свинцом налиты, плечи и локти начинали ныть и болезненно неметь. Плач Бранвен доходил до меня

как сквозь стену из бревен, щели между которыми плотно прошпаклеваны мхом. В голове билась и звенела тупая, перекатывающаяся боль.

Как я попал на эти дюны? Откуда прибыл и куда направляюсь? Бранвен... Я где-то уже слышал это имя. Но не мог... никак не мог вспомнить где...

Одеревеневшими пальцами я дотронулся до утолщения на голове, до старого шрама, оставшегося после того страшного удара, который рассадил мне череп и вдавил в него прогнувшиеся края разрубленного шлема.

Неудивительно, подумал я, что при такой штуковине на голове я порой ощущаю страшную пустоту в мозгу. Неудивительно, что черный коридор моих снов, где-то далеко оканчивающийся едва уловимым мутноватым светом, ухитряется вести меня и наяву.

Хлюпанье носом и покашливание Бранвен дали мне понять, что все кончилось. В горле першило.

– Едем? – спросил я намеренно сухо и твердо, чтобы прикрыть слабость.

– Да, – ответила она так же сухо. Протерла глаза тыльной стороной ладони. – Рыцарь?

– Слушаю тебя, госпожа.

– Ты презираешь меня, верно?

– Неверно.

Она резко отвернулась, направила лошадь по тропке меж холмов, к скалам. Я последовал за ней. Чувствовал я себя отвратно.

И ощущал запах яблок.

Я не люблю запертых ворот, опущенных решеток, поднятых разводных мостов. Не люблю стоять дурень дурнем перед смердящим рвом. Ненавижу надирать глотку, отвечая невнятно кричащим из-за частокола и амбразур кнехтам, не понимая, то ли они меня кроют непотребными словами, то ли насмеваются, то ли спрашивают, как зовут.

Я ненавижу сообщать имя, когда мне не хочется его сообщать.

На этот раз все устроилось как нельзя лучше: ворота были открыты, решетка поднята, а опирающиеся на алебарды кнехты не шибко усердны. Еще лучше было то, что человек в бархате, встретивший нас во дворе, поздоровался с Бранвен и удовольствовался несколькими ее словами, меня ни о чем спрашивать не стал. Он галантно подал Бранвен руку и придержал стремя, галантно отвел взгляд, когда, слезая, она показала из-под юбки лодыжку и колено, галантно дал понять, что нам надлежит проследовать за ним.

Замок был ужасающе мрачен и пуст. Словно вымер. Было холодно, а черные, давно погасшие каминные делала, казалось, тьму еще мрачнее. Мы ждали, я и Бранвен, в огромной холодной зале, среди косых полос света, падающих сквозь стрельчатые окна. Ждали недолго. Скрипнули низкие двери.

Сейчас, подумал я, а мысль взметнулась под черепом белым холодным пламенем, являя на мгновение длинную, бесконечную глубину черного коридора. Сейчас, подумал я. Сейчас она войдет.

Она вошла.

Изольда.

Меня аж что-то дернуло, когда она вошла, засветилась белизной в мрачном обрамлении двери. Хотите верьте, хотите нет, на первый взгляд ее невозможно было отличить от той, ирландской Изольды, от моей родственницы, от Златокудрой Изольды из Ата-Клиат, дочери Диармуйда Мак Кеарбайлла, короля Тары. Лишь если приглядеться, становилась видна разница – волосы чуточку темнее и не завивающиеся в локоны. Глаза зеленые, не синие, более округлые, без того неповторимого миндалевидного разреза. Другое выражение губ. И руки.

Руки у нее действительно были прекрасны. Думаю, она привыкла к тому, что их белизну сравнивают с алебастром либо слоновой костью, однако у меня белизна и гладкость ее рук

ассоциировались с горящими в полумраке, разъяренными до прозрачности свечами в гластонберийском «Стеклянном Храме» Инис Витрин.

Бранвен глубоко присела в реверансе. Я опустил на одно колено, наклонил голову и обеими руками протянул Изольде меч в ножнах. Того требовал обычай: я как бы отдавал меч в ее распоряжение. Что бы это ни означало.

Она ответила легким наклоном головы, подошла, коснулась меча кончиками тонких пальцев. Теперь можно было встать. Церемониал разрешал. Я передал меч мужчине в бархате. Того требовал обычай.

– Приветствую тебя в замке Карэ, – сказала Изольда. – Госпожа...

– Бранвен из Корнуолла. А это мой спутник...

М-да, любопытно, подумал я.

– ...рыцарь Моргольт из Ольстера.

О Луг и Лир! Я вспомнил. Бранвен из Тары! Ну конечно! А позже – Бранвен из Тинтагеля. Она. Конечно, она.

Изольда молча смотрела на нас. Наконец, сложив свои прекрасные белые руки, хрустнула пальцами.

– Вы от нее? – тихо спросила она. – Из Корнуолла? Как добрались? Я каждый день высматриваю корабль и знаю, что он еще не прибыл к нашим берегам.

Бранвен молчала. И я, конечно, тоже не знал, что ответить.

– Говорите, – сказала Изольда. – Когда приплывет корабль, которого мы ждем? Кто будет у него на борту? Каким будет цвет паруса, под которым к нам прибудет корабль из Тинтагеля? Белым? Или черным?

Бранвен не отвечала. Изольда Белорукая кивнула в знак того, что понимает.

Я ей позавидовал.

– Тристан из Линессе, мой супруг и господин, – сказала Изольда, – тяжело ранен. Когда он бился с графом Эстультом л'Оргилом и его наемниками, ему лянцей пробили бедро. Рана изнуряет его... и не заживает... Никак...

Голос Изольды надломился, прелестные руки задрожали.

– Много дней Тристана бьет лихорадка. Он часто бредит, теряет сознание, никого не узнает. Поэтому я постоянно нахожусь при нем, ухаживаю, лечу, пытаюсь смягчить его страдания. Однако моя неловкость и неумение вынудили Тристана послать моего брата в Тинтагель. Вероятно, мой супруг считает, что в Корнуолле легче найти хороших врачей.

Мы молчали. Я и Бранвен.

– Однако от моего брата все еще нет вестей, все еще не видно паруса его корабля, – продолжала Изольда Белорукая. – И вот вдруг, вместо той, которую ждет Тристан, являешься ты, Бранвен. Что привело тебя к нему? Тебя, служанку и наперсницу Златокудрой королевы из Тинтагеля? Может, ты привезла чудодейственный эликсир?

Бранвен побледнела. Я почувствовал неожиданный укол жалости. Потому что по сравнению с Изольдой – стройной, высокой, такой воздушной и преисполненной достоинства, таинственной и невыразимо прекрасной – Бранвен выглядела простой ирландской крестьянкой, круглолицей, грубоватой, крутобедрой, с все еще беспорядочно курчавящимися после дождя льняными волосами. Хотите верьте, хотите нет – мне было ее жаль.

– Однажды Тристан уже принял из твоих рук магический напиток, Бранвен, – продолжала Изольда. – Напиток, который все еще действует и медленно убивает его. Тогда, на корабле, Тристан принял из твоих рук смерть. Так, может, теперь ты прибыла, чтобы дать ему жизнь? Если так – поспеши. Времени осталось мало. Очень мало.

Бранвен не дрогнула. Лицо у нее было неподвижным, словно у восковой куклы. Их глаза – ее и Изольды, – пылающие огнем и силой, встретились, скрестились. Я чувствовал напряже-

ние, потрескивающее как скручиваемый из пеньки канат. Вопреки моим ожиданиям сильнее оказалась Изольда.

– Госпожа Изольда, – Бранвен упала на колени, склонила голову, – ты вправе ненавидеть меня. Но я не прошу твоего прощения, не перед тобой я провинилась. Тебя я прошу только о милости. Я хочу увидеть его, прекрасная Изольда Белорукая. Я хочу увидеть Тристана.

В глазах Изольды светилась печаль. Только печаль. Голос был тихий, мягкий, спокойный.

– Хорошо, – сказала она. – Ты увидишь его, хотя я поклялась не допустить, чтобы его коснулись чужие глаза и руки. Особенно – ее руки. Руки корнуоллки.

– Она может ведь и не приплыть из Тинтагеля, – прошептала Бранвен, так и не поднявшись с колен.

– Встань, пожалуйста. – Изольда Белорукая подняла голову, и в ее глазах сверкнули влажные бриллианты. – Говоришь, может не приплыть? А я... Я бы босиком побежала по снегу, по терниям, по раскаленным угольям, если бы... Если бы он только позвал меня. Но он не зовет, хоть и знает об этом. Он призывает ту, которая может ведь и не приплыть. Наша жизнь, Бранвен, не устает насмехаться над нами!

Бранвен поднялась с колен. Ее глаза – я ясно видел это – тоже наполнились бриллиантами. Эх, женщины...

– Так иди же к нему, милая Бранвен, – с горечью в голосе сказала Изольда. – Иди и принеси ему то, что я вижу в твоих глазах. Но приготовься к самому худшему. Потому что, когда ты опустишься на колени у его ложа, Тристан бросит тебе в лицо имя, которое не будет твоим именем. Он бросит его тебе в лицо как укор, как обвинение. Иди. Слуги укажут тебе дорогу.

Я остался с ней наедине, с Изольдой Белорукой, когда Бранвен вышла вслед за слугой. Наедине, если не считать капеллана с блестящей тонзурой, склонившегося над молитвенной скамеечкой и бормочущего себе под нос латинскую белиберду. Раньше я его не замечал. Да и был ли он тут все это время? А, черт с ним. Он мне не мешал.

Изольда, все еще машинально ломающая свои белые руки, внимательно глядела на меня. Я искал в ее глазах враждебность и ненависть. Ведь она не могла не знать. Когда выходят замуж за ходячую легенду, то узнают эту легенду в самых мельчайших деталях. А меня, черт побери, мелким не назовешь.

Она смотрела на меня, и что-то странное было в ее взгляде. Потом, подобрав почти невесомое платье у узких бедер, она присела на резное кресло, стиснув пальцы белых рук на подлокотниках.

– Сядь рядом, – сказала она. – Моргольт из Ольстера.

Я сел.

О моем поединке с Тристаном из Лионессе кружит множество невероятных, от начала до конца вымышленных историй. В одной меня даже превратили в дракона, которого Тристан победил, формально завоевав тем самым право на Изольду Златокудрую. Хорошо придумано, да? И романтично, и его оправдывает. Действительно, на моем щите был намалеван черный дракон. Наверно, отсюда и пошла выдумка? Потому что ведь любой знает, в действительности драконов в Ирландии нет со времен Кухулина.

Другая байка утверждает, будто бой проходил в Корнуолле, еще до того как Тристан познал Изольду. Это неправда. Выдумка менестрелей. Действительно, король Диармуйд послал меня к Марку в Тинтагель. Я бывал там не раз и действительно крепко грызся за дань, положенную Диармуйду от корнуоллца хрен его знает по какому поводу. Я политикой не интересовался.

Но в то время ни разу не встречал Тристана.

Не встретил я его и когда он в первый раз побывал в Ирландии. Познакомился с ним лишь при его втором посещении, когда он заявился просить для Корнуолла руки Златокудрой. Марк, сын Мейхриона, кузен Великого Артура, пожелал сделать нашу Изольду владычицей

Тинтагеля. Двор Диармуйда, как всегда в таких случаях, разделился на тех, кто поддержал такое породнение, и тех, кто был против. Среди последних был и я. Честно говоря, я понятия не имел, в чем там было дело. Я уже говорил, что у меня не было склонностей ни к политике, ни к интригам. В принципе мне было без разницы, за кого выдадут Изольду. Но я любил и умел драться.

План, насколько я его понимал, был прост, его и интригой-то не назовешь. Требовалось сорвать Марку сватовство, не допустить до породнения с Тинтагелем. Чего проще: уколошить посла, и вся недолга. Я выбрал момент, зацепил и оскорбил Тристана, ну и он меня вызвал. Он меня, понимаете? Не наоборот.

Мы дрались в Дун-Лаогайре, на берегу Залива. Я думал, управлюсь с ним запросто. На первый взгляд я раза в два превышал его весом и по меньшей мере двукратно опытом. Во всяком случае, так мне казалось.

Свою ошибку я понял при первой же стычке, когда наши копыя разлетелись в щепки. У меня чуть было крестец не переломился, с такой силой он пригвоздил меня к луке седла, еще малость – и повалил бы вместе с конем. Когда он развернулся и, отказавшись от другого копия, выхватил меч, я обрадовался: копия – такое оружие, что при капельке счастья и хорошем верховом коне ловкий мальчишка может разделить даже умелого рыцаря. Меч – другое дело, меч – оружие справедливое. Во всяком случае, так мне кажется.

Ну, постучали мы малость друг друга по щитам. Он сильный был, ровно бык, сильнее, чем я полагал. Дрался классически – декстер, синистр, верх-низ, раз за разом, очень быстро, и это не позволяло мне использовать преимущества опыта, навязать ему мой, не столь классический стиль. Понемногу он стал меня утомлять, поэтому при первой же оказии я не рыцарски рубанул его по бедру, под нижний край щита, украшенного поднявшимся на задние лапы львом Лионессе.

Бились бы мы пешими, он бы на ногах не устоял. Но мы бились верхом. Он даже внимания не обратил, что исходит кровью, словно кабан, поливает красным седло, попону, песок. Люди, которые там были, орали как сумасшедшие. Я был уверен, что кровоток свое возьмет, а поскольку и я был близок к пределу, я налетел на него резко, нетерпеливо и неосторожно, чтобы покончить с боем. И ошибся. Подсознательно я держал щит низко, думая, что он ответит мне таким же самым скверным предательским нижним ударом. И тут что-то полыхнуло у меня в глазах. Что было дальше – не знаю.

Не знаю. Не знаю, что было дальше, подумал я, глядя на белые руки Изольды. Возможно ли такое? Или была только та вспышка, в Дун-Лаогайре, мрачный коридор и сразу после этого серо-белое побережье и замок Карэ?

Возможно ли такое?

И тут же, как готовый ответ, как неопровержимое доказательство, как неоспоримый аргумент, всплыли картины, явились лица, имена, слова, краски и запахи. В них было все, каждый, самый коротенький денек. И зимние дни, краткие, туманно просвечивающие сквозь рыбы пузыри в окнах, и весенние, теплые, пахнущие дождем и исходящей паром землей. Дни летние, длинные и жаркие, желтые от солнца и подсолнухов. Дни осенние, покрытые многоцветной мозаикой склоны в Эмайн-Маха. И все, что случилось в те дни, – походы, бои, переходы, торжества, женщины, снова битвы, снова пиры и снова женщины. Огни Бельтайна и дымы Самайна. Все. Все, что произошло с того боя в Дун-Лаогайре до этого иссеченного морозящим дождем дня на армориканском побережье.

Все это было. Было. Случилось. Поэтому я никак не мог понять, почему мне только чудилось, будто все это мне лишь казалось...

Не важно.

Несущественно.

Я тяжело вздохнул. Воспоминания утомили меня. Я чувствовал себя почти таким же измотанным, как тогда, во время боя. И как тогда, чувствовал боль в затылке, тяжесть рук. Шрам на голове пульсировал, рвал вызывающей ярость болью.

Изольда Белорукая, уже давно глядевшая в окно на затянутый тучами горизонт, медленно повернулась ко мне.

– Зачем ты прибыл сюда, Моргольт из Ольстера?

Что ответить? Я не хотел, чтобы черный провал в памяти выдал меня. Какой смысл рассказывать о бесконечном мрачном коридоре? Приходилось прибегнуть к рыцарскому обычаю, повсеместно принятому и считавшемуся нормой. Я встал.

– Я здесь в твоём распоряжении, госпожа Изольда, – сказал я, чопорно поклонившись. Такой поклон я подглядел у Кэя в Камелоте, он всегда казался мне элегантным и достойным подражания. – Я прибыл, чтобы выполнять любой твой приказ. Распоряжайся моей жизнью, госпожа Изольда.

– Боюсь, – сказала она тихо, – уже слишком поздно.

Я видел слезу, тоненькую, блестящую струйку, сбегающую от уголка ее глаза, приостанавливающуюся во впадинке у крылышка носа.

Едва уловимо пахло яблоками.

К ужину Изольда не вышла. Мы, я и Бранвен, ужинали одни, если не считать капеллана с блестящей тонзурой. Впрочем, он нам не мешал. Пробормотав краткую молитву и осенив стол крестом, он занялся поглощением того, что было подано. Я вскоре вообще перестал его замечать. Словно б он был тут постоянно. Всегда.

– Бранвен?

– Да, Моргольт?

– Откуда ты меня знаешь?

– Помню по Ирландии, по двору Диармуйда. Хорошо помню. Вряд ли помнишь меня ты. Не думаю. Тогда ты не обращал на меня внимания, хотя, сегодня я уже могу признаться, я всячески старалась сделать так, чтобы ты меня заметил. Это понятно. Там, где блещет Изольда, других не замечают.

– Нет, Бранвен. Я тебя помню. А сегодня не узнал, потому что...

– Почему?

– Тогда, в Таре... ты всегда улыбалась.

Молчание.

– Бранвен...

– Да, Моргольт?

– Как с Тристаном?

– Скверно. Рана гноится, не хочет заживать. Начинается гангрена. Это страшно.

– А он...

– Пока верит – живет. А он верит.

– Во что?

– В нее.

Молчание.

– Бранвен...

– Да, Моргольт?

– А Изольда Златокудрая... Королева... действительно приплывет сюда из Тинтагеля?

– Не знаю. Но он верит.

Молчание.

– Моргольт...

– Да, Бранвен?

– Я сказала Тристану, что ты здесь. Он хочет тебя увидеть. Завтра.

– Хорошо.

Молчание.

– Моргольт...

– Да, Бранвен?

– Тогда, на дюнах...

– Это ничего не значило.

– Значило. Пожалуйста, постарайся понять. Я не хотела, не могла допустить, чтобы ты погиб. Не могла допустить, чтобы стрела из самострела, дурной кусок деревяшки и железа, перехерил... Я не могла этого допустить. Любой ценой, даже ценой твоего презрения. А там... в дюнах... Цена, которую они требовали, показалась мне не слишком высокой. Видишь ли, Моргольт...

– Бранвен... Пожалуйста, хватит. Достаточно.

– Мне уже доводилось платить собой.

– Бранвен. Ни слова больше. Прошу тебя.

Она коснулась моей руки, и ее прикосновение, хотите верьте, хотите нет, было словно красный шар солнца, восходящего после долгой и холодной ночи, словно аромат яблок, словно напор мчащегося в атаку коня. Она заглянула мне в глаза, и ее взгляд был словно шелест тронутых ветром флажков, словно музыка, словно прикосновение мягкого меха к щекам. Бранвен, хохотушка Бранвен из Тары. Серьезная, спокойная и печальная Бранвен из Корнуолла, со знающими все глазами. А может, в вине, которое мы пили, было что-то такое? Как в том, которое Тристан и Златокудра выпили на море?

– Бранвен...

– Да?

– Нет, ничего. Просто я хотел услышать звук твоего имени.

Молчание.

Шум моря, монотонный и глухой, в нем шепотки, настойчивые, повторяющиеся, нестерпимо упорные.

Молчание.

– Моргольт...

– Тристан...

А он изменился. Тогда, в Ата-Клиат, это был мальчишка, веселый паренек с глазами мечтателя, всегда и неизменно с одной и той же милой улыбочкой, вызывавшей у девушек и дам спазмы внизу живота. Всегда эта улыбка, даже когда мы рубились мечами в Дун-Лаогайре. А теперь... Теперь лицо было серое, исхудавшее, сморщенное, изборожденное поблескивающими струйками пота. Запавшие от мучений глаза обведены черным.

И от него несло. Несло болезнью. Смертью. Страхом.

– Ты жив, ирландец?

– Я жив, Тристан.

– Когда тебя уносили с поля, говорили, что ты мертв. У тебя...

– У меня была разрублена голова и мозги наружу, – сказал я, стараясь, чтобы это прозвучало естественно и равнодушно.

– Чудеса. Кто-то молился за тебя, Моргольт.

– Скорее всего – нет, – пожал я плечами.

– Предначертания судьбы неисповедимы, – наморщил он лоб. – Ты и Бранвен... Живы оба... А я... В дурной схватке... получил копьем в пах, острое вышло навывлет, и древко сломалось. Не иначе, что-то отщепилось от него, поэтому рана так печет. Кара Божья. Кара за все мои прегрешения. За тебя, за Бранвен. А главное... за Изольду...

Он снова поморщился, скривил рот. Я знал, которую Изольду он имел в виду. Мне вдруг сделалось ужасно обидно. В его гримасе было все. Ее глаза, обведенные синими кругами, выла-

мывание пальцев белых рук, горечь в голосе. Как же часто, подумал я, ей приходилось видеть все это. Неожиданный, невольный изгиб губ, когда он говорил: «Изольда» и не мог добавить «Златокудрая». Мне было жаль ее, вышедшую замуж за живую легенду. Зачем она согласилась? Ведь она, дочь Хоэля из Арморики, могла заполучить в мужа любого. Стоило только пожелать. Зачем она согласилась выйти за Тристана? Зачем согласилась служить ему, оставаясь для него лишь именем, пустым звуком? Неужто не слышала ничего о нем и о корнуоллке? А может, ей казалось, что все это пустяки, не имеющие никакого значения? Может, думала, что Тристан ничем не отличается от других парней из дружины Артура, таких как Гавейн, Гахерис, Ламорак или Бедивер, которые положили начало идиотской моде любить одну, спать с другой, а в жены брать третью, и все было нормально, никто не обижался?

– Моргольт...

– Я здесь, Тристан.

– Я послал Каэрдина в Тинтагель. Корабль...

– Вестей все еще нет.

– Только она... – шепнул он. – Только она может меня спасти. Я – на пределе. Ее глаза, ее руки, один только ее вид и звук ее голоса... Другого спасения для меня уже нет. Поэтому... если она будет на палубе, Каэрдин должен поставить...

– Я знаю.

Он молчал, глядя в потолок и тяжело дыша.

– Моргольт... Она... она придет? Помнит ли?

– Не знаю, Тристан, – сказал я и тут же пожалел о сказанном. Черт побери, что мне мешало горячо и убедительно подтвердить? Неужели и от него я должен скрывать свое неведение?

Тристан отвернулся к стене.

– Я погубил эту любовь, – простонал он. – Уничтожил ее, и за это проклятие пало на наши головы. Из-за этого я умираю и не могу даже умереть, веря, что Изольда примчится на мой призыв. Пусть даже поздно, но приплывет.

– Не надо так, Тристан.

– Надо. Всею виной я сам. А может, моя треклятая судьба? Может, с самого начала я был осужден на это? Я, зачатый в любви и трагедии? Ты знаешь, что Бланшефлёр родила меня в отчаянии, боли у нее начались, когда ей принесли известие о смерти Ривалена. Она не пережила родов. Не знаю, то ли при последнем вздохе она, то ли позже Фойтенант... Кто дал мне имя, имя, которое словно погибель, словно проклятие... Словно приговор. *La tristesse*⁴⁷. Причина и следствие. *La tristesse*, обволакивающая меня как туман... такой же туман, какой затянул устье Лифле, когда...

Он замолчал, бессознательно водя руками по укрывающим его мехам.

– Все, все, что я делал, оборачивалось против меня. Поставь себя на мое место, Моргольт. Вообрази, что ты прибываешь в Ирландию, там встречаешь девушку... С первого взгляда, с первой встречи ваших глаз ты чувствуешь, что сердце пытается выломать тебе ребра, а руки дрожат. Всю ночь ты не в состоянии прилечь, бродишь, кипишь от волнения, дрожишь, думаешь только об одном – чтобы завтра снова увидеть ее. И что? Вместо радости – *la tristesse*...

Я молчал. Я не понимал, о чем он.

– А потом, – продолжал Тристан, – первый разговор. Первое касание рук, которое сотрясает тебя словно удар копьем на турнире. Первая улыбка, ее улыбка, из-за которой... Ах, Моргольт! Что бы ты сделал, будь ты на моем месте?

Не знаю, что бы я сделал, будь я на его месте. Потому что я никогда не был на его месте. Потому что, клянусь Лугом и Лиром, никогда не испытывал ничего подобного. Никогда.

⁴⁷ Грусть, печаль (фр.).

– Я знаю, чего бы ты не сделал, – сказал Тристан, прикрыв глаза. – Ты не подсунил бы ее Марку, не возбудил бы в нем интерес, болтая о ней без конца в его присутствии. Ты не поплыл бы за нею в Ирландию под чужим именем. Не дал бы погибнуть зародившейся тогда любви. Тогда, еще тогда, не на корабле. Бранвен терзается из-за истории с магическим напитком. Напиток тут совершенно ни при чем. Когда она поднялась на корабль, она уже была моей. Моргольт... Если б не я, а ты взошел с ней на тот корабль, разве поплыл бы ты в Тинтагель? Разве отдал бы Изольду Марку? Наверняка нет. Ты скорее всего убежал бы с ней на край света, в Бретань, Аравию, в Гиперборею, на самый Ultima Thule⁴⁸. Моргольт? Я прав?

– Ты утомлен, Тристан. Тебе необходимо уснуть. Отдохни.

– Стерегите... корабль...

– Хорошо, Тристан. Хорошо. Тебе что-нибудь надо? Прислать... Белорукую?

Он поморщился:

– Нет.

Мы стоим на стене замка. Мы с Бранвен. Моросит, как обычно в Бретани. Ветер усиливается, развеивает волосы Бранвен, облепляет платьем ее бедра. Порывы ветра глушат на наших губах слова.

Никаких признаков паруса.

Я смотрю на Бранвен. Клянусь Лугом, как мне радостно смотреть на нее. Я мог бы смотреть на нее бесконечно. И подумать только, что, когда она стояла напротив Изольды, она казалась мне некрасивой. Не иначе как у меня на глазах были бельма.

– Бранвен...

– Слушаю тебя, Моргольт.

– Ты ожидала меня на пляже. Ты знала, что...

– Да.

– Откуда?

– А ты не знаешь?

– Нет. Не знаю... не помню... Бранвен, хватит загадок. Это не для моей головы. Не для моей разбитой головы.

– Легенда не может закончиться без нас. Без нашего участия. Твоего и моего. Не знаю почему, но мы важны, необходимы в этой истории. В истории о большой любви, которая как водоворот затягивает все и вся. Разве ты не знаешь, Моргольт из Ольстера, об этом, разве не понимаешь, как могущественна сила чувств? Сила, способная изменить порядок вещей? Ты этого не чувствуешь?

– Бранвен... Не понимаю. Здесь, в замке Карэ...

– Что-то случится. Что-то такое, что зависит только от нас. И поэтому мы здесь. Мы обязаны здесь быть независимо от нашей воли. Поэтому я знала, что ты появишься на пляже... Поэтому не могла допустить, чтобы ты погиб в дюнах...

Не знаю, что меня заставило это сделать. Может, ее слова, может, неожиданное воспоминание о глазах Златокудрой. Может, что-то, о чем я забыл, бредя по длинному, бесконечному, темному коридору. Но я сделал это не раздумывая.

Я обнял ее.

Она прильнула ко мне, покорно и охотно, а я подумал, что действительно чувство может быть могучей силой. Но не менее могуче его долгое, мучительное и непреодолимое отсутствие.

Это длилось всего минуту. Во всяком случае, так мне казалось. Бранвен понемногу высвободилась из моих объятий, отвернулась, порыв ветра разметал ее волосы.

– От нас многое зависит, Моргольт. От тебя и от меня. Я боюсь.

⁴⁸ «Крайняя Фула» – край света (Вергилий, «Георгики») (лат.).

- Чего?
- Моря. И ладьи без руля.
- С тобой рядом я, Бранвен.
- Будь со мной рядом, Моргольт.

Сегодня другой вечер. Совершенно другой. Не знаю, где Бранвен. Быть может, вместе с Изольдой бодрствует у ложа Тристана, который опять лежит в беспамятстве и мечется в жару. Мечется и шепчет: «Изольда...» Изольда Белорукая знает, что не ее призывает Тристан, но вздрагивает, услышав свое имя. И ломает пальцы белых рук. Бранвен там, рядом, в ее глазах блестят влажные бриллианты. Бранвен... Как жаль, что... А, дьявольщина!

А я... Я пью с капелланом. Не знаю, откуда тут взялся капеллан. Может, был всегда?

Мы пьем. Пьем быстро. И много. Я знаю – мне это вредно. Я не должен пить. Моей разбитой голове от этого только хуже. Если я перепью, у меня начинаются галлюцинации. Головные боли. Иногда я теряю сознание. К счастью, редко.

Ну что ж. Мы пьем. Мне необходимо, чертовщина какая-то, заглушить в себе беспокойство. Забыть о дрожащих руках. О замке Карэ... О глазах Бранвен, полных ужаса перед неведомым. Я хочу заглушить в себе вой ветра, шум волн, покачивание палубы под ногами. Хочу заглушить в себе то, чего не помню.

И преследующий меня аромат яблок.

Мы пьем, капеллан и я. Между нами дубовый стол, уже крепко заляпанный вином. Между нами не только стол.

- Пей, поп.
- Бог с тобой, сын мой.
- Я тебе не сын.

Как и многие другие, после битвы под Бадонем я ношу на латах крест, но я не поддаюсь мистицизму, как это случилось со многими другими. Свое отношение к религии я бы назвал безразличным. К любым ее проявлениям. Куст, который в Гластонбери якобы посадил Иосиф Аримафейский, для меня ничем не отличается от сотен других кустов, разве только тем, что он кривее да облезлей других. Само аббатство, о котором Артуровы парни говорят с благоговейной серьезностью, во мне особого умиления не вызывает, хоть, признаюсь, оно прекрасно сочетается с лесом, холмами и озером. А то, что там постоянно дубасят по колоколам, помогает найти дорогу в тумане, а туман в аббатстве вечно стоит такой, что...

У римской религии, которая, правду сказать, довольно широко расползлась по миру, у нас, на островах, особых шансов прижиться нет. У нас – в Ирландии, Корнуолле или Уэльсе – то и дело сталкиваешься с вещами и явлениями, существование которых монахи упорно отрицают. Любой дурак видел у нас эльфов, корриганов, лепрехунов, *sidhe*, ха, даже *bean sidhe*. Но ангела, насколько мне известно, не видел никто. За исключением Борса из Каниса, которому якобы лично явился сам архангел Гавриил то ли перед каким-то боем, то ли во время боя. Но Борс – болван и враль, кто ему поверит.

Монахи вещают о чудесах, которые как будто бы совершал их Христос. Будем откровенны – по сравнению с тем, на что способны Вивьена Озерная, Моргана-Чародейка либо Моргауза, жена Лота Оркнейского, не говоря уж о Мерлине, Христу похвалиться нечем. Серьезная, профессиональная магия – это нечто! Уверяю вас. Чародей или друид вызывают к себе уважение и почтение. Мерлин, можете мне поверить, никогда не опустился бы до того, чтобы похвалиться бессмысленным хождением по воде аки посуху. Если вообще в таком хождении есть хоть кроха правды. Слишком часто я прихватывал монахов на вранье, чтобы верить во все, что они плетут. Может, думаете, я не люблю монахов? Не совсем так. Любовь тут ни при чем. Просто мы друг друга не понимаем. Они говорят «Троицын день», я слышу «Бельтайн». Они говорят «Святая Бригида», я думаю «Бригитт из Киль-Дара». Мы друг друга не понимаем.

Не то чтобы я всерьез считал, будто друиды многим лучше монахов. Нет. Но друиды-то наши. И были всегда. А монахи – приبلуды. Как вот этот мой попик, мой сегодняшний напарник за столом. Одному черту ведомо, как и откуда его занесло сюда, в Арморику. Городит странные слова, и акцент у него какой-то странный, то ль аквитанский, то ль галльский. А, хрен с ним.

– Пей, поп.

А у нас, в Ирландии, голову дам на отсечение, христианство будет делом временным. Мы, ирландцы, плохо поддаемся их римскому, неуступчивому и яростному, фанатизму, для этого мы слишком трезвы, слишком добродушны. Наш Остров – это форпост Запада, это Последний Берег. За нами уже близко лежат Старые Земли – Хай-Бразиль, Ис, Эмайн-Маха, Майнистр-Тейтреах, Беаг-Аранн. Именно они, как и столетия назад, так и сегодня, владеют умами людей, они, а не крест, не латинская литургия... Впрочем, мы, ирландцы, терпимы. Пусть каждый верит во что хочет. В мире, слышал я, уже начинают поднимать головы разные группы христиан. У нас это невозможно. Все я могу себе представить, но чтобы, к примеру, Ольстер стал ареной религиозных беспорядков... Поверить не могу.

– Пей, поп.

Пей, ибо кто знает, не ждет ли тебя завтра тяжелый день. Может, уже завтра придет тебе срок отрабатывать все, что ты выжрал и выхлебал сегодня. Потому как тот, которому предстоит отойти, должен отойти торжественно, в сиянии и блеске ритуала. Помирать легче, когда рядом кто-то совершает ритуал, все равно, нудит ли *Requiem aeternam*⁴⁹, дымит ли вонючим кадилом, воет или колотит мечом по щиту. Так отходить легче. И какая, черт побери, разница, куда отходишь, в рай ли, в пекло, или в Тир-Нан – Страну Молодости. Всегда отходишь во тьму. Уж мне-то кое-что об этом известно. Отходишь в мрачный, бесконечный коридор.

– Твой господин кончается, поп.

– Сэр Тристан? Я молюсь за него.

– Чуда ждешь?

– Все в руке Божией.

– Нет, не все.

– Богохульствуешь, сын мой.

– Я тебе не сын. Я сын Фланна Кернаха Мак Катайра, которого датчане зарубили в бою на берегах реки Шаннон. Это, поп, была смерть, достойная мужчины. Фланн, умирая, не стонал: «Изольда, Изольда». Фланн, умирая, рассмеялся и окрестил ярла викингов такими словами, что тот битых три молитвы не мог хайла закрыть от изумления.

– Умирать, сын мой, должно с именем Господним на устах. Кроме того, погибать в бою легче, отмечу, нежели догорать в ложе, терзаемым *la maladie*⁵⁰. Борьба с *la maladie* – это борьба в одиночестве. Тяжко в одиночку бороться, еще тяжелее умирать в одиночестве.

– *La maladie*? Плетешь, поп. Он отделался бы от этой раны так же напеваючи, как от той, которая... Но тогда, в Ирландии, он был полон жизни, надежды, а сейчас надежда вытекла из него вместе с больной, зловонной кровью. Пропади ОНА пропадом! Если б он мог перестать о НЕЙ думать, если б забыл об этой треклятой любви...

– Любовь, сын мой, тоже от Бога.

– Как же! Все только и болтают о любви и дивятся, откуда такая берется. Тристан и Изольда... Сказать тебе, поп, откуда взялась их любовь, или как там это называется? Сказать тебе, что их соединило? Это был я, Моргольт. Прежде чем Тристан раздолбал мне черепушку, я саданул его в бедро и на несколько недель приковал к ложу. А он, едва очухался, затащил в то ложе Златокудрую. Любой здоровый мужик поступил бы так же, случись ему оказия и время.

⁴⁹ Начальные слова католической заупокойной молитвы («*Requiem aeternam dona eis, Domine et lux perpetua luceat eis*» – «Вечный покой даруй им, Господи, и вечный свет пусть светит им») (лат.).

⁵⁰ болезнь, недуг; но и – страсть (фр.).

А потом менестрели распевали о «Лесе Моруа» и обнаруженном меж ними обнаженном мече. Ерунда все это. Не верю. Сам видишь, поп, откуда взялась их любовь: не от Бога, а от Моргольта. И потому столько она и стоит, любовь-то. Эта твоя *la maladie*.

– Кошунствуешь. Говоришь о вещах, коих не понимаешь. Лучше б замолк.

Я не хватанул его меж глаз оловянным кубком, который пытался смять в кулаке. Удивляетесь почему? Так я вам скажу – потому что он был прав. Я действительно не понимал.

Как я мог понимать? Я не был зачат в несчастье, рожденный в трагедии. Фланн и моя мать зачали меня на сене и наверняка получили от этого уйму простой, здоровой радости. Нарекая меня, они не вкладывали в мое имя никакого скрытого значения. Назвали меня так, чтобы было легко кликнуть: «Моргольт, ужинать!», «Моргольт, где ты, сучье семя!», «Принеси воды, Моргольт!» *La tristesse*? Хрен, а не *la tristesse*.

Разве при таком имени можно мечтать? Играть на арфе? Посвящать возлюбленной все мысли, все дневные дела, а по ночам бродить по комнате, не в силах уснуть? Ерунда. При таком имени можно хлестать пиво и вино, а потом блевать под стол. Разбивать носы кулаком. Разваливать головы мечом или топором или самому получать по кумполу. Любовь? Такие, которых зовут Моргольтами, запросто задирают бабе юбку и оттрахивают за милую душу, а потом засыпают или, ежели в них ни с того ни с сего что-то разыграет, говорят: «Фу! Ну, ты девка хоть куда, Мэри О'Коннел, так и сожрал бы всю тебя с превеликим удовольствием, в особенности твои сиськи». Ищите хоть три дня и три ночи, а не отыщете в этом и следа *la tristesse*. Даже следа. Ну и что с того, что я люблю паяться на Бранвен? Мало ли на что я люблю паяться?

– Пей, поп. И наливай, не теряя времени зря, чего ты там бурчишь?

– Все в руке Божией, *sicut in coelo et in terris, amen*⁵¹.

– Может, все и *in coelo*, да наверняка не все *in terris*.

– Кошунствуешь, сын мой. *Cave*⁵²!

– Чем пугаешь-то? Гроном с ясного неба?

– Я тебя не пугаю. Я боюсь за тебя. Отвергая Бога, ты отвергаешь надежду. Надежду на то, что не потеряешь того, что обретешь. Надежду выбрать верное, правильное решение, когда придет час выбора. Надежду на то, что не окажешься в тот момент беззащитным.

– Жизнь, поп, с Богом ли, без него ль, с надеждой или без, это дорога без конца и без начала, дорога, которая ведет по скользкому краешку гигантской жестяной воронки. Большинство людей не замечает, что ходит по кругу, бесчисленное множество раз проходя мимо одной и той же точки на скользком, узком краешке. Но есть такие, которым случается оступиться. Упасть. И тогда конец им, они никогда уже не возвратятся на этот краешек, не продолжат своего бесконечного кругового движения. Будут скользить, опускаться вниз до тех пор, пока все не встретится у выхода из воронки, в самом узком ее месте. Встретятся, но только на мгновение, потому что дальше, под воронкой, их ждет бездна, пучина, пропасть. И этот подмываемый волнами замок на скале как раз такое место и есть. Отверстие воронки. Тебе это понятно, поп?

– Нет. Однако полагаю, что ты и сам-то не понимаешь причину моего непонимания.

– К черту причину, да и следствие, *sicut in coelo et in terris*. Пей, поп.

Мы пили до поздней ночи. Капеллан перенес обильное возлияние на удивление хорошо. Со мной было хуже. Я упился, говорю вам, жутчайшим образом. Заглушил в себе... все...

Во всяком случае, так мне казалось...

Сегодня море свинцовое. Сегодня море злое. Я чувствую его гнев и уважаю его. Я понимаю Бранвен, понимаю ее страх. Но причин не понимаю. И ее слов тоже.

⁵¹ все, что в небесах и на земле, аминь (*лат.*).

⁵² Берегись (*лат.*).

Сегодня замок пуст и ужасающе тих. Тристана треплет лихоманка. Изольда и Бранвен – у него. Я, Моргольт из Ольстера, стою на стене замка и гляжу на море.

Никаких признаков паруса.

Когда она вошла, я не спал. И не удивился. Все было так, словно я этого ждал. Странная встреча на побережье, поездка через дюны и поля, дурной инцидент с Беком де Корбеном и его друзьями, вечер при свечах, тепло ее тела, когда я обнимал ее на стенах замка, а прежде всего аура любви и смерти, заполняющая Карэ, – все это сблизило нас, связало. Я уже начал ловить себя на мысли, что мне трудно будет расстаться...

С Бранвен.

Она не произнесла ни слова. Отстегнула брошь, скрепляющую накидку на плече, опустила на пол тяжелую ткань. Быстро скинула рубашку, прямую, из грубого полотна, такую, какие и по сей день носят ирландские девушки. Повернулась боком, освещенная красноватыми отблесками огня, ползающего по поленьям в камине и следящего за ней пылающими зрачками углей.

Так же молча я подвинулся, уступая ей место рядом. Она медленно легла, отвернула голову. Я накрыл ее мехом. Мы молчали. Оба. Я и Бранвен. Лежали неподвижно и глядели на бегающие по потолку тени.

– Я не могла уснуть, – сказала она. – Море...

– Знаю. Я тоже слышу его.

– Я боюсь, Моргольт.

– Я рядом.

– Будь рядом...

Я обнял ее как только мог ласково, нежно. Она обхватила мне шею руками, прижалась лицом к щеке, обожгла горячим дыханием. Я прикасался к ней осторожно, борясь с ликующим желанием прижать крепче, жадной грубой, жадной ласки, так, словно касался перьев сокола, ноздрей пугливого коня. Я касался ее волос, шеи, плеч, ее полных, изумительной формы груди с маленькими сосочками. Касался ее бедер, которые, подумать только, совсем недавно казались мне слишком крутыми, а оказались изумительно округлыми. Касался ее гладких ляжек, ее женственности, места, которое не называют, ибо даже в мыслях я не осмелился бы у нее назвать его так, как привык. Одним из ирландских, валлийских или саксонских слов. Потому что это было бы все равно что Стоунхендж назвать грудой камней. Все равно что Гластон-бери-Тор назвать пригорком.

Она дрожала, нетерпеливо поддавалась моим ладоням, управляла ими движениями тела. Она домогалась, требовала немым языком, бурным прерывистым дыханием. Она умоляла меня своей минутной податливостью, мягкой и теплой, чтобы через мгновение напрячься, застыть вибрирующим бриллиантом.

– Люби меня, Моргольт, – шепнула она. – Люби меня.

Она была отважна, ненасытна, нетерпелива. Но, беззащитная и беспомощная в моих руках, вынуждена была подчиниться моей спокойной, осторожной, сдержанной любви. Моей. Такой, какой жаждал я. Такой, какой хотел для нее я. Потому что в той любви, которую пыталась мне навязать она, я ощущал страх, жертвенность и самоотречение, а я не хотел, чтобы она боялась, чтобы жертвовала ради меня чем-либо, чтобы отрекалась от чего бы то ни было. И поставил на своем.

Во всяком случае, так мне казалось.

Я чувствовал, как замок дрожит в медленном ритме бьющихся о скалу волн.

– Бранвен...

Она прижалась ко мне, жаркая, а у ее пота был аромат мокрых перьев.

– Моргольт... Как хорошо...

– Что, Бранвен?

– Как хорошо жить.

Мы долго молчали. А потом я задал вопрос. Тот, который не должен был задавать:

– Бранвен... А она... А Изольда приплывет сюда из Тинтагеля?

– Не знаю.

– Не знаешь? Ты? Ее наперсница? Ты, которая...

Я замолчал.

О Луг и Лир, что же я за кретин, подумал я. Что за идиотский болван...

– Не мучайся, – сказала она. – Спроси меня об этом.

– О чем?

– О первой ночи Изольды и короля Марка.

– Ах, об этом? Представь себе, мне это неинтересно.

– Думаю, ты лжешь.

Я не ответил. Она была права.

– Все было так, как говорят баллады, – сказала она тихо. – Как только погасли свечи, мы ловко поменялись с Изольдой в ложе Марка. Не знаю, было ли это и вправду так уж необходимо. Марк был настолько очарован Златокудрой, что не стал бы ее укорять, узнав, что она уже не... Не настолько он был мелочен. Но случилось так, как случилось. Всему виной мои угрызения совести. За то, что произошло на корабле. Я считала, что во всем виновна я и напиток, который я им подала. Я убедила себя в своей виновности и хотела расплатиться за нее. Только потом стало ясно, что Изольда и Тристан... были вместе еще в Ата-Клиате. Что я ни в чем не была повинна.

– Ну хорошо, Бранвен, хорошо. Детали ни к чему.

– Нет. Выслушай до конца. Выслушай то, о чем баллады молчат. Изольда приказала мне немедленно, как только я докажу ее девственность, выскользнуть из ложа и снова обменяться с нею местами. Может, боялась разоблачения, может, просто не хотела, чтобы я слишком привыкла к королю. Кто знает? Они с Тристаном были в соседнем покое, занятые только собою. Она высвободилась из его объятий и отправилась к корнуоллцу, нагая, даже волос не поправила. А я осталась нагая... с Тристаном. До самого утра. Сама не знаю, как и почему.

Я молчал.

– Это еще не все, – сказала она, повернув голову к огню в камине. – Потом были медовые месяцы, во время которых корнуоллец ни на шаг не отходил от Изольды. Конечно, Тристан не мог приблизиться к ней. А ко мне мог. Не вдаваясь в детали: эти несколько месяцев я любила его. Самозабвенно. Я знаю, ты удивляешься. Да, верно, соединила нас исключительно постель, с помощью которой Тристан – это мне было ясно даже тогда – пытался заглушить в себе любовь к Изольде, ревность к Марку, чувство вины. Я для него была всего лишь инструментом. То, что я об этом знала, мне, поверь, не помогало...

– Бранвен...

– Потерпи. Еще не все. Медовые месяцы миновали. Марк возобновил обычные королевские занятия, а Изольде представилась масса возможностей. Тристан же... Тристан вообще перестал меня замечать. Мало того, начал избегать. А я сходила с ума от любви.

Она замолчала, отыскала мою руку, стиснула ее.

– Я сделала несколько попыток забыть о нем, – сказала она, уставившись в потолок. – В Тинтагеле было полно молодых и простодушных рыцарей. Ничего из этого не получилось. Однажды утром я вышла в лодке на море... И, отплыв достаточно далеко от берега, выпрыгнула.

– Бранвен, – сказал я, обнимая ее так крепко, чтобы объятием подавить сотрясающую ее дрожь. – Это прошлое. Забудь о нем. Ты, как и многие другие, ворвалась в водоворот их любви. Любви, которая сделала несчастными их самих, а для других была просто убийственна. Ведь

и я... Я получил по голове, хоть только прикоснулся к их любви, даже не зная о ней. В Дун-Лаогайре Тристан победил меня, хотя я был сильнее и гораздо опытнее. Потому что тогда он бился за Изольду, за свою любовь. Я не знал об этом, получил по голове и, как и ты, обязан жизнью тем, кто был поблизости и считал возможным прийти мне на помощь. Спаси. Вытащить из бездонной пропасти. И нас спасли, тебя и меня. Мы живы, и черт с ним, с остальным.

Она подsunула мне руку под голову, провела ладонью по волосам, коснулась рубца, идущего от темени до уха. Я поморщился. Волосы у меня на шраме растут в удивительных направлениях, и прикосновение порой бывает невыносимо болезненным.

– Водоворот их любви, – шепнула она. – Нас засосал водоворот их любви. Тебя и меня. Но действительно ли нас спасли? А может, мы погружаемся в бездну вместе с ними? Что ждет нас, Моргольт? Море? Ладья без руля?

– Бранвен...

– Люби меня, Моргольт. Море помнит о нас, слышишь? Но пока мы здесь, пока еще не окончилась легенда...

– Бранвен...

– Люби меня, Моргольт.

Я старался быть нежным. Старался быть ласковым. Старался быть одновременно Тристаном, королем Марком и всеми простодушными рыцарями Тинтагеля одновременно. Из клубка желаний, которые были во мне, я оставил только одно – хотел, чтобы она забыла. Забыла обо всем. Старался, чтобы в моих объятиях она помнила только обо мне. Я старался. Хотите верить, хотите нет.

Впустую.

Во всяком случае, так мне казалось.

Никаких признаков паруса. Море...

У моря цвет глаз Бранвен.

Я мечусь по комнате, словно волк в клетке. Сердце колотится так, будто хочет выломать ребра. Что-то стискивает мне диафрагму и глотку, что-то странное, что сидит во мне. Я в одежде кидаюсь на ложе. К черту! Я зажмуриваюсь и вижу золотые искры. Чувствую аромат яблок. Бранвен. Запах перьев сокола, сидящего у меня на рукавице, когда я возвращаюсь с охоты. Золотые искры. Я вижу ее лицо. Вижу изгиб ее щеки, небольшой, чуть курносый нос. Округлость плеча. Я вижу ее... Я несу ее...

Я несу ее на внутренней поверхности век.

– Моргольт...

– Ты не спишь?

– Нет. Не могу... Море не дает мне уснуть.

– Я рядом, Бранвен.

– Надолго ли? Сколько времени нам осталось?

– Бранвен...

– Завтра... завтра придет корабль из Тинтагеля.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю.

Молчание.

– Моргольт...

– Да, Бранвен?

– Мы связаны. Пригвождены к этому колесу пыток, прикованы цепями, поглощены водоворотом. Завтра здесь, в Карэ, цепь разорвется. Я знала об этом в тот момент, когда встретила тебя на побережье. Когда оказалось, что ты жив. Когда оказалось, что и я живу. Но мы живем не для себя, уже нет, мы – всего лишь крупинцы судеб Тристана из Лионессе и Златокудрой

Изольды с Зеленого Острова. А здесь, в замке Карэ, мы оказались только для того, чтобы тут же потерять друг друга. Единственное, что нас соединяет, – это легенда о любви. Не наша легенда. Легенда, в которой мы играем непонятные нам самим роли. Которая, возможно, об этих ролях даже не упомянет, а если и упомянет, то исказит их, вложит нам в уста не произнесенные нами слова, припишет не совершенные нами действия. Нас нет, Моргольт, но есть легенда, которая подходит к концу.

– Нет, Бранвен, – сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал твердо, уверенно и решительно. – Нельзя так говорить. Печаль – вот что диктует тебе эти слова. Ибо правда то, что Тристан из Лионессе умирает, и даже если Златокудрая плывет на корабле, идущем из Тинтагеля, боюсь, она может приплыть слишком поздно. И хоть меня тоже гнетет эта мысль, я никогда не соглашусь с тем, что его легенда – единственное, что нас объединяет. Ни за что не соглашусь сейчас, когда лежу рядом с тобой, когда держу тебя в руках. В этот момент для меня нет ни Тристана, ни легенды, ни замка Карэ. Есть только мы. Ты и я.

– И я обнимаю тебя, Моргольт. Во всяком случае, так мне кажется. Но я-то знаю, что нас нет. Есть только легенда. Что с нами будет? Что ждет нас завтра? Какое решение нам придется принимать? Что с нами будет?

– Будет так, как решит судьба. Случай. Вся эта легенда, к которой мы все время так упорно возвращаемся, о которой так упорно говорим, – дело случая. Ряды случайностей. Если б не слепой рок, легенды могло бы и не быть. Тогда, в Дун-Лаогайре, ты только подумай, Бранвен, если б не слепой рок... Ведь тогда он, а не я, мог...

Я осекся, испуганный неожиданной мыслью. Пораженный словом, которое просилось на язык.

– Моргольт, – шепнула Бранвен. – Рок уже сделал с нами все, что мог. Остальное теперь не должно быть делом случая. Мы больше не подчиняемся случаю. То, что кончается, кончится и для нас. Потому что возможно...

– Что, Бранвен?

– Может, тогда, в Дун-Лаогайре...

– Бранвен?!

– Может, твоя рана была смертельна? Может, я... утонула в Море Сабрины?

– Но ведь мы живы, Бранвен!

– Ты уверен? Как мы появились на том побережье, одновременно, ты и я? Ты это помнишь? Тебе не кажется, что нас привела туда ладья без руля? Та самая, которая некогда пригнала Тристана к устью реки Лифле? Возникающая из тумана ладья из Авалона... ладья, пахнущая яблоками? Ладья, на которую нам повелели сесть, потому что легенда не может оборваться без нас, без нашего участия? Потому что именно мы, ты и я, и никто больше, должны закончить эту легенду?! А когда мы ее закончим, то вернемся на берег, там нас будет ожидать ладья без руля, и нам придется сесть в нее и уплыть, раствориться в тумане? А, Моргольт?

– Мы живем, Бранвен.

– Ты уверен?

– Я прикасаюсь к тебе. Ты существуешь. Ты лежишь в моих объятиях. Ты прекрасная, теплая, у тебя гладкая кожа. Ты пахнешь так, как пахнет сокол, сидящий у меня на перчатке, когда я возвращаюсь с охоты, а дождь шумит на листьях берез. Ты существуешь, Бранвен.

– Я прикасаюсь к тебе, Моргольт. Ты здесь. Ты теплый, и так сильно бьется твое сердце. Ты пахнешь солью. Ты существуешь.

– А значит... мы живем, Бранвен. Ты и я.

Она улыбнулась. Я не видел этого. Почувствовал по движению губ, прижавшихся к моему плечу.

Позже, глубокой ночью, лежа неподвижно, с плечом, онемевшим от тяжести ее головы, не желая спугнуть ее тревожного сна, я вслушивался в шум моря. Впервые в жизни этот шум, будто ноющий зуб, беспокоил меня, мешал, не давал уснуть. Я боялся. Я боялся моря. Я, ирландец, выросший на побережье, с колыбели освоившийся с шумом прибоя. Море шумело, а я в шуме его слышал пение затопленного Иса. Слышал приглушенный бой колоколов Лионессе, поглощенного волнами. А позже, уже во сне, видел швыряемую волнами ладью без руля, ладью с высоко задранном носом и мачтой, украшенной гирляндами цветов.

Я чувствовал аромат яблок.

– Милостивая Бранвен... – Молоденький слуга задыхался, с трудом ловил ртом воздух. – Госпожа Изольда призывает тебя в комнату сэра Тристана. Тебя и сэра Моргольта из Ольстера. Поспешите, господа.

– Что случилось? Тристан...

– Нет, господа. Не то. Но...

– Говори, мальчик.

– Корабль из Тинтагеля... Возвращается сэр Каэрдин. Прибыл гонец с полуострова. Уже видно...

– Какого цвета паруса?

– Неизвестно. Корабль слишком далеко. За мысом.

Взошло солнце.

Когда мы вошли, Изольда Белорукая стояла спиной к окну, полураскрытому, освещенному розблесками, играющими в стеклах, забранных в свинцовые рамки. Вся она светилась неестественным, туманным, отраженным светом. Тристан дышал тяжело, отрывисто, неровно. Его лицо блестело от пота. Глаза закрыты.

Изольда взглянула на нас. Лицо у нее сморщилось, его исказили две глубокие морщины, прорытые гримасой по обеим сторонам рта.

– Он едва жив, – сказала она. – Он бредит.

Бранвен указала на окно:

– Корабль...

– Слишком далеко, Бранвен. Он только-только обогнул мыс... Слишком далеко...

Бранвен взглянула на Тристана и вздохнула. Я знал, о чем она подумала.

Нет. Не знал.

Слышал.

Хотите верьте, хотите нет, я слышал их мысли. Мысли Бранвен, беспокойные и полные страха, вспененные словно морская волна в прибрежных скалах. Мысли Изольды, мягкие, дрожащие, рвущиеся и испуганные, как стиснутая в руке птица. Мысли Тристана, беспорядочные, рваные будто клочья тумана.

«Все, – думала Изольда, – все мы с тобой рядом, Тристан... Бранвен из Корнуолла – Владычица Водорослей. Моргольт из Ольстера – Решение. И я, любящая тебя, Тристан, любящая все сильнее с каждой минутой, уходящей минутой, понемногу отбирающей тебя у меня. Отбирающей у меня тебя независимо от цвета парусов корабля, который плывет к берегам Бретани. Тристан...»

«Изольда, – думал Тристан. – Изольда. Почему они не глядят в окно? Почему глядят на меня? Почему не говорят мне, какого цвета парус? Мне так необходимо это знать, ведь мне так необходимо... Сейчас, немедленно, иначе я...»

«Он уснет, – думала Бранвен. – Уснет и уже никогда не проснется. Он уже там, откуда одинаково далеко и от освещенной солнцем поверхности моря, и от зеленых водорослей, покрывающих дно. В том месте, в котором прекращают борьбу. А потом – покой. Только покой».

«Тристан, – думала Изольда, – теперь я знаю, что была с тобой счастлива. Несмотря ни на что. Несмотря на то что ты так редко называл меня по имени. Обычно ты говорил мне: «Госпожа». Ты так старался меня не ранить. Так старался, столько вкладывал в это усилий, что именно этим старанием и этими усилиями ранил меня сильнее всего. И все-таки я была счастлива. Ты дал мне счастье. Ты дал мне золотые искры, сверкающие под веками. Тристан...»

Бранвен смотрела в окно. На корабль, выходящий из-за мыса. «Скорее, – думала Бранвен. – Скорее, Каэрдин. Ближе к ветру. Не важно, под каким парусом, ближе к ветру, Каэрдин. Приди, Каэрдин, приди на помощь. Спаси нас, Каэрдин...»

Но ветер, который трое суток дул, студил и хлестал дождем, утих. Выглянуло солнце.

«Они все здесь, – думал Тристан. – Белорукая Изольда, Бранвен, Моргольт... И теперь я... Изольда, моя Изольда... Какие паруса у корабля... Какого цвета...»

«Мы словно стебли травы, прилипающие к краю плаща, когда идешь по лугу, – думала Изольда. – Все мы – стебли травы на твоём плаще, Тристан. Сейчас ты встряхнешь плащом, и мы освободимся... и нас подхватит ветер. Не заставляй меня смотреть на эти паруса, Тристан, супруг мой. Ну, пожалуйста, не заставляй».

«Жаль, – думал Тристан, – как жаль, что я не познал тебя раньше. Почему тогда судьба закинула меня именно в Ирландию? Ведь от Лионессе к Арморике было ближе... Я мог познать тебя раньше... Как жаль, что я не смог тебя любить... Как жаль... Какие паруса у корабля? Как жаль... Я хотел бы любить тебя, госпожа. Моя добрая Изольда Белорукая... Но я не могу... Не могу...»

Бранвен повернулась лицом к гобелену, рыдания сотрясали ее плечи. Значит, слышала и она.

Я обнял ее. Клянусь всеми тритонами Лира, я проклинал свою медвежью неловкость, свои сучковатые лапы и потрескавшиеся подушечки пальцев, словно рыбацкие крючки цепляющиеся за шелк. Но Бранвен, падая ко мне в руки, заполнила собою все, исправила ошибки, закруглила углы – как волна, которая размывает и оглаживает изрытый копытами песок на пляже. Мы вдруг стали единым целым. Вдруг я понял, что не могу ее потерять. Ни за что. Ни за что...

Поверх ее прижавшейся к моему плечу головы я видел окно. Море. И корабль.

«Ты можешь проявить ко мне любовь, Тристан, – думала Изольда. – Прежде чем я тебя потеряю, прояви ее. Один-единственный раз. Я так хочу этого. Не принуждай меня смотреть на паруса этого корабля. Не проси, чтобы я сказала, какого они цвета. Не заставляй меня сыграть в твоей легенде роль, которую я играть не хочу...»

«Я не могу, – думал Тристан. – Не могу... Изольда Златокудрая... Как мне холодно... Как мне чудовищно холодно... Изольда... Изольда... Моя Изольда...»

«Это не мое имя, – подумала Изольда. – Это не мое имя».

– Это не мое имя! – крикнула она.

Тристан раскрыл глаза, обвел взглядом комнату, поворачивая голову на подушках.

– Госпожа... – прошептал он свистящим шепотом. – Бранвен... Моргольт...

– Мы здесь. Все, – очень тихо сказала Изольда.

«Нет, – подумал Тристан. – Здесь нет Изольды... А значит... все так, словно нет никого».

– Госпожа...

– Не заставляй меня... – шепнула она.

– Госпожа... Прошу... Я прошу...

– Не заставляй меня смотреть на паруса, Тристан. Не принуждай меня сказать тебе...

– Я прошу... – напрягся он. – Прошу...

И тогда он сказал. Иначе. Бранвен вздрогнула в моих объятиях.

– Прошу тебя, Изольда.

Она улыбнулась.

– Я хотела изменить ход легенды, – очень спокойно сказала она. – Что за сумасбродство. Легенду изменить невозможно. Изменить нельзя ничего. Ну, почти ничего...

Она осеклась, взглянула на меня, на Бранвен... Мы все еще обнимали друг друга на фоне вышитой на гобелене яблони Авалона. И улыбнулась. Я знал, что никогда не забуду этой улыбки.

Медленно, очень медленно она подошла к окну, остановилась, развела руки, уперлась ими в стрельчатый проем.

– Изольда, – простонал Тристан. – Какие... Какие...

– Белые, – сказала она. – Белые, Тристан. Белые, как снег. Прощай.

Она повернулась. Не глядя на него, не глядя на нас, на Бранвен и меня. Она вышла из комнаты. В тот момент, когда она выходила, я перестал слышать ее мысли. Слышал только шум моря.

– Белые! – воскликнул Тристан. – Изольда Златокудрая! Наконец-то...

Голос угас у него в горле как задутый огонек каганка. Бранвен крикнула. Я подбежал к ложу. Тристан шевелил губами. Пытался приподняться. Я придержал его, легким нажимом руки заставил опуститься на подушки.

– Изольда, – шепнул он. – Изольда, Изольда...

– Лежи, Тристан. Не вставай.

Он улыбнулся. Клянусь Лугом, я знал, что никогда не смогу забыть этой улыбки.

– Изольда... Я должен увидеть сам...

– Лежи, Тристан...

– ...эти пару...

Бранвен, стоявшая у окна, там, где только что стояла Изольда Белорукая, громко всхлипла.

– Моргольт! Этот корабль...

– Я знаю, – сказал я. – Знаю, Бранвен...

Она повернулась:

– Он умер.

– Что?

– Тристан умер. Только что. Это конец, Бранвен.

Я глянул в окно. Корабль был уже ближе, но все еще слишком далеко.

Слишком далеко, чтобы можно было разглядеть цвет парусов.

Я встретил их в большой зале, той самой, в которой нас встречала Изольда Белорукая. В зале, в которой я отдал ей свой меч, попросив, чтобы она пожелала распоряжаться моей жизнью. Что бы это ни означало.

Я искал Изольду и капеллана, а нашел их.

Их было четверо.

Один валлийский друид по имени Гвирддиддуг, сообразительный старикан, когда-то сказал мне, что намерения человека, пусть даже не знаю как хитро скрываемые, всегда выдают две вещи: глаза и дрожание рук. Я внимательно взглянул в глаза и на руки рыцарей, стоявших в большой зале.

– Я – сэр Мариадок, – сказал самый высокий из них. На тунике у него красовался герб: на перерезанном пополам наискось красно-голубом поле две черные кабаны головы, изукрашенные серебром. – А эти добрые рыцари – Гвиндолин, Андред и Дегу ап Овейн. Мы прибыли из Корнуолла. У нас поручение к сэру Тристану из Лионессе. Веди нас к нему, сэр рыцарь.

– Вы опоздали, – сказал я.

– Кто ты, господин? – нахмурился Мариадок. – Я тебя не знаю.

В этот момент вошла Бранвен. Лицо Мариадока сморщилось, злоба и ненависть выползли на него, извиваясь словно змеи.

– Мариадок?

– Бранвен!

– Гвиндолин, Андред, Дегу? Вот уж не думала, что еще когда-нибудь вас встречу. Говорили, что Тристан и Горвенал прикончили вас тогда в Лесу Моруа.

Мариадок злое усмехнулся:

– Пути судьбы неисповедимы. Я тоже не думал когда-нибудь еще увидеть тебя, Бранвен. Тем более здесь. Ну, ведите нас к Тристану. Наше дело не терпит отлагательства.

– Что за спешка?

– Ведите к Тристану, – гневно повторил Мариадок. – У нас к нему дело. Не к его челядникам и не к сводницам королевы Корнуолла.

– Откуда ты прибыл, Мариадок?

– Из Тинтагеля, как сказал.

– Интересно, – усмехнулась Бранвен. – Корабль-то еще не подошел к берегу. Но он уже близко. Хочешь знать, под каким парусом плывет?

– Не хочу, – спокойно ответил Мариадок.

– Вы опоздали. – Бранвен все еще загоразивала собою дверь, опершись о стену. – Тристан из Лионессе мертв. Умер только что.

Выражение глаз Мариадока не изменилось ни на миг. Я понял, что он уже знал. И понял все. Свет, который я видел в конце темного коридора, разгорался все ярче.

– Уходите отсюда, – буркнул он, положив руку на оголовье меча, – покиньте замок. Немедленно.

– Как вы сюда попали? – ухмыльнувшись, спросила Бранвен. – Случайно не приплыли ли в ладье без руля? С черной рваной тряпкой вместо паруса? С волчьей мордой, прибитой к задранному носу ладьи? Зачем вы здесь? Кто вас прислал?

– Уйди с дороги, утопленница. Не препятствуй. Можешь пожалеть.

Лицо у Бранвен было спокойным. Но на этот раз это не было спокойствие отчаяния и бессилия, холод отчаянного, бесчувственного безразличия. На сей раз это был покой непоколебимой железной воли. Нет, я не мог ее потерять. Ни за что.

Ни за что? А легенда?

Я чувствовал аромат яблок.

– Странные у тебя глаза, Мариадок, – неожиданно проговорила Бранвен. – Глаза, не привыкшие к дневному свету.

– Прочь с дороги.

– Нет. Я не уйду. Сначала ответь мне на вопрос. Вопрос, который звучит так: зачем вы здесь?

Мариадок не пошевелился. Он глядел на меня.

– Не будет легенды о великой любви, – сказал он, но я знал, что говорит вовсе не он. – Ненужна и вредна была бы такая легенда. Ненужным безумием был бы склеп из берилла и куст боярышника, выросший из него, чтобы охватить ветвями другой склеп, из халцедона. Мы не желаем, чтобы существовали такие склепы. Мы не желаем, чтобы история Тристана и Изольды проросла в людях, чтобы была образцом и примером, чтобы когда-либо повторилась. Мы не допустим, чтобы где бы то ни было, когда бы то ни было юные люди говорили друг другу: «Мы – как Тристан и Изольда».

Бранвен молчала.

– Мы не допустим, чтобы нечто такое, как любовь этих двух, мучила в будущем умы, которым предначертаны высшие свершения. Чтобы ослабляла руки, задача которых – крушить и убивать. Чтобы смягчала характеры, которые должны держать власть в стальных тисках.

А прежде всего, Бранвен, мы не допустим, чтобы то, что связывало Тристана и Изольду, вошло в легенду как торжествующая любовь, преодолевающая преграды, соединяющая любовников даже после их смерти. Поэтому Изольда из Корнуолла должна умереть далеко отсюда, обычной смертью во время родов, выдав на свет очередного потомка короля Марка. Тристан же, если до нашего прибытия не успел по-подлому скрыться, должен упокоиться на дне морском с камнем на шее. Либо сгореть. О да, будет гораздо лучше, если он сгорит. От затонувшего Лионессе на поверхности остались только вершины Силли, а от Тристана не должно остаться ничего. И замок Карэ должен сгореть вместе с ним. Сейчас, немедленно, пока корабль из Тинтагеля еще не vyplыл из залива. И так будет. Вместо бериллового склепа – вонючее пепелище. Вместо прелестной легенды – безобразная правда. Правда о самолюбивом ослеплении, о марше по трупам, об истоптанных чувствах других людей, о причиненном им вреде и несправедливости. Что скажешь, Бранвен? Ты намерена встать на пути у нас, бойцов за правое дело? Повторяю – прочь с дороги. Против тебя мы ничего не имеем. Мы не намерены тебя ликвидировать. Да и зачем? Ты свою роль сыграла, не очень достойную роль, можешь идти прочь, возвращаясь на побережье. Там тебя ждут. То же касается и тебя, рыцарь... Как тебя зовут?

Я глядел в их глаза и на их руки и думал, что старый Гвирддидуг не сказал ничего нового. Да, действительно, глаза и руки выдавали их с головой. Потому что в глазах у них была жестокость и решимость, а в руках – мечи. А вот у меня не было меча. Я вручил его Изольде Белорукой. Ну что ж, подумал я, ничего не поделаешь. В конце концов, что тут такого – погибнуть в бою? Впервой мне, что ли?

Я – Моргольт! Тот, кто принимает решение!

– Твое имя? – повторил Мариадок.

– Тристан, – сказал я.

Капеллан появился неведомо откуда, выскочил, словно пак из-под земли. Кряхтя от напряжения, кинул мне через всю залу большой двуручный меч. Мариадок поднял свой для удара, прыгнул ко мне. На мгновение оба меча были наверху – Мариадоков и тот, что летел к моим протянутым рукам. Казалось, я не могу его опередить. Но я смог.

Я ударил его под мышку, изо всей силы, с полуоборота, острие прошло укосом точно по линии, разделяющей цвета на его гербе. Я развернулся в другую сторону, опустил меч, и Мариадок сполз с клинка под ноги другим трем, уже бегущим ко мне. Андред споткнулся о тело, так что я мог бы запросто разрубить ему голову пополам. И разрубил.

Гвиндолин и Дегу кинулись на меня с двух сторон, я скользнул между ними с вытянутым мечом, крутясь словно волчок. Им пришлось отскочить, их клинки были на добрый локоть короче. Присев, я рубанул Гвиндолина в бедро, почувствовал, как острие скрежетнуло по кости и разрубило ее. Дегу замахнулся, напав сбоку, но поскользнулся на крови, упал на одно колено. В его глазах был ужас и мольба, но я не искал в себе жалости. И не нашел. Тычок двуручным мечом, нанесенный с малого расстояния, парировать невозможно. Если отскочить не удастся, клинок входит в тело на две трети длины, по две железные зарубки, которые на нем специально делают. И он вошел.

Хотите верьте, хотите нет, ни один из четверых не крикнул. А я... Я не чувствовал в себе ничего. Совершенно ничего.

Я кинул меч на пол.

– Моргольт! – подбежала Бранвен, прижалась ко мне, все еще дрожа от постепенно угасающего возбуждения.

– Все хорошо, девочка. Всему конец, – сказал я, глядя ее по голове, но при этом не сводил глаз с капеллана, опустившегося на колени рядом с умирающим Гвиндолином.

– Благодарю, поп, за меч.

Капеллан поднял голову и глянул мне в глаза. Откуда он взялся? Или был здесь все время? А если был тут все время... то кто он такой? Кто он такой, черт побери?

– Все в руке Божией, – сказал он и снова склонился к Гвиндолину, – *et lux perpetua luceat eis*.

И все-таки он не убедил меня. Не убедит меня ни первым, ни вторым утверждением. В конце-то концов, я был Моргольт. А вечный свет? Мне известно, как выглядит такой свет. Я знал это лучше его. Капеллана.

Позже мы отыскивали Изольду.

В ванне, прижавшуюся лицом к стене. Педантичная, аккуратная Изольда Белорукая не могла сделать этого где попало. Нет. Только на каменном полу, рядом с канавкой для стока воды. Теперь эта канавка по всей длине поблескивала темным застывшим кармином.

Она перерезала себе вены на обеих руках. Умело, так, что спасти ее было невозможно, даже найди мы ее раньше. Вдоль всего предплечья, по внутренней стороне. И добавила поперек, на сгибах локтей. Крестом.

Руки были еще белее, чем обычно.

И тогда, хотите верьте, хотите нет, я понял, что пахнувшая яблоками ладья без руля отходит от берега. Без нас. Без Бранвен из Корнуолла. Без Моргольта из Ольстера. Без нас. Но не пустая.

Прощай, Изольда. Прощай навсегда. В Тир-Нан-Оге ли, или в Авалоне навечно останется белизна твоих рук.

Прощай, Изольда.

Мы покинули Карэ прежде, чем туда явился Каэрдин. Нам не хотелось разговаривать с ним. С ним или с кем-либо еще, кто мог быть на борту корабля, приплывшего из Корнуолла, из Тинтагеля. Для нас легенда уже завершилась. Нас не интересовало, что сделают с нею и из нее менестрели.

Снова похмурнело, моросил мелкий дождик. Нормально. Для Бретани. Нас ждала дорога. Дорога через дюны к каменистому пляжу. Я не хотел думать, что будет дальше. Это не имело значения.

– Я люблю тебя, Моргольт, – сказала Бранвен, не глядя на меня. – Я люблю тебя, хочешь ты того или нет. Хочу я того или нет. Это – как болезнь. Как немощь, которая отбирает у меня возможность свободного выбора, которая затягивает меня в бездну. Я затерялась в тебе, Моргольт, никогда уже не отыщу, не отыщу себя такой, какой была. А если ты ответишь чувством на мое чувство, то затеряешься тоже, пропадешь, погрузишься в пучину и никогда, никогда уже не отыщешь бывшего Моргольта. Поэтому подумай как следует, прежде чем ответить.

Корабль стоял у каменной набережной. Что-то выгружали. Кто-то кричал и ругался по-валлийски, подгоняя грузчиков. Сворачивали паруса. Паруса...

– Страшная болезнь – любовь, – продолжала Бранвен, тоже разглядывая паруса корабля. – *La maladie*, как говорят южане, из глубин материка *La maladie d'espoir*, болезнь надежды. Самолюбивое ослепление, причиняющее вред всем окружающим. Я люблю тебя, Моргольт, в самолюбивом ослеплении. Меня не волнует судьба других, которых я невольно могу впутать в свою любовь, обидеть, растоптать. Разве это не страшно? А если ты ответишь чувством на мое чувство... Подумай как следует, Моргольт, прежде чем ответить.

Паруса...

– Мы как Тристан и Изольда, – сказала Бранвен, и ее голос опасно надломился. – *La maladie*... Что с нами будет, Моргольт? Что с нами станет? Неужели и нас окончательно и навечно соединит лишь куст боярышника или шиповника, который вырастет из бериллового склепа, чтобы охватить своими побегами другой склеп, тот, что из халцедона? Стоит ли? Моргольт, хорошенько подумай, прежде чем мне ответишь.

Я не намерен был задумываться. Уверен, Бранвен знала об этом. Я видел это в ее глазах, когда она взглянула на меня.

Она знала: мы присланы в Карэ, чтобы спасти легенду. И мы сделали это. Самым верным образом.

Начиная новую.

– Я знаю, что ты чувствуешь, Бранвен, – сказал я, глядя на паруса. – Ведь я чувствую то же. Это страшная болезнь. Страшная, неизлечимая *la maladie*. Я знаю, что ты чувствуешь, потому что я тоже заболел, девочка.

Бранвен улыбнулась, а мне показалось, будто солнце прорвалось сквозь низкие тучи. Такой была ее улыбка, хотите верьте, хотите нет.

Я тронул коня шпорами.

– И назло здоровым, Бранвен?

Паруса были грязные.

Во всяком случае, так мне казалось.

Бестиарий
Главы из книги «GRAND GRIMOIRE»,
или «Рукопись, найденная в Драконьей Пещере».
Компендиум знаний о литературе фэнтези,
для любителей оной предназначенный,
обогащенный словарями, бестиарием
и индексом легендарных созданий, снабженный
алфавитным перечнем творцов всяческой масти.

*Я искренне благодарю автора – Анджея Сапковского –
и президента Обнинского компьютерного клуба Юрия Кофтана
за неоценимую помощь при работе над текстом перевода.
Евгений Вайсброт*

Бестиарий Сапковского

Бестиарий – это первый популярный справочник прикладной зоологии. Первый из бестиариев, содержащий аллегорические описания самых что ни на есть странных животных, был создан в Александрии в IV веке неизвестным греческим автором и назывался «Physiologus», то есть «Натуралист». Этот «Physiologus», размноженный в неисчислимых латинских, итальянских, немецких и французских копиях, стал основным источником всех последующих бестиариев, выходивших с той поры на протяжении всего Средневековья. Бестиарии и физиологисы выходили отдельно, либо как части псалтырей, стихами, либо прозой, красиво иллюминировались и иллюстрировались скорее символическими, нежели верными иллюстрациями и носили такие названия, как «De Bestiis», «Liber bestiarium» или «Liber monstrorum de diversis generibus». Кроме бестиариев выходили также лапидарии (например, «Liber Lapidum», авторство Марбода) и гербарии (известный «De vegetalibus» Альберта Великого).

Бестиарии базировались как на научных (либо псевдонаучных) трудах – Аристотель, Геродот, «Естественная история» Плиния, или «Фарсалии» Лукана, так и на чистом вымысле, например, «Истинная история» Лукиана Самосатского. Сочинители охотно пользовались индусскими, древнееврейскими и египетскими источниками, обстоятельно эксплуатировали легенды и художественную литературу. Со временем бестиарии обогащались идеями, почерпнутыми из сочинений Оригена и отцов Церкви, таких как «Magna Moralia» св. Григория Великого, «Нехаемерон» св. Амвросия Медиоланского или энциклопедическая «Книга происхождений» св. Исидора Севильского, а также из таких произведений, как «Liber Memorabilium» Солинуса, «De Universo» Рабана Мавра из Фульды, «Megacosmos» Бернара Сольвестрия, «Aviariun» («Книга птиц») Гуго Фульонского, «De proprietatibus rerum» Варфоломея Английского, произведения Готье де Меца, Филиппа де Фаона, «Bestiaire d'amour» Ришара де Фурневилья или «Li Tresors» Брунетта Латини.

Общим для всех – либо большинства – бестиариев было объяснение природных явлений путем толкования Писания. Каждое животное, безразлично, насекомое ли, птица или рыба,

существующее в природе или мифическое, должно было сочетаться с одним из четырех архетипов: Христом, Сатаной, Церковью или Человеком.

Нижеподписавшийся позволил себе присоединиться к блистательной плеяде авторов бестиариев – давних, неизвестных или забытых и современных – Льюису Кэрроллу, Джеймсу Терберу, Т. Х. Уайту и Хорхе Луису Борхесу (продолженному Яном Гондовичем – «Фантастическая зоология, дополненная»).

Я беру на себя смелость предложить читателям «Бестиарий Сапковского», изложенный классическим стилем и в классической манере. И ради сохранения атмосферы также нашпигованный латинскими цитатами и сентенциями. Возможно, нашпигованный несколько чрезмерно, но, повторяю – важно было сохранить стиль, манеру и неповторимую ауру.

Внимательный и знакомый с материалом человек, несомненно, заметит, что от других классических физиологисов мой отличают некоторые детали в описании животных и их привычек, иными – порой спорными – являются также приемы толкования и этимологии названий. Но что это был бы за бестиарий, если он не обогащен собственными наблюдениями, исследованиями и размышлениями автора. И его собственным мировоззрением и темпераментом.

Итак...

Амфиптерий (Amfipterus)

Летающий дракон, по образу змея ног не имеющий, а богатый лишь парой крыльев, по обеим сторонам тела расположенных, откуда и идет его греческое название. Грозный сие есть людоед, что видно хотя бы по гербам Сфорцев и Висконтиев, на коих оный амфиптерий человека пожирающим изображен.

Амфисбена (Amfisbena)

Ящер о двух головах (по обоим концам тела размещенных), откуда и название, означающее по-гречески «в обе стороны», ибо амфисбена, одною пастию за другую уцепившись, яко колесо весьма прытко катиться может, в какую только сторону пожелает. Как пишет Лукан: «...et gravis in geminum vergens caput anphivena». Амфисбена описана также Плинием, коий подчеркивает ее впрост лечебные свойства (как амулета либо талисмана). Животное сие геральдическое есть, на гербовых щитах изображаются амфисбены как окрыленные, так и те, у коих одна из голов – в основном задняя – птичья.

Аспид (Aspis)

Сие есть змей зело грозный. Перемещается с быстротою молнии, а из пасти его постоянно пар горячий извергается. Ежели укусит, человек распухает страшно и заживо гниет. Зверь сей также хитростию превеликой отличается. Ежели его колдун формулою магическою, либо заклинатель флейты музыкаю сладостною одурманить пожелает, аспид, дабы заклинания либо игры музыкальной не слышать, так сворачивается, что одно ухо к земле прижимает, другое же хвостом себе затыкает. Делает он так по образу и подобию богача, коий одно ухо завсегда к благам земным преходящим наставляет, другое же грехом затыкает. Сравню таковых со змеем аспидом, псалом 57:5: «Яд у них, как яд змеи, как глухого аспиды, который затыкает уши свои».

Alienati sunt peccatores a vulva erraverunt ab utero locuti sunt falsa furor illis secundum similitudinem serpentis sicut aspidis surdae et obturantis aures suas quae non exaudiet vocem incantantium et venefici incantantis sapienter.

То же говорит псалом 90:13: «На аспиды и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона» – «*Super aspidem et basiliscum calcabis conculabis eonem et draconem*».

Ассида

Имеет ноги верблюжьи и крылья птичьи. Яйца кладет по манере птичьей и знает, когда время класть приходит, ибо звезду только ей ведомую наблюдает. Стало быть, ассида есть метафора человека, коий вдохновен и вдохновению следует.

Берникловое дерево

Чудо из чудес, вместо плодов всяких гусей живых родит. Когда подходящий час подоспеет, деревья сего ветки густейше ракушками обвешиваются, ровно яблонь яблоками. Ракушки оные возрастают, а затем скорлупка их лопается и раскрывается. Ежели кто поблизости пребывает, тот видит, как из скорлупы той раскрытой птички ноги перепончатые, дергаясь потешно, висят, а вскорости и цельные птицы гогоча из скорлупы вылупляются, совсем выросшие и к летанию готовые. Птицы сии, берниклями называемые⁵³, размером гусей поменее, а уток поболее будут.

Древа такие – зело редко однако – встретить можно на Оркадских и Шетландских островах, как то удостоверяет англичанин сэр Джон Герард в своей «General Historie of Plantes».

⁵³ Берникля (*Branta bernikla*, лат.) – черная казарка. – Здесь и далее примеч. пер.

Богун упас (Bohun upas)

Дерево, кое в Индии, в особливости же на Пряных Островах неподалеку от Китаю произрастает. В малайской речи означает «Древо Ядов». Ибо кора и дерева этого листва такие страшные туманы, испарения и запахи источают, что аж на четыре мили вокруг все вымирает, без разницы – человек, зверь либо растение. Туземцы Малайи ядом упомянутым стрелы свои и копья отравляют, а ежели кого пожелают смертию покарать, то оно на ночь к стволу привязывают, а на заре утренней он уже готовый и окоченевший висит. Также некоторые гады и бестии ядовитые яды свои из Богуна Упаса черпают.

Боканон

Таковой в Азии обретается. Голова у него и тулово бычачьи, а на шее грива, яко у коня. Имеет рога, однако столь закругленные и так сильно назад выгнутые, что никому ими вреда причинить не может. Однако же защиту, коей природа поскупилась дать ему в рогах, она щедро восполнила в кишках. Видя себя преследуемым, боканон тылом к преследователям оборачивается и, громко пуская ветры, поражает оных вонию и испражнениями столь страшными, что очи на лоб вылазят, а волосы в завитки закручиваются, и к тому же на три мили вокруг. Упорнейший охотник от такового убегает и боканона преследовать более не решается.

Бочан или бочек

В других, кроме Польши, местах АИСТОМ называемый, у нас есть название птицы, от лужицкого «Васіон», либо «botian» произведенное. Латинское же название свое «Ciconia» от того бочан берет, что цикаде (Cicada) подобный звук издает, клювом хлопая и клекоча. Клекотание оно есть аки глас адский, плач и скрежет зубовой, коим в адской пучине грешники в грехах своих признаваться будут, о чем в Евангелии от Матфея написано (8:12): «А сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов» (*«ibi erit fletus et stridor dentium»*).

Бочан есть грешников таких символ, ярый враг змеиного, а стало быть, и дьявольского племени.

Василиск

По-гречески Basiliskos'ом, по-латыни Regulus'ом зовется, то есть королем малым, поелику василиск есть всякого гада ползучего царь и монарх, властелин драконов и змей. Иначе, нежели чем иные гады, во прахе на брюхе ползающие, василиск поднявшись идет, а на голове носит корону златую. Все живое разбегается пред ним в страхе великом. Как никакое иное ядовитое чудище, василиск одним взглядом своих страшных глаз убить может. Даже птица быстролетящая замертво падает, ежели на нее василиск взор свой оборотит.

Учит пророк Иеремия (8:17): «Ибо вот, Я пошлю на вас змеев, василисков, против которых нет заговаривания, и они будут уязвлять вас...» («... *quia ecce ego mittam vobis serpentis regulos quibus non est incantatio et mordebunt vos...*»). Хотя и действительно, на serpent'ов Regulus'ов non est incantatio, однако ж нашлось животное, кое их не опасается, и животное то зовется ласка. Ласка василиска даже в логове его отыщет, выследит и загрызет. Сам же василиск петуха зело боится и ежели услышит пение петухово, прочь бежит. Ибо Творец ничего не оставил без лекарства, ремедиума либо антидотума – даже супротив такой паскудности, как василиск, есть ласка и петух.

Василиски наподобие скорпионов логово себе выбирают в местах безлюдных, каменистых, теплых и сухих, и рассудительно делает тот, кто мест таковых избегает и не шляется посередь них, яко глупец какой.

Водные существа

Многочисленны, как говорит Давид в псалме 104:25: «Это море великое и пространное; там пресмыкающиеся, которым нет числа, животные малые с большими» (*«hoc mare magnum et spacionum manibus illic reptilia quorum»*). Плиний же оных больших и малых перечисляет до сорока и четырех, а делит их на монстров, змей водных, крабов, раков, омаров, ракушек, полипов, камбал, ящериц и червей.

Гадюка (*Vipera*)

Зовется так, поелику ее молодь через силу рождается (*vi pariat*). Не дожидаясь очередности хода вещей натуральной, молодые змеята прогрызают матери живот и тем самым убивают оную. Когда же гадюка с самцом спаривается, то последний должен голову свою в пасть ей всунуть, дабы семя вовнутрь выплюнуть. Гадюка, от вожделения ошалевшая, тут же голову ему отгрызает. Так они и гибнут, оба два: самец во время копуляции, самка при родах.

А для глупцов отсюда предупреждение: похоть – дело человеческое, но всякий раз гляди, куда голову суешь.

Гаргулец (Рыгач)

Сие есть гад преогромный, дракон водный с шеєю зело длинною, мордою вытянутою и буркалами, аки карбункулы светящимися. Одного-единственного такового – хвала Провидению! – дано было человекам узреть в Нормандии в лето Господне 520 подле града Руана. Знать, из моря по реке Сене к граду приплыл, вынырнул и принялся водою жутко плевать и рыгать – отсюда и название его от слова «garguiller»⁵⁴ происходит. Рыгал гаргулец и рыгал, весь град Руан водою залил и околичный край так обводнил, что и наисильнейший потоп вредов таких не наносил. Погибель глянула в глаза нормандцам, и скверно б их дела были, ежели бы не Святой Роман, in illo tempore⁵⁵ епископ руанский, коий экзорцизмами гаргульца изгнал. И с тех пор его уже никто не видывал. Гаргульца, значит.

⁵⁴ Garguiller (фр.) – булькать, урвать, бурчать.

⁵⁵ в то время (лат.).

Гарпия (Harpia)

Весьма отвратная скотина, полуптица-полубаба. Известны (из истории об аргонавтах и их по Руно Златое странствии) гарпии, кои царя фракийцев Финей жестоко преследовали и, непрестанно по-над головою его кружась, удеывали его и все вокруг вонючими экскрементами так, что царь Финей ни откусать, ни отпить, ни спокойно почивать не мог. Тогда два аргонавта, сыны Борея Калаид и Зет, гарпий оных прочь прогнали.

Гарпия – животное геральдическое. Помещена она в гербе княжества Лихтенштейнского.

Гидра (Hidra)

Есть чудовище грозное, гад, коего один только экземпляр осмиголовый, тот, что в болотах неподалеку города Лерна в Аркадии залегал, известен. Герой Геракл ту осьмиглавую лернейскую гидру убил, и был это его второй подвиг из двенадцати. И нелегко труд был сей, ибо на месте отрубленной головы тот же час вырастали две новые, откуда, кстати, пошло и ее латинское название *Excedra*⁵⁶. В борьбе с оной на такую концепцию Геракл напал, чтобы, отрубив голову, тут же это место факелом прижигать. Помогло.

Гидру породила упомянутая дальше чудовищница Ехидна. Недаром же говорят: яблочко от яблони недалеко падает.

⁵⁶ Переходить, превращаться (*лат.*).

Гиена (Нуена)

Каждая то самцовой, то самичьей природы может быть, уж одно это мерзостно само по себе, а и более того еще будет. Жрет гиена все, даже падаль вонючую и трупы, кои из лона земли выгребает. Но и живого не упустит. В околице поселений людских таится и чутко прислушивается к речи человеческой, дабы потом подражать ей верно и людей к себе приманивать на погибель. Весьма гиена речь человеческую и каждый отдельный звук верно изображает. Зело собак обожая, ловит таковым методом хитрым: такой голос подает, будто человек тяжело и страшно рыгающий. Собака, коя рвотину любит, бежит на этот звук, тут ей и конец в гиеней пасти приходит.

В глазу гиены сокрыт камень, *lapidus hyenia* называемый; положи себе оный под язык и будущее станет тебе видно и ведомо.

В эфиопских землях спариваются гиены со львицами и от такого *coitus*'a⁵⁷ рождается чудище, крокотой именуемое, о коем у Плиния читай.

⁵⁷ соитие (лат.).

Гиппогриф (Hippogryf)

Об этом говорят, что родила его кобыла, кою покрыл гриф. От лошади у него задняя часть тулова, голова же грифья, лапы с когтями и крылья, на коих, понятно, он ловко летать умеет. Однако ж в природе грифы с кобылами не спариваются, происходит такое лишь с помощью чародейства, потому как возмечталось колдунам получить для верхового перемещения такое животное. Чародей по имени Атлант такового гиппогрифа вырастил, однако же Брадаманта, хоробрая женщина-паладин, его отобрала, а чародея прикончила. Потом сама на гиппогрифе летала, о чем кто итальянский знает, может у Ариосто прочесть.

Гиппокамп (Hippocampus)

Странный это зверь: полуконь-полурыба. Морда у него конская, хоть малость поизящней будет, передние ноги конские, а вместо копыт, коню присущих, у гиппокампа лягушачьи перепончатые лапы. Хвост длинный и змеиному подобный. Плавать, само собою разумеется, может сверх всякого удивления.

Гиппоцерв (Hippocervus)

Есть, как по названию видно, полуконь-полуолень. Говорят, что в бестии сей конская и оленье натуры постоянно промежду собою борются, потому-то гиппоцерв есть животное зело нерешительное и чрезвычайно рассеянное.

Гриф или иног

Чудовище свирепое, тело льва, а голову и крылья орлиные носящий. Зело опасный. Прежде чем подойти, дважды подумай. Был он в гербе щецинских и слупских князей, но польский орел грифа ихнего не убоялся – князь щецинский Казька Свентоборовиц, коий с мерзопакостными крестоносцами стакнулся, в полон на грюнвальдском поле битевном попал.

Дипса (Dipsa)

Есть сие змея не в пример другим малая, но зело ядовитая. Ежели укусит, человек представляется прежде, нежели укус почует, а на лице усопшего заместо боли и тревоги удивление токмо великое и печаль отражаются. Что подтверждает Лукан в «Фарсалиях», описывая приключения некоего военачальника невеликого, кой на дипсу наступил, а дипса в пятку его укусила («... *Signiferum iuvenem caput retro dipsa calcata momordit. Vix dolor aut sensus dentis fuit...*»).

Змеи

Суть гады двоякого роду. Одних мы именуем колубрами (colubras), поелику живут оне среди тени (colat imbras), других же – серпентами (serpentes), сии ползают (serpunt, по-гречески herpein). Все ядом убивают и преразличнейшими творят это способами. К примеру, ежели укусит dissa, то укушенный умирает от жажды (sitis). Яд hupnalis'а в сон вечный тихо погружает, как то случилось с царицею Клеопатрою, коя именно гипналисом воспользовалась, дабы умереть без мук. Неморosis тем убивает, что у человека, им укушенного, жилы лопаются и кровь (по-гречески hema) вся из него вытекает. У kerastis'а же на голове растут рога (по-гречески keraste), как у барана, и он в песок по самые эти рога закапывается и проходящих неожиданно в яйца кусает.

О других же змеях в иных местах сказано будет.

Идрус

Змея преопасная, живет в Ниле, в воде, отсюда и называют ее по-гречески, ибо слово «hydor» воду означает. По-латыни же зовется *Aquatis serpens*, змея водная. Укушенные ею страшно опухают, раздуваются и умирают в муках, а единственным противоядием супротив яду есть буйволиное дерьмо, отсюда и другое название идруса – «боа» от «bos» – буйвол.

Идрус в большой живет неприязни с крокодилом. Ежели узрит такового на берегу спящего, то измазывается идрус в грязи для лучшей скользливости и выжидает, когда крокодил зевнет и тут же ему в разверстую пасть сигает и через горло в живот вскальзывает, а выбирается оттуда, внутренности крокодила разрывая и тем жизни его лишая, а сам остается целым, невредимым и веселым.

Иног

То же самое, что и гриф.

Каладрий

Есть птица с перьями, яко снег белыми, даже ни единого темного пятнышка не имеющими. Помет каладрия – незаменимый супротив катаракты антидотум, а сама птица таковое имеет предивное свойство, что ежели хворого человека узрит, коего немощь трагична и вылечена никоим образом быть не может и смерть ему писана, тогда каладрий голову отворотит и смотреть на хворого не станет. Ежели же каладрий головы не отворачивает и смотрит, то значит сие, что человек хворый выздоровеет и жить будет, и все это потому, что каладрий всю его немощь в себя забирает, после чего вверх к солнцу взлетает и там скверну хвори в солнечном зное сжигает. Такую силу имеет белая птица каладрий, ибо есть она как наш Спаситель, коий тоже бел, аки снег чистый, и безгрешен, как говорит Петр в первом послании (2:2): «Он не сделал никакого греха и не было лести в устах Его» («... *peccatum non fecit nec inventus est dolus in ore eius*»).

Камелопард (Camelopardus)

Есть плод противного природе совокупления верблюда с леопардом⁵⁸. Разум мутится и теряется, ежели понять захочешь, каковым образом таковое совокупление происходит. А посему и дознаваться не надобно, а принять сие на веру. И все тут.

⁵⁸ Тут, конечно, можно было бы поспорить с автором «Бестиария», потому что «camelopardus» – по-латыни не помесь верблюда (camelus'a) с леопардом, а просто-напросто – жираф, но, как сказал автор, его бестиарий «обогащен собственными наблюдениями, исследованиями и размышлениями. И его собственным мировоззрением и темпераментом».

Катоблепос

По-гречески «в землю глядящий»⁵⁹ означает, ибо голова этого африканского зверя, волю бронированному подобного, так тяжела, что он постоянно опущенной ее держит и вечно вниз, в землю смотрит. И к счастью, потому как катоблепос так весь ядами переполнен, что взглядом либо дыханием все живущее убивает на месте. А берется сие от того, что ядовитыми травами катоблепос питается, тернием всяческим и кустами сухими, коих никакой другой зверь тронуть не осмеливается. Потому-то иное название этого зверя есть горгон, ибо навроде горгоны взглядом убивает.

⁵⁹ От «kato» (греч.) – «вниз».

Кокатрикс, или Куролиск

Существо страшное, тело ящерицы, крылья нетопыря, а морду и ноги петуха имеющее. Два у него змеиных хвоста, одним он жертву хватает и оплетает, другим, коий жалом скорпионным снабжен, убивает. Однако ж может убить и взглядом, чем василиску подобен. В том же и погибель его сокрыта – стоит куролиску зеркало показать, как он сам себя собственным взглядом уничтожает.

Иногда.

Токмо не всегда такой фортель удастся.

Вылупляется кокатрикс из яйца, петухом семилетним снесенного, и только тогда, когда звезда Сириус восходит. Яйца, в навоз теплый погруженные, должна высидеть жаба. Иначе ничего не получится. Превратятся яйца в болтуны. И все тут.

Котище

Поелику есть он мышиною племени недруг великий и уничтожитель, то зовется «Мусей» (от Mus, мышь по-латыни), а поскольку ловок и хваток, то еще и Catus'ом (от captura – ловля по-латыни), а то и от самого catus (от греческого идущего), означающего то же, что и ingeniosus, коим словом латиняне обозначали даровитого, талантливую, сметливости великой, ну, а с тем, что котище изобретателен и сметлив, каждый, кто не дурак, согласится.

Кот морской

Вообще-то никакой это не кот, а обезьяна. Simia, мартышкой именуемая, а у нас – кочкоданом почему-то. Привычки у нее еще более отвратны, нежели вид, а вид – зело препаршивейший.

Крокодил (Cacodrillus)

Название свое от шафрана (Crocus) берет, ибо цвет имеет шафранный. Обитает в реке Нил, длины даже двадцати локтей достигает, а вооружен грозными когтями и зубьями. Ночами в воде плавает, днями же в прибрежных зарослях спит. Говорят, ежели кого сожрет, то лицемерные слезы проливает, как вроде бы ему жаль. Потому-то обыкновенно лицемеров всяческих, а особливо ксендзов, с крокодилами сравнивать принято.

Лев (Leo)

Со львицей спаривается не как большинство зверей, то есть не *more canino*⁶⁰, а как люди приличные, лицом к лицу. Львица же мертвый и хладный помет рождает, мертвых львят три дня сторожит. Затем является лев-самец, на львят хладных дыхнет и таким образом оживляет их. Об этом даже есть в ученых труда упоминание: «*Dormitabit tanquam leo, et sicut catulus leonis suscitabitur*»⁶¹.

⁶⁰ наподобие собак (*лат.*)

⁶¹ Спит как лев, просыпается как львенок (*лат.*).

Левкрокота (Leucrocota)

Чудовище, Плинием в осьмом томе «Естественной истории» описанное. Отвратительное видом и нравом создание: тело у него и лапы оленьи, шея и хвост львиные, а голова барсучья. Пасть же его от уха до уха простирается и весьма зубата. Резва левкрокота невероятно, коня на бегу запросто догоняет. Живет в Азии.

Якобы.

ЛИС

Весьма быстроног и вместо того, чтобы бежать прямо, петляет (*«est enim volubilis pedibus et nunquam recto itinere»*). Вот из-за этого-то «volubilis» он и зовется по-ученому Vilpis. Лис – великий плут. Ежели голоден, то измажется красной грязью, цветом застывшей крови подобной, на землю уляжется, дыхание затаит, глаза выпучит и язык вывалит, чтобы показать, будто он вроде бы издох или того и гляди сдохнет. Пташки подлетают, надеясь лисьей падалью поживиться, а лис тут цап-царап – и нет пташки!

Таковым же способом и сатана поступает, заманивая и искушая. А кто даст себя на диавольское искушение поймать, того такой же конец, как и любителей полакомиться, пташек, ждет. Будут они отданы на милость лисам, или, как говорит Давид в псалме 63:11: «...сразят их силою меча, достанутся они добычу лисицам» (*«partes vulpium erunt»*).

Мантикора

Живет в Индии. Тело у нее львиное, а голова и морда человечески, но с пастью ужасной, в три ряда зубищ острых снабженной. Крылья у мантикоры орлиные, хвост же скорпионий, ядовитой иглой оканчивающийся. Яд свой, мгновенно отравляющий, берет мантикора из дерева богун упас именуемого. Нападает на людей из засады, убивает и сжирает так, что ни косточки, ни даже металлических «молний» от курток и пуговиц от штанов не остается. И когда Иоанн Богослов в «Откровении» (9:3,5) говорит: «И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы...»

«...и мучение от нее подобно мучению от скорпиона, когда ужалит человека» («et defuto exierunt lucustae in terram et data est illis potestas sicut habent potestatem scorpiones terrae»), то святой в благочестивой простоте своей никакую не саранчу (lucustae) имел в виду, а именно мантикор, которые в Судный день из пучин выйдут и будут истязать грешников жалами своими.

Моноцер (Monocerus)

Есть чудовище с ревом страшным и ужас великий наводящим, тело коня, а ноги слона имеющее (*equino corpore et elephantis pedibus*). С середины звериного лба торчит у него рог в четыре локтя длиною и такой остроты, что любой предмет и существо играючи пронзить способен. Ни один живой моноцер в руки людские не попадал, потому как если и может он быть убит, то уж пойман не может быть никак.

О моноцере говорит псалом 92:11, однако же здесь напомнить необходимо, что св. Иероним переводил псалмы одновременно с греческого и древнееврейского. И если в переводе с древнееврейского мы читаем: «...et exaltabitur quasi monocerotis cornu meum», то в переводе с греческого моноцер превращается в единорога («et exaltabitur sicut unicornis cornu meum»).

Польский перевод псалмов примирил эллинов и иудеев, и в нем мы читаем: «...заострил рог мой, как рог быка».

Ну а в русском каноническом переводе (псалом 91:11) сказано: «А мой рог Ты возносишь, как рог единорога».

Вот и разберись тут.

Муравьи

В земле Эфиопской размерами поболее собак будут и рога имеют, козлиным подобные. Жестоко оне кусаются и потому считаются символом ереси, яко Виклеф проклятый и гуситы отвратные, кои тоже яко псы кусались и на истину лаяли. В Индии же обретаются такие муравьи, кои песок перебирают и крупницы злата хитроумно отделяют и в муравейник свой утаскивают, хоть выгоды от оногo песка златогo никакой не имеют: и не едят его, и для себя не урвут. Правду пишет посему ученый инквизитор Нидер из ордена доминиканского, что муравьи эти еретикам подобны, кои в Священном Писании копаются и зерна истины в оном ищут, хоть и сами не знают, что с этой истиной делать.

Мурена (Murena)

Угорь морской, потому по-гречески *μίγίππα* называется, что вокруг свивается. Мурены бывают токмо одного полу, а именно женского, а посему в целях продолжения рода копулируют с самцами змей. Потому-то рыбаки, кои мурен из-за их вкусного мяса отлавливают, привлекают их, свистя и змеиному шипению подражая, а глупые мурены плывут прямо в сети, думая, что на гон идут, а идут-то на сковороду.

В чем глупым наука, а умным предостережение.

Мыши

Животные паршивые как телом, так и поведением. По-латыни зовутся оне Mures. Взято слово сие от ex humore – от влажной земли, ибо из таковой-то мыши оные вылупляются, сами по себе, потому как нет мышов и мышниц и не совокупляются оне меж собою ради потомства. Жиреют мыши, когда луна на полнолуние идет и тощат, когда луна уменьшается.

Онокентавр (Onocentaurus)

Что это такое есть, сейчас скажу. Каждый слышал о кентаврах – полулюдях-полуконях. Онокентавр же – получеловек-полуосел. Встречается таковой гораздо – ох гораздо – чаще кентавра, койй почти совершенно вымер. Упоминает о нем пророк Исайя (34:14): «...et occurrent daemoria onocentauris et pilosus clamabit»⁶².

⁶² Вынужден заметить, что в отличие от латинского текста в польском переводе говорится о фавнах, либо козлах, а в русском – о леших («...и лешие будут переключаться один с другим»). И те и другие имеют мало общего с ослами и онокентаврами. Но что делать!

Перинден

Сие есть дерево в Индии растущее. Сладкие и вкусные родит оно плоды, огромное для голубей лакомство, потому-то в сени дерева того вечно голубиц полно. Дракон, коий голубицам враг, к дереву тому подкрадывается, но в тень его войти не смеет, ибо боится. Тогда принимается дракон вокруг дерева периндена расхаживать и ждать, а вдруг да какая из голубиц из тени выпорхнет на свою погибель.

Так и ты, человек, стремись удержаться в вере истинной, ибо пока веры сень над тобою, не схватит тебя дракон-сатана, сей Змий извечный, как схватил он и пожрал Иуду, учителя своего и апостолов бежавшего, веру на свою погибель оставившего, словно рекомая голубица спасительную сень дерева перинден.

Перитон

Говорят, сей зверь с материка Атлантиды происходит, гибель коей несколько штук этих перетерпело. Это полуолень-полуптица, ноги у него олени и голова оленьими рогами украшена, а к тому крылья преогромные и гузка густым перьем поросла. Зело враждебен перитон людям и не один путник на совести его.

Саламандра

Ящерка, именуемая так по-гречески, ибо огня не боится, среди величайшего жара сидит себе и ничего, токмо усмехается и более того – способна огонь тот погасить. Промеж всех гадов ядовитых саламандра самая пренаиядовитейшая, потому как, ежели иной-то гад ядовитый один токмо раз отравой убивает, то саламандра в силах прибывать по нескольку раз и многих. И делает сие тем, что ежели на дерево какое заберется, то каждый плод без исключения ядом отравляет, а кто хотя ж бы кусочек такого плода отведаст, тот на месте и скончается. А ежели саламандра в колодезь или ручей свалится, то яд ее убьет любого, кто водою отравленной уста увлажнит. Таковое причинилось Александру, великому царю Македонии, у коего в Индиях, напившись воды из реки, саламандрой отравленной, две тысячи лошадей пало и четыре тысячи человек умерли.

Един только зверь без повреждения саламандру сожрать может, и есть тот зверь – свинья. Однако ж кто мясо свиньи, саламандру сожравшей, отведаст, тот скончается, ибо яд, самой-то свинье не страшный, в мясе свиньином свою силу сохраняет.

Саламандра – животное геральдическое: языками пламени окруженная содержится в гербе дома Ангулемов.

Скорпион (Scorpios)

Ко червям, а не к гадам причисляется. Хвостом ранит, вонзая жало и яд по всему телу распуская, чем убивает как дважды два – четыре. Знать однако ж не помешает, что никогда-приникогда скорпион в ладонь не укусит, чем шарлатаны всяческие пользуются. Кладут скорпиона на ладонь и народ обманывают, говоря, что, дескать, такая у них сила преогромная, что червь сей их не угрызет.

Сциталус (Scytalus)

Змея, название свое с того берет, что шкура у нее блестящая и цветистая, тысячами расцветок переливающаяся⁶³. В том сциталуса хитрость, что жертва вместо того, чтобы убегать, глядит на нее в изумлении и восхищении, словно дура какая, и от яду ее гибнет, забывши о поговорке: не все то золото, что блестит.

⁶³ Scytala – род змей (*греч.*); scitalus – изящный, хорошенький (*лат.*).

Угорь

Хоть и змееподобен и даже латинское название (*Anguilla*) от змеи (*Anguis*) носит, все же не змея, а рыба есть. Мясо угрево зело смачно, однако переваривается с трудом. Говорит о том «*Regimen Sanitatis Salernitanum*», сообщая при этом рецепт, как с поименованным несварением управляться:

Молвит о том философ, в делах углубленный,
Что музыкантам глас портит угорь испеченный.
Так же творог со угрём не спеши поглощать,
Если не сможешь за печью горилку сыскать.

Феникс (Phoenix)

Сие есть птица, в Аравийских краях живущая, коя название свое с того получила, что перья у нее цвета финикийского пурпура, финикиянами в городе Тире из раковин добываемого. Един лишь единый феникс на свете живет, а живет он пятьсот лет, после чего, когда уж старость ему доле жить не позволяет, возводит он себе из мирры, фимиама и корицы костер, садится на него и крылами столь могуче полощет, что костер тот от солнца занимается. Феникс ему еще крыльев маханием жару добавляет и от того в огне погибает. Однако же чрез девять дней из пепла взлетает – ибо из его сожженного праха рождается червь, а из червя, яко бабочка из гусеницы, обновленный и молодой феникс восстает.

Щука (щупак, щубель)

Именем таким у нас из-за щуплости тела ее называют. Латинское же свое имя *Lucus* она от *Lupus*'а, волка, ведет, ибо аки волк хищна и ненасытна. Схватить щуку ловкость немалая нужна, поелику хитра щука, особливо в опасности находясь, когда хвостом своим тину и ил взбаламутит. Вот и лови ее тогда в мутной-то воде.

Эхена (Echena⁶⁴)

Есть сие рыбка меньше локтя в размерах, свое название оттуда берет, что корабль задерживает, ко днищу его присосавшись. И пусть даже вихрь дует, стихия бушует и буря вокруг громыхает, уж ежели эхена к кораблю прицепится, то корабль не дрогнет, а будет на месте стоять, словно, прошу прощения, чертяка на свадьбе. Hunc Latini moram appellant, ea quod cogat stare navigia.

⁶⁴ Рыба-прилипала (*греч.*).

Яконий (Jaconius)

Рыба преогромнейшая, размерами самому левиафану почти равная⁶⁵. Мы знаем о ней из Истории о святом Брендане и о морской его переплывании. Так вот, в некий день после долгого по морям бескрайним плавания заметил святой Брендан со товарищи остров, на кой, по твердой земле под стопами истосковавшись, они не мешкая высадились. Допрежь всего возвел святой Брендан алтарь, осмь месс одну за другой отслужил, а поелику от этого он сам и экипаж его оголодали, то, огонь распаливши, решили похлебку сварить. И в тот же час остров затрясся и начал в пучину морскую погружаться, да так быстро, что едва путешественники на корабль свой успели. Ибо был то никакой не остров, а рыба яконий, спиною своею по-над водою выступающая.

Из этого мораль: коли имеешь пищу духовную, не думай о похлебке.

⁶⁵ От *jaseo* (лат.) – простираться.

Якул (Jaculus)

Говорят, мол, это есть змей летающий⁶⁶, так и Лукан в своих «Фарсалиях» зовет ее: *jaculique volantes*, однако ж это не совсем правда, ибо якул отнюдь не летает, а в кронах деревьев отсиживается и сверху неожиданно на проходящих с быстротою страшною и силой, яко убийственный снаряд кидается. Отсюда и название его берется, от *jaculor* – метать снаряд, пронзать.

⁶⁶ От *јасіо* (лат.) – змея, стремительно бросающаяся на свою жертву.

Янтарная рыба

О ней в «Hortus Sanitatis» милостивого государя Иакоба Мейденбаха читай, там же гравюру зри, на коей рыба та весьма искусно изображена. Из слизи и слюны рыбы сей янтарь получается, коий потом волнами на берег морской выбрасывается, и там его отыскать можно.

А теперь еще один словарь, или Создания света, мрака, полумрака и тьмы

Страна сказочных повествований обширна и огромна, и полна самых различных созданий. В ней множество разновидностей животных и птиц; безбрежны моря ее под неисчислимыми звездами. Там можно столкнуться с красотой, в которой одновременно присутствуют искусительные чары и постоянная опасность. Там можно обнаружить и радость, и печаль, и каждая – как клинок меча. Счастлив тот странник, которому дано запутаться в ней, но богатство и необычность этой страны скупот язык тому, кто пожелает рассказать о своем странствовании. Опасно также задавать слишком много вопросов. Это грозит тем, что захлопнутся врата, а ключи от них потеряются⁶⁷.

*Джон Рональд Руэл Толкин
«О волшебных сказках»*

На этот раз уже серьезно и научно, без присущей бестиариям манеры, поговорим об основных мерзопакостниках, с которыми любитель фэнтези может столкнуться при чтении.

Отбор объектов, разумеется, отражает как познания автора (nobody's perfect)⁶⁸, так и его вкусы.

А

Анку (Ankou)

Один из страшнейших демонов Бретани, нет такого призрака, которого бы бретонцы боялись больше, чем анку. Ибо этот призрак предвещает смерть. Худой как скелет, высокий, седовласый, одетый в черный плащ и черный остроконечный колпак, анку (всегда в сумерки, перед самым наступлением полной темноты) является глазам человека, которому предстоит умереть, на кошмарно скрипящей телеге, запряженной чудовищно тощей кобылой желтоватой масти. Если другие предзнаменования и смертоносные знамения (стук совы в окно, галка на чердаке, ворона на пороге) могут быть ошибочными и ложными, то в случае анку ошибка абсолютно исключена. Человек, услышавший скрип телеги и увидевший демона, скончается в течение ближайших трех-семи дней.

По некоторым теориям, анку – призрак первого покойника, похороненного на данном кладбище, так что чаще всего он оказывается духом воистину доисторическим, чем-то вроде кладбищенского *genus loci*⁶⁹. Если же кладбище новое, то в анку превращается первый торжественно погребенный здесь покойник.

⁶⁷ Перевод с перевода А. Сапковского.

⁶⁸ Здесь: весьма скромные (англ.).

⁶⁹ местный гений (в данном случае – гений кладбища) (лат.).

Б

Баба-яга

Преотвратнейшая ведьма, мерзкая людоедка с огромными железными зубами, костлявая и горбатая баба с длинным носом, украшенным большущей бородавкой, нередко (в русском фольклоре) одноглазая и хромая, с одной усохшей («костяной») ногой. Проживает в лесных дебрях и темных пущах в самоходной избушке на курьих ножках, а на короткие рейды отправляется в ступе, заматавая за собой следы метлой. Известна из таких сказок, как «Три царства», «Царь-девица» и «Ивашка». Порой бывает связана – даже супружескими узами – с другой фигурой русского фольклора, Змеем Горынычем.

Более поздние версии (братья Гримм) снабжают Бабу-Ягу пряничным домиком, а ее добычей делают детей, неразумно углубившихся в лес. Ясь и Малгося (братец Иванушка и сестрица Аленушка и пр.) отправляются к избушке Яги, привлеченные – вот дурашки! – рассыпанными на тропинке лакомствами, да и сам домик пытаются обкусывать и лизать. Бруно Беттельгейм считает этот сладкий домик символом детских оральных влечений и примитивного стремления к самоудовлетворению, более сильных даже, чем инстинкт самосохранения. Регресс детей к неосознанной младенческой оральности приводит к тому, что они вступают в конфронтацию с персонификацией той же оральности, но уже деструктивного характера – Бабой-Ягой. Детям грозит опасность быть съеденными. Баба-Яга хватает их и запирает в клетке, чтобы перед тем как взяться за приготовление из них вожаемого блюда, подкормить их «до кондиции».

У Бабы-Яги этимологически нет ничего общего с польскими именами Ягна, Ягнуся и другими формами имени Агнесс (Агнешка). Да и само слово «баба» в двухсловном выражении (Баба-Яга) тоже далеко от понятия «женщина» – так называли определенный род злых сверхъестественных существ.

Кельтская разновидность Бабы-Яги – Черная Аннис, проживающая на Шотландских высотах. Внешностью и поведением горянки (*англ.* highlander – шотландский горец) почти идентична своей славянской родне. Однако у Черной Аннис нет избушки на курьих ножках, а проживает она в случайных пещерах, которые можно узнать по кучам наваленных у входа костей.

Банник

Разновидность домового, дух русской бани, которую ставят на берегах рек или озер, деревянного домика, в котором любители помыться потеют в пару, хлещутся березовыми вениками, а потом прыгают в ледяную воду. Постройки, часто встречающиеся в России, прибалтийских странах и, конечно, в Финляндии, где баня (сауна) стала чуть ли не национальным символом. Все без исключения бани и сауны (вообще-то баня и сауна – синонимы) посещаются страшилами: духами-банниками (страшилищами, пугалами). Поясню, что речь идет исключительно о настоящих банях и саунах, а не о комфортабельных подделках на дачах нуворишей и в летних «резиденциях» различных выскочек (так называемых новых русских, например). В настоящих народных, срубленных из бревен банях творится такое, что волосы становятся дыбом. Одну подобную историю я знаю по рассказу отца и уверен в ее абсолютной истинности, поскольку мы, Сапковские, не лжем никогда. История случилась в Новых Свенчанах на Виленщине, в Свенчанском уезде. Отец, обучавшийся в то время в Вильно (Вильнюсе), приехал в родительский дом на каникулы и сразу по приезде решил попариться в баньке. Это была настоящая классическая баня, собранная из теса, крупная домина, стоящая на берегу Жей-

маны. Войдя в баню, отец увидел, что он там не один, однако нисколько не удивился, потому что бани, кроме гигиенических целей, служили еще и общественным. Соседом отца оказался худенький старичок с желтой сверкающей лысиной, который хлестал себя веничком в дальнем углу бани. Отец разделся и уже принялся было за мытье, когда обнаружил пропажу мыла, которое только что положил рядом. Он поднял глаза и натолкнулся на взгляд лысого деда, державшего его мыло в костлявой руке. Прежде чем отец успел слово молвить, старичок отдал ему мыло, при этом рука его удлинилась, вытянулась, словно резиновая, на три метра. Отец мигом удрал из бани, а когда вернулся за одеждой, старичка и след простыл. Это был банник, иначе еще называемый домовым, дух, с которым сталкивались многие.

Единственные известные мне бани в Польше, в которых встречаются банники и домовые, стоят на берегу реки Черная Ганча.

Баньши (Bean Sidhe, а вернее Beansi)

Ирландский дух, предвещающий смерть. Является (хоть мало кто ее встречал) в облике старухи с длинными, развевающимися по ветру волосами, одетой чаще всего в зеленые лохмотья. Ее пронзительный, тоскливый и протяжный, замораживающий кровь в жилах крик (точнее – вой) представляет собой неоспоримый знак чьей-то близкой кончины. Порой баньши своим криком предвещает смерть не тому, кто ее слышит, а чаще – человеку, проживающему рядом с тем, кто слышит крик. Ибо баньши адресует свой крик данному дому, домашнему очагу. В крупном городе, застроенном панельными домами, крик баньши – хоть он действительно ужасен – слышит только адресат и никогда – соседи. Зато его слышат все кошки в округе. Каждый котовладелец бывал свидетелем того, как кошка – хоть кругом вроде бы стоит тишина – вдруг просыпается, поднимает голову, настораживает уши. Объяснение простое – кошка слышала баньши.

Баньши вошла в современный английский язык. Об оружии благим матом человеку говорят: «screams like banshee out of hell» (кричит, словно баньши в аду).

Разновидностью баньши является бан ниа (Bean Níja), именуемая также Прачкой у Брода. Человек, которому скорая смерть писана, видит бан ниа стирающей окровавленную одежду. Подобное видел перед своей героической гибелью Кухулин. Известна также бан ниа из Фирна – неподалеку от Инвернесса в Шотландии, – которую ранним осенним воскресным утром 1742 года заметили вблизи Лох-Слен, когда она отстирывала кровавые пятна с тридцати рубашек. Вскоре после этого во время мессы рухнул свод древней церкви, похоронив под обломками именно тридцать человек.

Брауни (Brownie)

Шотландский домовый, хохлик⁷⁰ с растрепанной шевелюрой и темно-коричневой кожей, отсюда и название (*англ.* brown – коричневый, бурый). Обычно обитает в горах и лесах, но может жить и в домашних условиях⁷¹. В последнем случае бывает очень полезен, по крайней мере до тех пор, пока жители дома не забудут оставить ему молока, сметаны и выпечки. Но внимание: чрезмерное количество оставленной пищи брауни воспринимает как личное оскорбление и покидает жилище, так что желательно соблюдать умеренность.

⁷⁰ Здесь мне хотелось бы отступить от авторского текста и сообщить читателям, что в польском языке для всяческих домовых, гоблинов, полтелгейстов и тому подобных есть очень милое слово «хохлик», которым я и намерен в дальнейшем широко пользоваться, так как слово домовый в русском языке имеет не столь широкое значение.

⁷¹ Это и есть одна из причин, заставляющих меня в ряде случаев пользоваться определением «хохлик» как всеобъемлющим.

Хозяйству, в котором он проживает, брауни оказывает небольшие, но полезные услуги, однако горе тому, кто вздумает критиковать, либо посмеиваться над его усилиями – месть оскорбленного до глубины души брауни будет страшной.

Брауни, проживающий на Шетландских островах, носит местное название трау (trow).

Разновидность брауни (значительно превышающая его размерами) – это хобгоблин (hobgoblin). Хобгоблин, который отнюдь не какой-то вариант гоблина, на что, казалось бы, указывает название, вовсе не кровожадное чудовище (вопреки bestiариям ролевых игр), хотя следует признать, он большой любитель до всяческих фокусов и шуток, которые далеко не всегда так уж безобидны.

Вариант хобгоблина, проживающий только на острове Мэн, носит название файнодери (finoderi). Файнодери обладает солидной силой и может, если захочет, помочь на жатве и сенокосе, когда надвигается ненастье.

А вот боггарт (boggart) – скверная и сверхвредная разновидность брауни. Ежели увидишь боггарта – утекай.

Бродяжки (Urchini – англ.)

Буквально – ёж, один из обитателей Faerie. У Шекспира в комедии «Виндзорские проказницы» одна из ключевых сцен – это веселое переодевание. Миссис Пейдж предлагает детям одеться в костюмы волшебных существ:

«Nan Page, my daughter, and my little son
And three or four more of their growth, we'll dress
Like urchins, ouphes, and fairies, green and white...

В польском переводе Юзефа Пашковского: «Оденем их в белое и зеленое, как хохликов, фей чародеек».

Как видим, здесь «urchins» переводится как «хохлики»⁷².

Бруколак (Brucolakas)

Разновидность вампира, встречающаяся в Мультанах (Молдавия), Трансильвании (Семиградье) и в Добрудже. Особенно же часто в Валахии (Южная Румыния).

«Каждый второй валах как помрет – в упыря обращается, после смерти становится призраком – и валашские самые из всех вредные. Там их бруколаками зовут»⁷³.

Валашский бруколак, повествует далее Сенкевич, только и глядит, где бы крови напиться... Бруколаки девичью кровушку страсть как любят. На вид бруколак кажется невероятно распухшим, а кожа у него жесткая и натянутая, как барабан, да и при ударе звучит так же. Каждую ночь бруколак один раз издает пронзительный вопль – всякий, кто отреагирует на этот зов, – тот пропал, и уж нет ему спасения. Чтобы убить бруколака, надо отрубить ему голову и тут же сжечь в огне.

Бруколаки встречаются не только на румынских землях, но и в Болгарии, Греции, а также в России, где их называют бурдалаками или вурдалаками.

Ваня стал: – шагнуть не может.

⁷² В русском переводе С. Маршака и М. Морозова: «Пусть наша Анна и наш младший сын с подругами своими и друзьями оденутся как феи, эльфы, гномы, в зеленые и белые одежды...» Получается, что у нас «urchins» переводится как «гномы».

⁷³ Генрик Сенкевич. «Огнем и мечом». Перевод К. Старосельской и А. Эппеля.

Боже! – думает бедняк,
Это, верно, кости гложет
Красногубый вурдалак.⁷⁴

Брукса (Bruksa)

Португальский вампир исключительно женского пола, поскольку это трансформация женщины, занимавшейся при жизни колдовством и поэтому превратившейся в демоническое существо. Днем это внешне нормальная женщина, ведущая обычную, казалось бы, жизнь, может быть, даже замужняя и имеющая детей. Ночью же брукса превращается в призрачную птицу, нападает на людей и высасывает из них кровь.

Убить бруксу невозможно, нет таких способов, хоть вбивай ей куда угодно осиновые колья – не поможет. Столь же малоэффективно серебро. Единственная защита от вампириши – это осторожность и молитва.

В Новый Свет бруксу завезли на кораблях – ее уже заметили во многих странах Латинской Америки. Там, где в ходу испанский язык, ее называют bruja (бруха). Особенно часто она встречается в Бразилии, где известна также под названием jagаса (жаракака).

В

Вампир

Это славянский упырь, упир (источник окончания – пир, – пыр – тот же, что и у нетопыря). Вампир – это мертвяк, который даже после смерти живет своей мертвяцкой жизнью, часто летает под видом нетопыря (летучей мыши) и шкодит живущим как только может, порой даже высасывает из них кровь.

По народным представлениям, упырь – умерший человек, тело которого после смерти оживляет дьявол. Характерные свойства, присущие упырю: свежесть и живой цвет кожи на лице трупа, сохранность и гибкость тела и текучесть крови. В могиле у упыря всегда открыты глаза, а ногти и волосы постоянно отрастают. Выходит он из могилы исключительно по ночам, чаще всего в полнолуние, нападает на людей и, укусив зубами в шею, высасывает кровь, тем самым умерщвляя. («Всеобщая Энциклопедия С. Оргельбранда с Иллюстрациями и Картами», том XV от буквы U до Yvon. Издательство Акционерного Общества Отливки Литер и Типографии С. Оргельбранда и Сыновей, Варшава, 1903).

Поэт же сказал:

Стиснуты зубы, опущены веки,
Сердце не бьется, оледенело;
Здесь он еще и не здесь уж навеки!
Кто он? Он – мертвое тело.
Ведомо всем, кто у кладбища жили,
Что пробуждается в день поминальный
И восстает из кладбищенской гнили
Этот вот призрак печальный⁷⁵.

⁷⁴ А. С. Пушкин. «Вурдалак».

⁷⁵ Адам Мицкевич. «Дяды». «Призрак». Перевод Л. Мартынова.

Вампир жил среди людей так долго, что в конце концов его заметили писатели, и с их легкой руки славянское слово «*upir*», превращенное в «вампир», вошло во все языки мира. Самому знаменитому вампиру, графу Дракуле, придуманному Брэмом Стоукером, имя дал сам дьявол, поскольку прототипа Дракулы, господаря Влада Сажателя на кол⁷⁶ из-за его жестокости называли Дьяволом («*dracul*», *рум.*).

Демоничность фигуры упыря (вампира) и его дьявольское происхождение в Средние века усматривали в нарушении табу, приведенного в книге «Левит» (17:14): «Ибо жизнь всякого тела есть кровь его, она душа его; поэтому Я сказал сынам Израилевым: не ешьте крови ни из какого тела, потому что душа всякого тела есть кровь его; всякий, кто будет есть ее, истребится».

Однако совершенно ясно, что не здесь вампир зарыт! В «Левите» речь идет об очень практичных и прозаических табу – наказе тщательно выпускать кровь животных после убийства, в противном случае в палестинском климате мясо портилось невероятно быстро и это грозило отравлением. Страх перед кровопийцами, вне всякого сомнения, старше, чем Библия. О вампире по имени Эхимму, или Эхимину знали уже в Ассирии, и я подозреваю, что упыря побаивались даже в пещерах Неандерталя и Кроманьона.

Вампиром были очарованы неисчислимые сонмы писателей и художников. Среди тех, что внесли какой-то вклад в тему, следует назвать Готтфрида Августа Бюгера (автора знаменитой «Леноры», написанной в 1773 году, пожалуй, первого упыря-вампира в художественной литературе), доктора Полидори⁷⁷ (участника известных «тусовок» у Женевского озера, 1816), цитированного выше Мицкевича («Дзяды», поэма, 1832), Джозефа Томаса Шеридана Ле Фаню и его знаменитую «Камиллу» (1871), Брэма Стоукера с его «Дракулой» (1897), Фридриха Мурнау, Романа Полански, Вернера Херцога, Фрэнсиса Форда Копполу. Не надо также забывать о Беле Лугоши, Кристофере Ли, Клаусе Кински и Гэри Олдмане. Но и об Энн Райс, которая в тот момент, когда казалось, что о вампирах уже невозможно сказать ничего интересного и нового, придумала Лестата.

«Под занавес» небольшое замечание: слово «*wópiierz*» (вомпеж) в польском языке означает отнюдь не вампира, а... наволочку, набитую пером. Кто не верит, пусть проверит у Брюкнера⁷⁸.

Виверн (Wyvern)

Род дракона, в отличие от классического экземпляра имеющий только одну (заднюю) пару конечностей, а вместо передней нетопыриные крылья.

Для него характерна длинная змеиная шея и очень длинный, подвижный хвост, оканчивающийся жалом в виде сердцеобразного наконечника стрелы либо копья. Этим жалом виверн пользуется весьма ловко – ухитрится резать или колоть жертву, а при соответствующих условиях даже пронзить ее навывлет. Кроме того, жало ядовито.

Виверн часто встречается в алхимической иконографии, в которой (как большинство драконов) олицетворяет первичную, сырую, непереработанную материю, либо металл. В религиозной иконографии его можно увидеть на картинах, изображающих борьбу святых Михаила или Георгия. Можно его также найти на геральдических гербах, например, на польском гербе Лацких, гербе семейства Дрейк или Враждов из Кунвальда.

⁷⁶ Прозвище «Сажатель на кол» дано ему за то, что он был большой любитель насаживать людей на кол.

⁷⁷ Д. Г. Байрон, его личный врач Д. Полидори, Мэри Шелли с мужем Перси, «сидя» в Швейцарии, «от нечего делать» сочиняли «роман о духах и ужасах». Полидори написал слабый роман «Вампир», а вот Мэри создала «Франкенштейна».

⁷⁸ Александр Брюкнер – (1856–1939) – польский языковед и литературовед, иностранный член Петербургской АН. Основной труд: «Этимологический словарь польского языка» (1927).

В «Часе презрения», чтобы придать слову *wuvern* польское звучание, я дал чудовищу название «виверна». Это, конечно, вымысел и неологизм, но не лишенный смысла. В соответствии с некоторыми теориями, *wuvern* выводится из латинского «*viper*» (змея), название же змеи идет от ее предполагаемого живорождения (*vivipara*, хотя есть и другая этимология, см. Бестиарий). Отсюда взялась и моя виверна – опирающаяся на корень «*vivi...*» и, как и змея, – женского рода. В польских переводах фэнтези и бестиариях ролевых игр неизменно фигурирует английский «*wuvern*» (произносится – уайверн), хоть в других случаях рольплейенговых текстов переводчики не раз щеголяли стремлением название полонизировать. Может, кто-нибудь наконец решится взять на вооружение мою виверну? У меня на нее авторских прав не меньше, чем у Толкина на орка, но – обещаю – я не стану им (правом) чрезмерно размахивать.

Водники пресных вод

Сверхъестественные существа, духи и местные гении рек, речек, ручьев, источников, озер, озерков, прудов и болот. Количество их неисчислимо.

В славянских водах попадают водники, богиньки (богунки) и утопленники (топельцы, топцы, топики – название последних явно выдает их любимое занятие: топить неосторожных). В польских и чешских водах бытуют также русалки и свитезянки. Германскими аналогами водников являются *вассерманы*, *никсы* – обоих полов, ибо есть как *der Nix*, так и *die Nixe*, неки (*der Nöck*), никеле (*der Nickel*), а также (если верить Гансу Христиану Андерсену) – брекекексы.

Русский аналог водника – водяной. Этот дух вод обладает полиморфическими способностями, может воплощаться в огромного лосося либо (чаще) сома. Появлялся он и в виде старца с зелеными волосами и бородой, испачканной тиной и росянкой, с островерхим колпаком из аира на голове. Водяной может доброжелательно относиться к людям, рыбаки рассказывали, что он милостиво загонял в сети немного своей «скотинки», то есть карпов, лещей и прочих. Но если его разозлить, он может быть опасен – уничтожает неводы и верши, переворачивает лодки, разрушает дамбы, запруды и мельничные колеса. Может утопить пловца, особенно плавающего ночью, либо весной, прежде чем первая буря «огромит» воду. Утонувших девушек, в первую очередь самоубийц, водяной временно делает своими любовницами.

Прислуживают и помогают водяному водяницы, русалки, вилы, берегини и лобасты. Последние относятся к людям враждебно и очень опасны, особенно ночью. Берегини же – дружелюбны, были даже случаи, когда они спасали тонущих детей. Берегини, о чем говорит их название, живут в прибрежной растительности озер, либо в ямах, вымытых течением в береговых откосах рек.

В водах Шотландии, как в озерах (*lochs*), так и в реках, можно встретить кэльпи, а также подобных кэльпи, но значительно более опасных их уизге (*each wisge*). Их уизге разрывают неосторожных людей в клочья, которые потом можно обнаружить художественно развешенными на прибрежных камнях. Эти существа, которых называют также Демонами Бездны (*pool demons*), берут под охрану брошенные в воду драгоценности. В бесконечно воюющей Шотландии уже стало привычным в ожидании вооруженного нападения и угрозы грабежа бросать наиболее ценные предметы в озера либо речные глубины (так называемые *pools*). Такие сокровища брали на сохранение их уизге, а востребовать их мог только законный владелец. Любой другой, осмеливающийся нырнуть, исчезал. На поверхность только пузыри выбулькивались.

В более мелких, труднодоступных шотландских *lochs* проживает *urisk*. В отличие от описанных выше уриски – водник, в принципе дружелюбный людям, однако внешность у него настолько мерзкая, что в дружелюбность эту никто не верит.

На Гибридах живет луараг, милая и нежная водная русалочка, которая, однако, если ее разозлить, может оказаться опасной, особенно ее бесит, если кто-то... фальшивит при пении.

В водах Валлии, особенно в озерах Сноудонии и притоках верхнего течения Северна, можно встретить гвругет аннун (gwtragedd annwn), водных нимф, больших любительниц подшучивать над смертными, а также маленьких и легких как мыльные пузырьки асрай. Как все валлийские эльфы, гвругет аннун и асрай подчиняются богу Гвинну ап Нудду.

В Англии, как и во многих странах, существуют сказания, цель которых предостеречь детей от опасных игр у колодцев и прудов. Поэтому английских детей учат, что в глубине колодца и в воде их поджидает Зеленозубая Дженни, либо существо, именуемое *red-o'-the well*.

В ирландских водах обитают многочисленные Ши, самая известная их разновидность – merrow. Королева и владычица всех ирландских рек и озер – Боанн, жена бога Дагды, богиня реки Боин, которой дала имя. В Боине под охраной богини живет Лосось Мудрости, питающийся красными орехами, падающими в реку с прибрежного орешника. Кусок такого лосося когда-то откусал герой Финнак Кумалл, благодаря чему поумнел прямо-таки до невозможности.

Волколак

Человек, который под влиянием злых чар превратился в волка (либо превращается в такового периодически, например, во время полнолуния). Будучи выражением глубоко укоренившихся фобий, существует в поверьях всех без исключения народов и всех-всех культур, достигнув апогея в конце Средневековья, когда волколачество отождествляли с колдовством, а фигура человековолка была основной темой различных «Молотов ведьм» и пр. (например, «*De lamiis et Phitonicis milieribus*» Ульриха Молитора). Все случаи нападения животных (чаще всего ошалевших от голода собак) приписывали волколакам. Сотни людей с обильной и темной растительностью на теле распрощались с жизнью в камерах пыток и на кострах, то же самое случилось с людьми (довольно многочисленными в те времена) одичавшими и недоразвитыми, шатающимися по лесам и пойманными там. Рудиментарный хвост (увеличенный копчик) означал верный смертный приговор – такое событие описывает Зофья Коссак в «Крестоносцах».

Интересно, что во времена, когда в летающих на метлах чародеек суккубов и чары уже никто – почти! – не верил, волколаки по-прежнему заставляли вставать на голове волосы дыбом, а охотники отливали серебряные пули. Фобии не угасли и по сей день, но сегодня они стали источником дохода: волколак на пару с вампиром торжественно несут штандарт *horroг'a* в книгах, в кино, вышагивая во главе колонны, конца которой не видно.

В фэнтези волколак мелькает довольно часто, но он не всегда оказывается «шварцхарактером». Жанру известны волколаки положительные и симпатичные – и в качестве первообраза таковых можно назвать бретонского Бисклаврета (Bisclavret) Марии Французской. Вполне симпатичными волколаками, правда, киношными, являются Рутгер Хауэр из «*Ladyhawke*» («Леди Соколица») и Джек Николсон из «Волка» Майка Николса, к таким же относятся Киррелгир, Серрилрян, Сирельмоба и все волколачье племя из цикла об Адепте Пирса Энтони. Забавным, милым и совершенно неопасным волколаком оказался созданный Уиллом Шеттерли «Волчонок» (wolfboy) из цикла *Borderlands*. Волчонок – это парнишка из Бордертауна, на которого обиженная эльфийка навела порчу, превратив его в человекообразного, но жутко косматого волка.

Германская «вервольф» (Werwolf, werewolf) и романская «лупгару» (loup-garou) формы слова – калька греческого ликантропа (lykanthropos – человек-волк). В польском языке первоначально (правильно в лингвистическом смысле) это слово употреблялось в форме вильколэк (wilkolek) и было переделано на теперешнюю под влиянием общеславянской тенденции, причем нынешнее окончание лак (lak) отнюдь не идет от «*laknienia krwi*» (жажды крови), а от «длака» (dlaka) – щетина, космы, шерсть, поскольку название «ликантроп» звучало как велькудлака (welkudlaka), вульколака (wulkolaka), вукодлак, вакодлак, либо варкодлак.

В русском языке прижилась форма «вурдалак» или «оборотень».

Г

Гаруда

Именуемый прекраснопёрым, гигантская птица (человекоптица?), в индусской (ведийской) мифологии летающее ездовое животное бога Вишну. Обитает на божественном Мировом Древе, которое рождает семена всех известных (и неизвестных) растений. Питается Гаруда гигантскими змеями. В «порядке мести» змеи постоянно подкрадываются к Древу, чтобы похитить у Гаруды птенцов.

Гаруда – птица не просто очень умная, но и дружелюбная, часто подставляет свою спину не только Вишну, но и героям-людям, желающим перебраться с места на место и даже с одного края света на другой. Мало того, Гаруда выкрала у богов волшебную траву, именуемую «сома» и, словно Прометей, подарила ее роду человеческому – с той поры она стала священной травой ведийских обрядов.

Аналогом (почти точной калькой) Гаруды в зороастризме является Симург (Simurgh), Царь Птиц.

Грузинский аналог Гаруды – Пашкунджи, гигантская птица Кавказа. Пашкунджи также благоволит к людям, в грузинских сказках он даже служит героям транспортным воздушным средством. Во время полета Пашкунджи надобно постоянно кормить, так что необходимо прихватить «на борт» солидный запас мяса. Если мясо кончится, прежде чем завершится полет, джигит обязан взяться за кинжал и удовлетворять голод Пашкунджи кусочками собственного тела.

Гаруду взяла в качестве названия для своих авиалиний Индонезия. Эти линии широко известны тем, что предлагают пассажирам (во всех классах) горячительные напитки даром без каких-либо ограничений, сколько кто пожелает и сколько в кого влезет. Поэтому как только самолет «Гаруды» опустится на какой-либо аэродром, по трапу тут же скатывается веселая компания пьяных в дымину бизнесменов и румяных бизнесвумен в криво застегнутых блузках.

Гном

Родственник краснолюда, часто отождествляемый с кобальдом или гоблином, небольшой уродливый неуклюжий гуманоид, живущий под землей, ищущий сокровища и накапливающий их. У Парацельса в его концепции духов четырех стихий (элементов) природы гномы (кобольды) считаются духами земли (духами воздуха у Парацельса были сильфы, воды – ундины, а огня – саламандры). Гномы Парацельса обладают способностью проходить сквозь землю и камни, словно нож сквозь масло. Слово не было (достаточно убедительно) объяснено этимологически, нельзя исключить, что это неологизм, придуманный лично Парацельсом.

У Гёте Фауст для заклинания чёрта использует Парацельсову магическую формулу:

Саламандра, пылай!
Ты, Сильфида, летай!
Ты, Ундина, клубись!
Домовой, ты трудись!
Стихии четыре
Царят в этом мире.⁷⁹

⁷⁹ Перевод Н. Холодковского.

В европейских мифологиях и демонологиях гномы (порой с трудом отличимые от краснотроудов, кобольдов и троллей) враждебны людям, ревностно относясь к своим сокровищам и хабитату⁸⁰, поэтому всеми силами мешают и портят жизнь горнякам, геологам, искателям сокровищ и прочим спелеологам. Солнечный свет для них – как и для троллей – убийственен.

В фэнтези (и ролевых играх) гномы – гуманоиды, в принципе дружелюбные людям, – представлены как специалисты по всякого рода техническим устройствам. Стоит творческой фантазии понести автора в сторону искусных и удивительных в фэнтези конструкций и машин, как речь тут же обычно заводится о «технологии гномов».

Самыми забавными гномами в фэнтези, на мой взгляд, являются гномы «нудодомы» (G'home Gnomes) из цикла «Landover» Терри Брукса. Эти гномы – неряхи, нахалы, барахольщики и воришки, поэтому каждый, кому подвалило несчастье встретиться с ними, обычно начинает тут же кричать: «А ну, гномы, домой!» – отсюда и название.

Гоблин (Goblin)

Паскудное человекообразное творение, проживающее под землей, не переносящее солнечного света, рыскающее по ночам. Этимология: немецкий *kobold*, французский *goubelin*. В Нормандии матери до сих пор пугают непослушных детей, говоря: «*le goubelin vous emprotега*» – гоблин вас заберет. Гоблины, кобольды и другие не менее отвратные подземные и враждебные людям существа порождены известными в нордической мифологии Черными Эльфами (*Svartalfar*, см. статью «Драу»).

В английской народной демонологии гоблин играет однозначно несимпатичную роль. Даже для чародеек общество гоблинов неприятно и обременительно, а для людей гоблин – просто проклятие, кара Господня. Он обожает насылать мучительные ночные кошмары, нервировать учиняемым шумом, переворачивать крынки с молоком, разбивать куриные яйца в курятниках, выдувать сажу из печи в только что прибранную избу, в самые неподходящие моменты задувать свечи. Его излюбленные «шуточки» – науськивание на людей и имущество мух, комаров, ос и шершней. О том, что он мочится в молоко, англосаксонские источники не упоминают, но не думаю, чтобы гоблин упустил подвернувшуюся оказию: увидев крынку с молоком он, вне всякого сомнения, «отольет» в нее.

Голем

По еврейской легенде – искусственный человек, прототип андроида и монстра Франкенштейна, изготовленный рабби Loew Jud Ben Bezalel из Праги (1525–1609) с той целью, чтобы он исполнял – без вознаграждения, харчей и стирки – различные работы, требующие больших усилий, но в основном ради того, чтобы защищал еврейские гетто от очень скорого на погромы населения столицы Чехии. Рецепт для изготовления искусственного человека, голема (слово это – на идиш – *goylem*, означает по-древнееврейски «бесформенный») рабби Лёв нашел в Талмуде и книгах Каббаллы. Там было также сказано, что в качестве сырья должна быть использована глина с берегов Влтавы, на лбу глиняной человекообразной куклы надлежит выцарапать надпись «Эмет», в рот ей всунуть листок с надписью «Шем», а заклинание, оживляющее голема, звучит так: «Шанти, шанти, дахат, дахат!»

Действо это окончилось на удивление удачно, вылепленный из глины болван ожил, и рабби погнал его на работу. Сверхчеловечески сильный голем таскал воду, рубил дрова, мыл полы и прибирался в синагоге, выпекал мацу и изгонял зарвавшихся антисемитов.

⁸⁰ место, район обитания.

Однако рабби Лёв свернул с пути истинного и согрешил, узурпировав права давать жизнь, кои принадлежат только Адонаи. Грехом и гордыней была также попытка защитить евреев (до пришествия Мессии евреи, в соответствии с волей Всевышнего, должны были страдать). Ну и рабби Лёва постигла неизбежная кара: голем неожиданно взбунтовался против создателя и двинулся на город, сея смерть и круша все подряд, дубася своими глиняными кулаками всякого, кто подвернется под руку, независимо от того, еврей это или гой, то есть неверный. Рабби чудом удалось подобраться к взбесившемуся чудовищу и сцарапать у того из надписи на лбу одну букву, вследствие чего «Эмет» (истина) превратилась в «Мет» (смерть). Ну и голем стал тем, чем был, – бесформенным глиняным идолом. Однако рабби Лёв не уничтожил его, а спрятал в тайном склепе под Староновой синагогой в Старом Пражском Граде, где голем спит до сих пор. Но стоит кому-либо произнести заклинание – и голем снова оживет.

Хитрецов, которые, возможно, заметили, что выше я сообщил текст заклинания, я разочарую: произнося магическую формулу, надобно обеими руками держаться за пейсы, проделывая при этом прыжки и пируэты, а вот какие и в какую сторону – не скажу.

Гремлин (Gremlin)

От *англ.* – злой гном (вот он, хохлик-то, и пригодился!), приносящий неудачу летчику. Зловредный карлик, распропагандированный – кстати, с совершенно фальшивой внешностью – серией голливудских фильмов. У истинного гремлина нет ничего общего с лопухим киноуродцем, обожающим мультфильмы Диснея, реагирующим с водой и растворяющимся в солнечных лучах. Настоящий гремлин – это «хохлик», самое любимое занятие которого – выводить из строя различные устройства и приборы, как механические, так и электронные. Существо, хоть и бытующее со времен сотворения мира, разоблачено чертовски поздно, а именно в 1940 году, в Castlbromwich, филиале Supermarine, концерна Veckers-Armstrong во время постройки самолетов-истребителей типа Spitfire Mk II. Проявившиеся в то время многочисленные аварии и дефекты изготовления невозможно было приписать ничему иному, как только магии и колдовским проискам какого-то зловредного духа. Этот дух назвали (неизвестно почему – тут не срабатывает никакая этимология) гремлином, а такую ситуацию, когда что-то отказывало, хоть отказать и не должно было, то есть должно было действовать, а не действовало, окрестили именем «Гремлин-эффект», сокращенно ГЭ (GE). Поскольку речь шла об истребителях «Спитфайр», которым предстояло сыграть решающую роль в битве за Англию, то не обошлось и без таких «знатоков», которые даже подозревали гремлинов в пронацистских симпатиях либо принадлежности к ирландской национальности, но все это здорово пахло шовинизмом. Меж тем у гремлинов с шовинизмом не было ничего общего – порчей устройств они занимались не из каких-то идеологических побуждений, а просто потому, что обожали портить и занимались этим с незапамятных времен. Некоторые полагают, что темп технического прогресса притормозился потому, что гремлины свели на нет труды таких гениев изобретательства, как Архимед, Леонардо да Винчи, Парацельс, Ньютон, Франклин, Эдисон... Фууу... Перечислять можно без конца.

Поскольку, однако, гремлин дебютировал в авиапромышленности, постольку маленького проказника «приписали» к самолетам и даже пытались свалить на него вину за катастрофы. В историю кинематографии войдет гремлин из фильма «Сумеречная зона» (Twilight Zone) – паршивца, которого видит Джон Литгоу (John Litghow), когда тот портит крыло и двигатель пассажирского самолета. Ну, в том, что гремлины портили самолеты, сомневаться нельзя, но ясно и другое – они наверняка не ограничивают своих интересов одними только летающими объектами. Нет – они портят все!

Послевоенные годы – одна непрекращающаяся битва техников с гремлинами. Битва эта, следует признать честно и откровенно, проиграна техниками по всей линии: сейчас не найти

ни одного устройства, которое действовало бы безотказно, в процессе изготовления каждое оказывается подпорченным гремлинами, и если даже что-то изготовить все же удастся, то гремлин постарается приложить все усилия к тому, чтобы в эксплуатации оно отказало. Рай для гремлинов – домашнее хозяйство. Именно гремлины и никто другой повинны в том, что бутерброд всегда падает маслом вниз, рыба пригорает к непригораемому тефлоновому покрытию сковороды, а яйцо, которое варишь с хронометром в руке, оказывается либо сырым, либо сваренным вкрутую. Именно из-за ГЭ по экрану телевизора сыплется «снег», или же он превращается в *puzzle* как раз в тот момент, когда мы записываем на видео нужный фильм. Из-за гремлины (проблема, опасная скорее только для дам) вибратор искрит и заедает. У мужчин гремлин выводит из строя стартеры, забивает выхлопные трубы, крадет один носок и поддевает колпачки бутылок, выпуская газ и превращая пиво в отвратительную бурду.

Разумеется, неограниченным полигоном потех для гремлинов является «Кремневая, она же Силиконовая Долина». Ничуть не преувеличено утверждение, что нет такого компьютера, в котором не сидел бы гремлин. Считается, что на каждые сто мегабайт приходится как минимум два таких паршивца. После инсталляции количество гремлинов в компьютере резко возрастает.

Гуль (Ghul)

В мусульманской демонологии жуткое существо с мерзкой внешностью и запахом, гробокопатель и пожиратель разлагающихся останков, не гнушающийся, однако, и какой-либо свежатины, например, странников из каравана, забредшего в посещаемые гулями местности. Излюбленными районами проживания гулей – а значит, и особо опасными – считаются некрополи и кладбища, руины, подземелья и лабиринты, а также колодцы и оазисы в пустынях. Есть у гуля и женская разновидность – гуля. Эта (гласит одна из сказок «Тысячи и одной ночи») для того, чтобы без излишних хлопот приканчивать неосторожных, способна принимать внешность прелестной девицы.

Этимология: арабское «ghala» (хватать, ловить). Вопреки «подсказкам» многочисленных авторов английских фэнтези слово «ghastly» (призрачный) берет начало не от гуля (ghul'a), а от германского слова «ghost».

Д

Даоин ши (Daoine Sidhe)

«Дети богини Дану», ирландские сиды, потомки Туата да Даннан (Tuatha De Danann) и ши (Sidhe). Название означает «народ холмов», ибо даоин ши проживают внутри гор, холмов, возвышенностей и курганов. Народная традиция утверждает, что всеми эльфами Коннахта (Connaught) владеет король Финбир (Finbhear), в Мунстере же царствует королева Клиодна (Cliodna).

Даоин ши называются также эс сидхе (Aes Sidhe), или просто ши (Sidhe). Поскольку в народной традиции они проделали (как эльфы и все другие сверхъестественные создания этой группы) дальний путь от богов до домовых («хохликов»!), то их также часто называют даоин бига (Daoine Beaga) – «малым народцем». Они невероятно скрытны, а к людям относятся принципиально враждебно, хоть и не без исключений. В Ирландии их обычно обвиняют в похищении детей и замене новорожденных подменшами, а также в том, что они приводят в негодность масло (оно прогоркает) и портят вкус пива «Гиннес».

Джинн

Восточный демон, сверхъестественное существо, по мусульманской демонологии берущее начало от Люцифера (Иблиса), но само (в отличие от шайтана) – смертное. Существовали джинны мужского (джинны) и женского (джиннии) пола, причем есть несколько их разновидностей: ифриты (или африты), марида, ауны и джанны. Как правило, все они относились к людям неприязненно и вредили чем и как только могли, а силой обладали воистину огромной – например, без труда трансформировали свое тело и телепортировались на сколь угодно далекие расстояния. Случалось джиннам похищать девушек – чаще всего сразу же после свадьбы (но, как правило, еще до брачной ночи). Однако если человеку посчастливилось завладеть магическим кольцом или старой латунной лампой и ему вдруг пришло в голову эти предметы потерять, то тут же являлся джинн, выполнял его пожелания и верно ему служил.

Поэт сказал:

Порт сонный,
Ночной,
Плененный
Стеной;
Безмолвно
Спят волны
И полный покой.
О Боже! Глас гроба!
То джинны! –
Адский вой.⁸¹

Легендарные цари Дауд (Давид) и Сулейман (Соломон) заточили в медные сосуды множество джиннов, а сосуды закинули в морские глубины. Случалось, что такой сосуд попадал в сети бедного рыбака, рыбак снимал царскую печать и освобождал джинна. Разъяренный долгой отсидкой джинн, как правило, вместо того чтобы исполнять желания, намеревался убить рыбака, но если рыбаку хватало прыти и ума джинна перехитрить, то пожизненное благосостояние ему было обеспечено.

Кроме «Повести о рыбаке и джинне», из которой взята вышеприведенная историйка, джинны, ифриты, ауны и марида действуют в «Книге тысячи и одной ночи», в частности, в «Рассказе про Ала-ад-Дина и волшебный светильник», «Рассказе о носильщике и девушке», «Рассказе о Джафаре Бармениде», «Повести о медном городе» и «Рассказе о Маруфе-башмачнике».

Этимология: арабское *jinni*, от него латинское *genius* (дух-покровитель, дух города, отсюда наш «гений»). В английском *djinni*, *jinni* и *genie* синонимичны, хотя некоторые словари выделяют *genie* и склонны переводить последнее не как «джинн», а как «дух лампы».

Сам черт не разберет.

Дикий гон, Дикая Охота

Мчащаяся по небу демоническая кавалькада призраков. Упыри из Дикого Гона могут силой похищать людей, но способны заставить присоединиться к ним и с помощью гипнотического внушения. Прототипом считается знакомый по нордической и германской мифологиям мчащийся по небу сонм валькирий, служительниц Одина, подбирающих с полей битвы павших

⁸¹ Виктор Гюго. «Джинны». Перевод Георгия Шенгели.

героев, чтобы забрать их в Валгаллу. Северное Сияние – не что иное, как отблески оружия и доспехов валькирий.

Кавалькада валькирий в более поздней германской мифологии приобрела демонический характер, став Диким Гоном (Wilde Jagd) богини Хельды или Хульдры, супруги Вотана. Диким Гоном является также кавалькада бога Гвинна ап Нудда из кимврийской мифологии, как и кавалькада Охотника Хьорна.

Дикий Гон мчится в основном во время так называемых суровых ночей (Rauhachte), то есть в период от сочельника Рождества до Трех Волхвов.

Доппельгангер (Doppelgänger)

Таинственное, обладающее свойствами полиморфизма существо, способное абсолютно точно скопировать человека и заменить его, лишив воли либо убив оригинал. Встречается во множестве мифологий и, конечно, представляет собой персонификацию сильных и самых первичных фобий: опасности потерять собственное Я и боязни врага, способного под видом близкого человека обойти стражу и нанести предательский удар.

Доппельгангер – не аналог подменыша, то есть он не ребенок эльфов либо кобольдов, подброшенный вместо похищенного человеческого младенца. Доппельгангер копирует не детей, а только взрослых людей. И если подкидыша-подменыша распознать довольно просто, то доппельгангера невероятно сложно.

В фэнтези достаточно часто используют доппельгангеров. У Патриции Маккиллип в цикле «Мастер Загадок» действует целая раса полиморфов, задумавших овладеть миром путем замещения «дубликатами» ключевых должностей, предварительно убивая «оригиналы». Идентично поступают метаморфы в «Замке лорда Валентина» («Lord Valentine's Castle») Роберта Силверберга.

Родственен мифу «doppelgänger'a» в смысле мифических корней – мотив «пересадки», а именно: имеются существа (демоны, чародеи, ведьмы), способные «пересесть» в человека, овладев его телом и душой (психикой).

Нет такой мифологии, которая не пользовалась бы понятием «демонической одержимости», и нет культуры, в которой отсутствовали бы одержимые и экзорцисты. Тема, разумеется, весьма благодатная для авторов horror'a, во главе которых стоит Уильям Блэтти со своим знаменитым «Экзорцистом». Хотя с научной точки зрения такие «пересадки» нон-сенс, тем не менее их не гнушается и научная фантастика. Здесь следует привести классическую «Историю покойного мистера Элвершема» Герберта Уэллса, представляющую собой иллюстрацию извечных человеческих страхов: некий старик «пересаживается» в тело юноши, оставив душу последнего в своей больной и близкой к смерти телесной оболочке. Столь же классичны «Пассажиры» («Passagers») – награжденный Небьюлой рассказ Роберта Силверберга о странных Чужаках, которые время от времени «пересаживаются» в тела людей в основном для того, чтобы удариться в загул и заниматься развратом. Поиграл в «пересаживание» и «обмен душами» также Станислав Лем, который изобрел, цитирую: «карманный портативный двусторонний обменник индивидуальности, разумеется, с обратной связью» – аппарат, похожий на коровьи рога.

«Господина начальника! Ваша благородия полицейская! Моя хватать, что я Клапауций, но нет, моя не знать никакая Клапауций! Но может быть, это такая нехорошая, она боднуть-пихнуть моя рогами на улице, и моя-твоя чудо быть, наша-ваша, и моя терять телесность и теперь душевность от моя, а телесность быть от не моя, моя не знать как, но та рога убегать быстро-быстро! Ваша великая полицейскость! Спасите!»⁸²

⁸² «Кибериада». «Семь путешествий Труря и Клапауция: Путешествие пятое, или О шалостях короля Балериона». Перевод А. Громовой.

В horror'e классикой стал замораживающий кровь в жилах рассказ «The Thing on the Doorstep» Г. Ф. Лавкрафта, повествование о чародее из проклятого Богом города Иннсмут (Innsmouth), который, дабы гарантировать себе «вечную жизнь», «пересаживается» в собственную дочь. Поскольку чахлое тело и убогий женский ум (ха-ха!) ограничивают его, чародей выходит замуж, чтобы незаметно завладеть телом и психикой супруга. Однако муж вовремя раскрывает сатанинские замыслы «жены», убивает ее, тело прячет в подвале, а всем втолковывает, что-де лучшая половина бросила его и уехала куда-то в неведомую даль. Но страшной силы магия действует даже из могилы – чародей «перебирается» в тело несчастного «мужа», его же самого «пересаживает» в себя, то есть в уже порядком подгнивший, провонявший и разлагающийся труп...

Приятного аппетита.

Дракон

Герой столько сказок, басен, мифов и преданий, что на детальное его описание и длины просто жаль тратить место. Поэтому ограничимся лишь самым существенным и менее всего известным.

Почти во всех современных языках, выросших из индоевропейского ствола, «дракон» этимологически выводится из греческого слова «drakon», означающего «остроглазый». От него идут dragon, dragone, drache, drage, drake. То же можно сказать и о славянах, у которых есть дракон, драк, дракула, драган. И только поляки совершенно вырвались из общего строя: у нас есть свое собственное и неповторимое слово «смок» (smok), которое, если верить Брюкнеру, берет начало от индоиранского слова, обозначающего заглатывание, глотание (отсюда также «чмокнуть»).

Интересно, что если сопоставить древние мифы и легенды о драконах с сохранившейся иконографией, отражающей эти мифы, то перед нами всегда оказывается змея, а не крылатый ящер, то есть гибрид крокодила с нетопырем. В древности змея – опасная и смертоносная – тем не менее почиталась. Нордические и германские народы дракона обозначали словом Вурм (Wurm, Wyrm, Orm), то есть – змей. Змеем (Orm) был дракон Фафнир, убитый Сигурдом (Зигфридом), – прототип дракона, ревностно стерегущего сокровище. Змеей была и Целебра, то есть Колубрина⁸³. Наконец, змеем, а не ящером (как гласит Библия Тысячелетия⁸⁴) является почитаемый вавилонянами апокрифический дракон бога Бела, которого (дракона!) пророк Даниил отравил пирожками, начиненными смолой, салом и шерстью. Змеем был убитый Аполлоном дельфийский Пифон. Да змеем же был и Апоп, побежденный первым драконоборцем – богом Ра.

Лишь в Средневековье дракон стал олицетворением сатаны, и как таковой должен был ужасать, а посему и изображать его следовало страшным. Поэтому в образе дракона собрали все самое худшее, что вызывает страх и отвращение: змеиные чешуи, ящериное и одновременно фаллическое тело ящерицы (ящериц и саламандр панически боялись), раздвоенный змеиный язык и ядовитую слюну, змеиный хвост, зубатую и ко всему этому в придачу извергающую огонь (конечно, адский) пасть, крылья нетопыря (которого тоже боялись). Короче говоря – сплошное зло, сплошная мерзость, сплошной ужас. Идентичную операцию впоследствии произвел Х. Р. Гайгер (H. R. Giger): создавая образ «Чужого», он собрал воедино все человеческие фобии.

Сатанинского дракона могли победить только архангелы (Михаил) и святые (Георгий, Марфа или Роман). Были, конечно, и драконоубийцы-плебеи, отравители, пользовавшиеся

⁸³ По испанской легенде – некая очень уж самовлюбленная и спесивая девица из Астурии, превращенная волшебницей за огромное самомнение в отвратительную змею-дракониху.

⁸⁴ Новый, научно обоснованный перевод Библии, опубликованный в Польше.

методой, запатентованной вышеупомянутым пророком Даниилом, то есть скармливающие драконам приманки, начиненные невероятной дрянью.

В фэнтези драконов неисчислимое множество, но хорошо и интересно описанных не так-то уж много. Ниже я привожу их перечень, являющийся одновременно драконьим канонем литературы фэнтези, без знания которого ни один уважающий себя любитель этого рода зверюг обойтись не может.

Анкалагон Черный (Дж. Р. Р. Толкин «Сильмариллион»).

Кристофилакс Дайвс, дракон с Диких Вздохов (Рыжий Джил и его собака).

Элинсинос, древнейшая дракониха – Элизабет Гайдон, трилогия *Rhapsody*.

Фаламизар, дракон-марксист, борец за дело пролетариата (Алан Дин Фостер, «Чародей с гитарой»).

Фалькор, Дракон Счастья (Майкл Эндрю, «Бесконечная история»).

Гаурунг, Отец Драконов (Толкин, «Сильмариллион»).

Горбах, дракон, в которого превращается Джим Экерт (Гордон Р. Диксон, «Дракон и Джордж»).

Гриауль (Люциус Шепард, «Человек, который покрасил дракона Гриауля»).

Гильд Зеленокрылый, один из заглавных животных из Эльда (Патриция А. Маккиллип, «Забытые животные Эльда»).

Джаббервок (Роджер Желязны, «Знак Хаоса»; оригинальный же – в классике, в «Алисе в Стране Чудес» Кэрролла).

Калессин Старший – Урсула Ле Гуин («Самый далекий берег» и «Техану»).

Мистер Майланд Лонг. Черный Дракон (Р. А. Мак-Авой, «Чай с Черным Драконом»).

Моркелеб Черный (Барбара Хэмбли, «Драконья гибель» и продолжения – «Тень дракона» и «Рыцарь Демона Королевы»).

Огненный Шпон, вождь драконов Мельнибона (Майкл Муркок, «Вестник бури»).

Шанзи, дракон без сокровищ (Джон Морресси, «Кедригерн в Стране Кошмаров»).

Смог Золотой, дракон с Одинокой Горы (Толкин, «Хоббит»).

Драконт – безымянный философ (Джон Гарднер, «Грендел»).

Дракон из Распадка (Пирс Энтони, «Ксанф»).

Страбон, дракон Иноземья (Терри Брукс, «Волшебное королевство»).

Йев, дракон с Острова Пендор (Урсула Ле Гуин, «Чародей с Архипелага»).

Драу (Drow)

Черный, или Злой, альв.

Сообщая об альвах (Alfar), то есть эльфах, «*Snorra Edda*» (младшая Эдда), поучает, что кроме *Liosalfar*, альвов светозарных, духов света, обитающих в Альфгейме (*Alfheim*), существуют еще *Döckalfar* или *Svartalfar*, альвы темные, либо черные, обитающие под землей и враждебные людям. *Liosalfar*, говорит Эдда, ярче солнца, *Döckalfar* же чернее смолы.

Эти злые черные альвы явно дали германским народам повод для заполнения мифологии и демонологии самыми различнейшими зловерными и вредоносными созданиями тьмы, обитающими под землей, ненавидящими свет и род человеческий – отсюда пошли кобольды, гоблины, тролли и им подобные переделки последующей антитезы светозарных ангелов в высотах и черных дьяволов в подземном аду.

Мифологии, в которых альвы или ши играли значащую роль, с незапамятных времен делили их на злых, доброжелательных и враждебных, на круг Сили и круг Ансильи. Злую и хаотичную разновидность обычного эльфа в виде когерентной фигуры Злого альва создали лишь ролевые игры (RPG). По крайней мере так считалось до недавнего времени.

В бестиариях системы RPG наличествует мрачный (или черный) альв, носящий имя drow (драу) – чернокожий и беловолосый, обитающий в подземных сообществах и отличающийся хаотическим поведением. Некогда черные альвы были обычными эльфами, но в конфликте Сил выбрали Хаос и Зло, демонстрируя – делает реверанс Толкин – меньший норв, нежели Галадриэль – Победенные драу ушли – буквально – в «подполье» – то бишь в подземелье, солнечного света не переносят, а светлюбивых существ ненавидят и пакостят им при каждой возможности.

Как сказано выше, фирмы, изготавливающие RPG, объявили драу своим изобретением – к тому же сделали это настолько серьезно, что даже запатентовали его. И тут же не замедлили прозвучать голоса, утверждающие, что для этого нет никаких оснований, драу – существо мифологическое, бытующее в народных демонологиях, так что патентовать его – все равно что требовать авторские права на гоблина, кобольда или тролля. Термином драу (drow) английские словари (те, что пополюе) называют подземное существо из шотландской демонологии, а trow или drow – подобное брауни существо с Шетландских островов.

Темные эльфы появились уже в «Сильмариллионе» Толкина (но там шла речь совсем не о подземных чудовищах чернее смолы). Недобрые (и буквально названные) svartalfar появляются на страницах «Фионаварского гобелена» Г. Г. Кэя, однако, вопреки названию, кожа у них зеленого цвета. Что же касается подробностей, то это область так называемых gaming related, особенно книг, действие которых разыгрывается в мире «Forgotten Realms». Одна из них авторства Элейны Каннингем даже называется «Daughter of the Drow».

Дыбук (Dybuk)

В древнееврейской мифологии злой дух, либо душа умершего, призрак, демон, пленивший человека и владеющий им чаще всего в мерзких и зловредных целях. Наиболее известен дыбук из так называемой «Легенды о еврейских Ромео и Джульетте».

Польский еврей Ханан, благочестивый ученик ешивы, талмудистской школы, еще в детстве был обручен с Леей, дочерью богатого купца ребе Сендера из Брыконицы. Когда дети выросли, их связала горячая любовь. Но когда Ханан после смерти отца обнищал, отец Леи пренебрег договоренностью и выдал девушку за другого, более богатого еврея. Ханан, ослабленный молитвой, постом и ритуальными купаниями в мыкве, от отчаяния и горя умер, а его душа, превратившаяся в дыбука, завладела Леей. Призванный на помощь мудрый цадик из Мирополя, Азриель, экзорцизмами и трубением в шофар изгнал дыбука из тела Леи, но душу девушки спасти не смог. Ибо утверждается, что Лея поставила любящего ее демона выше навязанного отцом супружества с мужчиной, к которому ничего не чувствовала.

Е

Единорог (Unicornus)

Классическое мифологическое существо, сделавшее в сказках и литературе поистине головокружительную карьеру. К своей теперешней внешности единорог пришел, эволюционировав от классического изображения в бестиариях, в которых имел вид уродливого создания с телом лошади, ногами антилопы, хвостом льва и бородатой головой козла, увенчанной штопорообразным, как у нарвала, рогом. Поскольку в современной литературе единорог стал символом поэтической сказочности и персонификацией эфирного феерического обаяния, постольку его лишили всех признаков уродливого гибрида и оставили изящного коня с бархатными глазами женщины, волнистой гривой и шелковистым хвостом. Коня, изящную головку которого украшает (не вооружает!) небольшой филигранный рог. Единорог – воплощенная

красота; в сказке и легенде при взгляде на него облагораживается душа, смягчаются нравы, тают сердца жестоких людей и вдохновляются поэты. Увидеть единорога – значит оказаться лицом к лицу с магией, он – символ вдохновения, возможности увидеть то, что скрыто от глаз глупцов, филистеров, простаков и профанов.

«В одно прекрасное утро некий завтракавший в этот момент господин оторвал взгляд от яичницы и увидел золотого единорога, объедавшего розы на садовой клумбе. Господин встал, поспешил в спальню, где почивала его супруга, и разбудил ее. «У нас в саду единорог, – сказал он, – ест розы». Жена приоткрыла один глаз и равнодушно взглянула на мужа. «Единорог – животное мифологическое», – сказала она и повернулась к господину спиной»⁸⁵.

Единорог известен с незапамятных времен. Священное Писание упоминает о единорогах во многих местах, но в польских переводах искать их – занятие пустое. Там, где, например, псалом 22:22 (*лат.*) говорит: «...salva me ex ore leonis et cornibus unicornium exaudi me», в польских переводах читаем: «...избавь меня от пасти льва и от рогов... буйволиных»⁸⁶.

Единорогам свойственно одно общее качество – необъяснимое тяготение к девушкам, еще не познавшим мужчины. Невероятно пугливый и избегающий людей единорог не может устоять против девушки с ненарушенной девственной плевой – стоит ему такую узреть, как он тут же подходит и кладет голову ей на подол. Из этого мифического свойства также создали возвышенный символ, в то время как бестиарии рекомендуют лишь способ охоты на единорога с девицей в качестве ловчей либо приманки.

Ведь на единорогов охотились, причем охотились упорно, в основном из-за их рога, обладающего чудесными свойствами. Такой рог обнаруживал яды и создавал у обладателя иммунитет против всех отрав, а также служил материалом для изготовления прямо-таки чудодейственных медикаментов и эликсиров. Рогом единорога в «Парцифале» Вольфрама фон Эшенбаха пытаются лечить Короля-Рыбака, но безрезультатно, поскольку тут помочь может только Грааль.

Кроме рога, единорог поставлял и другие раритеты. В частности, волшебный рубин, именуемый карбункулом, который обнаруживали в черепе некоторых (много проживших на свете и мудрых) животных у основания рога. Альберт Великий считал карбункул кристаллизовавшейся кровью единорога и универсальным ремедиумом абсолютно от всех недугов – начиная с Черной смерти и кончая хандрой и тяжким похмельем. Растертая с яичными желтками единорожья печень лечила проказу, изготовленный из его кожи пояс охранял от заразы, а башмаки – от болезни суставов, копыта же служили детектором ядов.

Хильдегарда, именуемая Рейнской Сивиллой, также упоминает о карбункуле, находящемся у основания рога единорога. Сверх того она предостерегает потенциальных охотниц на единорогов, утверждая, что животное никогда не дает себя обмануть, – девушку, которая лишь прикидывается девственницей, он безжалостно забодает до смерти. Источник огромной силы животного таится в том, что раз в году единорог навещает Райские Кущи, где пьет Воду Жизни.

Бесчисленные рецепты утилизации единорогов дали основание литературному канону, в соответствии с которым единорог служит для конфронтации *sacrum* и *profanum*⁸⁷, противопоставления феерического идеала и грязного вожделения, для, наконец, превращения единорога в экологический символ Природы, безжалостно уничтожаемой в процессе использования. Именно так единорогов обычно рисует фэнтези.

⁸⁵ James Thurber. «The Unicorn in the Garden».

⁸⁶ В русском каноническом тексте сказано: «Спаси меня от пасти льва и от рогов единорогов» (псалом 21;22).

⁸⁷ таинства и кощунства (*лат.*).

3

Зверь рыкающий (Wuesting Beast)

Чудовище, упоминаемое в легенде о короле Артуре в версии Томаса Мэлори (*Le Morte d'Arthur*). Зверь действительно отвратительный: морда змеиная, тело – леопарда, круп – льва, а голени – оленя. Когда существо двигалось, из брюха у него вырывались такие звуки, словно подняли лай дважды тридцать собак, настигающих зверя. Отсюда и название: по-английски «wuesting» означает «лай псов на охоте».

За Зверем Рыкающим гонялась масса рыцарей Круглого Стола, многие приносили рыцарский обет поймать или убить бестию. Почему и зачем – неизвестно. В «Смерти Артура», вопреки священным законам конструирования фабулы, Мэлори отнюдь не делает из бестии отрицательного персонажа, ни одним словом не обвиняет ее ни в чем таком, что обосновало бы рыцарское ожесточение и упорство. Ведь зверь ограничивается тем, что просто бродит по лесам и орет голосом шестидесяти дворняг.

И ничего больше. Ни девицы не похитит, ни села не разрушит, ни сожрет никого, да что там – даже в колодец не нагадит. Ничего. Ходит себе и лает. Так что совсем непонятно, чего ради Артур и его рыцари так взъелись на чудовище и гоняются за ним, словно маньяки.

Объяснений вроде бы может быть два: либо печатник Уильям Кэкстон потерял какие-то поясняющие дело страницы рукописи Мэлори, либо сам Мэлори умышленно таких пояснений не дал, ибо хотел посмеяться над рыцарством и рыцарскими «обетами», погонями за непонятными, бессмысленными идеалами.

Некоторые исследователи Артуровской легенды считают, что Зверь Рыкающий – ни больше ни меньше, как... лох-несское чудовище. При этом они исходят из того, что первые упоминания о шотландском диве датированы тем же периодом, что и упоминания об Артуре. Лох-несское чудовище видел, например, и изгонял его святой Колумб Ионийский (VI век).

Змей горыныч

В русском фольклоре трехглавый дракон, людоед, похититель девушек, враг и, разумеется, противник положительных героев. Грозный он противник и страшное чудовище, стоит только ему приблизиться, как тут же наступает тьма, поднимается ветер, а мать-земля страдальчески стонет.

Как и классический дракон, Змей Горыныч – страж. Он стережет границы колдовского «тридесятого царства за тридевятими горами». Это царство – древняя символика «того света», страны мертвых, в которую в транс отправляются шаманы. В названное тридесятое царство можно попасть через Калинов Мост, перекинутый над широкой, иногда огненной рекой. Но как раз этот-то мост и стережет Змей Горыныч, никого не пропустит – ни птицу, ни зверя, ни пешего, ни конного, всех пожирает.

В других версиях Змей – опять-таки аналогично классическому дракону – стережет не границу, а саму сердцевину этой волшебной страны, «держит вахту» при том, что в «тридесятом царстве» самое ценное – сокровища, золотые яблоки, живая вода, а то и красавица-царевна, местная или же похищенная. Герой – Иван Царевич либо Иван-дурак – должен победить Горыныча в бою, отрубить ему все три головы, а тело сжечь. И быстренько ретироваться, потому что у Змея обычно имеются очень даже мстительные родственники.

Имя «Горыныч» связано не с «горем» (несчастьем), а с «горами», так как вначале он был не дракон, а дух гор. Название же «змей» выражает связь трехглавого гада с землей – на том же

самом принципе польское название «wąż» (читается «вонж» – змея) намекает на связь с водой. Кстати: слово «гад» означает паскудное, отвратительное существо (в русском языке до сих пор существует определение «гадкий»).

Зомби (Zombie)

Хунганы, могущественные жрецы исповедуемой на Гаити и Антильских островах религии вуду (voodoo) и маги вуду, именуемые забопами, обрели гигантскую магическую силу, благодаря которой способны воскрешать мертвых. Однако и хунганы, и забопы силой этой пользуются исключительно в злых целях. А именно – убивают людей, в основном своих личных врагов, а также тех, за убийство которых им заплатили, ну и кроме того – скептиков, не верящих в их могущество и насмехающихся над ним. Для этого используется таинственная трава – обычно в виде порошка, который хунган либо забоп выдувает жертве в рот. Жертва умирает, любой врач и консилиум ничтоже сумняшеся устанавливает естественную смерть. Однако смерть эта не только не естественная, но и мнимая – жертва все время пребывает в сознании и знает, что происходит даже во время похорон. Агония закапываемой жертвы страшна, а колдун вуду потирает руки от удовольствия: ведь это часть его жуткой мести.

Спустя несколько дней после похорон жертва просыпается в гробу и вылезает из могилы, однако только для того, чтобы колдун мог превратить ее в слугу, лишенного воли, послушного как автомат и готового исполнять любое задание своего господина и повелителя, а задания, как правило, бывают зловещими и чудовищными. Возвращенный к жизни труп называется зомби. Ничто – кроме смерти мага – не может удержать зомби от исполнения приказа, отданного мэтром. Однако когда тот расстается с жизнью, зомби окончательно и бесповоротно превращается в труп.

Слово «зомби» благодаря книго- и кинострашилкам сделало международную карьеру, нет языка, в котором оно не было бы понятно или даже эпонимно – в английском, если взять первый попавшийся под руку пример, словом «zombielike» определяют человека, который, будучи, например, болен, пьян или напичкан наркотиками, двигается как автомат, одеревенело, неуверенно и слепо, совсем как герой известного видеоклипа Майкла Джексона. Этимология протягивается через Гаити в Западную Африку, к культу бога Питона. В Конго «зумби» называют амулет либо фетиш, оберегающий от злых чар.

Есть основания предполагать, что в состав ядовитого «порошка зомби» входит в основном экстракт и дегидрат смертоносного тетродотоксина, добываемого из рыб рода Tetraodonidae, особенно же из знаменитой – и пользующейся дурной славой – рыбы фугу, которую в Японии подают только в самых лучших ресторанах, имеющих соответствующую лицензию. Готовить фугу разрешается лишь повару с дипломом элитной «школы фугу», и все же потребление этой рыбы вызывает смерть нескольких человек ежегодно. Страшнее всего то, что смерть – медленная и мучительная – не освобождает клиента от необходимости уплатить по ресторанному счету, а счет бывает немалый.

Утверждают также, что с тетродотоксином многие годы экспериментирует американская армия и что на «поле зомби» уже есть не только многочисленные жертвы, но и значительные успехи. Эксперименты проводятся в Форт-Макклеллан в Алабаме. Это между Атлантой и Бирмингемом, рядом с шоссе № 20. Но я не стал бы сворачивать с шоссе, да и вам не советую.

И

Инкубы и суккубы (Incubus и Succubus)

Дьяволы и дьяволицы, демоны, скрывающиеся под личиной прекрасных юношей и девушек, вводящие в искушение людей и поддерживающие с ними плотские отношения.

Мотив богов, божков, чудовищ, демонов (или демонических явлений), подбирающихся к смертным женщинам, мы найдем в любой без исключения мифологии мира. Плодами таких связей обычно оказываются знаменитые герои и титаны (Геракл, Персей, Палемон, Кухулин, Вайнемейнен), могущественные маги (Мерлин), либо иные избранники судьбы (прекрасная Елена), и в большинстве культур никто (кроме ревнивых мужей) не имеет к богам претензий за их земные интрижки. Впрочем, не отстают от богов и богини, которым тоже случается пофлиртовать со смертными, порой даже, так сказать, с положительным результатом (Гильгамеш, Ахиллес, Эней), и их тоже никто за это не осуждает. Более поздние культуры отделили богов от преходящей юдоли – и хотя мотив «сына божьего» продержался, все же идея осуществления сексуального контакта Бога (уже только мужского пола) со смертной женщиной стала немыслимой. Вместе с растущими сексуальными фобиями, яростной мизогинией и остервенелым антифеминизмом клира «потусторонний» эротизм сделался прерогативой сатаны, инструментом введения во грех, а исполнительницей сатанинских планов сочли демониц суккубов (*succubare* – лежать под кем-либо) и демонов инкубов (*incubare* – лежать на ком-то, либо «вылупляться»). И тому, и другому названиям, как утверждают, мы обязаны Фоме Аквинскому.

Вначале демоны являлись и совращали во сне, и это явно указывало на то, что жертвы были невольными и безвинными, в конце концов, кто может противиться ночному кошмару! Но так продолжалось недолго.

В булле «*Summis desiderantes affectibus*» (1484) папа Иннокентий VIII выражает беспокойство: «Дошло, – говорит он, – до ушей наших и великой нас печалью наполнило то, что в некоторых провинциях Северной Германии, в епархиях Майнц, Киль, Тревир и Бремен многочисленные особы обоих полов, не бдя о души спасении и отступив от веры католической, предаются разврату с дьяволами, с инкубами и суккубами, после чего при помощи заклинаний и колдовства убивают детей человеческих и скотины, портя плоды земли и виноградников...»

Его святейшество Иннокентий (который, кстати, был крупным гулякой и общепризнанным бабником, имел многочисленных любовниц и солидную кучу детишек) призвал на помощь двух благочестивых братьев-доминиканцев – Генриха Крамера и Якоба Шпренглера. Доминиканцы, из которых один был вором и растратчиком, а второй психопатом, яро взялись за дело. А вскоре «*Malleus Maleficarum*» (1489) поучал, что: «...видывали колдуний, кои лежали посреди полей, либо лесов, обнаженные по самые пупки, а то и выше, а по движениям бедер их и ног, како тож и частей нескромных, без труда сделать вывод было можно, что оные с невидимым для постороннего глаза дьяволом инкубусом копулировали; бывало даже, что по окончании оного развращенчества из промежности их черный дым возносился...»

Это даже имело «научное» название: *concibitus contra naturam cum creatura spirituali*.

От первоначальных мифов и легенд отцы церкви отошли и в еще одной важной материи: от копуляции с суккубами и инкубами, утверждали они, потомства быть не может, поскольку «*procreare hominem est actus vivi corporis, sed daemones sumptis corporibus non dant vitam*». С этим тезисом активно боролся Мартин Лютер. «Уродливые, деформированные и аномальные новорожденные, – утверждал он, – есть дети сатаны и доказательство того, что мать совокуплялась с дьяволом. Таких детей, – гремел благочестивый августинец, – надлежит уничтожать».

Видать, великий реформатор не во всем был реформируемым.

К

Кикимора

Жуткое русское создание, живущее в болотах и топях. Принимает внешность старухи, закутавшейся в ряднину, сотканную из мха и водорослей. Однако мало кто из живых видел кикимору, потому что она невероятно скрытна – на болотах в лучшем случае можно услышать ее вой.

Заблудившихся на болотах людей кикимора криком зазывает на трясины, откуда нет возврата. Поверхность трясины, состоящая из спутавшихся мхов, неожиданно раскрывается... и появляется кикимора, чтобы любоваться жуткой агонией медленно погружающегося в топь несчастного.

К более мелким болотным духам, слугам кикиморы, относятся болотницы, хмыри, караконджалы, крыксы и злыдни. Все они враждебны людям и очень опасны.

Кильмулис (Kilmulis)

Отвратное творение, разновидность гнома. Проживает на мельницах. У него нет рта, и, чтобы поесть, он засовывает себе пищу в нос, а нос у него воистину огромен (судя по всему, размером примерно с венгерскую салями). Обычно кильмулис помогает мельнику в работе, но если его разозлить, то может вконец отравить жизнь.

Клабатер (Klabautermann)

Домовой («хохлик») немецких кораблей и судов, известный со времен процветания Ганзы. Его хорошо знают в Польше – на Поморье и в Кашубах. У любого уважающего себя корабля или шхуны есть свой клабатер. Пока клабатер живет на корабле, корабль не разобьется и не утонет. Однако стоит клабатеру, разозлившись, покинуть корабль, так того и гляди нагрянет беда. Поэтому моряки уважают клабатера и прощают ему на борту фокусы и шпабы⁸⁸, до которых клабатер весьма охоч. Если моряк, стоящий в темноте на вахте, вдруг получит солидную оплеуху либо крепкий таинственный пинок под зад – знай: это как раз и был клабатер.

Клабатер никогда-приникогда не показывается простым матросам. А вот с капитаном либо штурманом частенько просиживает целыми ночами, треплется и потягивает ром в капитанской каюте.

О клабатере говорят несколько строк матросской старой песенки, повествующей о приключениях немецкого пирата Клауса Штёртебекера из Рюгена, грозы Балтики и Северного моря, пойманного в конце концов Ганзой и обезглавленного на рынке в Гамбурге (ок. 1400).

Штёртебекер – наш капитан,
А помощник его – Годак,
Нам клабатер – родной братан
И Голландец-Летун не враг!
Не страшны нам ни шторм, ни шквал!
Не спугнет нас небесный гром,

⁸⁸ Spab (нем.) – шутка, забава, потеха, развлечение.

Что нам хилый девятый вал?!
По волнам мы как буря прём!
Жизнь – подачка, ты жив – и рад!
В Гельголанде, как прежде, ад!

Этимология слова неясна, обычно его связывают с немецким словом «Kalfaterer», от глагола «kalfatern», означающего конопачение и смоление щелей в палубах и бортах судов.

Кларихун (Klurikaun)

Шотландский домовый (опять же «хохлик»!), разновидность брауни, в отличие от которого, однако, никогда не помогает в домашнем хозяйстве. Впрочем, и мешать тоже не очень-то мешает, по крайней мере до тех пор, пока не наберется горячительного по горлышко. А надобно знать, что кларихун обожает подвалы, в которых хранится спиртное. Кларихун большой любитель отпить винца из разных бочек, бочонков и бутылок, не зная меры. Поэтому все обычно заканчивается тем, что поднабравшийся кларихун рычит, верещит, вопит, поет, отрывистое и шумит сильнее, чем полтергейст.

Распространяемые всяческими вредными бабами слухи – мол, безобразничает в подвале вовсе не кларихун, а хозяин с друзьями – должно считать клеветой и демагогией.

Коблинау (Coblinau)

Валлийская разновидность гоблина. Безобразное существо ростом (когда выпрямится) около двадцати дюймов. Обитает в действующих рудниках, наряжается на манер горняка. В отличие от вредного и пакостничающего где только можно классического гоблина, коблинау не опасен и доброжелателен. Случается, что стуком в стенки горных выработок он указывает горнякам богатый рудный горизонт или золотоносную жилу, а бывает, что и предостерегает об опасности. От этого стука идет и другое его название – стукач (*англ.* knocker или knacker).

Множество стукачей обитает в шахтах Корнуолла; вместе с волной эмиграции это существо попало вначале в Австралию и Южную Африку, а затем практически в каждый уголок мира, где только есть шахты и рудники.

Корриган (Korrigan, правильнее C’horrigan)

Известный также как корриг, либо корред – бретонский домовый («хохлик»), близкий родственник лепрехуна, корнуолльского пикси и шотландского кларихуна.

С лепрехуном корригана роднит любовь к накоплению и укрытию сокровищ, с остальными домовыми – страсть к проказам, порой весьма неприятным. Набор шуточек и фокусов – стандартный: жутко шумит по ночам (особенно любит колотить в медные котлы и тазы), сбивает с дороги путников, подменяет детей в колыбельках, наводит беспорядок в домашнем хозяйстве, балуется с инвентарем. Корриган, даже больше, чем его родня, крупный любитель приставать к девушкам. То, глядишь, в темноте за ягодицу ущипнет, то лапу под юбку или за декольте сунет, а то еще и дальше продвинется.

Гораздо более спокойная разновидность корригана – лутин, домовый, который по примеру шотландского брауни может помогать в домашнем хозяйстве.

Особенно часто корриганы посещают район местечка Морло, у них там под землей есть свои пещеры и лабиринты. Легенда гласит, что именно корриганы установили знаменитые бретонские монолиты – менгиры, кромлехи, дольмены и каменные курганы вдоль залива Морбиан, особенно известны те, что расположены в районе деревушек Карнак и Мэнек (неподалеку от Ванесса).

Кошмары (Zmory – польск. – mary, mury, moraw)

Духи и чудовища, терзающие спящих людей жестокими снами, либо просто усаживающиеся на грудь и душащие. Название получили от Мары, супруги Чернобога. Во многих языках есть выведенные от «Мары» слова, означающие злого ночного упыря либо ночной кошмар: *der Mahr* (нем.), *nightmare* (англ.), *тога* (иберийское). Англосаксонское слово *wudurmaere* (лесная мара) означает «эхо». От Мары же пошли слова «мор», «морить» и «сморить» (ну и, конечно, кошмар).

Лесные зморы
В дуплах ели мухоморы,
А в заброшенном яру
Стрыги были поутру.
Совы прятались на отдых,
Ведьмы дрыхли в птичьих гнездах,
Сотрясая храпом воздух.
На холме сидел Душитель –
Снов девичьих осквернитель.

Если верить нордической примете, то женщине, которая хочет в будущем рожать детей бесппроблемно и совершенно безболезненно, следует проползти сквозь плодные оболочки, оставшиеся после того, как кобыла родила жеребенка. Впрочем, не исключено, что рожденные такой женщиной мальчики окажутся волколаками, а девочки – зморами.

Кощей бессмертный

В русских былинах – страшный и безжалостный чародей, отвратительный костлявый старик (отсюда этимология имени). Кощей постоянно готовит всякие пакости у себя в замке, где хранит несметные богатства, которые сторожит ревностнее, нежели дракон. Как сказал поэт:

Там царь Кощей над златом чахнет,
Там русский дух, там Русью пахнет!⁸⁹

В числе сокровищ Кощей есть живая и мертвая вода. Живая, как известно, возвращает к жизни умирающих и мертвых, мертвая – лечит раны и позволяет (во всяком случае, теоретически) жить вечно, и тому, что Кощей постоянно ее пьет, он обязан своим прозвищем.

Кощей победил и заковал в цепи бог Ярыга (отсюда, как больше нравится другим, этимология его имени, потому что якобы «кощей» означает по-тюркски «невольник»). Случайно оказавшийся в тех местах сказочный богатырь Иван-Царевич высвободил – на свою шею – Кощей из неволи, а тот отблагодарил его воистину сверх меры: взял да и похитил Иванову невесту, красавицу Марью Моревну. В наказание Иван его прикончил, поскольку – как сказано выше – Кощей лишь теоретически был Бессмертным. Убить его в принципе было можно, но это требовало определенных «затрат труда». Пришлось Ивану отправиться аж на край света, за моря бурливые, и там, на острове Буяне, под огромным дубом лежал камень, под камнем закопан железный сундук, в сундуке томился заяц, в зайце сидела уточка, а в уточке – яйцо.

⁸⁹ А. С. Пушкин. «Руслан и Людмила».

В этом-то яйце и была сокрыта Кощеева погибель. Раздавил Иван яйцо – тут Кощей и дух испустил.

Ну и слава Богу!

Кракен

Огромное морское чудовище, живущее в холодных северных морях, в основном в Норвежском и в северной Атлантике, но встречающееся и в Гренландских, Лабрадорских и Баффиновых водах. Особенно часто кракены попадают в районе Ньюфаундленда. Их видели множество моряков, а описал кракена в 1752 году Эрик Понтопиддан, епископ Бергена. По словам епископа Понтопиддана, кракен – это гигантская каракатица «полторы английских мили, а то и больше в окружности», без труда дотягивающаяся щупальцами аж до верхушек самых высоких мачт, чтобы перевернуть корабль кверху килем и затащить на дно морское.

Епископ Понтопиддан лично видел, как кракен выпустил в воду чернила, затемнив море по самый горизонт. Епископа удивило, что у такого жуткого чудовища защитный механизм все равно как у какой-то простой каракатицы. «От кого, – вопрошает епископ с достойной удивления рассудительностью, – кракен может защищаться чернилами? Не иначе как от библейского Левиафана».

Во всяком случае, похоже, многие корабли, погибшие в северных водах, следует записать на счет кракенов.

Слово «кракен», уже прижившееся во многих языках, имеет норвежское происхождение. По-немецки «krake» – каракатица, кальмар.

Некоторые утверждают, что кракен отнюдь не миф, не матросско-епископская выдумка и досужий вымысел, что Понтопиддан и другие сталкивались и принимали за кракенов спрутов из еще не изученного и скрывающегося на морском дне вида, достигающего гигантских размеров, из отряда Architheuthis. Беда лишь в том, что сей неизученный вид из отряда Architheuthis – тоже бред и трепотня. Но с каких пор это мешало легендам?

Краснолюд (карлик, гномик)

Фигура, присутствующая и известная в каждой мифологии. С греческого привилось название «Naius», трансформировавшееся во Франции в «Nain» – нэн. В Испании он зовется «дуэнде» (duende). У славян, в связи с тем, что он часто поселяется в домах, именовался домовым либо домовником. Наиболее популярное в настоящее время в Польше название берет начало от излюбленного гномами красного колпачка. Гномов, населяющих горы, немцы называют Zwerg – цвергами (отсюда, через duergar, duerg пошло английское dwarf), либо троллями. Для лесных гномов у немцев имеется слово «Schrettel», либо «Schratt», отсюда польское «skrzat» (скжат) и чешское «skret» (скрет). Известно также, в частности, из братьев Гримм, название вихт («wicht»), вихтляйн («wichtlein»), либо вихтельман («wichtelmann»), а отсюда англосаксонское «wight». Толкиновские Призраки Курганов – это Barrow Wights. У часто употребляемого в польском языке названия «karzel» (карлик, карличек) этимологически (что следует знать!) мало общего с краснолюдом, ибо это искаженная по значению калька германского слова «Karl» (karl – нем; churl – англ.), обозначающего отнюдь не малыша, а совсем наоборот – большого, толстого мужика-тупицу.

В литературу фэнтези фигура краснолюда вошла с легкой руки Толкина, а образцом ее напрямую были карлики из скандинавских легенд. Ведь краснолюды из «Эдды» – это отнюдь не писающие в молоко лилипутики, не домовые и божки, которые удовольствуются насыпанными на порог крошками калача, а боевые воины, прекрасные кузнецы и оружейники. Именно карл Альберих выковал Нагельринг, меч Дитриха из Берна, в «Эдде» карлы Брокк и Синдри сделали Гуигнир, копьё Одина. Даин и Набби изготовили Хилдисвина – посвященного Фрейе

золотого единца. Краснолюды выковали Драупнир, волшебный браслет Одина, и Глейпнир – цепь, поймавшую волка Фенрира. Эта цепь – прямо-таки великое произведение кузнечного искусства – была одновременно и тонкой, и крепкой, поскольку в качестве материала для нее использовали звуки шагов крадущейся кошки, волосы с подбородка женщины, корни гор, медвежьи сухожилия, дыхание рыбы и птичью слюну.

Множественное число слова «dwarf» – чтобы как можно дальше отойти от сказочек для детей и закрепившихся по вине диснеевских мультяшек кретинских стереотипов Сплюшка, Гбурка, Гапця et consortes⁹⁰ – Толкин «обратил» в dwarves. В польском переводе «Трилогии Кольца» подобную операцию проделала Мария Скибневская, заменив смешного сказочного «краснолюдика» солидным «краснолюдом». Слово «краснолюд» в польском языке представляет собой неологизм.

Кроме упомянутого ранее тролля, по прямой линии от германско-скандинавских цвергов и свартальфаров выводятся гномы и кобольды, а от них, в свою очередь, гоблины и все прочие гуманоиды, населяющие подземелья.

Как уже было сказано, Толкин, моделируя своих краснолюдов, воспользовался «Эддой». И перетащил оттуда в свою трилогию следующие имена: Бофур, Бифур, Бомбур, Даин, Дори, Дьюрин, Двадин, Глоин, Кили, Лони, Наин, Нали, Нар, Нори, Оин, Ори, Торин, Траин, Фили, Фрар и Фундин.

Однако если кому-то приспичит писать фэнтези и он захочет подыскать для своих краснолюдов имена, то в «Эдде» найдет еще больше краснолюдов, имен которых Толкин не использовал. Вот они: Аи, Алвис, Альф, Альвидр, Альтиор, Ан, Андрварн, Атвард, Аурвангр, Аустрин, Бари, Вар, Вадграсиль, Вестри, Вигг, Виндальф, Вифир, Витр, Гиннар, Густр, Ири, Ивальди, Лидскальф, Лит, Лони, Лофар, Ниди, Нипинг, Нордри, Нюй, Ньюард, Нют, Опар, Регинн, Свифир, Скирфир, Сирди, Сундр, Хачеспори, Харнобори, Юнви, Яри и пропущенный мною по невнимательности Ини.

Кэльпи (Kelpie)

Шотландский водяной дух, чаще всего появляющийся в виде прекрасного породистого коня. Позволяет оседлать себя и какое-то время использовать, а потом неожиданно прыгает в воду и топит наездника.

Этимология слова: вероятно, от «kelp» – морских водорослей, возможно, от гэльского sailreach (яловичная кожа, яловка)

Л

Ламия (Lamia)

Была возлюбленной Зевса. Гера, узнав об (очередной) внесупружеской афере, взбесилась и из мести прикончила детей Ламии. С той поры Ламия, превратившаяся в чудовище, не жалеет чужих детей. Будучи наполовину женщиной, наполовину змеей, она породила жуткое потомство, именуемое ламиями. Ламии обладают полиморфическими способностями, могут выступать в различных ипостасях, обычно как зверо-человеческие гибриды. Однако чаще они уподобляются красивым девушкам, поскольку так легче завлекать неосторожных мужчин. Из своих жертв ламии высасывают кровь. Нападают они также на спящих и лишают их жизненных сил (спермы). Роберт Грейвс ссылается на иконографию, изображающую нагих ламий в позе *habitus equitis*, усаживающихся верхом на спящих навзничь путников.

⁹⁰ и компании (*лат.*).

Ламию – при некотором умении – легко разоблачить, для этого достаточно заставить ее подать голос. Поскольку язык у ламии раздвоенный, она может только шипеть.

Название «ламия» этимологически выводится из «*lammaszt'a*», слова, которым в Ассирии и Вавилоне называли демонов, убивающих грудных младенцев. Древнееврейским словом «лилим» в мидраше именуют демонических детей Лилит. Известны строки из Книги пророка Исайи (34:14), которые в большинстве польских (и русском. – *Е. Вайсброт*) переводов говорят о «Лилит», или «ночном привидении», в переводе же св. Иеронима они выглядят так: «...ibi cubavit lamia et invenit sibi requiem».

Дело в том, что в Средневековье ламия (как и Лилит) стала синонимом сатанинского демона, дьявола родом из ада. Опороченное произведение Ульриха Молитора «О демонах и чародейках» (1493) – это ведь в оригинале-то «*De lamiis et Phitonicis mulieribus*». Ламий связали с инкубами и суккубами, превратили в упырей, демонов ночи, добавив к ним такие разновидности, как лемуры, эмпузы (ср. «Фауст» Гёте) и мормолики.

«О подруга и спутница Ночи, о ты, коя радуешь собак лаем и потоком крови, крадешься во мраке между могилами, о ты, которая жаждешь крови и несешь ужас смертным, о Горгона, Мормона, Луна Тысячеликая, соблаговоли принять наши жертвы!»⁹¹

Левиафан (Leviathan)

Невообразимо огромное морское чудовище, по некоторым версиям – персонификация демона Рааба, князя моря, взбунтовавшегося против Яхве, а Яхве, который таких фокусов не прощал, раздавил ему голову. По другим версиям, Левиафан отнюдь не бунтовал и плавает себе спокойно в глубинах, а Яхве поймает его лишь в Судный день, чтобы мясом его накормить жителей Нового Иерусалима. Аналогия с поимкой Тором змея Мидгарда очевидна. Левиафан, как сказано, чудовище гигантское, и хоть никто его ни разу не видел, тем не менее известно, что рыбы и морские чудовища длиной аж по триста миль служат ему пищей. А дабы все же существовало нечто такое, чего бы убоился сам Левиафан и чтобы это «нечто» не позволяло ему очень-то уж безобразничать, Яхве создал рыбку Халкис. Есть мнение, что речь идет о сардине, либо анчоусе.

Польские переводы Библии не очень-то последовательны в отношении Левиафана. Так, Книга Иова (40:20–25) отождествляет его с крокодилом⁹², в то же время в Псалме 74:4 чудовище оказывается самим собой – Левиафаном («Ты разбил голову Левиафана...»)

Книга Иова (41:6) говорит о Левиафане: «Кто сумеет отворить врата пасти его («...portas vultus eius quis aperiet»), из уст его пламя вырывается («...de ore eius lampades procedunt»), а в другом переводе Библии: «...из его пасти факелы пылающие выходят...»⁹³

Приведенный выше текст наверняка узнает каждый фанат Роджера Желязны, поскольку это название известного и награжденного рассказа «The Doors of His Face, the Lamps of His Mouth» – «Лица его, пламенники пасти его».

Лемур – См. ламия.

⁹¹ Н. Р. Loverkraft. «The Horror at Red Hook».

⁹² «Сможешь ли ты крокодила поймать на уд?» (*польск.*). «Можешь ли ты удой вытащить Левиафана?» (*русс.*).

⁹³ «Из пасти его выходят пламенники, выскакивают огненные искры» – русский текст.

Лепрехун (Leprechaun)

Ирландский гномик, разновидность гоблина, сапожник-любитель, отсюда и этимология названия, от *leight brogan* – башмачник (*англ.*). Лепрехуна часто можно застать за изготовлением ботинка, и что интересно – всегда одного, никогда пары. Это зловредный и хитрый маленький паршивец, но есть смысл попытаться его перехитрить, поскольку у каждого лепрехуна обязательно есть ловко упрятанный кувшин, полный золотых монет. Так что овчинка выделки стоит.

Леший, или Лесовик

Лесное существо из народной русской демонологии. Заботливый дух леса, защитник его богатств и обитателей, решительно враждебный людям, особенно взъевшийся на лесорубов и охотников. Одноглазый, как циклоп, и в общих чертах – человекообразный, леший обладает весьма развитыми полиморфическими способностями, обычно людям является в виде бородатого старца, но может обернуться медведем и даже деревом. В давние времена, установив, что в каком-либо участке бора завелся леший, этот участок объявляли запретным, туда нельзя было заходить и уж ни в коем случае охотиться, валить деревья и даже собирать грибы и ягоды.

Поэт сказал:

У Лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;
Идет направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит...⁹⁴

В Польше леший известен под именем боровой, боровик, либо борута, а также – Лесное Лихо. Этимология «лиха» аналогична этимологии «лешего».

В пособиях у лешего ходят более мелкие духи и лесные домовики: аук (дух эха, зловредно передразнивающий путников и сбивающий их с пути), пушевик (живущий в глубинах леса), моховик – проживающий во мхах и торфяниках, луговик, обитающий в лугах и на лесных полянах. Существуют также «специализированные» мелкие духи-покровители, по их названию легко догадаться, что именно они опекают: Цветыч, Грибыч, Пчелич и Ягодич. То, что кроме вышеназванных, якобы существует еще и душок Самогоныч, подтвердить не удалось.

Лианан ши (Leanan Sidhe)

Род ирландских ворожей (*fairy, daoine sidhe*), либо эльфиек совершенно невероятной красоты, специализировавшихся на обольщении мужчин. Особое пристрастие лианан ши питали к поэтам, бардам и менестрелям. Околдованный и одурманенный эльфийкой поэт ощущал неимоверной силы прилив вдохновения и таланта – по крайней мере на то время, пока с ним пребывала лианан ши, а длилось такое недолго. Страстный, исключительно бурный и непрекращающийся секс, коего лианан ши требовала от любовника, очень быстро истощивала его жизненные силы, и неожиданно вспыхнувшее пламя вдохновения так же неожиданно угасало,

⁹⁴ А. С. Пушкин. «Руслан и Людмила».

умирало. А лианан ши, словно ненасытная вампирша, будто истинная Лилит либо ламия, как ни в чем не бывало отправлялась на поиски новой жертвы.

Опаснее всего лианан ши с острова Мэн. Эти не ждали, пока жертва угаснет, а приканчивали ее раньше – как только им наскучивало, а происходило (и происходит) это очень быстро.

Линдвурм (Lindwurm), или Линдорм

Бескрылый двуногий дракон с длиннющим хвостом, змеиной шеей и головой. Этимология слова «линд» («lind») – сомнительна, «вурм» же («wurm», «worm») означает на германском (готском) языке змею или дракона, то же значение имеет нордический Орм (змея Мидгарда, охватывающий своими кольцами землю).

Линдвурм связан с алхимией (в которой, как и каждый дракон, символизирует *materia prima* – первичную, нетрансмутированную материю, либо металл), с медициной и фармацевтикой, правда, в символе последней чаще встречается змея, обернувшаяся вокруг чаши, однако в Германии до сих пор можно встретить аптеки, носящие название «Lindwurm Apotheke» и украшенные щитом с двуногим драконом.

Наиболее известная легенда о Линдвурме рассказывает о девушке, которая взамен на оказанную ей услугу (различную в зависимости от версии) соглашается стать женой линдвурма. В брачную ночь девушка сбрасывает перед змеедраконом-возлюбленным все свои семь одежек, а когда наконец раздевается до конца, линдвурм обвивает ее нежно змеиными кольцами. Дрожащая от возбуждения девушка видит, что змей начинает слой за слоем сбрасывать змеиную кожу. Когда падает последний слой, юная супруга обнаруживает, что обнимает ее уже не змей, а юный, чертовски обаятельный мужчина. Оказывается, линдвурм был королевичем, колдовством превращенным в дракона. Теперь же чары развеялись, разрушенные любовью и преданностью девушки. Супруги жили долго, счастливо и, разумеется, в полном достатке.

С легендой о Линдвурме совершенно явно – и достаточно сексуально – связан «Гад» Болеслава Лесьмяна, – переполненное эротикой стихотворение о девушке, которую в ольшанике застал врасплох змей. Когда после любовных игр змей собирается изменить свою змеиную внешность, девушка – в экстазе – говорит:

Не сбрасывай кожу, не надо, оставь!
Я счастлива тем, что не сон ты – а явь.
Люблю, когда жалом ласкаешь мне бровь
И с губ моих жарких смываешь мне кровь,
Когда ты свиваешься вдоль моих ног
И лбом ударяешь о лона порог,
Я груди свои наклоняю к тебе.
За то, что ты мой, благодарна судьбе.
Мне сладостны слюни, объятья твои...
Останься же змеем, ласкай и трави.

Извольте: перверсия, достойная поздних авторов фэнтези, к тому же за тридцать лет до Толкина и за пятьдесят до Желязны.

Лламигин-и-дор (Llamhigyn y Dwr)

Водный прыгун, монстр, при одном только виде которого слабые духом падают в обморок. Проживает он в реках Валлии и похож на лягушку, раздувшуюся до размеров быка. У него огромная пасть и выпученные глазищи, а издаваемые им звуки напоминают кваканье и скрип.

Однако при желании он может издать истошный крик, от которого кровь стынет в жилах. Он безног, но имеет пару перепончатых крыльев и длинный змеиный хвост. Благодаря крыльям и хвосту ухитряется молниеносно выпрыгнуть из-под воды, схватить добычу и вновь скрыться в речной глубине.

Поговаривали о случаях, когда прыгун пожирал людей, но в основном он питается овцами и другими травоядными, которые пасутся вблизи реки или же имеют несчастье в нее свалиться. Точно известно, что ламигин-и-дор терпеть не может рыбаков с удищами, никогда не упустит случая перепутать им лески и зацепить за что-нибудь крючки, а рыбакам, которые носят высокие болотные сапоги, «ставит палки в колеса», то есть подбрасывает что-нибудь под ноги, лишь бы они свалились в воду. Свалившихся ламигин-и-дор оплетает хвостом, топит, затем уволакивает в свое подводное логово и там держит до тех пор, пока они как следует не протухнут и не разложатся, после чего пожирает.

М

Марид – См. джинн.

О

Огр (Ogr)

Огре или Огер – людоед-гигант, страшное чудовище, перенесенное из народной сказки в литературу вначале рыцарскими поэтами (Тассо, Боярдо), а потом Пеппо («Histories ou Contes du temps passe»). Этимология, как считают одни, идет от Онгруа (венгр), поскольку в глазах средневекового плебса романских стран Венгрия была чем-то вроде невообразимо далеко на востоке лежащего края света, Anus Mundi, заселенного исключительно чудовищами и каннибалами. Кстати, чтобы было смешнее, рыцари из романских рыцарских поэм, плавая по морям-океанам, часто (sic!) высаживались на венгерском побережье.

В литературу фэнтези огры перенесены прежде всего Толкином под названием Ологхоев, выращенных Сауроном исключительно крупных и сильных троллей.

Не исключено также славянское происхождение огра. По Брюкнеру, польское слово «olbrzym» («ольбжим») – раньше «obrzy» («обжи») – великан, выводится из «обров», слова, которым славяне называли гуннов (либо аваров). Отсюда, например, название реки Обры. А в чешском до сих пор великан – это обр, а огромный – обровски («obrovsky»).

Орк (Ork)

Отвратное существо, разновидность гоблина. Придумка (неологизм) Дж. Р. Р. Толкина. В романе «Хоббит» автор еще пользуется традиционным и укоренившимся в мифологии названием «гоблин», однако в «Трилогии Кольца» мы уже видим почти исключительно орков. Если отбросить – а отбросить необходимо – похожесть слов «орк» и «огр», то получается цитата из «Беовульфа»: «Eotenas, and Ylfe and Orcneas». Эти названия с легкостью выведены из нордических саг и «Эдды» – «Eotenas» – это йотуны, гиганты из Ятунгейма. «Ylfe» – несомненно, альвы из Альфгейма, то есть эльфы. А вот на базе «orcneas» Толкин создал орков – мерзопакостное племя урук-хаев (уруков)...

II

Пикси (или писки)

Зловредные и исподтишковые домовые, разновидность брауни, от которых, однако, отличаются огненно-рыжими шевелюрами и зеленой одеждой. Случается пикси похищать детей, подбрасывая вместо них подменышей. Особенно любят пикси заманивать путников и сбивать их с пути, тогда единственной защитой и спасением является вывернутое наизнанку пальто либо плащ. Пикси обожают уводить лошадей из конюшен и гонять на них всю ночь, причем всегда по кругу, что утром легко можно увидеть по следам, образующим огромное вытопанное кольцо.

Этимология слова «пикси» неизвестна, возможно, оно выводится из ханнанейского, так как считается, что «хохлика» завезли в Корнуолл на кораблях финикийские моряки.

Подменыш (changeling, Wechselbalg)

Ребенок эльфов, фей, русалок, лесных духов, кобольдов и т. п., подброшенный вместо похищенного новорожденного. Если такому подкидышу позволить вырасти среди людей, он всегда будет угрозой для общества – которое, как известно, не терпит ничего, что хотя бы на йоту отклоняется от стандарта. Уберечь дитя от замены можно, надев ему на шейку веночек из маргариток, положив в конверт для новорожденного тмин или душицу или же подвесив над колыбелькой ножницы, а на колыбельку – старые отцовские штаны.

Однако если ребенка все же уберечь не удалось, то для того, чтобы отыскать его, можно воспользоваться классическим методом, предложенным Марией Конопницкой в рассказе «О гномиках и сиротке Марысе»: взять розги и сечь подменыша долго и безжалостно. Подменыш, разумеется, будет выть и орать так жутко, что в конце концов этого не сможет вынести его родная, настоящая мать – фея, ворожейка, эльфийка, русалка или лесной дух. Смиловившись над родным дитятей, она отдаст человеческого младенца родительнице, а подменыша с посиневшей попкой заберет.

В Шотландии с подменным (которого здесь именуют Sibhreach) поступали еще более жестко – клали на лопату и засовывали в печь, на раскаленные уголья. Если это действительно был подменыш, то он вереща, ругаясь и богохульствуя, со свистом вылетал в трубу. Если же младенец не улетал, а просто-напросто сгорал... Фууу... Хмммм. Ну что ж... Людям свойственно ошибаться!

Несомненно, массу детей прикончили таким методом и замучили насмерть, причем это происходило в деревнях всей Европы, потому что миф подменыша был необычайно популярен. Интересно, что у него был и немалый позитивный аспект. Ведь эльфы и кобольды подменяли только не крещенных еще детей, причем тех, которых оставляли без присмотра. Поэтому для того, чтобы уберечь дитя, мать не отходила от него ни на минуту. Это влияло на уменьшение детской смертности в первые дни жизни и на здоровье рожениц, потому что женщину сразу после родов не принуждали – в виде исключения – выполнять обычные женские работы: колоть дрова, носить хворост из леса, доить коров, заниматься жатвой, молотбой и т. п. Роженица должна была стеречь новорожденного, чтобы злые духи не заменили его на подменыша. То есть «А-ну, давай-ка теперь я покручу жернова, а ты посматривай за эльфами».

Полтергейст (Poltergeist)

От нем. poltern – грохотание. Домовой, барабашка, «хохлик», невидимый дух, посещающий дома и названный так из-за производимого им грохота, поскольку нет для него большей радости, чем наделать в доме шума. Полтергейсты – скромные и вполне порядочные барабашки, довольствующиеся ночным постукиванием в стены, скрипом дверей и мебели, хлоппаньем ящиками комодов или позвякиванием стаканами в буфетах, ну и – в редких случаях – позволяющие себе громко хлопнуть посреди ночи ставнями или крышкой унитаза. Однако попадают и полтергейсты понаглее, которые ухитряются бросить в кухне кастрюлю, либо в прачечной – котел, садануть цветочным горшком об пол, выбить стекло в окне, а то и раздолбать хрусталь, жирандоль или свадебный фарфоровый сервиз. В экстремальных случаях – несколько таких было отмечено – полтергейст за несколько минут создает в доме полнейший бедлам. Однако вопреки серии голливудских фильмов, полтергейст отнюдь не демон-убийца и никогда не наносит вреда живому существу. Даже если кидается мебелью, то ни в кого специально не метит, и лишь по крупному невезению можно оказаться на пути предмета, брошенного в этот момент полтергейстом.

Самое неприятное в полтергейстах – их упорство. Уж коли они облюбовали чье-то обиталище, то будут в нем стучать, погукивать и ломать мебель без передыха и без конца, так что скорее из дома выберутся жильцы, чем полтергейст, который спокойно подождет очередных обитателей. Почему именно полтергейсты посещают одни дома, а другие – обходят стороной, неизвестно. Теоретики утверждают, что они действуют в контакте и стоворе с агентами по продаже недвижимости, но подтвердить это фактами до сих пор не смогли.

Пэк (puck)

В Уэллсе – bwca (бока), в Ирландии – пуака (phuka, phooka), на Шотландских высотах – bodach; более поздние названия: bogie, bogey, big-a-boo и bugbear, а также Робин Гудфеллоу. Домовой, которого обессмертил Шекспир. Родственник гоблина и брауни, обладает способностью к полиморфизму, может появляться в виде собаки, быка, орла либо коня. В последнем случае пэк – как и кэльпи – позволяет сесть на себя, но горе тому, кто на него заберется – пэк унесет его в мир иной.

Все, что растет на полях и не было убрано до Samhain⁹⁵, принадлежит пэкам. Тот, кто отважится собирать плоды земли после Samhain'a, подвергается солидной опасности со стороны мстительного пэка.

Р

Ревенант (Revenant)

Дословно – «возвращающийся», от французского «revenir». Дух умершего, возвращающийся в виде кошмарного и нематериального привидения к месту своей смерти (или туда, где он проживал сам либо его близкие.) Чаще всего ревенант возвращается в том случае, если его смерть не была отмщена. Впрочем, бывает и так, что, по мнению ревенанта, к его кончине отнеслись недостаточно душевно, оплакивали нерадиво, похороны провели малоторжественно, поминки оказались слишком скромными и водки выставили мало, да и траур был каким-то очень уж кратким, поверхностным и неискренним. В последнем случае ревенант

⁹⁵ Samhain – в Шотландии – праздник, отмечаемый 31 октября/1 ноября.

может здорово досаждать оставшимся в живых родственникам. Может ревенант донимать и из любви. Типично поведение духа из «Романтики» Адама Мицкевича: Ясь умер, но должен оставаться рядом со своей Карусей, он любил ее при жизни.

То в пустоту ненароком
Смотрит невидящим оком,
То озирается с криком,
То вдруг слезами залъется,
Что-то хватает в неистовстве диком,
Плачет и тут же смеется.⁹⁶

Карусе же – вопреки намекам поэта – вероятно, вовсе было не до смеха с преследующим ее день и ночь ревенантом.

Ревенанты могут появляться группами, толпами. Обычно это случается в местах давних крупных битв, известны также целые сонмы ревенантов после эпидемий Черной Смерти, которые, уморительно подпрыгивая, бегали по опустевшим городам. Считается, что такие сборища послужили моделью известным в средневековой живописи пляскам скелетов (*danses macabres*). В последнее время большие скопища ревенантов отмечались на полях Первой мировой войны, особенно на Сомме и под Верденом. Много разговоров ходило о ревенанте с германской подводной лодки U-17, призрак матроса, которого оставили наверху, когда подвергшаяся нападению лодка вынуждена была срочно пойти на погружение. С той поры каждую ночь на U-17 появлялся ревенант. Командование *Krigsmarine* заменило паникующий экипаж, но это не помогло. U-17 вычеркнули из списков действующих лодок.

Робин Гудфеллоу (Robin Goodfellow)

Другое название Пэка или гоблина в английских сказках, что подтверждает Шекспир в своем «Сне в летнюю ночь».

ФЕЯ:

Да ты... не ошибаюсь я, пожалуй:
Повадки, вид... Ты – Добрый Малый Робин?
Тот, кто пугает сельских рукодельниц,
Ломает им и портит ручки мельниц,
Мешает масло сбить исподтишка,
То сливки поснимает с молока,
То забродить дрожжам мешает в браге,
То ночью водит путников в овраге,
Но если кто зовет его дружкой –
Тем помогает, счастье вносит в дом.
Ты – Пэк?

ПЭК:

Ну, да, я Добрый Малый Робин,
Веселый дух ночной, бродяга шалый.
В шутах у Оберона я служил.⁹⁷

⁹⁶ Перевод А. Ревича.

⁹⁷ Перевод Т. Щепкиной-Куперник. (Комментарий Д. Урнова: «Робин Добрый Малый, строго говоря, должен быть домовым»).

Однако по другим сказочным версиям, Робин – не Пэк, а сын короля эльфов Оберона, рожденный им – диво дивное! – со смертной женщиной. Стало быть, он полуэльф, *halfling*. Веселый и всеми любимый в детстве карапуз, вечный (не стареющий благодаря эльфьей крови) юноша, располагающий к себе веселым нравом и образом жизни (его прозвище можно также перевести как «свой парень», «приятель», либо «дружок»). Из-за эльфьей красоты и расточаемой ауры очарования Робина обожают девушки, а он не упускает возможности воспользоваться. Ну а поскольку Робин никогда не упускал случая (да и девицы, надо думать, тоже), то многие дамы обязаны ему беременностью, и каждый второй британец может похвастаться пусть небольшим, однако «имеющим место» процентом эльфьих генов в крови.

Рок (рук или, в соответствии с новыми переводами «Сказок тысячи и одной ночи» – Рух (или рухх)

В персидской мифологии гигантская птица таких колоссальных габаритов, что стоит ей прилететь, и она тут же застит солнце, и становится темно, как ночью. Рух охотится в основном на гигантских змей и огромных морских чудовищ. Птенцов рух вскармливает носорогами, причем – зная, что носороги ненавидят слонов (взаимно!) – тщательно выискивает именно таких носорогов, которые как раз насадили слона на рог. Схватив их, рух тем самым добывает для птенцов закуску типа «два в одном».

На людей птица рух не охотится, пренебрегает ими как мелкими, ни на что не годными существами и просто не желает их замечать. Однако горе морякам, бездумно разбивающим яйца птицы рух, которые находят на одиноких островах в Индийском океане. Разъяренная рух не спускает вандалам и, схватив когтями огромный камень, налетает с такой бомбой бреющим полетом на корабль.

Промахов не бывает.

Этимология «руха» до конца не выяснена: некоторые выводят его из малайского «ruk» – ястреб.

Русалка

В греческой мифологии наяда или nereida, водная дева. Этимология: ни от какого не «русания»⁹⁸, а от весеннего обряда «Beltane»⁹⁹, для которого южными славянами придумано латинское название «rosalia» – праздник роз. Русалок также именуют ундинами либо ондинами (от «unda» – волна).

Характеры у русалок бывают крайне различными – от пугливых, невинных и неопасных творений, плещущихся в речке и трогательно напевающих милые песенки, до таких, которые безжалостно затягивают в воду и топят. Есть и русалки вроде той, что описана у Уолтера Мапа – дева из Брекнока, которая после того, как ее поймал рыцарь Уостин, стала его женой, но стоило Уостину ее обидеть и она тут же исчезла как сон золотой, прихватив рожденных ею супругу детей. Известно также столь же неудачное супружество с русалкой рыцаря Петера Димрингера фон Штауффенберга.

Разновидностью русалок являются свитезянки.

Подробнейшие описания, исчерпывающую информацию об экологии, обычаях, а также точную таксономию русалок содержит любопытная и забавная книга эстонского писателя и поэта Энна Вэтэмаа «Введение в наядологию». По Энну Вэтэмаа, систематика русалок выглядит следующим образом:

⁹⁸ Шутка: «rusanie» (польск.) – «траханье».

⁹⁹ Beltare, или Beltaine – кельтский праздник, отмечаемый в ночь с 30 апреля на 1 мая. Начало лета (кельтский год делился на две поры: лето и зиму).

Отряд: Русалки (Naiadomorpha); делится на семейства:

- Прекрасноволосые (Euplocomidae)
- род: Златочёлки (Auricomata)
вид: златочёлка плакучая (Auricomata flebulis)
- род: Льянновласки (Linicomata)
вид: льянновласка потешная (Linicomata hilaris)
- род: Зеленки (Viridiosa)
• вид: зеленка кокетливая (Viridiosa irritans)
- Моющиеся (Lotidae)
- род: Мойки (Lotis)
вид: мойка обыкновенная (Lotis vulgaris)
вид: мойка мылолюбка (Lotis saponiphila)
- род: Прачки (Lavatrix)
вид: прачка скромная (Lavatrix facilis)
- Расчесывающиеся (Capitiscabidae)
- род: Чесавки (Capitradens)
вид: чесавка обыкновенная (Capitradens vulgaris)
вид: чесавка чернозубая (Capitradens nigrodentata)
- Нагогрудые (Nudimamillaridae)
- род: Нагогрудки (Nudimamillaris)
вид: нагогрудка мамка (Nudimamillaris paidiphila)
вид: нагогрудка большая (Nudimamillaris gigantea)
- род: Приласки (Anyhybrida)
вид: приласка роскошная (Anyhybrida luxurians)
- Крикливые: (Garrulidae)
- род: Прекрасноголосые (Calliphonica)

вид: певичка любвеобильная (Calliphonica nymphomanica)

- Плакальщицы: (Lamentosa)
вид: плакальщица детолюбка (Lamentosa paidiphila)
вид: плакальщица малолюбка (Lamentosa minilesbica)
- Крикливки: (Garrula)
вид: крикливка бесстыжая (Garrula immunda)

Рэдкэп (Redcap)

Мерзостная и весьма опасная разновидность гоблина, обитающая на ирландских и шотландских пустошах, особо часто встречающаяся в старых развалинах, замках и башнях, как правило, тех, в которых имели место преступления, убийства и вообще всяческие страшные и жуткие события и деяния. На вид это маленький уродливый старикан с длинными зубищами и свисающими ниже колен когтистыми лапами. На голове – о чем говорит название – рэдкэп носит красный островерший колпак, обтянутый своим цветом вроде бы частому окутанию в кровь умертвляемых жертв.

С

Свитезянки

Разновидность русалок. Места обитания свитезянок, вопреки общепринятой теории, вовсе не ограничиваются озером Свитезь на Новгородчине. Живут они и во многих других водах. Причем именно Свитезь получила название от свитезянок, а не наоборот. Корень названия (свит) – индоиранско-авестинского происхождения.

Свитезянки – большие любительницы поозорничать и завлекать юношей – как правило, на их погибель.

Тут распахнулись тонкие ткани,
Перси манят белизною;
Дева подходит легче дыханья,
«Юноша! – кличет, – за мною».¹⁰⁰

С самим же озером Свитезь связана другая – также поведанная Мицкевичем – легенда. В XIII веке Свитезь был городом, с давних пор владением княжеского рода Туганов, вассалов могущественного князя Мендога, объединителя литовских земель. Когда-то под угрозой русского вторжения Мендог потребовал, чтобы князь Туган во исполнение вассальных обязанностей выступил конно и вооруженно со всем своим людом, способным носить оружие. Туган исполнил приказание, и в Свитезе остались одни женщины и дети. Едва опустилась ночь, как начался крик – это явились московские орды. У города, оказавшегося без защитников, не было шансов выстоять. Под ударами таранов рухнули ворота, женщины и дети заперлись в башне и, видя, что Русь уже врывается к ним, начали, чтобы избежать насилия и позора, одна за другой кончать жизнь самоубийством. Тогда дочь князя Тугана воздела руки и глаза к небу и призвала божью помощь. И тут мгновенно все обитательницы Свитезя вместе с детьми превратились в водные цветы, а сам город – в озеро. Таким-то вот путем свитезянки не только спаслись от позора и неволи, но и отомстили агрессорам. А как именно, о том говорит поэт:

Но был царю и всем врагам урок:
Победу празднуя над нами,
Иной из них хотел сплести венок,
Иной – украсить шлем цветами.
Но лишь к цветам притронулись они,
Свершилось чудо правой мести:
В недуге страшном скорчились одни,
Других застала смерть на месте.¹⁰¹

У озера Свитезь призраки появляются и до сих пор. Ей-богу, страшно слушать, когда рассказывают об этом старики, и страшно вспоминать на ночь глядя.

¹⁰⁰ Адам Мицкевич. «Свитезянки», баллада. Перевод Б. Турганова.

¹⁰¹ Адам Мицкевич. «Свитезь», баллада. Перевод В. Левика.

Сирены

В греческой мифологии считались дочерьми речного божества Ахелоя и одной из муз (то ли Мельпомены, то ли Терпсихоры). Они были подружками забав Персефоны, а в наказание за то, что не помешали Аиду похитить ее, были превращены в чудовищ: полуженщин-полурыб. Им велено было жить на скалистом острове, откуда своим сладостным пением они заманивали проплывающих мимо моряков. Однако горе тому, кто, околдованный голосом сирен, отважился высадиться на их острове. Несчастный погибал, разорванный на куски.

Когда мужественный Одиссей отплывал от острова, на котором проживала волшебница Цирцея (Кирка), она наставляла его такими словами:

Дело одно совершил ты успешно; теперь со вниманьем
Выслушай то, что скажу, что потом ты от бога услышишь.
Прежде всего ты увидишь сирен, неизбежную чарой
Ловят они подходящих к ним близко людей мореходных.
Кто, по незнанию, к тем двум чародейкам приближась, их сладкий
Голос услышит, тому ни жены, ни детей малолетних
В доме своем никогда не утешить желанным возвратом:
Пением сладким сирены его очаруют, на светлом
Сидя лугу; а на этом лугу человеческих белеет
Много костей, и разбросаны тлеющих кож там лохмотья,
Ты же, заклеив товарищам уши смягченным медвяным
Воском, чтоб слышать они не могли, проплыви без оглядки
Мимо...¹⁰²

Сиреной, правда, пресноводной, была Лорелея. Сидя на скале над Рейном – правый берег у Сант-Горсхаузена, на полпути между Майнцем и Кобленцем, забавлялась тем, что, напевая и расчесывая золотые волосы, отвлекала внимание моряков, корабли которых и лодки разбивались на острых порогах, а сами они тонули.

И силой плененный могучей,
Гребец не глядит на волну,
Он рифов не видит под кручей,
Он смотрит туда, в вышину.
Я знаю, волна, свирепея,
Навеки сомкнется над ним
И это все Лорелея
Сделала пеньем своим.¹⁰³

Тем, кого удивит сопоставление вышеприведенных убийственных чудовищ, восседающих в окружении обглоданных мослов и разбивающих лодки, с «маленькой Сиренкой» (у нас, в России – «Русалочкой». – *Е. Вайсброт*) Андерсена, поясню, что виною тому убогая польская номенклатура. В польском языке сиренами принято называть также морских нимф, женщин с рыбьим хвостом, в отличие от классических греческих (гомеровских) сирен, отнюдь не кровожадных. Mermaids либо Meerjungfrau (в оригинале у Андерсена – den lille Havfrue) –

¹⁰² Гомер. «Одиссея». Перевод В. Жуковского.

¹⁰³ Г. Гейне. Из цикла «Снова на родине». Перевод В. Левика.

милых и симпатичных девушек с длинными волосами и красивыми бюстами в принципе следовало бы называть не сиренами, а морскими русалками или водными девами. Так поступают чехи, у которых они – *morske vily*.

Именно такие морские вилы, русалки и сиренки (не сирены) выступают в роли героинь многочисленных легенд, в которых (с менее трагическим результатом, нежели у Андерсена) сбрасывают рыбы хвосты и становятся женами моряков либо рыбаков. Подобное супружество, правда, бывает непрочным и заканчивается дурно. Как и в сказании о Мелузине¹⁰⁴, связи людей с сиренками губят зависть, темнота и ксенофобия окружающих. Сказки эти, как легко убедиться, осмотревшись вокруг, ничуть не потеряли своей актуальности.

Известны сиренки и в других мифологиях: Атаргатис, женщину-рыбу, почитали наряду с Дагоном финикийцы из Аскалона как богиню плодородия. В нордических легендах бытует Масгутер с длинными волосами и большими грудями. Много общего с сиренкой также у шелок, встречающихся от Бретани до Фарерских Островов и Исландии.

Стрыга (Stryga)

Разновидность кровожадного славянского упыря.

«Внезапно решившись, Витослав Стшегона, прозванный Голованом, оборачивается к братьям Збылоту и Инбраму:

– Сейчас я позову ее! Опустите забрала! Не смотреть!

Он задирает голову к нему и голосом, полным нескрываемого ужаса, трижды кричит:

– Стрыга! Стрыга! Стрыга!

И она прилетела... Со свистом рассекая воздух, посреди азиатской пустыни явилось славянское чудовище, упыриха. Двойной ряд зубов на мертвом лице, пальцы с загнутыми когтями, холщовый саван, голый череп... Вот она села на шею язычника, с легкостью перекусила сталь, впила зубами в тело... За первым последовал второй, третий, четвертый...»¹⁰⁵

У славянской упырихи совсем неславянская этимология. Начало идет от латинской «*striga*» – старая колдунья, ведьма (отсюда теперешнее итальянское «*strega*» – колдунья), по-гречески «*strix*» – сова, потому что стрыга, как и сова, обожала ночь. А вот мужской вариант стрыги – стрыгонь – по Брюкнеру, чисто славянское изобретение.

С пряхами присядем. До зари
Будем петь припевки: Упыри,
Ведьмы, стрыги, страхи, гномы –
Все до чертиков знакомы...

В зависимости от демонологической версии стрыга либо разрывала и пожирала свои жертвы, либо высасывала из них кровь (со смертельным для жертвы исходом или же нет). Стрыгами становились седьмой ребенок, дети, умершие без крещения, дети, зачатые во грехе, особенно инцесте, а также дети атеистов. Ну и сами атеисты. Особенно такие, через трупы которых перепрыгнула кошка.

¹⁰⁴ Мелузина, легендарная водная нимфа, которую во время короля Одона (ок. 898 г.) в Пуатье повстречал на охоте граф Раймонд де ла Фор. Ответив графу взаимностью, Мелузина согласилась стать его женой при условии, что он не будет интересоваться тем, что она делает по субботам (Мелузина превращалась в нимфу). После долгой и счастливой жизни граф по наущению завистников нарушил клятву. Результаты можно было легко предвидеть. Счастливая семейная жизнь Раймонда пошла прахом.

¹⁰⁵ Зофья Коссак. «Крестоносцы». Перевод И. Г. Безруковой и Е. В. Максимовой.

Сфинкс (Sphinx)

Чудовище-людоед с головой женщины, телом и конечностями льва, а для полного комплекта – орлиными крыльями и хвостом змеи. Этимология: на греческом «sfingein» значит «держать». Больше других известен легендарный сфинкс, объявившийся неподалеку от Фив в Беотии, куда прибыл аж из Эфиопии, вроде бы «по делу» богини Геры, которая за что-то разобиделась на фиванцев и отомстила им, прислав чудовище. Лежа в небрежной кошачьей позе на придорожной скале, сфинкс задавал проходящим мимо загадки и шарады: тех, кто сумел их разгадать, пропускал, не сумевших блеснуть интеллектом – убивал и пожирал. Наконец он придумал такую загадку, которую отгадать не мог никто, в результате вокруг сфинкса нагромодилась куча несъеденных жертв, а сфинкс стал истинной напастью округи. Что, надо сказать, немного удивляет, ведь загадка-то не была такой уж трудной: «Кто, – вопрошал сфинкс, – утром ходит на четырех ногах, в полдень на двух, а вечером на трех?» Эдип, прибывший в Фивы из Коринфа, запросто догадался, что речь идет о человеке, в детстве ползающем, в зрелые годы ходящем на двух ногах, а в старости опирающемся на палку. Услышав ответ Эдипа, сфинкс бросился в пропасть, не иначе как разозлившись на собственную неизобретательность и тупость.

Нет уж, гораздо более трудную загадку («У кого две руки и перья?») задал негритянскому царьку козлик Матолэк.

Т

Татцельвурм (Tatzelwurm)

Одно из самых поразительных драконоподобных существ, известных истории мифов. Это змей с черной, гладкой и блестящей кожей, около двух метров длины, с головой кошки и двумя (только двумя!) кошачьими лапами. Вероятно, отсюда и пошло название (немецкое Tatze означает «кошачья лапка»). Другое его название – Stollenwurm (штолленвурм) может указывать на место обитания (ведь Stolle – штольня, либо глубокая пещера).

Татцельвурмы, несмотря на кажущееся внешнее уродство, способны передвигаться с поразительной быстротой и ловкостью, разбойничать на альпийских лугах, в основном у подножий Фрайбургских, Гларненских, Лехтальских, Баварских и Зальцбургских Альп. Не известно, безобразничают ли они до сих пор, во всяком случае, последнее нападение татцельвурма на отару овец было отмечено отнюдь не в каком-либо далеком средневековье, а летом 1921 года неподалеку от Хохфильцена в Австрии.

Тилвит тег (Tylwith Teg)

Валлийские эльфы. Название означает «красивый народец». Обитают в озерах, реках, либо в недрах гор. Ежели они женского пола, то их называют «у матап» (матери), что указывает на связь с кельтскими «матронами». Как и большинство их сородичей – большие паршивцы и проказники: крадут лошадей и скот, подменяют детей в колыбелях, ночью либо в тумане сбивают путников с дороги, подшучивают над пьяницами. Обожают торговать и торговаться. Часто под видом людей появляются на базарах и ярмарках. Деньги, которыми расплачиваются при сделках, наутро оборачиваются сухими листьями.

Владыка тилвит тег – бог Гвынн ап Нудд.

Среди диких валлийских холмов, как правило, в стадах диких коз, проживает разновидность тилвит тег, называемая гвyllион.

Самые крохотные представители тилвит тег – эллилон. Любимая еда эллилонов – красные мухоморы. Всюду, где обильно растут мухоморы, наверняка можно натолкнуться на эллилона.

Тролли

Нордические страшилища, живущие в темноте, активные только под землей и ночью, в лучах солнца лопаются, словно помидоры, либо превращаются в камень. Породили их Ятуны, мрачные гиганты темного Ятунгейма. Людей тролли ненавидят, и нет для них лучшего лакомства, нежели человеческая плоть. К счастью, они настолько глупы, что даже деревенский простачок может уберечь свою жизнь, обманув тролля. Например, Бильбо Бэггинс (Дж. Р. Р. Толкин «Хоббит») воспользовался классическим фокусом – отвлек внимание троллей, и те прозевали зарю. Первый же луч солнца застал их врасплох, превратив в каменных истуканов. Еще хитроумнее поступил ученик сапожника из немецкой сказки, которого яростно рычащий тролль «прихватил» в лесу, угрожая убить либо покалечить. Сапожник изобразил на лице грозную мину, вытащил из-за пазухи творог и так сжал его в кулаке, что потекла сыворотка. «Глупый тролль! – крикнул он при этом. – Берегись! Не то раздавлю тебя, как этот камень!» Тролль опешил и малость сдрейфил, а потом пригласил ученика сапожника к себе домой, где в огромных котлах варилась похлебка, и предложил посоревноваться, кто съест больше. Принялись хлебать, но дурной тролль не заметил, что сапожник только притворяется, будто ест, а «в натуре» выливает похлебку в спрятанный под епанчой большой кожаный бурдюк. Тролль, ясное дело, вскоре уже есть не мог, а бурдюк – мог. «Сдаюсь, ты выиграл, могущественный смертный, – застонал тролль, – мне с тобой не тягаться, в меня уже не лезет ни ложки, а по тебе не видно, чтобы ты вообще ел». «Но-но, – засмеялся ученик сапожника, – не сдавайся так легко. Делай как я: разрежь себе желудок, выпусти ёдово, вот так, облегчись, и продолжим еду». Тут сапожник разрезал ножом бурдюк и похлебка вылилась. Потом подал нож троллю, ободряя того жестом и милой улыбкой. А глупый тролль совершил сеппуку.

Ф

Феи (Fairies)

Существа, заселяющие Волшебную Страну, Faerie. Этимология слова: от латинского *fatum* (фатум), означающего то же, что и судьба, предназначение, предсказание, предназначение богов. В таком классическом понимании слова «фатум», «фатализм», «фатальный» удержались в подавляющем большинстве современных языков. В средневековой латыни слово «фатум» имело также свою глагольную форму. «*Fatare*» означало «чаровать», «околдовывать», «заклинать», «подчинять своей воле», «изменять и формировать чью-либо судьбу». Слово это и произведенные от него формы проникли вначале в порожденный напрямую средневековой латынью итальянский язык, в котором «*fatare*» значит «чаровать». Словами «*una donna fatata*» многие произведения классической итальянской литературы определяют заколдованную даму, то есть столь характерную для рыцарской поэмы красавицу, высматривающую из оконца заколдованной башни либо с вершины стеклянной горы благородного избавителя. Словом же «*fata*» итальянские рыцарские поэмы именовали волшебницу, то есть заклинающую особу, которая – как знать – возможно, и была виновницей ограничения личной свободы заточенной в башне красотицы. Как «*fatata*», так и «*fata*» проникли в провансальский и кастильский (*una fada*), немецкий (*die Feine*) и французский (*feer*, *les dames faees*) языки.

Во французском языке слово это метаморфизировалось дальше, и метаморфоза сия произошла в согласии с духом языка. Так же, как из глагола «мечтать» (*rever*) выводится

«reverie» («мечтание, иллюзия»), так и произведенный от «fatum» глагол «faer», «feere» (заколдовывать, зачаровывать) пополним существительным «faerie», «feerie».

В современном английском существительное «faerie» имеет три значения. Первое: иллюзия, чары, фантасмагория. Второе: название волшебной страны, заселенной заколдованными существами. Третье: название существ, заселяющих эту страну, – «faeries», либо «fairies».

Хоть здесь явно (в толкиновском понимании) речь идет об эльфах, в польском языке «fairies» переводится обычно как ворожейки, феи либо вещуньи.

Поэт сказал:

...Тогда, по слухам, духи не шалят,
Все тихо ночью, не вредят планеты
И пропадают чары ведьм и фей.¹⁰⁶

Имеется также иная – весьма любопытная – этимологическая концепция, в соответствии с которой феи ведут свой род из Персии. По персидской мифологии, мифическая страна Джиннистан заселена невероятной красоты сверхъестественными существами женского пола, именуемыми пери (как небезызвестная пери Бану, соблазнившая некогда князя Ахмеда). Арабы, не выговаривающие «п», якобы перенесли этот миф в Европу, заменив «пери» на «фери» (так и получились готовые «Faerie» и «fairies»). Интересно – но меня больше убеждает версия первая, та, которая с «фатумом». Разве что отнести персидское «пери» исключительно к английскому языку? Потому что если не «фатум», то откуда взялась «фата-моргана»?

Фейре (Faerie)

Страна Фантазии, заселенная эльфами или феями. Встречается также перевод (на польский) «страна вещуний». «Faerie Queene» Эмунда Спенсера это по-польски (и по-русски) – «Королева вещуний». От «Faerie» происходит слово феерия (например, феерия огней).

Х

Хоббит (Hobbit)

Неологизм Дж. Р. Р. Толкина. Хоббиты – цитирую наиболее близкий к оригиналу перевод Паулины Брайтер – «это есть (а может, были) маленькие человечки, ниже нас наполовину и даже меньше ростом, чем бородатые краснотелы». Само слово «hobbit» лингвист Толкин шуточно выводит из «holbytlan», то есть (на языке рохирримов) «строители нор». Однако истинное происхождение названия иное – и любопытное. Ведь Толкин был в Оксфорде членом элитарного профессорского клуба, забавлявшегося чтением исландских саг и дискуссиями о них. Клуб назывался по-исландски «Кольбитар» (coalbiters, грызущий уголь) из-за того, что члены клуба усаживались столь близко от камина, что чуть ли не грызли уголь. Придуманная название для своего гуманоида, Толкин скомпоновал известную ему местность в Уорвикшире, называвшуюся Хоббинген (Hobbingen) – он жил там четыре года – с клубом Кольбитар – так и возник хоббит. Слово, известное всем и каждому.

Серые эльфы на синдаринском языке называли хоббитов перианами (perianath), а людей – хальфлингами. Вводя слово «хальфлинг», Толкин немного путает понятия, хальфлинг (от слова half – половина) означает в англосаксонском фольклоре обитателя Faerie, который представляет собой «fifty-fifty», то есть гибрид человека и fairy – как Робин Гудфеллоу.

¹⁰⁶ Уильям Шекспир. «Гамлет», перевод Б. Пастернака.

Так что хальфлинг – это что-то вроде промежуточного звена, то есть существа, в котором элемент «естественный» смешан со «сверхъестественным». Следовательно, ближе к истине в отношении хальфлингов оказался Джек Вэнс в цикле «Lyonesse», который в глоссарии к «Suldrun's Garden» говорит: «Эльфы (fairies) являются хальфлингами, как и тролли, фаллуа, огры и гоблины, в отличие от меррихеев, сандестинов, квистов и дарклингов».

Первая польская переводчица «Властелина Колец», Мария Скибневская, перевела толкиновского halfling так, как, кажется, этого хотел сам мэтр – «niziolek», то есть существо маленького роста, карлик, «ниже нас наполовину». Ведь слово «низёлок» (niziolek!) именно такое – и только такое – имеет значение в польском языке¹⁰⁷.

Однако сейчас, голову дам на отсечение, каждый спрошенный о низелках, не колеблясь ответит, что это хоббит. Поразительны бывают судьбы слов.

Ч

Чернобог

Демон ада высшего ранга, бог абсолютного зла в верованиях славян, властелин Черного Замка в Нави, северной стране Тьмы. Его супруга – богиня смерти Мара. Это от ее имени происходят слова поспа тага (ночное видение) и змога (кошмар).

Армией Чернобога, состоящей из демонов, дьяволов, вурдалаков, черных волхвов и ведьм, командует Вий. У Вия такие тяжелые веки, что его слуги вынуждены поддерживать их вилами. Стоит Вию поднять веки и взглянуть на кого-нибудь, как тот тут же умрет.

Чернобог противник всех богов и всего живущего, ибо его программа – Хаос и Ночь, тьма, в которой царят холод и вечное Зло.

В германские поверья Чернобог проник как Zernebock. Кто ж не помнит «Айвенго» Вальтера Скотта и песни, которую старая саксонка Ульрика поет в пылающем замке?

Точите мечи – ворон кричит!
Факел зажги – ревет Зернебок!
Точите мечи, Драконы сыны,
Факел зажги, Хенгиста дочь.¹⁰⁸

Некоторые считают, что славяне такого бога, как Чернобог, вообще не знали, а придумал его немец, гольштейнский пастор Гельмгольд, автор «Chronicon Slavorum»

(...zcerneboch, id est nigrum deum appellat). Но, как говорят итальянцы: se non e vero, e bon trovato¹⁰⁹.

Ш

Шелки (selkies или silkies)

Ирландское название гоане – родственницы сирен, точнее – русалок, морские вилы (русалки) встречаются обычно в ипостаси тюленей, однако раз в девять ночей шелки могут сбрасывать тюленью шкуру и, приняв обличье человека (женщины либо мужчины), петь

¹⁰⁷ Уильям Шекспир. «Гамлет», перевод Б. Пастернака.

¹⁰⁸ Перевод Е. Т. Бекетовой.

¹⁰⁹ «Это не так, но звучит хорошо» (ит.).

и плясать на пляже. Если юноше либо девушке (что гораздо реже) удастся украсть тюленью шкуру, то он (она) может принудить шелку (либо селка) к супружеству. Однако такие связи – как и в случае обычных русалок – очень даже непрочны.

В странах и районах, где шелки дело обычное (Англия, Корнуолл, Ирландия, Северная Шотландия, Гебриды, Оркады, Шетландские и Фарерские острова, Исландия), известны и часты случаи, когда девушки-шелки сами ищут молодых людей в качестве секс-партнеров на one night stand либо дольше. Сигналом тому, что юношей заинтересовалась шелка, служит красная шапочка, найденная на пляже. Молодой человек, решившийся ответить желанию шелки, должен поднять и забрать шапочку, а на следующий день на закате выйти на берег моря. На страх свой и риск.

Мне претензий прошу не предъявлять.

Э

Эльфы

Сверхъестественные существа, обитатели Faerie.

Этимология: германское (готское) Alf (теперь в форме Alp) значит «ночной призрак»; слово Alptraum означает ночные кошмары. Скандинавских Alfag мы найдем уже в «Эдде» – красивых светозарных эльфов (Liosalfar) и отвратительных эльфов черных (döckalfar или svartalfar).

Это древнейшая раса, существующая на свете с зарождения истории, а может быть, и еще раньше.

В отличие от fairies, у которых могут быть различные формы и размеры, эльфы по своим габаритам равны людям.

Эльфам присущ очень светлый, прямо-таки белый цвет кожи. Эльф не загорает, даже если целыми месяцами будет пребывать на солнце. Что до цвета волос и глаз, то существует два типа эльфов: светлые блондины с бледно-голубыми глазами и брюнеты (даже черноволосые) с ядовито-зелеными глазами. (Не очень типичны эльфы у Пола Андерсона – «The Broken Sword» – с глазами цвета жемчужно мерцающего тумана).

Эльфы доживают даже до 500–600 лет. Ниже границы в 100 лет эльфа считают мальчиком, 150–200 лет – возраст взрослого эльфа. Свыше 250 лет означает для эльфа преклонный возраст, а перевалив за 350, он становится стариком.

Эльфы худощавы, изящного телосложения и очень красивы. Эльфов калек, обрюзгших, лысых и некрасивых просто-напросто не бывает. Однако, несмотря на это, не так-то просто распознать эльфа в толпе людей. Более всего бросающееся в глаза эльфье отличие – острокопечные ушные раковины, обычно скрытые волосами. Эльфа можно распознать также по зубам (хоть эльфы редко их показывают). Ведь эльфы, не будучи плодом эволюции, не имеют клыков.

Милые, добрые и в принципе дружелюбные, охотно оказывающие услуги, эльфы собраны в круг Seelie (Seelie Court). Круг же Unseelie объединяет эльфов, решительно неприязненных, от которых можно ожидать только пакостей и неприятностей.

В Валлии эльфов называют tylwyth teg, в Ирландии – Daoine Sidhe (Ши). В фэнтези названия эльф, fairy и Ши часто взаимозаменяемы.

Кенсингтонский парк¹¹⁰

Когда ко мне пристают с расспросами об истоках, то есть о так называемом происхождении моего увлечения литературой фэнтези, о том, что подвигло меня самого заняться этим жанром, я обычно не колеблясь называю Толкина. Как правило, после этого на лице вопрошающего отражается недоумение и разочарование – он, конечно же, думал услышать нечто невероятно оригинальное, что-нибудь о мрачной тайне, скелете в шкафу, урагане страстей, глубоких пороках души, скрытых комплексах и сумрачных закутках моего «Я» – словом, обо всем том, что, по мнению читателя, должно скрываться в естестве писателя, то есть о тех чертах и черточках, которые оправдывали бы дерзость, позволившую предложить читателю все то, что бурлит у автора в душе. А по мнению читателя, у автора в душе должны бурлить и петь никак не меньше, чем Третий Бранденбургский концерт либо Пендерецкий. А если оказывается, что у автора бурлит и поет исключительно в легких, либо в нижнем отделе кишечника, или же если репертуар мелодий и текстов его души не поднимается выше песенки «Жил да был черный кот за углом», или «Sur le pont d'Avignon», то читатель вправе почувствовать разочарование.

Как так? Толкин? И ничего больше?

Ну, чтобы не разочаровывать вас, я кое что расскажу.

Иду это я однажды по улице, жара дикая, и решаю забежать в пивной бар хлебнуть холодного пивка. Однако по дороге попадается мне книжный магазин, и я ничтоже сумняшеся выкидываю тридцать пять тысяч злотых. Каприз. Джеймс Мэтью Барри, «Питер Пэн в Кенсингтонском парке», перевод Мачея Сломчиньского, издательства «Ясеньчик». Книжку эту я уже читал. В 1958 году. Было мне тогда десять лет. «Приключения Питера Пэна», обработка (не перевод!) Зофии Рогошувны. Издала «Наша ксегарня». Цена – десять злотых.

И тут я вдруг все вспомнил. Счастливая мысль вознесла меня в воздух выше крон деревьев. Как Питера Пэна.

Иллюстрации Артура Рэкхема. Высокие, почти совсем голые осенние деревья в Кенсингтонском парке, эльфы с глазами как у Бердслея, в воздушных платяницах, мелькают, будто призраки из детского сна среди дрожащих на ветру, еще не успевших облететь листьев, кружатся в танце меж паутинок, одуванчиков и цветов. Очаровательная Майми Мэннеринг в шубке, беседующая с хризантемой, дальше – убегающая вдаль парковая аллея. В глубине светится Роял Альберт Холл...

Магия.

Магия воспоминаний. И озарение – нет, нет, это не был Толкин. Толкин пришел позже. До него, значительно раньше, был Джеймс Мэтью Барри и Артур Рэкхем. Это от них пошли мои приключения – а может, вернее сказать, *liaisons dangereux*¹¹¹, с фэнтези.

Питеру Пэну было всего семь дней, когда он выбрался из дому через не забранное решеткой окно. Он не хотел быть младенцем, из которого когда-нибудь получится брюхатый филистер, страшный *petit bourgeois*¹¹², либо, в лучшем случае старый циник. У Питера не было крыльев, но он полетел, ибо глубоко верил, что летать умеет. Позади он оставил все, улетел из детской комнатки в ночную тьму, в ветер и дождь, чтобы опуститься в Кенсингтонском парке, у Серпентайна, в том месте, где сейчас стоит его памятник. И остался здесь навсегда, свободный и счастливый, в своей собственной стране Никогда-Никогда.

¹¹⁰ Kensington Gardens. Перевод с польского Е. П. Вайсброта.

¹¹¹ Опасные связи (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.

¹¹² Маленький (мелкий) буржуа (фр.).

Джеймс Мэтью Барри подарил всем мечтателям мира Питера Пэна, дал всем Never-Never Land¹¹³, страну, в которой возможно все. Он, вероятно, не предполагал, что обогатит также терминологию психиатрии и психологии. Ведь «комплексом» либо «синдромом Питера Пэна» стали именовать болезненное состояние, проявляющееся в глубоком отвращении к филистерству и мещанству, явной нелюбви к теплым тапочкам, телевизору и тряпкам, отказе участвовать в постоянной, непрекращающейся погоне за деньгами и венчающему весь этот изумительный жизненный опус инфаркту. Тронутый таким синдромом человек говорит всему этому «нет» и улетает в Кенсингтонский парк.

Так вот и вылезло шило из мешка, а комплекс из автора. Да, есть в моей душе изъян, есть скелет на дне благоухающего нафталином шкафа. У меня постыдная болезнь: я страдаю синдромом Питера Пэна. И, как и большинству страдающих, мне с ним легко и приятно.

Выдам вам, дорогие мои, еще один секрет. Как и Питеру, случилось мне усомниться. Однажды захотелось избавиться от этого ужасного недуга, вернуться, словно блудный сын, в лоно здорового общества, отрастить брюшко, завести детей и, кто знает, может быть, даже пойти на избирательный участок и проголосовать. Затосковал я по удовольствию, которое дает «Спортивное обозрение» и «Вечернее кабаре», по очарованию ежедневного nine to five, Monday to Friday, until death do us part¹¹⁴.

Да, я, как это делал Питер Пэн, отправился к Мэб, Королеве Эльфов, прекрасной, словно Джулия Робертс в фильме Спилберга. Отправился к всемогущей Мэб, той, которая способна исполнить любое желание. Слово Питер Пэн, я вымолил у нее возможность возвратиться в наш милый, добрый Остров Гдетоздесь, в нашу изумительную реальность, над воротами которой выведена надпись «Arbeit macht frei»¹¹⁵. И, как Питер Пэн, попробовал вернуться. И с грохотом врезался лбом в холодную решетку, которую за время моего отсутствия кто-то успел вмуровать в окно детской. Меня, как и Питера в аналогичной ситуации, никто не ждал. Возвращение оказалось невозможным. И бесцельным.

И очень хорошо! Потому что, поверьте, друзья, нет ничего лучше Never-Never Land'a! Виват, Страна Мечты! Здесь острова и пиратские корабли, здесь все богатства мира и скрывающиеся в океане чудовища. Правда, Океаны здесь – Круглый Пруд и Серпентайн, но ведь это не имеет значения. Здесь просто мечтают и фантазируют. Здесь обитает Королева Мэб и ее эльфы, сюда приходит прелестная Майми Мэннеринг и Венди, которая не поднимет вас на смех, когда вы дадите ей наперсток, наивно полагая, что это поцелуй. Поэтому идите в прелестный, полный очарования и чудес Кенсингтонский парк. Попасть туда легко. Но если вы этого захотите, не пользуйтесь планами города или путеводителем по Лондону. Вас должна вести картинка голых причудливых деревьев и удивительных цветов, картинка трепещущих на ветру еще не успевших облететь листьев, хризантем и паутинок, падубов и боярышника.

Таких, какими их нарисовал Артур Рэхем.

¹¹³ Остров Гдетотам (англ.).

¹¹⁴ от девяти (утра) до пяти (дня), от понедельника до пятницы и так до самой смерти (англ.).

¹¹⁵ «Труд освобождает» – надпись на воротах Освенцима (нем.).

Пособие для начинающих авторов фэнтези¹¹⁶

1. Nomen est omen¹¹⁷

Ручаюсь, что все написанное ниже читать будет уже только немногочисленная группа намеревающихся писать девочек и мальчиков, которые не дали оттолкнуть себя моими замечаниями относительно жанра и ехидными замечаниями в адрес тех, кто писать пытается. Некоторые наверняка стоически ожидали, справедливо полагая, что я ехидничаю и насмехаюсь только ради того, чтобы еще в зародыше придушить кентавра конкуренции и оторвать головы гидрам соперничества. Ждали, пока неудержимое многословие когда-нибудь да заставит меня наконец выдать секреты, раскрыть тайники.

Так оно и случилось. Терпеливые были правы. Вот первая главка вполне серьезного пособия для начинающих авторов фэнтези.

Начнем с вопросов, совершенно технических – с используемых в произведении названий и имен, то есть с фантастической номенклатуры. Автор фэнтези – это тот же Гед Перепелятник из Земноморья в башне старого Курремкармеррука, поскольку он должен в своем произведении дать названия всему, всему дать имена – и хорошо знать, как это делается.

Правило первое: обучиться иностранным языкам. Знание хотя бы основ таковых чрезвычайно полезно при написании фэнтези, ибо оно оберегает от совершения ономастических ляпсусов и комичных промашек, таких, например, как Острова Айленд (Острова Острова); гора Берг (гора Гора); собака Хунд (собака Собака); сестры Систерс (сестры Сестры); город Булонь-сюр-Мерде (Булонь-на-Дерьме); идадьго Ихо да Пута (Ихо де Шлюха); граф де Комт (граф де Граф); кавалер де Шевалье (кавалер де Кавалер); барон фон унд цу Катценшайзе ам Зее (барон фон унд цу Кошачье дерьмо на Море); римский центурион Коитус Интеррупс (центурион Прерванное Соитие) или герцогиня Эльвира Олвейс-Памперс Вош энд Гоу.

Не знающие языков должны во весь дух мчаться к более эрудированным и дружески расположенным людям и проконсультироваться у них относительно придуманных имен и названий на предмет их комичности и несуразности. Ибо нельзя исключить, что «родившееся» произведение когда-нибудь да переведут на иностранный язык. И тогда злосчастная ошибка может серьезно подпортить повествование. Англосаксонские писатели, например, которых «славяноподобные» слова и звуки притягивают в номастике словно магнит, явно забывают консультироваться у друзей-славян, в результате чего мировая фэнтези кишмя кишит такими названиями и именами, как Бейморг, Морда, Мордец, Мундак, Мандак, Дурник, Барак, Шуряк-Буряк, Срак, Высряк и даже Хрен Длинномерыч. Эти названия в польском, например, и русском языках однозначно ассоциируются со вполне определенными словами и заставляют читателя хихикать в совершенно неподходящие моменты. Впрочем, уже ставшая классической толкиновская Черная Речь Орков тоже иногда неизбежно ассоциируется с чем-либо. Например, я читаю: «Grishak ashnazg durbatuluk thrakatulyk burzum ishi krimpatulub», а слышу ушами души своей: «Ну, Гришка, жми в магазин, возьми водки, рыбки, огурчиков, конфет и боржоми». И тут же очами души своей вижу орков в островерхих буденовках с красными звездами.

Внимание! Серьезные опасности поджидают в гуще номенклатуры и ономастики авторов так называемой «квазиисторической» фэнтези. Тут уж не до шуток. В канонизированной фэнтези орк имеет право кричать «Thratuluk durbatuluk», а автор может утверждать, что это

¹¹⁶ Dla Tych Co Pierwszy Raz. Перевод с польского Е. П. Вайсброта.

¹¹⁷ Имя есть знамение (лат.).

означает «прикройте двери, а то мухи налетят». *Licencia poetica*. Однако не так давно я читал рассказ, в котором один из юных корифеев польской – ах, простите – славянской фэнтези живописует хазара или какого-то другого варяга, который говорит «по-славянски»: «хочу мочный холом». Беда в том, что в большинстве славянских языков ближайшим эквивалентом «мочного холома» был бы, мне кажется, «облитый мочой холм», да и то при условии, что хазар шепелявит. Ни с «мощным», в смысле «прочном», ни с «шоломом», в смысле «шлемом», слова эти, то есть мочу и холом, никоим образом ассоциировать невозможно. Автор, у которого в школе по русскому языку была тройка с минусом (по-хазарски выражаясь, был бы он «твердый лоб»), не пожелал проконсультироваться с кем-либо, у кого была существенно пониженная сопротивляемость к усвоению знаний.

Правило второе: если мы желаем поместить действие в нашем собственном Never-Never Land'e, то, конечно же, следует подчеркнуть его необычность необычной же ономастикой. Однако, дорогие мои адепты, необычность состоит не в том, чтобы «ковать» названия столь далеко чуждые и противоречащие мелодике родного языка, сколь только это возможно. В особенности следует избегать имен односложных и тем более таких, которые близки звукам кашля, отрыжки, икоты, рвоты, пускания ветров и другим звукам, повсеместно считающимися недопустимыми в обществе. Однако с прискорбием отмечаю, что имена типа Ур, Ург, Вург, Бург, Гарг, Пург, Сруут, Вырг, Хыырг, Харк, Чхарг, Друмг и Пёрд по загадочным причинам завораживают и притягивают многочисленных авторов фэнтези, ибо, по их мнению, звучат весьма фантастично. Неправда. Они звучат так, словно кто-то кашляет, отрыгает, отхаркивается или, пардон, смачно пускает ветры.

Правило третье: если мы не стали придавать именам необычности, то следует хотя бы избегать тех, которые имманентно звучат глупо. К таким, например, относятся Збируг, Пэруг, Вареник, Пельмень, Меринос, Козизуб, Капец, Хлапут, Збук, Мин, Кумин, Камин и Ксин. Ясное дело, если писать пародию на фэнтези, то надо поступать как раз наоборот. Например, действующий в пародии дядюшка Капец, князь Козизуб или вещий Меринос выполняют свою роль прекрасно, увеселяют жаждущего веселья читателя даже в том случае, если самой фабуле и диалогам недостает ни шуток, ни полета.

Наконец, еще одно слово о старом как мир, опатентованном классиками методе – если откажет воображение, можно обратиться к каким-либо источникам, прихватить оттуда названия и имена, а потом утверждать, будто это было сделано намеренно, да что там, даже постмодернистски, поскольку определяет – пардон – онтологию созданного нами мира. Однако, поступая указанным образом, необходимо остерегаться источников, из которых до нас уже черпали другие, особенно классики. Так, для желающих «тянуть» имена из «Эдды», древнего нордического эпоса, небольшая информация: оттуда уже позаимствованы следующие имена: Гэндальф, Дурин, Торин, Трайн, Трор, Балин, Двалин, Бифур, Бомбур, Фили и Кили. Вниманию: Балин и Двалин были позаимствованы дважды. Но не отчаивайтесь, дорогие адепты. Там еще осталось множество имен.

2. Без карты ни на шаг

Прежде чем садиться писать фэнтези, автор обязан сотворить мир. Однако же сотворение мира – дело нелегкое и чертовски трудоемкое. Да и требует немалого времени. Рекорд в этом смысле, составляющий шесть дней, до сих пор не побит, и, мне думается, попытки побить его вряд ли следует считать разумными.

К счастью, вместо мира мы можем просто создать его эквивалент, а именно – карту. И не только можем, а обязаны. В книге фэнтези карта является неотъемлемым элементом, условием *sine qua non*. Она просто должна быть.

Во-первых, карта необходима читателю, чтобы решить: покупать – не покупать. Карта – это для искушенного читателя фэнтези визитная карточка книги. Обложка отнюдь не может считаться такой визиткой – совсем даже наоборот. Искушенный читатель скользнет разве что по обложке мимолетным взглядом, не желая сразу же отказаться от книги из-за рефлексивной и порой безосновательной идентификации содержания произведения с намалеванным на обложке кошмариком.

Искушенный читатель не глядит и на обратную сторону книги, поскольку знает, что фразы «Лучшая фэнтези, захватывающий бестселлер» или «Новый Толкин» наличествуют на обороте практически абсолютно всех книг фэнтези и из-за своей распространенности обесценились и окончательно потеряли притягательность. Такие цитаты на так называемой четвертой стороне обложки исполняют всего лишь орнаментальную роль либо являются выражением симпатии издателя. Кроме того, как обложка, так и некоего рода «откровения» создаются людьми, по большей части не имеющими ни малейшего понятия ни об авторе, ни о произведении – художниками, критиками и издателями.

Карта – совсем другое дело. Карту разрабатывает сам автор. Лично. Глядя на карту, читатель получает добросовестную информацию из первых рук.

А поэтому опытный читатель прежде всего смотрит на карту. Своим наметанным глазом он сразу же вылавливает скрытое на Западе Царство Добра и Порядка, после чего профессионально оценивает расстояние, отделяющее эту страну от лежащей на Востоке Империи Зла. Затем подвергает критическому анализу рассеянные между Востоком и Западом ландшафтные и рельефные препятствия, на основе чего незамедлительно получает информацию о сложности трассы, которую достанется преодолевать протагонисту. Сложность трассы и предвосхищаемые преграды на пути читатель молниеносно пересчитывает на увлекательность фабулы, увлекательность фабулы сравнивает с ценой книги... а потом уж покупает книгу либо не покупает.

Другой важной персоной, для которой создаются карты, является критик. Критик книгу фэнтези не читает – да никто от него этого и не ждет. Ограничив сферу рецензирования только прочитанными книгами, критик стал бы проделывать титаническую работу за плевые деньги, а такое можно пожелать лишь дурням да заклятым врагам. Такое рецензирование рассудительный критик предоставляет обожателям фантастики, авторам писем в редакции. Оные обожатели с таким запалом и рвением рецензируют все, что им под руку попадает, что им вообще нет нужды платить.

Однако глаз критика задерживается на карте. Этого, как правило, достаточно, чтобы оценить «сотворенный автором мир». К сожалению, в этом плане я ничего не могу посоветовать молодым адептам, создающим фэнтези. Я не знаю, какова должна быть карта, чтобы рецензия оказалась положительной. Еще до недавних пор во мне теплилось убеждение, что самый что ни на есть лучший эффект дает размещение гор на севере, течение рек на юг и впадение их же в море в виде сильно разветвленной дельты. Однако мое заблуждение развеяла отрицательная рецензия на книгу именно с такой картой, и в то же время появилась рецензия положительная на книгу, приложенная к которой карта вообще не содержала рек! Воистину тайна сия велика есть!

Мнение, будто самые лучшие рецензии инспирируются картами, на которых Шир расположен на севере, а Мордор на юго-востоке, я считаю демагогическим.

Теперь перейдем к практическим занятиям.

Рисовать карту просто. Берем чистый лист бумаги и представляем себе, что перед нами море. Медленно и с достоинством несколько раз повторяем слова Библии: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою» (Бытие, 1,2). Потом произносим слова «Да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да появится суша» (Бытие, 1, 9) и с помощью карандашика наносим на карту контур континента. Тщательно следим за тем, чтобы не нарисовать квадрат. Речь тут вовсе не о том, что континенты не могут иметь такую

форму, а о том, чтобы действовать творчески и новаторски, поскольку каждый второй континент в книжках фэнтези напоминает квадрат.

Не следует отчаиваться, если при первой попытке возникнет нечто, напоминающее пятно на простыне в мальчиковом интернате. Дело, как говорится, житейское. Это позже скорректируется. Однако если пятно упорно остается пятном и никаким манером не желает становиться континентом, тогда поступаем так: вырезаем из бумаги контур Нидерландов, провинции Сычуань либо Земли Франца-Иосифа, а затем разворачиваем листок так, чтобы переориентировать его севером на юг, и изменяем масштаб. Результаты – особенно если добавить малость полуостровов и фиордов – превосходят все ожидания.

Получив континент, надлежит нанести на него горы и реки. Это нетрудно, однако не надо забывать ни на минуту, что реки всегда текут с гор в низины и впадают в моря и никогда – наоборот. Будем также помнить, что текущие реки прорывают долины, создают бассейны и водоразделы, и это следует на карте реалистически показать. Однако я не принуждаю вас подражать пуристам, которые двигаются к сюрреалистическому формированию гидрографии своих Never-Never Land'ов, писая на наваленную в комнате кучу принесенного с улицы песка. Это сильное преувеличение, учитывая, что ни один читатель такого самопожертвования не оценит, а любой критик высмеет.

Когда на континенте уже образуются горы и реки, остальное – косметика. Здесь я не даю никаких рекомендаций, да и зачем – косметика дело сугубо личное, тут уж, как говорится, всякий молодец на свой образец. Или, что еще ближе: каждый по-своему с ума сходит.

Карта, естественно, должна быть описана (не в приведенном несколько ранее смысле!). Это традиция, нарушать кою не следует. Каждое море, каждая река, каждая горная цепь, каждое плоскогорье и каждая пустыня должны получить название. Основной принцип, обязывающий автора при присвоении названий, мы уже обсудили в предыдущей главке «Пособия». Сейчас же займемся исключительно правилами картографической номенклатуры.

Основное – и в принципе единственное – правило таково: никогда не забывать о читателе, ломающем себе голову над жизненно важной проблемой: купить – не купить. Не следует затруднять ему решения, заставляя подозревать, что утомительная дорога от Замка Белых Башен до Черной Цитадели Хаоса пройдет через Смолокурню, Великие Луки, Малые Васюки, Харьков, Петров, Бердичев и Козью Горку. Дадим анализирующему карту читателю мгновенное вливание адреналина и понюшку кокаина: пусть дорога с Запада на Восток бежит через Вампиры Поля, Гнилые Болота, Пыльные Равнины, Пуши Звонящих Берцовых Костей, Туманные Распадки Смерти, Горы Слез, Возвышенности Скрежета Зубовного и Ущелья Брюшного Тифа. Пусть читатель знает, что его ждет. И на какие действия он может рассчитывать, путешествуя вместе с протагонистом через Лес Клацающих Челюстей, Пещеры Шелоба (самца), Драконью Пушу, Змейские Яры, Страшные Дыропровалы и – обязательно – сквозь Гай Сладостных, Желанных и Свободных от Предрассудков Нимф.

Думаю, нет нужды добавлять, что на авторе лежит обязанность осуществить анонсированные названиями обещания. Читатель имеет право и привилегию предвосхищать акцию на основании «красноречивых названий» и ужасно не любит, когда его обманывают. «Вампиры Поля» должны действительно оказаться охотничьим угощем целых ватаг Жарых Ломоносов, а отнюдь не питомником по разведению бабочек из гусениц-шелкопрядов или территорией, на которой происходят гонки на квадригах. В «Лесу Клацающих Челюстей» во что бы то ни стало должны раздаваться громкие и зловещие клацанья и кто-нибудь обязательно должен быть склацан. «Горы Слез» могли бы, правда, быть районом выращивания лука, но не должны! Читатель такие шуточки не любит. Читатель не любит *Zweideutigkeit*'а, то бишь двусмысленности!

Поэтому абсолютно – повторяю: абсолютно недопустима какая-либо двусмысленность в отношении Страшных Дыропровалов и Сладостно-желанных Нимф.

Вареник, или Нет золота в серых горах¹¹⁸

Где искать начало литературного жанра – или поджанра, – которым нам предстоит заняться? Мнения специалистов разделились. Одни отсылают к Уолполю, Анне Радклифф и Мэри Шэлли, другие предпочитают лорда Дансени, Меррита и Кларка Эштона Смита. Третьи – а мнения последних разделяет и нижеподписавшийся – ищут истоки Белого Нила в так называемых pulp-magazines – дешевых журнальчиках, публикующих сенсационные рассказы. В одном из таких журналов некто Виндзор Маккей начал примерно в 1905 году публиковать комикс, посвященный приключениям героя, носящего тривиальное имя Немо. Комикс, шедший с еженедельными продолжениями, растянулся на долгое время, а картинки Маккея отличались от других комиксов тем, что – достаточно характерная особенность – истории упомянутого Немо разыгрывались не на Диком Западе, не в вотчине гангстеров Чикаго времен «сухого закона», не в глубинах Черной Африки и не на другой планете. Все происходило в удивительной стране, которую Маккей назвал Сламберлендом, – стране, богатой возвышающимися на скалах замками, обаятельнейшими принцессами, геройскими рыцарями, чародеями и жутчайшими чудовищами.

Сламберленд Маккея стал первым настоящим широко известным Островом Гдетотам – Never-Never Land'ом. Страной Мечты. Комикс Маккея нельзя считать «приключенческим» (adventure), не был он и научной фантастикой, он был фантастикой. По английски – фэнтези.

Несколько позже, в 1930 году, Роберт Говард, будучи двадцати одного года от роду, придумал для pulp-журнала «Weird Tales»¹¹⁹ фигуру здоровяка Конана из Киммерии. Первую историю о Конане Америка увидела в 1932 году, а в 1936 году Говард скончался, покончив жизнь самоубийством и оставив после себя несколько коротеньких рассказов и новеллок, действие которых разворачивалось в немного похожем на нашу Землю, но совершенно фиктивном и фантастическом Never-Never Land'e. Геройский Конан проделывает там то, чего его создатель не сумел. Говард оставил нам лишь одну крупную вещь о Конане, а именно «Век Дракона». Это произведение уже после кончины автора вновь публикуют под названием «Конан-Завоеватель». Говард лежит себе спокойненько в могиле темной, а мирок американских фэнов начинает трясти от очередных «Conan the...», которые стряпают ловкачи, учуявшие бизнес. Ловкачи чувствуют верно и уже знают: Говард сотворил новый, пользующийся спросом, прекрасно идущий жанр – меч и магия genre-sword and sorcery, который иногда называют также «героическая фэнтези».

Фэнтези – большой взрыв

В 1937 году, вскоре после смерти Говарда, малоизвестный сорокапятилетний мистер Толкин публикует в Англии детскую книжку под названием «Хоббит, или Туда и обратно». Толкиновская концепция Never-Never Land'a, поименованного Средиземьем, родилась в двадцатых годах нашего столетия, но лишь в 1954 году издательство Allen u Unwin издает «Властелина Колец». На то, чтобы создать произведение, трилогию, которой предстояло потрясти мир, автору потребовалось двенадцать лет. Его опередил К. С. Льюис со своей «Нарнией», увидевшей свет в 1950 году, однако, несмотря на это, не Льюис, а именно Толкин повергает мир на колени. Однако, поскольку, как известно, нет пророка в своем отечестве, вышеуказанное

¹¹⁸ Pirog, Czyli Nie Ma Zlota W Gorach Szarych. Перевод с польского Е. П. Вайсброта.

¹¹⁹ «Таинственные рассказы».

«повержение» по-настоящему осуществилось лишь в 1965–1966 годах, после того как в Штатах эти книги опубликовали в мягкой обложке (так называемое издание paperback)^[1].

С фактом такого издания трилогии совпадает переиздание (и перередактирования) всей серии «Конанов», пополненной Л. Спрэг де Кампом.

Заметим – два автора и два произведения. Два произведения столь разных, сколь различны их авторы. Молоденький невротик и зрелый, основательный профессор. Конан из Киммерии и Фродо Бэггинс из Хоббитона. Две такие разные страны Никогда-Никогда. И общий успех. И созданный жанр. Начавшийся культ и безумие.

Когда начались культ и безумие, тогда оглянулись назад. Конечно, обнаружили «Нарнию» Льюиса и в перечень вписали третье имя. Но обнаружили также и стародавний «Лес за пределами мира» Уильяма Морриса, «Алису в Стране Чудес» Льюиса Кэрролла, даже «Удивительного мудреца Страны Оз» Фрэнка Баума, написанного в 1900 году. Заметили также «Король в прошлом, король в грядущем» Т. Х. Уайта из 1958 года. Верно, это тоже была фэнтези, правда, по-английски означавшая не более чем «фантазия». Однако же, как заметили «холодные судьи», эта предтолкиновская «чепуха» не обладала тем, что наличествовало во «Властелине Колец» или «Конане». А кроме того, добавили «холодные судьи», если уж в такой степени подгонять критерии, то где место для «Питера Пэна» и «Винни-Пуха»? Ведь это тоже фантазия, фэнтези. Поэтому быстренько сляпали термин – adult fantasy – взрослая фантастика, фантастика для взрослых – не иначе, для того, чтобы перекрыть Винни дорожку в список фантастических бестселлеров.

Фэнтези – расширение

Жанр развивается лавинно, ставит очередные километровые столбы, быстро заполняется портретами авторов Зал Славы. Hall of Fame.

В 1961 году возникают саги «Эльрик» и «Хокмун» («Elric», «Hawkmoon») Майкла Муркока. В 1963 году – первый «Колдовской мир» Андре Нортон. Возобновляется в paperback'e «Фафхрд и Серый Мышелов» Фрица Лейбера. Наконец, в 1968 году, с великим гулом – «Маг Земноморья» Урсулы Ле Гуин, а одновременно «Последний Единорог» Питера С. Бигла – два произведения абсолютно культового характера. Нахлынула волна семидесятых годов – появляются и побивают все рекорды по продаже книги Стивена Кинга. Правда, в них больше хоррора, чем фэнтези, но это практически первый случай, когда писатель из «гетто» вытеснил «майнстримовцев» из всех возможных списков бестселлеров. Вскоре после него появляются «Хроники Томаса Ковенанта, Неверующего» Стивена Р. Дональдсона, «Амбер» Желязны, «Ксанф» Пирса Энтони, «Дерини» Кэтрин Курц, «Могила рождения» Танит Ли, «Туманы Авалона» Марион Зиммер Брэдли, «Белгариад» Дэвида Эддингса. И следующие. Следующие. Следующие. Конъюнктура не ослабевает.

Как уже сказано – безумие, культ, побивающая все рекорды продажа, гигантская популярность и гигантская прибыль. И как всегда – сморщенные носы критиков. Популярно, читабельно, любимо, хорошо продается – а посему... ничего не стоит. Чепуховина. Какая-то там фэнтези! Вдобавок идущая по прямой линии от pulp magazines и «Weird Tales», издаваемого на скверной бумаге примитивного чтения для кретинов. Никто не слушал Толкина, когда старый улыбающийся хоббит спокойно объяснял, что свое «Средиземье» он творил не как убежище для дезертиров из трудолюбивой армии реальной действительности, а совсем наоборот, хотел раскрыть двери узилища, заполненного несчастными смертниками повседневности. «Фантазирование, – говорил старый Дж. Р. Р., – естественная тенденция в психическом развитии человека. Фантазирование не оскорбляет благоразумия и не мешает ему, не затмевает правды и не притупляет стремления к познанию. Совсем наоборот – чем живее и проницательнее ум, тем прекраснее фантазии, которые он в состоянии создавать^[2].

Хотелось бы сказать – верно. И – хотелось бы добавить, – наоборот. Потому что когда начался бизнес, творчески фантазировать принялись различные, очень даже различные умы. И таланты. Но об этом позже. Сначала есть смысл взглянуть и подумать, что же такое есть эта знаменитая фэнтези.

Определение в карете из тыквы

Что такое фэнтези, видит каждый. А родом фэнтези из сказки. Уже Лем писал, скажет любой правоверный фэн, что фэнтези – это сказка, лишенная оптимизма детерминированной судьбы, это повествование, в котором детерминизм судьбы подпорчен стохастикой случайностей.

Хо-хо! Звучит мудро, аж зубы болят, а ведь это еще не конец. Продолжая штудировать классика, мы узнаем, что фэнтези, с одной стороны, принципиально отличается от сказки, ибо фэнтези есть игра с ненулевой суммой, а вот с другой, понимаешь, стороны совершенно от сказки не отличается, ибо она не поддается проверке в плане событийной осуществимости (она «антиверистична»). Зубы болят все невыносимее, но что делать, лемовская «Фантастика и футурология» была рассчитана не на таких, как я, простачков, которым разжуй и положи в рот, да еще и подтверди это тривиальным примером. Скажем, вот так.

Сказка и фэнтези тождественны, ибо непроверяемы. И в сказке, и в фэнтези Золушка, к примеру, едет на бал в тыкве, запряженной мышами, а трудно придумать что-либо более непроверяемое. Детерминизм событий, пресловутый «гомеостат» сказки требует того, чтобы дающий бал принц ощутил при виде Золушки удар, приступ неожиданной любви, граничащий с умопомрачением, а «игра с нулевой суммой» требует, чтобы они поженились и жили долго и счастливо, предварительно покарвав злую мачеху и единокровных (по отцу) сестер. В фэнтези же может сработать «стохастика случайностей» – принц, допустим, ловко разыгрывает страсть, выманивает девушку в темную галерею и лишает невинности, а затем приказывает гайдукам выкинуть ее за ворота. Обуреваемая жаждой мести Золушка скрывается в Серых Горах, где золота, как известно, нет. Там организует партизанский отряд, чтобы низложить насильника и лишить его трона. Вскоре благодаря древнему предсказанию становится известно, что именно Золушке-то принадлежат права на корону, а отвратник принц – незаконнорожденный тип и узурпатор, да к тому же еще и марионетка в руках злого чародея. Ясно? Я понятно изложил?

Однако вернемся к той непроверяемости («антиверизму»): характерной черте, либо – если это больше нравится другим, а особенно противникам жанра – стилем фэнтези. И снова обратимся к рассказу о Золушке. Пусть наше повествование начнется, когда все уже чуточку подпорчено стохастикой случайностей – скажем, на балу. Что мы тут имеем? Так. Мы имеем замок и галереи, принца и дворян в атласе и кружевах, лакеев в ливреях и канделябры – все веристично до тошноты. Если дополнительно мы прочитаем фрагмент диалога, в котором гости принца комментируют заседания Константинопольского Собора, то проверяемость будет уже полной. Но тут вдруг появляется волшебница, карета из тыквы и влекущие ее полевые мышки! Ох, скверно! Антиверизм! Непроверяемость! Остается только надеяться, что действие, может быть, разворачивается на иной планете, на той, где мыши таскают кареты ежедневно. Может, добрая волшебница обернется космонавткой из NASA или перодетым мистером Споком. Или, например, все происходит на Земле после какого-то ужасного катаклизма, отбросившего человечество к феодализму и галереям внутренних дворишков, а одновременно обогатившего мир мышами-мутантами, ведь такой поворот событий был бы научным, серьезным и ха-ха! – веристичным! Но магия? Волшебница? Нет. Исключено. Несерьезные глупости. Выкинуть – цитирую Лема – в корзину.

Хо-хо, убейте меня, дорогие, но я не вижу большой разницы между непроверяемостью волшебной тыквы и непроверяемостью удаленных галактик, либо Большого Взрыва. А дискуссия о том, что волшебных тыкв не было, нет и не будет, а Большой Взрыв мог некогда иметь место быть либо еще может когда-нибудь случиться – для меня дискуссия бесплодная и смешная, ведущаяся с позиций тех цековских деятелей культуры, которые некогда требовали от Теофиля Очепки, чтобы он перестал малевать гномиков, а начал изображать достижения коммунизма, ибо коммунизм существует, а гномики – нет. И скажем себе раз и навсегда – с точки зрения непроверяемости фэнтези ни лучше, ни хуже, чем так называемая SF. А для того, чтобы наш рассказ о Золушке стал веристичным, ему необходимо в последних абзацах оказаться сном секретарши из проектного бюро в Бельско-Бялой, упившейся вермутом в предновогоднюю ночь.

Между историей и сказкой

Однако вернемся к фэнтези и ее якобы сказочным корням. Факты, увы, говорят о другом. Невероятно мало классических произведений этого жанра эксплуатируют сказочные мотивы, докапываются до символики, постмодернистски интерпретируют послы произведений, обогащают изложение сказки фоном и занимаются «искривлением» упомянутого детерминизма фактов, пытаются сложить непротиворечивое математическое уравнение из процитированной выше игры с ненулевой суммой.

Ничего подобного нет, а если и есть, то очень мало. Причина проста. В распоряжении создавших этот жанр и доминирующих в нем англосаксов имелся гораздо лучший материал: кельтская мифология. Артуровская легенда, ирландские, бретонские или валлийские предания, Мабиногион – все это в сотни раз лучше годится в качестве материала для фэнтези, нежели инфантильная и примитивно сконструированная сказка.

Артуровский миф среди англосаксов вечно жив, крепко врос в культуру своим архетипом. И поэтому архетипом, прообразом ВСЕХ произведений фэнтези является легенда о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола^[3].

Кто хочет, пусть прикроет глаза, протянет руку к книжной полке и возьмет с нее наугад вслепую любой роман фэнтези. И пусть проверит. Книга описывает два королевства (страны, империи), одно – Страна Добра, другое наоборот. Есть Добрый Король, лишенный трона и наследства и пытающийся их обрести вновь, чему противодействуют Силы Зла и Хаоса. Доброго Короля поддерживает Добрая Магия и Добрый Чародей, а также сплотившаяся вокруг справедливого владыки Боевая Дружина Удальцов. Однако же для полной победы над Силами Тьмы необходим Волшебный Артефакт, магический предмет невероятной мощи. Предмет этот во власти Добра и Порядка обладает интегрирующими и мирными свойствами, в руках же Зла он – сила деструктивная. Стало быть, Волшебный Артефакт необходимо отыскать и овладеть им прежде, чем он попадет в лапы Извечного Врага...

Откуда это нам известно? От сэра Томаса Мэлори, из «Смерти Артура». Правда, для нас это всего лишь легенда из «не нашего круга культуры», одна из множества легенд, чуждая нам, как сказки эскимосов или предания краснокожих из Союза Шести Племен. В англосаксонской же культуре Артуровский миф сидит крепко и жестко. Он полностью интегрирован в эту культуру. И – это следует признать – не совсем-то сказочен. Он квазиисторичен. В Англии до сих пор всерьез рассуждают о том, находился ли Камелот на месте теперешнего Винчестера? Кажется, даже предпринимаются соответствующие раскопки. До наших дней Тинтагель или Гластонбери остаются местами сходов различных маньяков, постдруидов и психомедиевистов.

Было бы, разумеется, чересчур большим упрощением читать параллельно «Властелина Колец» и «Смерть Артура», было бы упрощением новаторски восклицать, что, мол, Артур это

Арагорн, Андрил это Экскалибур, Кольцо – Грааль, Фродо – Галахад, Мерлин – Гэндальф, а Саурон – это комбинация, составленная из Волшебницы Морганы и диких саксов, побежденных у горы Бадон (на полях Пеленнор). Но нельзя не заметить подобий в глубинном слое этих произведений, пренебречь тем фактом, что весь жанр фэнтези эксплуатирует Артуровский миф в одном основополагающем каноне, в лейтмотиве борьбы Сил Добра и Прогресса, представленных Артуром, Мерлином, Экскалибуром и Круглым Столом, с Силами Тьмы и Деструкции, олицетворяемыми Морганой, Мордредом и стоящими за ними силами.

Легенда об Артуре стала не только архетипом, прообразом фэнтези, она была также демонстрационным полем для авторов, которые предпочитали творчески эксплуатировать сам миф, вместо того чтобы возводить на нем как на фундаменте «собственные» замыслы. Прежде всего здесь следует назвать Т. Х. Уайта и его «Король в прошлом и король в будущем», знаменитый труд «камелотской» фэнтези. Следующим событием была публикация «Туманов Авалона», прекрасного, отмеченного наградами и премиями, произведения Марион Зиммер Брэдли. Из других авторов этого субжанра можно назвать – не столь громогласно, как два предыдущих имени, – Джиллиан Брэдшоу, Питера Ханратти и Стивена Р. Лоухеда. В последнее время к ним присоединились Дайана Л. Паксон с интересным, хоть и чудовищно вторичным по сравнению с «Туманами Авалона» произведением, названным «Белый Ворон».

Гэндальфа в президенты!

Итак, мы имеем первый «корень», фэнтези – это архетип Артуровской легенды. Но фэнтези – не дерево об этом корне. Она завоевала популярность не только потому, что играла на звучных струнах легенды, переплетенной с культурой. Она получила популярность потому, что была жанром определенного ВРЕМЕНИ.

А точнее – времен. Методом, коим авторы фэнтези отреагировали на времена, в которых им довелось жить. Вспомним – взрыв фэнтези на грани шестидесятых – семидесятых годов, когда эта литература была принята и поднята до уровня символа наравне с битлами, детьми-цветочками, Вудстоком, была реакцией на выстрелы в Далласе и Вьетнаме, на технизацию, отравление окружающей среды, на расцвет религии welfare state (государства всеобщего благосостояния), введенной в моду филистерской частью общества, на культ ленивого потребительства перед экраном телевизора, с которого струились «Процветание» («Bonanza»), «Династия» либо другие дифирамбы в честь Американского Образа Жизни. Именно в это время рождается иной культ – культ бунта. На стенах станций метро появляются оптимистические надписи: «ФРОДО ЖИВ» и «ГЭНДАЛЬФА В ПРЕЗИДЕНТЫ!». Газетная заметочка о бездумном уничтожении среды обитания подается под заголовком: «Еще немного Мордора!»

Разумеется, в то же самое время происходит взрыв хищной, бунтарской либо предупреждающей SF, но ей далеко до популярности фэнтези. Ибо читатель начинает чувствовать и понимать тлеющую в нем жажду богатства от отвратной и ужасающей повседневности, от окружающего его бездушия и бесчувственности, от отчужденности. Он хочет убежать от «прогресса», поскольку это ведь вовсе не прогресс, а Дорога в ад. Сойти с этой дороги, хотя бы на несколько минут углубиться в чтение, убежать в Страну Никогда-Никогда, чтобы вместе с героями отправиться в Серые Горы, где золота, как известно, нет. Плечом к плечу с верными друзьями сразиться с Силами Тьмы, потому что эти Силы Тьмы, этот Мордор, который на страницах романа угрожает фантастическому миру, символизирует и олицетворяет собою те силы, которые в реальном мире угрожают индивидуальности – и мечтам.

Однако исходящий из таких мечтаний эскапизм – это эскапизм меланхолический. Ведь того, что творится вокруг нас, мечтаниями ни сдержать, ни изменить не удастся. И здесь мы возвращаемся вновь к легенде Круглого Стола. Потому что артуровский архетип живьем переносит в фэнтези особую, поэтическую меланхоличность, свойственную этому жанру. Ведь

легенда об Артуре – легенда грустная и меланхолическая, она – как наверняка сказал бы Лем – легенда с «ненулевой суммой». Мы помним: смерть, принесенная Артуру рукой Мордреда, сводит на нет возможность сотворения Царства Добра, Света и Мира. Грааль вместо того, чтобы объединить рыцарей Круглого Стола, распыляет их и приводит к антагонизму, делит на достойных и недостойных прикоснуться к Священной Чаше. А для самого лучшего из них, для Галахада, встреча с Граалем означает прощание с этим миром. Ланселот сходит с ума, Мерлин позволяет Нимуэ одурачить себя и заточить. Нечто кончается, кончается эпоха. Древнему народу Большой и Малой Британии, эльфам и другим расам придется уплыть на Запад, в Авалон либо Тир-Нан-Ог, потому что в нашем мире для них уже места нет.

Что и говорить, не очень-то во всем этом ощущается «гомеостат сказки».

А борьба Добра со Злом? В легенде Зло не побеждает напрямую и очевидным образом – Мордред погибает, фея Моргана проигрывает «сражение». Но смерть Артура должна – мы ведь это знаем – привести к нарушению изумительных планов короля. Отсутствие наследника не может не вызвать хаоса, борьбы за власть, анархии, мрака.

Но в то же время Мерлин вечен и когда-нибудь да вернется – как Гэндальф? А посему – ГЭНДАЛЬФА В ПРЕЗИДЕНТЫ! Вернется из Авалона и Артур, ведь он как-никак *The Once and Future King*. А вернется он тогда, когда с нашим миром действительно будет плохо, очистит наш мир от остатков Мордора и тогда воцарится мир, согласие и вечное счастье *viribus unitas*¹²⁰ при божеском (чародейском) вспоможествовании.

Призванный – преследуемый

Именно эту-то лирическую меланхолию, печаль по уходящему времени и кончающейся эпохе, одобренную оптимизмом и надеждой, артистически использовал Толкин во «Властелине Колец». У нижеподписавшегося слезы наворачивались на глаза, когда Серый Корабль забирал Фродо из Серой Гавани, и у него же – нижеподписавшегося – сопли текли, ох текли, когда Сэм Скрамби извещал Розы Коттон, что он только что вернулся. Да, да. Из Серой Гавани. На запад. В Авалон. Да, да. Мэтр Толкин проехался по Артуровскому архетипу, как донской казак по степи, ну что ж – он был Первым и Великим. Тот, кто позже кинулся по тому же самому, архетипному следу, получал ярлык эпигона. Да и как же мог не получать? Ведь архетип-то был тот же самый. И тем же самым остается.

В пользу мэтра Толкина надобно сказать, что он указанный архетип использовал так блестяще, столько сил и труда вложил, дабы превратить архетип в пригодное для усвоения современниками повествование, что... создал собственный архетип, архетип Толкина. Повторим эксперимент, вновь обратимся к книге фэнтези, взятой с нашей полки, посмотрим, о чем она.

Так вот, живет-поживает в более-менее сельской местности герой и чувствует себя недурственно. Вдруг появляется таинственная фигура, обычно – чародей, и чародей этот сообщает протагонисту, что тому должно, не откладывая и без проволочки, отправиться в великий поход, ибо от него, протагониста, зависят судьбы мира. Потому как Зло собралось напасть на Добро и единственное, что этому Злу можно противопоставить, это Магическое Нечто. Магическое же Нечто укрыто где-то Там, хрен его знает где, скорее всего в Серых Горах, где, как известно, золота нет.

Призванный «герой» делает круглые глаза, поскольку и в самых смелых своих снах не думал, не мечтал, что от него могут зависеть судьбы мира. Он малость сомневается в словах чародея, но тут на него обязательно и неожиданно нападают Черные Посланцы Зла, и ему приходится от них бежать. Бежит он в Хорошее Место, там обретает минуту покоя и там же узнает о Легенде и Предначертании. Что делать, никуда не денешься, выхода нет. Протагонист вынуж-

¹²⁰ всеобщее благоденствие (лат.).

ден совершить Великий Поход – Quest, используя для этого карту, которую автор предусмотрительно поместил в начале книги. Карта кишмя кишит щедро разбросанными Горами, Чашо-баами, Болотами и Пустынями с Ужасными Названиями. Не беда, что Главная Квартира Врага, к которой надобно пробраться, находится на северном либо восточном обрезе карты. Можно не сомневаться, что герой станет двигаться зигзагом, поскольку должен посетить все Страшные Места. Ходить прямыми дорожками в фэнтези категорически противопоказано и даже запрещено.

Естественно, герой не может путешествовать в одиночку, поэтому ему быстренько подбирают Дружину – коллектив колоритных и богознаменных субъектов. Начинается Quest. Само собой разумеется, все идет зигзагом, а приключения в Страшных Местах, от которых стынет в жилах кровь, перемежаются буколическими передышками в Дружественных Местах. Наконец наступает final show-down¹²¹ в Обители Зла. Тут один из дружинников погибает. Однако победа остается за ними. Зло будет повержено, по крайней мере до того момента, пока автору не взбретет в голову писать продолжение – потому что в этом случае Зло «возродится» и придется начинать da capo al fine.¹²²

Вышеприведенный, умышленно упрощенный и шутовской glajchschalt¹²³ имел целью переместить нас к следующей теме – к тому факту, что вся мощная волна посттолкиновской фэнтези – это жанр, открывающий мало нового, штампованный, низкопробный, чепуховый и не стоящий того, чтобы о нем говорить серьезно. Ибо таково мнение критиков, а с чем же еще считаться, как не с мнением критиков. Мнение это, кроме того, что осмеянной вторичности фабул по сравнению с мэтром Толкиным и Артуровским архетипом вообще содержит еще два элемента – болезненную тягу авторов фэнтези к конструированию многотомных саг и... книжные обложки.

Лицом к фанатикам

Начнем с обложек. Обложка книги – ее визитная карточка. Не надо себя обманывать: критики не в состоянии читать все, что публикуется, – и не читают. Чтение не является условием sine qua non¹²⁴ писания рецензий. Вполне достаточно взглянуть на обложку. Если на ней, например, мы видим название, намалеванное истекающими кровью буквами, а несколько ниже – щерящуюся морду с вытаращенными глазами, то можно сказать сразу, что это низкопробный splatter-horror, другими словами – excuse my french, – жуткое дерьмо. Если же на обложке присутствует полунагая бабенка в объятиях героя, бицепсы которого блестят от «Oil of Ulay» или какой другой «Jojob`ы» и если у одного героя в руке ятаган, а сверху на все это взирает дракон с внешностью истощавшего аксолотля, значит, мы имеем дело с нищенской фэнтези, pulp`ой и убожеством, и именно так и следует написать рецензию – и попадешь в самое яблочко, да так, что такому попаданию позавидовал бы Кевин Костнер из Шервудского леса. Почему? Потому что не попасть невозможно. Ибо яблочко велико, как Круглый Стол короля Артура, за которым одновременно посиживали сто пятьдесят рыцарей, не считая королевы Гвиневеры и ее фрейлин.

Почему так происходит? Почему, спросят, издатель фэнтези самолично, собственной рукой навешивает на свою продукцию этот ярлычок, наклеивает такую этикетку дешевки? Ответ прост. Издатель целится в так называемого ФАНАТИКА, а так называемый ФАНАТИК желает видеть на обложке картинку Бориса Вальехо, ФАНАТИК желает лицезреть голые яго-

¹²¹ Окончательное раскрытие карт (англ.).

¹²² С начала до конца (ит.).

¹²³ притянутый к господствующей идеологии (нем., искаж.).

¹²⁴ Букв.: «без чего нет», т. е. вовсе не обязательным (условием) (лат.).

дицы и груди, которые вот-вот вырвутся из-под бронированных лифчиков. ФАНАТИК не ищет в фэнтези смысла, того самого смысла, который должен во весь голос кричать, что в ажурных доспехах никто в бой не кидается, ибо в таких доспехах невозможно даже продираться сквозь заросли крапивы, густо покрывающей яры и овраги Мрачных Пуш и склоны Серых Гор, где золота, как известно, нет. А с голым – *exsuscipere motum* – задом модно делать только одно, то, чего не назовешь ни «heroic», ни «fantasy». В большинстве случаев.

Создается впечатление, будто фэнтези как жанр так сильно испугался критиков, что в своем развитии начал пользоваться своеобразной мимикрией – словно бы отринул все претензии и полностью отказался от борьбы за место на Олимпе, то есть в перечне произведений, номинированных на премию Хьюго, Небьюла или хотя бы International Fantasy Award. Фэнтези не требует признания – ей достаточно табунов ФАНАТИКОВ, вслепую покупающих все, что появляется на прилавках. У фэнтези есть своя верная и надежная группа потребителей, и она заботится исключительно о вкусах этой группы. Самым лучшим тому примером являются известные циклы, сериалы фэнтези, жутчайшие, громоздкие, неуклюжие «творения» с вызывающим тревогу обилием продолжений.

Рекорд в этом смысле, вероятно, принадлежит некоему Алану Берту Эйкерсу, цикл которого «Скорпион» насчитывает свыше сорока томов. Неплох также старый нудяга Пирс Энтони со своим «Ксанфом» («Xath») – он накопал ровно тридцать книжек в серии, а попутно шлепнул еще семь штук с продолжениями цикла «Начинающий адепт», четыре «Таро» и массу других книг и циклов. На счету у Джона Нормана, о котором еще речь впереди, что-то около одиннадцати томов цикла «Гор». Скромных авторов, ограничившихся пятью-четырьмя – либо и вовсе трехтомными сагами, перечислить не удастся, но имя им – легион. К сожалению.

Могут спросить, почему «к сожалению»? Да потому, что, кроме немногих исключений, все упомянутые выше «длинномерные составы» начинают становиться тяжеленными, повторяющимися и скучными уже во второй, третьей, самое большее – четвертой книге. Мнение это поддерживают даже ФАНАТИКИ, а ведь они оптом закупают тянущиеся словно вонь за народным ополчением саги, потому что заикнулись на том, что непременно хотят знать, чем же все это кончится. Критики и члены жюри престижных премий и наград, как сказано выше, пренебрегают этими сагами, так как не в силах за ними уследить. Я сам – а я считаю себя бдительным контролером фантастических новинок – порой отказываюсь от приобретения только что появившегося шестого тома саги, поскольку от моего внимания как-то ускользнули предыдущие пять. Значительно, значительно чаще я отказываюсь покупать том первый, если с обложки на меня скалит зубы предостережение: «Firth Book of the Magic Shit Cycle». Конечно, случается и мне, к тому же нередко, купить «Book Three» и чувствовать себя счастливым хотя бы потому, что не купил предыдущих двух, и твердо знать, что не куплю трех следующих. К сожалению, nobody's perfect – именно сейчас я жду, с нетерпением перебирая ногами, десятого «Амбера» Железны, жду, хоть знаю, что разочаруюсь. Все это немного напоминает историю с ладной девицей: опыт учит, что все они одинаковы, и все же человека не удержишь, ох не удержишь.

Жажда денег?

Любопытно, что большинство стряпающих жуткие саги авторов – писатели способные, умелые и интересные. Так почему же хорошие писатели тискают том за томом, растягивая циклы, словно жевательную резинку, вместо того чтобы использовать идеи для написания чего-то совершенно нового, вместо того чтобы работать над чем-то дотоле совершенно неизвестным, оригинальным, прекрасным, над чем-то таким, что утерло бы носы критикам и врагам фэнтези, присяжным пересмешникам и хулителям этого жанра? Кажется, я знаю ответ. Авторы влюбляются в своих героев и трудно с ними расстаются. А поняв, что из протагонистов больше

не выжмешь ни капли, они начинают ляпать очередные тома об их детях (Желязны, Пирс Энтони, и, ох, чувствую, не выдержит и Эддингс).

Авторы влюбляются в свои «миры» и карты. Если на такой карте есть Серые Горы, а пяти томов протагонисту оказалось недостаточно, чтобы убедиться, что золота там нет, тогда пишется том шестой. А в следующем, седьмом, появится смежный лист карты и мы узнаем, что расположено к северу от Серых Гор – а это будет, несомненно, – *pardon my french* – Плоскогорье Серого Дерьма.

И наконец, авторы – лентяи и им просто не хочется думать. Авторы – это ограниченные тупицы, и хоть ты тресни, им никаким кресалом не высечь из себя ничего оригинального, вот они и вынуждены трепать на ветру затасканную схему. Прежде всего авторы – это расчетливые бестии, и их интересуют только денежки, идущие за каждый том. Пирс Энтони клепают «Ксанф», тягомотину, при чтении от которой от скуки сводит скулы, болит брюшина и разыгрывается геморрой, ибо в счет каждого нового «куска» он берет солидные авансы. Авторы – это наглые бездельники, убежденные, что читатель купит все, что он снабдит более-менее удачным названием.

И все это – обратите внимание! – написал субъект, фабрикующий «Ведьмаков»!

Пока что субъект, фабрикующий «Ведьмаков», вроде бы признает правоту противников фэнтези, которые настаивают – повторяю вслед за Мареком Орамусом – на убожестве жанра. Согласен: жанр этот в своей массе чудовищно истошал. Однако я не могу признать правоту тех, кто утверждает, будто убожество это есть следствие того, что действие помещают в надуманных мирах, а героев вооружают мечами. Я не могу утверждать ничего иного, кроме того, что *hard SF*, *cyberpunk* и *political fiction* не менее убоги – в своей массе. Никто меня не убедит, якобы мир, уничтоженный войной либо катаклизмом, где каждый борется с каждым, а все вместе – с мутантами, лучше Страны Никогда-Никогда, квазифеодалного мира, где каждый борется с каждым и все вместе охотятся на гоблинов. Хоть ты тресни, я не вижу, чем полет звездолетом на Тау Кита лучше, выше, достойней экспедиции в Серые Горы, где золота, как известно, нет. Взбунтовавшийся бортовой компьютер фабулярно стоит для меня ничуть не больше, чем предатель-чародей, и никакой лазер-бластер автоматически не становится для меня лучше, выше, достойней меча, алебарды или окованного цепя. А превосходство пилота Пиркса либо Эндера над Конаном, которое я охотно признаю, следует для меня отнюдь не из того, что два первых носят скафандры, а третий набедренную повязку. Что прекрасно видно, если поставить рядом Геда Перепелятника либо Томаса Ковенанта, не носящих набедренных повязок героев фэнтези.

Ле Гуин против Толкина

Однако в современной фэнтези можно заметить определенную тенденцию, желание вырваться из артуровско-толкиновской схемы, жажду как бы контрабандой протащить всеобщие и важные содержания и истины, приодетые в фантастические наряды. Основная просматриваемая тенденция – чтобы не сказать «мутация» – фэнтези носит любопытный характер: она почти исключительно домена авторов-женщин.

В фэнтези последних лет виден решительный перевес пишущих дам. Помимо неслыхаемых авторов «длинномерных» саг, как, например, уже упомянутый Пирс Энтони, и пародистов, таких как Терри Прэтчетт (Teri Pratchett), на поле боя рвется Дэвид Эддингс, выбросивший на книжный рынок последний (?) том цикла «Мэллорион» и не менее последнее (?) продолжение «Эллениума». Еще борются Тэд Уильямс и Чарльз де Линт. Роджер Желязны в тяжких потугах породил наконец последнего (?) «Амбера», а Терри Брукс (Terri Brooks) – новый «Шаннар». Остальные – а имя им легион – женщины.

Революция же началась с Урсулы Ле Гуин, которая во всем своем, отнюдь не убогом творчестве совершила только одну классическую фэнтези – зато такую, которая поставила ее на подиум рядом с мэтром Толкином. Речь идет о «Трилогии Земноморья», «Earthsea»^[4]. С опасной легкостью миссис Урсула вырвалась из толкиновской колеи и отказалась от артуровского архетипа. В пользу символики и аллегории. Но какой? Взглянем повнимательнее.

Уже сам Архипелаг Земноморья – это глубокая аллегория: разбросанные по морю острова – словно одинокие, обособленные люди. Жители Земноморья изолированы, замкнуты в себе, их состояние именно такое, а не иное, поскольку они утратили Нечто – для полного счастья и психического покоя им недостает потерянной Руны Королей из сломанного Кольца Эррет Акбе.

Одиночество и отчужденность обитателей Земноморья проявляются в факте сокрытия истинных имен – укрывания чувств. Обнаружение чувств, как и раскрытие имен, делает людей безоружными, брошенными на произвол судьбы. Элита Земноморья, чародеи со Скалы, проходят этапы трудного, прямо-таки масонского посвящения, стремясь к совершенству, – это, в частности, выражается в том, что совершенный, идеальный чародей может без труда расшифровать истинное, укрытое имя человека либо вещи и тем самым получить власть над ближним, либо материей. Но Зло – принимающее в книге ипостась геббета – без усилий расшифровывает настоящее имя Геда. Так неужто чародеи отдают науке годы только для того, чтобы суметь сравняться со Злом?

В первом томе трилогии перед нами классическая проблема Добра и Зла, есть также экспедиция – quest – героя. Но quest Геда отличается от обычных походов в Серые Горы. Quest Геда – это аллегория, это вечное прощание и расставание, вечное одиночество. Гед борется за достижение совершенства с самим собой и с самим собою ведет последний, решительный бой, бой символический – он побеждает, объединяясь с элементом Зла, тем самым как бы признавая дуализм человеческой натуры. Он добивается совершенства, признавая, однако, тот факт, что абсолютное совершенство недостижимо. Мы даже сомневаемся в уже достигнутом Гедом совершенстве, и правильно делаем. После «Мага Земноморья следуют «Гробницы Атуана».

«Гробницы Атуана» ведут нас еще дальше в закоулки психики, ведут напрямую туда, куда желает завести нас автор. Вот атуанский лабиринт, живьем взятый из архетипа, из критской лаборатории Миноса. Как и у лабиринта с Крита, у лабиринта Атуана есть свой минотавр – но это не чудовище в стиле классической sword and sorcery, которое рычит, брызжет слюной, роет землю и обрывает уши, смеясь при этом зловеще. Нет, миссис Ле Гуин достаточно разумна. Минотавр атуанского лабиринта – это сконцентрированное зло в чистом виде. Зло, уничтожающее психику неполную, несовершенную, неготовую к таким встречам.

В такой лабиринт bravely входит Гед, герой, Тезей. И как Тезей, Гед осужден на свою Ариадну. Его Ариадна – Тенар. Ибо Тенар – это то, чего в герое недостает, без чего он – неполный, беспомощный, запутавшийся в символической паутине коридоров, погибающий от жажды. Гед жаждет аллегорически – ведь речь идет не об H₂O, а об аниме – женском элементе, без которого психика несовершенна и незавершена, бессильна против Зла. Гед, великий Dragonlord, могучий маг, неожиданно превращается в напуганного ребенка – в сокровищнице лабиринта, в напоенное дыханием Зла тьме его спасает прикосновение руки Тенар. Гед следует за своей анимой – ибо должен. Потому что он как раз и нашел утраченную руну Эррет-Акбе. Символ. Грааль. Женщину.

И снова работает архетип – как и Тезей, Гед бросает Ариадну. Теперь Тенар вырастает до могучего символа, до очень современной и очень феминистичной аллегории. Аллегии женственности. Охраняемая клаузулой культовая девственность и первый мужчина, который переворачивает упорядоченный мир. Тенар выводит Геда из лабиринта – для себя, абсолютно так же, как Ариадна поступает с Тезеем. А Гед – как и Тезей – не может этого оценить. У Геда

нет времени на женщину, ведь вначале он должен достичь The Farthest Shore.¹²⁵ Женская анима ему не нужна. Поэтому он отрекается, хоть и любит тешиться мыслью, что кто-то ждет его, думает о нем и тоскует на острове Гонт. Это тешит его. Как же безобразно по-мужски!

После восемнадцатилетнего перерыва миссис Урсула пишет «Техану» – продолжение трилогии, продолжение своей аллегии женственности, на сей раз торжествующей. Миссис Урсула всегда была воинствующей феминисткой. Кто не верит, а таковые имеются, пусть прочитают сборник ее эссе «Языки ночи». Миссис Урсула так и не простила тем издателям, которые в начале ее карьеры требовали, чтобы она подписывалась таинственными «У. К. Ле Гуин». Она никогда не оправдывала Андре Нортон и Джулиан Мэй, скрывавшихся под мужскими псевдонимами.

В «Техану», как и следовало ожидать, надломленный и уничтоженный Гед на коленках приползает к своей аниме, а она теперь уже знает, как его удержать, какую роль ему отвести, чтобы стать для него всем, величайшим смыслом и целью жизни, чтобы этот бывший Архимаг и Dragonlord остался с нею до конца дней своих, к тому же повизгивая от упоения словно поросенок. А зазнавшихся чародеев со Скалы ожидает безрадостное будущее – работа в фирме под началом директора-женщины. Охо-хо-хо-хо!

Сыновья амазонок – дочери гигантов

«Техану», как сказано, пришла поздно. За эти восемнадцать лет по полкам книжных магазинов пронеслась лавина феминистической фэнтези. С одной общей всем темой: женщина в мире мужчин. Женщина в мире Конанов, как женщина в мире Фордов, Рокфеллеров и Лекоков. Не хуже них, а, наоборот – лучше. С трудом, в тяжелой борьбе, но лучше. Женщина, героиня Марион Зиммер Брэдли, К. Дж. Черри, Танит Ли, Барбары Хэмбли, Патриции Маккиллип, Джулиан Мэй, Дайаны Паксон, Мерседес Лаки (Laskey), Джейн Йолен, Полы Вольски, Шери Теппер, Дженнифер Робертсон, Сьюзен Декстер, Патриции Кеннели, Фриды Уоррингтон, Джейн Моррис, Маргарет Уэйс, Джудит Тарр и других.

«Дамская» фэнтези – это отражение воинствующего феминизма на переломе шестидесятых – семидесятых годов, борьба женщин за equal rights, которых якобы не хотели дать женщинам мужчины, определяемые в то время как «мужские шовинистические свиньи», сокращенно «МСР» – male chauvinist pigs. Как так? – хором взвизгнули авторши, а вслед за ними и читательница. Как так? Получается, что, кроме ежедневной дискриминации, эти ЭмСиПи еще будут нами помыкать и в Стране Мечты, в Never-Never Land'e? Даже там нет нам от них спасения? Даже там мы не можем от них укрыться?

Да, оказалось, не могут, так как уже раньше в Never-Never Land сбежали «мужские» авторы. Уже пращур Конан неистовствовал в Стране Мечты с мечом и... умолчим, с чем еще. Ибо создатель Конана и его наследники сбежали в мечту... от женщин. Конан с братией были привидевшимися авторам во сне идеалами, олицетворяли их мечту. Они были героями, которых шаловливый Стивен Кинг определил кратко, но так метко, что я вынужден привести цитату в оригинале: «...strongthewed barbarians whose extraordinary prowess at fighting is only excelled by their extraordinary prowess as fucking».

Рассказы о таких героях, продолжает Кинг, находят отклик исключительно у импотентных слабаков, неудачников, вагинофобов, трусов и лопухов, которые обожают отождествлять себя с героями семифутового роста, прорубающими себе дорогу сквозь толпы врагов на алембастровых ступенях разрушенной святыни, поддерживая при этом болтающуюся на свободной руке скупо одетую красотку.

¹²⁵ Самый дальний берег (англ.).

Рекорд в этом деле побивает Джон Норман. Из его цикла «Гор» так и хлещут кошмарные и очевидные комплексы и проблемы, с которыми автору следовало бы как можно скорее мчаться к сексологу, пока они не перешли у него в маниакальную стадию.

Правда, в других повестях и романах фэнтези герои отличаются мужественностью, хотя в основном мужественностью того типа, который вполне соответствует определению, данному Кингом. Свою архетипную мужественность – а вернее, «мужескость» – они, разумеется, проявляют, дубася врагов по головам и без разбора и труда хватая всех женщин, кроме разве что тех, которые успели вскарабкаться на верхушку дерева. Однако у этих героев есть и другие занятия – они спасают от гибели миры и королевства, ищут магические артефакты, убивают драконов. Герои книг Джона Нормана исключительно насилуют. Женщину же у Джона Нормана, прежде чем изнасиловать, обязательно надобно связать, заковать в цепи, отхлестать и заклеить каленым железом. Клинический случай вагинальной фобии, обогащенный комплексом растяпы, боящегося приблизиться к даме, если у той свободны руки и она может решительно отказаться от любезностей^[5].

В повествованиях феминистской фэнтези женщины вырываются из конано-горовской схемы. Они сами могут рубануть нахала мечом либо ударить заклинанием, а если даже кто-нибудь ее и изнасиловал, то горе тому! Не позже чем в пятом томе саги он дорого заплатит за это. Уж тут некоторые авторши явно зашли слишком далеко. Героинь цикла Мерседес Лаки «Клятвы и Честь», воительницу Тарме и чародейку Кетри насилуют без конца, часто-густо коллективно, а они отряхнутся и мстят. Несколько страниц текста ни о чем и да саро. Еще несколько страниц – и мы видим Тарму и Кетри спокойно посиживающими у костерка и повествующими о прежних изнасилованиях. Банальное описание природы, и перед нами третья, совсем случайная изнасилованная женщина и Тарме и Кетри, мстящие за нее из солидарности. О Господи!

В трилогии «Последний Герольд-Маг» ее же рукотворства в качестве героя выступает некий Ваниель, мужчина. Я купил, мне захотелось узнать, что автор имеет сказать о мужчинах. Оказалось – много. У Ваниеля достаточно нетипичные для мужчины эротические пристрастия, а авторша из кожи лезет вон, чтобы убедить читателя, будто это-то как раз то самое, что тигры обожают превыше всего. От приобретения двух очередных томов я отказался, напуганный перспективой того, что ожидает в них героя. В столь же типичном цикле «Литанда» авторства знаменитой Марион Зиммер Брэдли, героиней оказывается волшебница, скрывающаяся под чужой одеждой. Магичка окончила чародейский университетик под личиной липового мужчины. Иначе б она не добилась чести имматрикуляции. Прозрачная аллегория самопожертвования женщины, желающей сделать карьеру в фирме Rank Xerox. Я видел «Йентль». Предпочитаю «Тутси».

Ну, коли уж зашел разговор о Зиммер Брэдли, то она – вдохновительница известного цикла «Sword and Sorceress», то есть – внимание! – «Мечом и женской магией» (перевод мой, к тому же весьма свободный). Входящие в состав цикла антологии уже дошли до девятого номера, и идут недурно. Это сборники – если говорить о фэнтези – вообще-то единственное хорошее и верное место для удачного старта дебютантов и молодых писателей. А скорее – писательниц, учитывая лейтмотив. Правда, порой туда допускают и авторов – мужчин, но... смотри выше. Они должны склонить голову и согнуть колени, у них должна ослабнуть и опасть... мужская гордость.

Так что будущее жанра я вижу как на ладони.

«Фэнтезийное» неистовство не могло, конечно, обойти стороной Польшу, однако появление фэнтези в нашей стране совпало по времени с определенным переломом в области культуры, выразившимся в полном забвении трудоемкого процесса, коим является чтение, в пользу более легкого по «трудовым затратам» и восприятию «видеосмотра». Отсюда же – наряду с прекрасным в общем-то «Конаном-варваром» в режиссуре Милиуса и с музыкой Полиду-

риса – фэнтези добрела до нас, в основном в виде ужасающего видеодерьма, пятого сорта *prodotto italiano de Cinecitta*, либо студии «Cheapo Films» в Санта-Монике, Калифорния. Были у нас и книги, а как же. Был Толкин, изданный где-то еще в шестидесятых годах, был «Чернокнижник с Архипелага». Обращаю внимание на перевод этого названия. Во-первых, незнание канона и номенклатуры фэнтези. «Wizard» нельзя переводить в фэнтези как «чернокнижник», потому что такая разновидность типа, занимающегося магией, о которой повествует Ле Гуин, в фэнтези всегда определяется терминами «чародей» или «маг». «Чернокнижник» либо «чаровник» – определения несколько уничтожительные, предполагающие «плохую» магию и переводятся как *sorcerer*, либо *neeromancer*. Очень плохих чаровников именуют *warlocks*.

Во-вторых – «Архипелаг». Переводчик «испужался» Земногорья. *Earthsea*, не принял Страны Никогда-Никогда. Предпочел определение более – ха-ха – веристическое.

Популяризовали фэнтези также любительские переводы в так называемых «фэнзинах», журнальчиках, которые читают так называемые «фэны», то есть субъекты, объединенные в так называемые – *excusez le mot* – фэндомии. Однако даже у бывалых, вроде бы разбирающихся в чем-то и фанатичных фэнов знание, касающееся фэнтези, выглядит крайне убого. И неудивительно, поскольку кроме вышеназванных Толкина и Ле Гуин, Лейбера и Уайта, на польский не перевели НИ ОДНОГО достойного произведения этого жанра.¹²⁶ Чтобы избежать недоразумений, разъясняю, что речь все время идет о произведениях, которые достойными считаю я.

Тем, кто захочет обвинить меня в субъективизме либо даже невежестве, сообщаю: из составленного «Локусом» перечня 33 бестселлеров фэнтези всех времен в Польше переведено и издано всего восемь. Из приведенного в книге Дэвида Прингла «Современная фэнтези» перечня ста наилучших произведений этого жанра переведены девять, причем четыре из них совпадают с вышеупомянутым списком. Я всякий раз выделяю Толкина и Ле Гуин и опускаю названия, которые в обоих списках оказались явно случайно, ибо относятся к хоррору («Сияние» Кинга); SF («Драконы Перна» Энн Маккефри), либо к детской фантастике («Алиса в Стране Чудес» Л. Кэрролла).

Давайте представим себе *per analogiam*, что жанр научной фантастики в Польше представлен лишь «Марсианскими хрониками» Рэя Брэдбери и циклом «Перри Родан», а «Дюна» Герберта нам известна исключительно в киноверсии. Для коллекции польский любитель SF еще знает фильм «Чужой» и видел в видеозаписи две или три серии «Star Trek – The Next Generation». И на этом, представим себе, конец – ни читатель, ни критик, ни автор, который хотел бы писать, не знают НИ ОДНОГО другого примера тому, что представляет собой жанр. Повторяю – ни одного. Ну и что? Все все равно твердят, что влюблены, и зачитываются Перри Роданами, и в сотый раз кряду смотрят «Стар Трек». А критики крутят носами и в тысячный раз доказывают, что Брэдбери оно, конечно, ничего себе, но остальная часть жанра – ерунда. Обхохочешься, правда? А ведь точно такая ситуация сложилась у нас в отношении к фэнтези.

Что собой представляет фэнтези – видит каждый. А поскольку польский рынок проголодался, изголодался, питаясь лишь тем, что получал в фанклубах да в виде скверных ксерокопий, постольку конъюнктуру почувствовали, и сейчас специализирующиеся в этом направлении «мастера» стараются удовлетворить голод, наверстать упущенное, восполнить нам былые потери – при этом заработать. Прилавки завалили книгами с яркими обложками, на которых мы получили свои вожаемые мечи, топоры, мускулистых героев, голых девиц и аксолотлей, изображающих из себя драконов.

Мы также получили на прилавках много новых авторов – точнее говоря – двух. Потому что бесконечно штампуют Говарда с его эпигонами и Андре Нортон, короче говоря, топают по тропке, проторенной «Фантастикой». У этого журнала есть все основания требовать от изда-

¹²⁶ Статья была написана в ноябре 1992 года. С тех пор ситуация с фэнтези в Польше, как и в России, сильно изменилась, хотя и не всегда в лучшую сторону.

телей, сих, прости Господи, бизнесменов, финансовой награды за «создание рынка». Читатели же и любители фэнтези имеют все основания «Фантастику» поносить и оплевывать, а могут придумать даже что-нибудь более действенное. Тем временем единственная стоящая позиция, «Амбер» Желязны, затерялась где-то после издания двух первых томов. И камень в воду. Могила. Взамен двинули «Ксанф» Пирса Энтони. *Mes felicitationis, хотя и de gustibus non est disputandum*^[6].

Вареник, или поляк тоже может!

Однако царящее у нас всеобщее незнание канонов жанра не удержало отечественных авторов от попыток написать фэнтези *made in Poland*. И все было, о диво! – в меру славно до тех пор, покуда мусолили говардовско-толкиновскую схему, пока у Яцека Пекары империи выбивали друг другу зубы в борьбе за верховенство в *Never-Never Land'e*, а у Феликса Креса мрачные герои боролись с судьбой и предназначением. Все развивалось более-менее нормально до той поры, пока авторы хотя бы в общих чертах знали, что делают и чего хотят. Заимствуя из музыкальной терминологии – у них были ноты, они располагали кусочками партитуры и крохами слуха, а поскольку сноровки и навыков виртуозности им набраться было негде, они играли *moderato cantabile* (умеренно напевно), и это даже можно было слушать. Ну что ж, последователям этого оказалось мало. Младшим приснилось, что каждый из них – Паганини. И загрохотала концертная раковина от ужасающих фэнтези *alla polacca fortissimo e molto maestro e furioso andante doloroso con variazioni*.¹²⁷

Ибо кто-то вдруг вспомнил, что мы-де тоже не лыком шиты. Отталкиваясь от верного на первый взгляд положения, что опираться на архетипы – есть ретроградство и вторичность, авторы младшего поколения схватили авторучки – и «процесс пошел»!

Неожиданно в нашей фэнтези стало славянско, пресно и красно, похотливо, кисло и льняно. Свойски. Поваяло фермой, деревушкой об одну улочку и вообще, как говаривают наши друзья-москальи: «Хорошо в краю родном пахнет сеном и... pardon... говном». Бах-трах! Что это так гроыхнуло? Уж не Болек ли¹²⁸ вколачивает столбы в Одру? Или, может, Чибор колотит Годона и Зигфрида под Цедыней? А может, комар со священного дуба сверзился?

Да нет! Это ж наша родимая, славянская фэнтези!

Ни с того ни с сего исчезли вампиры, появились вомперы и стрыгаи (*sic!*), вместо эльфов мы имеем божетят и небожитят, вместо гигантов и троллей – столинов. Вместо чародеев и магов обрели ведунов, волхвов и жрителей¹²⁹ вместо жрецов.

И что нам Конан, Гед Перепеляник, что нам *Fellowship of the Ring*? У нас есть родимые вояки, именуемые, разумеется, столь же по-родному: Вареник, Збигор, Пэрог, Котей, Потей, Заграй, Сыграй, Прибей и Заметай! И двинулись эти Вареники от мызы к мызе, конечно, зигзагами, двинулись через леса, дубравы и велесы, сквозь завалы и перевалы, по рвам и дровам моим див и дев, лишь штаны надев, там, где раки вурдалаки, нивы буйные и степи, поросшие бурьяном и хреном, через святые гаи и ручьи.

Да уж, как по речке, как по гаю Вареник пёр на бугае. Я, дескать, Вареник! Да не русский Пельмень, не немецкий *Apfelkuchen*, не французский *pate*. Я – наш, отечественный, доморощенный Вареник – будущее и надежда фэнтези. И еще малость погодить – так вот она народится новая культовая сага, эпическая фэнтези, большая Варениада. «Слово о том, как собирается Вещий Вареник отмстить неразумным стрыгаям»! О, Лада, Лада, Купала! Перевернись в гробу,

¹²⁷ В характере полонеза, очень громко и очень торжественно и умеренно горячо с болью и вариациями.

¹²⁸ Имеется в виду Болеслав Храбрый, князь, за несколько недель до смерти возведенный на польский престол.

¹²⁹ Жрители – по Далю: священники в храмах, приносящие бескровные жертвы. Воистину недостает только выпивок.

Толкин. Рыдай, Ле Гуин! Грызи губы от бессильной ревности, Эддингс! Дрожи от зависти, Желязны!

Тех, кто не может дождаться Великой Варениады, успокою, вкратце изложив ее. На Серых Холмах, а может, Взорьях, куда отправился Вареник со своими дурнами, золота нет и, вероятно, никогда не было. Но паршивый стрыгай и поддерживающие его ренегаты, отвратительные взыграи Волец и Столец, погибнут от Вареникова копья, и при этом у храброго Вареника даже волес с головы не упадет. Похищенные Священное Жито и Вещая Сметана будут найдены и возвращены в храм Свантевита, ибо там их место. Конец.

Марек Орамус¹³⁰ говорит, что фэнтези – фр-фр! – убога. Убогость произведений этого жанра, которые нам предлагают, ужасна. Дилетантство, тупость и невежество так называемых переводчиков, тяпяпующих переводы, фр-фр, кошмарны. Ну, погоди, Марек, вот появится Вареник и Вареникиада, тогда получишь! Вот тогда-то ты взвоешь, словно стрыгай на луну в полнолуние, замяукаешь, как котлак на жестяной крыше. И тогда со слезами умиления на глазах вспомнишь Андре Нортон, Говарда и «Ксанф».

А ведь уже появились многочисленные Вареники, являющиеся производными Конана и классической sword and sorcery, у нас уже есть что-то вроде переваренного Лавкрафта, уже просматриваются попытки переголоватого посттолкинизма, родились даже Черные Вареники, прикидывающиеся dark fantasy. Не могло обойтись и без производных «Туманов Авалона», то есть Вареников фантастико-исторических. И вот вместо Артура, Ланселота и Гавейна мы получили Вареников, Кузьмидоров и Свенссонов из Джемсборга. Вместо пиктов и саксов – свиенцев, дунцев и поморцев. Вместо Мерлина и феи Морганы нам предложили волхвов и вышеупомянутых жрителей. Войны и пожары, кили норманнских драккаров скрипят по песку славянских пляжей, столины воют, Джемсбург жмет, берсеркеры скалят зубы, немцы прут на крепость, наш верх, льется кровь. Сварожец¹³¹ сварожит, а антилопа гну – гнусится. Жрители, как и положено жрителям, жрут и наводят соответствующие чары. На всех. Ну и что?

И Вареник, Вареник, Вареник – трижды Вареник.

Постмодернистская промашка

Коснувшись явления, именуемого «Польская фэнтези», я старался не упоминать фамилий, поскольку это могло быть истолковано как беспардонная борьба с конкурентами. Однако – пусть только по обязанности хроникера (в конце концов мы говорили о Толкине и Говарде) – следует заметить, что прародителем польских Вареников в Славянской сметане является молодой и способный автор Рафал А. Земкевич, который для начала потряс читателей комиксом «Волчье заклинание», а затем сотворил «Сокровище столинов», роман фэнтези. *Chapeaux bas, mesdames et messieurs! Voila le Grande Varenik Brillante!*¹³²

Здесь я вынужден с великим грохотом ударить себя по хилой груди. Каюсь, я и сам написал несколько рассказов не совсем реалистического – назовем это так – толка. В рассказах этих, не оглядываясь на священные правила и законы фэнтези, я то и дело совершал – как заметила некая юная критичка из «Феникса» – ляпсусы. Юная критичка, со свойственной ей проницательностью, однозначно разоблачила меня, доказав, что сии ляпсусы чересчур уж часты, а посему-де вряд ли они были случайными. Бью себя в грудь второй раз. Нет. Не были.

Самым кошмарным ляпсусом, который к тому же чутким «исправителям» из «Фантастики» из текста ни выкинуть, ни чем-либо заменить не удалось, оказались батистовые трусики Ренффри из рассказа «Меньшее зло». Так называемая «литературная Среда» закипела и приня-

¹³⁰ Польский писатель-фантаст, критик и член редколлегии журнала «Фантастика».

¹³¹ Сварожец – верховное божество лютичей.

¹³² Шляпы долой, мадам, месье! Перед вами великий блистательный Вареник! (фр.)

лась дискутировать. Трусики? В фэнтези?! Чепуха и неуважительное отношение к традициям! Грех и анафема! Толкина он не читал, что ли? Канона фэнтези не знает, или как? Разве Галадриэль носит трусики? Не носит, ибо в те времена трусиков не носили!

Спустя какое-то время «литсреда» маленько охолонула и смирилась, а трусики сочла «оригинальными». Возможно, и другим, а не только Мачею Паровскому¹³³ из этих трусиков пахло постмодернизмом и путешествиями во времени. Лишь один молоденький Вареник отреагировал на Ренфрины трусики гордо, холодно и презрительно, описывая собственную героиню, коя, приступая к половому акту, снимает «... набедренную повязку и тряпицу, поддерживающую груди». Однако эффект холодного презрения и знания того, что «в те времена» девицы носили под ночной рубашкой, был подпорчен смешным сверх меры и воображения описанием самого соития.

Другие Вареники глубоко задумались. Так-так, почесали они в голове, Сапковскому, значит, можно ляпсусить, и это – постмодернизм. А ведь «ляпсус» слово чужое, на польский переводится как «промах, промашка, грубая ошибка». Стало быть, опять же подумали Вареники, если и мы начнем ляпать ужасные ошибки, то сойдем за постмодернистов.

И лед тронулся. Некая молоденькая авторша вооружила городских стражников копьями. Коли Ренфри вольно носить трусики, то и пехотинцам можно копьё, верно? Однако копьё эти потрясли другого юного Перога, возмутили до глубины души. Юный Вареник слышит жутко восприимчивым к таким штукам пуристом. Однако сам он в многочисленных произведениях так увлекся постмодернизмом, что батистовые трусики могут прямо-таки свалиться от смеха. Первый с ходу пример – он нарядил какого-то Вареника, или Варенсона из Бирки – не помню – в кафтан, обшитый чешуей сома-гиганта. Велико сие искусство есть, если учесть, что у сомов вообще чешуи не бывает. Ни у малюсеньких сомиков, ни у гигантских сомищ. Попытка же нашить на кафтан несуществующее нечто требует либо мощной магии, либо сильнеешего постмодернизмища. Если быть честным, я счел бы более оригинальным и убийственно постмодернистским, если бы кафтан упомянутого Варенсона был покрыт серебряными полудолларовками.

Другие Вареники возят заряженные арбалеты во व्यюках. Не хватает только приторачивать собственные задницы к седлам. Третьи переplывают широкие и бурные реки на быстренько сплетенных из камыша лодочках. Эх, жаль, не на веночках, которые девушки плетут в ночь на Ивана Купалу, а ведь у них водоизмещение немногим меньше, зато плести не в пример легче!

Рука, нога, мозги на стене!

Однако довольно об этом, *revenons a nos moutons*¹³⁴, вернемся к разговорам о методе, оставив мелкие колкости в стороне. Вывод же таков: в польской фантастике мы имеем «постмодернизм» и Вареников, настоящей фэнте и у нас нет, если не считать нескольких подтверждающих правило исключений. Нет у нас фэнтези, ибо, во-первых, у нас нет архетипа.

Да, знаю, имеется славянская мифология: разные Сварожцы, Свантевиты и прочие Велесы. Но мифология эта не доходит до нас своим архетипом, и мы не чувствуем ее влияния на сферу мечтаний. Поскольку об этом эффективно позаботились. Славянская мифология тождественна язычеству, а мы, как твердыня христианства, восприняли Домбровку (Домбровка – Добрава – чешская княжна, христианка, жена короля Мешко I, для которого женитьба на ней была поводом для крещения и христианизации государства в 966 году) от чехов и крест

¹³³ М. Паровский – в то время руководитель отдела польской фантастики. Сейчас – гл. редактор журнала «Новая Фантастика».

¹³⁴ Вернемся к нашим баранам (*фр.*).

от Рима с радостью и удовольствием, и это и есть наш архетип. У нас не было эльфов и Мерлина, до 966 года у нас вообще ничего не было, был хаос, тьма и пустота, мрак, который осветил нам только римский крест. Единственный приходящий на ум архетип – это те зубы, которые Мешко велел выбивать за нарушение поста. Так, впрочем, у нас и осталось до сих пор: терпимость, понимание и милосердие, зиждящиеся на принципе: кто мыслит иначе, пожалуйста, пусть себе мыслит, но зубы ему выбивать надобно обязательно. И вся древнеславянская мифология вылетела из нашей культуры и из наших мечтаний словно зубы, которые мы выплюнули вместе с кровью.

Магия и меч, опирающиеся на польский архетип? Польский архетип волшебника? Магия – это дьяволизм, пользоваться чарами невозможно без отречения от Бога и подписания дьявольского цорографа. Не Мерлин, а Твардовский. А разные там велесы, домовики, вомперы, божеята и стрыгаи – все это божества и фигуры хтонического характера, персонификация Лукавого, Сатаны, Люцифера. Наша Страна Никогда-Никогда? Идущие там бои, борьба Добра со Злом, Порядка с Хаосом? Ведь в польской архетипной стране мечты не было Добра и Зла, там было исключительно одно Зло, к счастью, Мешко I принял христианство и выбил Злу зубы, и с той поры остались уже только Добро и Порядок и Оплот, и что нам после всего этого дьявол Борута? Святой водой его, сукина сына! Ату его!

Наши легенды, мифы, даже предания и сказки, на которых мы воспитывались, были соответствующим образом кастрированы всяческими катехетами, в большинстве своем, вероятно, светскими, ибо такие, как известно, хуже всего. В связи с этим наши предания до чертиков напоминают жития святых – ангелы, молитвы, крест, четки, добродетель и грех – все окрашено изысканным садизмом. Мораль из наших сказок одна: если не прочесть молитву, то дьявол немедля поднимет нас на вилы и в ад! На вечные муки. А Бог, как гласит известный анекдот, присутствует в польских сказках и преданиях повсюду, за исключением чуланчика Ковальского, да и то лишь потому, что у Ковальского чуланчика нет. Поэтому неудивительно, что единственный архетип, который проглядывает из этих сказок, – это архетип церковного притвора (пока что – скажу в скобках). Но не для фэнтези.

Фэнтези – это эскапизм. Это бегство в Страну Мечты. Архетип мы улавливаем также и в том, что знаем, ОТ ЧЕГО бежим. Перемещаясь рядом с Фродо, Арагорном, Гедом, Карраказом или Белгарионом, мы бежим в мир, в котором торжествует Добро, торжествует Дружба, живут Честь и Справедливость, побеждает Любовь. Убегаем в мир, в котором магия, аналог всемогущей, но бездушной техники, не служит, как техника, каждому. Негодяю наравне с праведником. Убегаем в мир, в котором жестокость, нетерпимость, болезненная жажда власти и стремление заменить зеленый Остров Гдетотам в Мордор, в Бесплодную Землю, по которой носятся орды орков, землю, на которой их задерживают, побеждают и карают.

А мы? От чего убегать нам? Не говоря о нестерпимом желании бежать вообще как можно дальше от того, что мы видим вокруг себя? Бездушная технизации еще не коснулась нас так сильно, как американцев. У нас батареи центрального отопления по-прежнему бездушно не греют, поезда бездушно и безобразно опаздывают, из кранов течет холодная и вонючая вода, не сыщешь книжки без типографских опечаток и ошибок, да и «Малюх» (ласковое название микроавтомобиля «польский фиат») не утомит удобствами до такой степени, чтобы мечтать о поездке верхом через лес Броселианд. Соседям из-за межи тоже не чужда эта проблема и ее последствия. Ондржей Нефф, когда его спросили, почему он не создает столь модного сейчас киберпанка, ответил, что не находит в себе стимула пугать соотечественников-чехов жуткими перспективами полной технизации и компьютеризации мира, когда в современной ему Праге, цитирую:

«...человек не может найти исправной телефонной будки».

Ужели мы ищем в фэнтези бегства в приключение, в quest, в солидарность и дружбу героической дружины? Привлекают нас благородство и справедливость героев, непобедимые

атрибуты, противопоставляемые Злу? Мы хотим верить, что в борьбе за справедливость побеждает не бицепс, не кулак и не холодная сталь, а благородство, терпимость и умение прощать? Разве отношение Фродо к побежденному Саруману уместается в категориях какого-либо польского архетипа? Нет, не уместается. Нам ближе и симпатичнее его сиятельства пан Нововейский и Азия Тугай-беевич. И Павлюк, поджаренный в медном воле¹³⁵. Такова наша фэнтези. Рука, нога, мозги на стене. Меч, вонзенный аж по самую рукоять. Вывалившиеся кишки. Негодяй, осужденный на муки и – цитирую: «хлынула кровь и потек костный мозг». Ах, вкусно! Миленькая картинка из сна. Страна нашей мечты.

Кроме крови и костного мозга, нам еще предлагают другие жидкости, продуцируемые организмом. Мужеско-женские соития описываются – я снова воспользуюсь музыкальной терминологией – *fortissimo apassinato*, языком и стилем, воистину достойными энтузиастов-гинекологов со склонностями к извращениям. Ну, что ж, *nihil novi sub Sole* – напоминаю *casus* Джона Нормана и характеристику Стивена Кинга.

Ребячество

Могут спросить: откуда это берется? Интересующихся отсылаю к «Сумасшедшему с факелом» Яцека Инглота. Ведь нашим фантастам приходится конкурировать с покупной заграничной второсортицей, а посему «больше крови и спермы»! А то, что страдает жанр? А фэнтези? Господи, все равно никто понятия не имеет, что это такое. Никто не читал. Ведь даже такие знатоки, как Колодзейчак и Шрейтер, определяют фэнтези как «развлекательное» чтение, вероятно, для того, чтобы отличить от SF, которая, надеюсь, в понимании обоих панов развлечением не является, а потому стоит выше. Фэнтези, согласно утверждают оба пана, есть творчество, поклонники которого жаждут несложных, но зато кровавых фабул. Bravo! *Touche!* Обожаю эти прелестные сцены насилия над девушками у Т. Х. Уайта. Влюблен в кровавую и несложную фабулку «Томаса Ковенанта» или «Туманов Авалона». У меня уши пылают, когда я читаю натуралистическое описание полового акта в исполнении Эовин и Арагорна. Меня возбуждают сцены пыток у Ле Гуин.

Фэнтези в Польше – домена молодых возрастом и стажем. И это, черт побери, видно. Наша фэнтези – нескоординированные и плохо склеенные картинки, от которых несет страстишками к физическому насилию и сексу, причем страстишки эти понимаются инфантильно и инфантильно описаны. Однако поскольку они нацелены на инфантильного же читателя, постольку огребают аплодисменты и популярность. И автор, и читатель мирно уживаются в этой экологической нише в сытом симбиозе.

Кто не верит, пусть посмотрится. Вот авторы, достижения которых на поле классической – либо неклассической – SF интересны, новаторски и во всех смыслах заслуживают внимания, но которые творят запирающие дух в груди «Вареники», стоит их руке коснуться фэнтези. Симптоматично? Конечно, симптоматично. Ибо инкриминированные авторы знают канон SF, они выросли на нем, увлеклись книгами, докапывались в них посланий и глубочайшего смысла. Они знают SF как ТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД. Они знают все оттенки и тонкости жанра, знают, что этот жанр несет в себе чуточку больше, нежели ликующее описание прибывших из глубин космоса Жукоглазых Монстров, жаждущих власти над Землей, нашей крови и наших женщин.

Увы, повторяю, в случае фэнтези отсутствует знание, канона. И метода. Нет МЕТОДА. Остался Кирилл¹³⁶. И Вареник.

¹³⁵ Легенда гласит, что Павлюк (руководитель казачьего восстания на Украине в 1637 году) был выдан полякам своими же товарищами и «проклятые ляхи» зажарили его живьем в медном котле, имевшем форму вола (быка). В действительности же он был по решению суда обезглавлен в Варшаве в 1638 году.

¹³⁶ Здесь автор обыгрывает имена создателей славянской письменности Кирилла и Мефодия. Имя Мефодий латиницей пишется «Metody». *Syryl i Metody*.

И поэтому у нас нет фэнтези, способной конкурировать с Толкином, Ле Гуин, Джеком Вэнсом, Патрицией Маккиллип, Дональдсоном или Эддингсом. А есть этакое, скажем себе, splatter-gore-fuck and puke fantasy («кроваво-трахательно-рвотное фэнтезийное бормотание»). Фэнтези для тех, кому достаточно мечтать о возможности долбануть по башке либо почкам, о том, чтобы насадить на штык либо на кол, мечтать о том, чтобы «войти» в избранницу и дрыгаться на ней всем своим естеством долго и самозабвенно, в то время как упомянутая избранница воеет и стенает от наслаждения и раздирает ему спину коготками. Фэнтези для тех, которым бегство именно в такие, а не в иные мечты позволяет почувствовать себя лучше.

Ну что ж, каждый имеет такое прибежище, какое заслужил.

Берлин, ноябрь 1992 г.

Комментарии

1.

Этот эффектный успех и развившаяся в США толкиномания свершились при сопротивлении автора и его агента, которые не соглашались на популярные карманные издания. Поэтому можно смело утверждать, что расцвет фэнтези осуществился в результате издательского пиратства. Пиратом, кстати сказать, был много сделавший для жанра Дональд А. Воллхейм.

2.

Автор просит прощения, но хотя в данном тексте он то и дело кого-нибудь цитирует, он не станет давать никаких отсылок, поскольку все эти «см. там же» и «цит. опус» нагоняют на него смертную тоску.

3.

Автор понимает, что такие взгляды прямо-таки напрашиваются на то, чтобы с ними полемизировать. Автор просит прощения и одновременно предупреждает, что ни на какую полемику не пойдет, ибо у него нет времени на глупости.

4.

Конечно, «Место начала» тоже фэнтези, как и первая новелла в сборнике «Orsinian Tales», – названия не помню.

5.

Автор сознает, что делает Джону Норману дармовую рекламу, как понимает и то, что все прилавки в Польше немедленно расцветут циклом «Гор». Что делать! *Signum temporis*.

6.

Ну, хорошо, вот перечень, мой личный «Top Tuelwe». После Толкина и Урсулы Ле Гуин идут: Стивен Р. Дональдсон, «Томас Ковенант»; Т. Х. Уайт, «Король в прошлом и король в будущем»; Питер Р. Бигл, «Последний единорог»; Роджер Желязны, «Амбер»; Марион Зиммер Брэдли, «Туманы Авалона»; Джек Вэнс, «Лайонесс»; Танит Ли, «Могила рождения»; Патриция Маккиллип, «Отгадчица загадок из Хэа»; и «Забытые звери Эльда»; Дэвид Эддингс, «Белгариад», и Фриц Лейбер, цикл «Мечи...», то есть Фафхрд и Серый Мышелов. Пардон, Т. Х. Уайт был переведен. Недавно. Одна ласточка не делает весны.